

ЛОРЕЛ
ГАМИЛЬТОН

ХОЛОД СТРАХА

СОБЛАЗНЕННЫЕ
ЛУНОЮ

«Черные завиды»
жанра «черной мистики»!

Мерedit Джентри, бежавшая принцесса темных фейри, стала в нашем мире частным детективом по расследованию паранормальных и магических преступлений.

Но теперь мира нет ни в королевстве фейри, посланцы которого отыскиали Мерedit, ни в мире людском, испытавшем на себе страшную силу нечеловеческого колдовства.

В мире фейри идет безжалостная схватка за трон — и кузен Мерedit, второй в линии наследования, пускает в ход меч и магию, чтобы стать первым — и единственным...

Мерedit может спасти только одно но прежде чем убийцы, подосланные кузенom, отнимут у нее жизнь, она должна стать матерью наследника короны фейри.

Однако наемные убийцы, действующие и в мире волшебном, и в мире людском, намерены не допустить рождения этого наследника. Мерedit вынуждена искать помощи у давнего врага своего народа — царя гоблинов...

Но не слишком ли дорогую цену запросит такой опасный союзник?..

Лорел Гамильтон
Соблазненные луной

Глава 1

Много в Лос-Анджелесе бассейнов, и много народу загорает над их водой, но по-настоящему бессмертных среди этого народа мало — тут ни тренажеры, ни пластическая хирургия не помогут. Вот Дойл был истинно бессмертным, уже больше тысячи лет был. Тысяча лет войн и убийств, интриг и политики — но разве можно такое себе представить, глядя на конфетного красавчика, беззаботно раскинувшегося в плавках-стрингах на краю бассейна голливудской знаменитости? Солнце играло на ярко-голубой воде бассейна, в неровном танце дробилось на теле Дойла — словно невидимая рука разбила свет на множество тоненьких лучиков, и на поверхность темной кожи выплыли цвета и краски, которых я в ней и не подозревала.

Дойл вообще-то черный, но не так, как это обычно для людей, скорее — как бывают черны собаки. Но только сейчас, глядя на игру света на его коже, я поняла, что все время была слепа. Кожа отливала синевой: полночно-синий отсвет на мускулистом закруглении икр, ярко-синий блик, словно касание неба, — на плечах и спине. Фиолетовый отблеск, на зависть самому темному аметисту, огибал бедро. И как я могла думать, что Дойл — всего лишь черный? Он — чудо из света и скрытых красок, перетекающих и танцующих с каждым движением мышц, отполированных в войнах, гремевших за столетия до моего рождения.

Черная коса спустилась по шезлонгу, упала вниз и свернулась кольцом, как затаившаяся змея. Волосы Дойла — единственное, что у него по-настоящему черное. Никакой игры красок, только блеск, как у черного агата. Казалось бы, все должно быть наоборот: это волосы должны отливать разными цветами, а не кожа, но вот с Дойлом все обстояло именно так.

Дойл лежал на животе, лица мне не было видно. Он притворялся спящим, но я знала, что он не спит. Он ждет. Ждет, когда над нами пролетит вертолет. Вертолет, который привезет репортеров, людей с камерами. Мы заключили с этим дьяволом сделку: пресса дает нам определенный простор для личной жизни, а мы время от времени, по предварительной договоренности, подкидываем журналистам что-нибудь горяченькое. Я — принцесса Мередит Ник-Эссус, наследница Неблагого Двора фейри, и когда я после трехлетнего отсутствия всплыла на поверхность в Лос-Анджелесе, штат Калифорния, это стало сенсацией. Люди думали, что я умерла. И вдруг я, живая и здоровая, обнаружилась прямо в сердце одной из крупнейших империй масс-медиа на планете. А потом я совершила нечто, что еще лучше подходило для газетных заголовков.

Я объявила, что ищу мужа.

Единственная принцесса фейри, рожденная на американской земле, ищет мужа. Я — фейри, более того: я из сидхе, аристократии фейри, а потому могу выйти замуж, только забеременев. Фейри не слишком плодовиты, а благородные сидхе — и того менее. Моя тетушка, Королева Воздуха и Тьмы, не допустила бы бесплодного брака. Вряд ли я могла бы за это ее осудить, ведь мы, похоже, вымираем. Но таблоиды каким-то образом пронюхали, что я не просто принимаю ухаживания моих стражей, но что я с ними сплю. Кто подарит мне ребенка, получит мою руку. Станет моим мужем и королем.

Таблоиды узнали даже, что королева устроила гонки на приз между мной и моим кузенком, принцем Келом: трон получит тот из нас, кто первым обзаведется ребенком. Тут-то пресса и набросилась на нас, как стая оголодавших каннибалов. Некрасивое было зрелище.

Очень некрасивое.

Чего таблоиды не знали, так это что Кел уже не раз покушался на мою жизнь. Еще они не знали, что в наказание королева отправила его в темницу. В темницу и на пытки — на полгода. Бессмертие и способность исцеляться чуть не до бесконечности имеют свою обратную сторону: пытка может продолжаться долго... Очень долго.

Когда Кел выйдет на свободу, он снова сможет включиться в гонку — если только я к тому времени не забеременею. До сих пор мне это не удалось, и не потому, что я плохо старалась.

Дойл был одним из пяти телохранителей, личных телохранителей королевы, которые вызвались — или которым велели вызваться — стать моими любовниками. Королева Андаис когда-то завела правило: семя ее стражей — только ей и никому больше. Дойл веками хранил целомудрие. Вот вам еще один недостаток бессмертия — при неудачном раскладе.

Мы выбрали один из самых назойливых "желтых" листков и организовали визит репортеров. Дойл ворчал, что так мы поощряем дурное поведение; королева желала, чтобы мы создавали в прессе положительный образ. Неблагодой Двор сидхе имел не самую лучшую репутацию. Может, и заслуженно, но я провела не сказать чтобы мало времени при Благодой Дворе, при сияющем и солнечном дворе, который журналисты считают таким прекрасным и радостным. Король Благодой Двора Таранис, Король Света и Иллюзий, — мой дядюшка. Наследовать не могу. Мне хватило дурного вкуса оказаться дочерью чистокровного неблагодой сидхе, а такого преступления сиятельное сборище не прощает. Никакое наказание, никакая пытка не смыли бы с меня этот грех.

Пусть говорят, что Благодой Двор прекрасен — я-то знаю, что моя кровь на белом мраморе точно такая же алая, как на черном. Прекрасные обитатели Благодой Двора очень понятно объяснили мне еще в самом нежном возрасте, что я никогда не стану для них своей. Я слишком маленького роста, слишком похожа на человека, а самое ужасное — слишком похожа на неблагую.

Кожа у меня настолько же белая, насколько у Дойла — черная. Кожа белая, как лунный свет, считается красивой при любом дворе, но во мне едва наберется пять футов роста. Таких низеньких сидхе не бывает. Мои округлости вполне заметны, и для сидхе моя фигура слишком аппетитна — видимо, это гадкая людская кровь виновата. Глаза у меня трехцветные — золотое кольцо и два кольца разных оттенков зеленого. Глаза Благодой Двору подошли бы, но вот волосы — никак. Они кроваво-красные, *сидхе скарлет*, если вы попросите изобразить на вашей голове такой цвет в дорогом парикмахерском салоне. Это не каштановый и не обычный рыжий. Цвет такой, словно в волосы вплели драгоценные камни — яркие красные гранаты. Сияющее сборище называет этот цвет «неблагодой красный». У благих красные волосы тоже бывают, но они ближе к человеческим рыжим: оранжевые, золотистые, каштановые или чисто-красные, но и близко не такие темные, как у меня.

Моя мать изо всех сил старалась убедить меня, что я — не такая, как нужно. Недостаточно красива, недостаточно приятна, недостаточно... да что угодно "недостаточно". Мы не слишком много общаемся. Мой отец погиб, когда я была подростком, и вряд ли был день, когда бы я не жалела о его смерти. Он объяснил мне, что я — как надо. Красива — как надо, ростом — как надо, силой — как надо... да что угодно — "как надо".

Дойл поднял голову, продемонстрировав узкие солнечные очки, полностью скрывавшие черные глаза. Сверкнули серебряные сережки, обрамлявшие его уши от мочек до заостренных верхушек. Уши — единственное, что выдавало смешанное происхождение

Дойла. Вопреки популярным книжкам и мнению всех этих подражателей эльфам с ушными имплантатами у настоящих сидхе уши не острые. Дойл мог бы прикрыть уши и сойти за чистокровного сидхе, но он почти всегда зачесывал волосы назад, выставляя свой недостаток на всеобщее обозрение. Наверное, и сережки нужны были для того, чтобы сей дефект не ускользнул от внимания наблюдателя.

— Вертолет. Куда делся Рис?

Я никакого шума еще не слышала, но я научилась доверять Дойлу: если он говорит, что слышит, значит, слышит. Слух у него лучше человеческого и лучше, чем у большинства прочих стражей. Наверное, наследие его темных предков.

Я села и оглянулась на стеклянную стену дома, хотела позвать Риса, но он уже возник в проеме скользящих в стороны стеклянных дверей. У Риса кожа лунно-белая, как и у меня, но на этом сходство заканчивается. Грива белоснежных, вьющихся мелкими кудрями волос спадает ему до пояса, обрамляя мальчишески-красивое лицо, которому суждено быть мальчишеским вечно. Единственный глаз сияет тремя цветами: голубым, васильковым и цветом зимнего неба. Второго глаза Рис лишился очень давно. Порой он носит повязку, прикрывающую шрамы, но с тех пор как понял, что меня его шрамы не смущают, он редко дает себе труд ее надевать. Шрамы покрывают щеку, но до полных притягательных губ не доходят. Таких красивых губ я больше ни у кого видела. Рис всего пяти с половиной футов роста — самый маленький чистокровный сидхе из всех, кого я знаю. Но каждый дюйм его тела — сплошные мускулы. Видимо, он стремился наверстать недостаток роста избытком физической формы. У всех стражей мускулатура развита прекрасно, но Рис — один из немногих, кто похож на культуриста. И только у него одного мышцы брюшного пресса выступают "кирпичиками". Перед упомянутым прессом и немного ниже страж держал стопку полотенец, за которыми и пошел в дом, и только когда он бросил их на мой шезлонг, я увидела, что его плавки остались в доме.

— Рис! Ты в своем уме?

Он ухмыльнулся:

— Плавки такого размера — это самообман. Это людской способ оставаться нагим, не обнажаясь полностью. Я уж лучше буду просто голым.

— Если кто-то из нас будет совершенно голым, они не смогут опубликовать снимки, — сказал Дойл.

— Задницу они вполне могут печатать хоть на первой полосе, а фасад я им не покажу.

Я посмотрела на него с внезапным подозрением:

— И как ты собираешься это устроить?

Он расхохотался, запрокинув голову и широко открыв рот, с такой искренней радостью, что даже день просветлел.

— Спрячу в твоём роскошном теле.

— Нет, — отрезал Дойл.

— А как вы собираетесь обеспечить им достойное зрелище? — спросил Рис, уперев руки в боки. Нагота его совершенно не смущала. Язык его тела не менялся, что бы на нем ни было надето — или не было надето. А Дойла нам два дня пришлось уговаривать надеть стринги. Он никогда не разделял привычку двора к наготы.

Дойл встал, и мне пришлось признать, что Рис прав — настолько точно цвет крошечного лоскутка ткани совпадал с тоном кожи стража. Если не знать, как великолепен обнаженный Дойл, можно было подумать, что на нем ничего не надето. Со спины он и вовсе

казался почти таким же голым, как Рис.

— Я — в этом, — процедил Дойл, — и это на публике.

— Миленко, — ухмыльнулся Рис, — но если мы хотим, чтобы репортеры перестали подкрадываться со своей техникой к окнам спальни, нам надо играть честно. Мы должны обеспечить им зрелище. — С этими словами он развел руки в стороны и повернулся ко мне спиной, предоставляя полный обзор. Без плавок, которые нарушали бы чистые линии его фигуры, вид был явно лучше. Задница у него была великолепная, не то что у большинства культуристов. В погоне за мускулами многие избавляются от жира до последней капли, так что тело совершенно утрачивает округлость. Мускулы надо слегка прикрывать, сглаживая очертания, или они выглядят просто некрасиво.

Я тоже расслышала вертолет.

— У нас нет времени, джентльмены. Не хочу, чтобы фотографы опять разбили лагерь в теньке под забором.

Рис бросил на меня взгляд через плечо.

— Если мы не дадим первому из бульварных листков то, что им нужно, они оповестят всех, что их надули, и снова полезут на стены. — Он невесело вздохнул. — Лучше пусть моей задницей полюбуется вся страна, чем еще один репортер сломает руку, сверзившись с нашей крыши.

— Согласна, — сказала я.

Дойл глубоко вдохнул через нос и медленно выдохнул через рот.

— Согласен.

Свое недовольство он выразил всем телом. Если Дойл не сумеет играть лучше, чем сейчас, его нужно будет освободить от участия в будущих фотосессиях.

Рис подошел к моему шезлонгу и встал на него на четвереньки, руками упершись в подлокотники. Судя по широченной ухмылке, он сумел примириться с положением дел и даже найти в нем определенные плюсы. Может, он и предпочел бы сбить подлетающий вертолет ко всем чертям, но раз уж нам приходилось играть по чужим правилам — он постарался превратить это в развлечение.

Я невольно пробежала взглядом по его телу, просто не могла справиться с собой. Не могла не посмотреть на него, нависающего надо мной так близко, что можно дотронуться, так близко, что можно... Очень многое можно. Голос у меня слегка подрагивал, когда я спросила:

— У тебя есть план?

— Я думал, мы изобразим для них кое-что.

— А мне ты какую роль отвел? — поинтересовался Дойл. Голос отразил его отвращение ко всей этой ситуации. Ему очень нравилось быть моим любовником, его привлекала возможность стать королем, но внимания публики и всего, что с этим было связано, он терпеть не мог.

— Для тебя места тоже хватит.

Вертолет был уже близко; наверное, только высокие эвкалипты по границе усадьбы скрывали его из виду. Дойл сверкнул улыбкой, внезапной и яркой на его темном лице, будто молния. Он скользнул вперед с грацией и скоростью, которым мне всегда оставалось только завидовать, и оказался на коленях у моего плеча.

— Если так, то я предпочту пить сладость твоих губ.

Рис коротко лизнул мой голый живот, и я вздрогнула и хихикнула. Он чуть приподнял

голову и сказал:

— Бывает и другая сладость, ничуть не хуже.

Во взгляде, в выражении лица светились жар и знание, от которых у меня вырвался нервный смешок, а пульс пустился вскачь.

Дойл провел губами по моему плечу. Я взглянула на него и увидела то же темное знание в его глазах. Знание, рожденное ночами и днями, где были только обнаженная кожа, и взмокшие тела, и сбившиеся простыни, и наслаждение.

— Ты все же решил играть. Почему ты передумал? — спросила я слегка дрожащим голосом.

Он шепнул мне прямо в щеку, и от его горячего дыхания я снова вздрогнула:

— Это необходимое зло, и если тебе приходится выставлять себя на всеобщее обозрение, я не могу тебя бросить в беде. — Вновь его лицо озарила та же мимолетная улыбка, что делала его моложе — делала совсем другим. Еще месяц назад я не знала, что Дойл умеет так улыбаться. — Да и разве можно оставить тебя Рису? Только Богиня знает, что он натворит, если дать ему волю.

Рис провел пальцами по краю моих плавок.

— Такой крошечный клочок ткани... Если мы постараемся, они его не разглядят.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурилась я.

Он наклонился ниже, почти прикоснувшись лицом к этому крошечному лоскутку, руки скользнули по моим полусогнутым ногам и сомкнулись на бедрах, полностью закрыв ярко-красную ткань плавок-бикини. Голову страж наклонил, и белые кудри рассыпались, занавесом скрыв нижнюю часть моего тела.

Я не успела даже слова сказать, ничего вообще сообразить не успела, как между деревьями показался вертолет, и нас увидели. Прелестная картина. Рис, зарывшийся лицом мне в пах, ноги согнуты в коленках, пятки в восторге молотят по заду, как у ребенка, дорвавшегося до кулька со сладостями.

Я думала, что Дойл наорет на него, но тут глава моих телохранителей уткнулся лицом мне в шею, и я поняла, что он смеется. Плечи у него дрожали от попыток не расхохотаться в голос. Потом Дойл позволил мне откинуться на шезлонг: он все еще хихикал, но уже мог скрыть это от камер без моей помощи.

Я тоже не удержалась от улыбки и порадовалась, что на мне солнечные очки. Улыбка перешла в смех, когда вертолет начал выписывать круги над нами так низко, что по воде побежали волны, а волосы Риса разметало по всему моему телу. Мои собственные волосы под искусственным ветром взметнулись, будто языки пламени.

Теперь я смеялась неудержимо, и груди подпрыгивали в такт.

Рис лизнул внизу живота, и даже сквозь ткань это заставило меня задохнуться на миг, смех стал тише. Он поднял на меня глаз, и взгляд сказал достаточно: он не хотел, чтобы я смеялась. Рис осторожно укусил меня сквозь ткань. Я вздрогнула всем телом, спина выгнулась, голова запрокинулась и рот открылся в судорожном вдохе.

Дойл сжал мне плечи, слегка приведя в чувство. Я дрожала, и сфокусировать зрение было трудно.

— Полагаю, для одного раза зрелищ хватит. — Он накрыл мне живот одним полотенцем и протянул Рису второе.

Рис смерил его взглядом, и я видела, что он раздумывает, не пуститься ли в спор. Но все же Рис поднялся, постепенно расправляя полотенце, так что мое бикини ни разу не

мелькнуло перед объективами. Я вообще-то ожидала, что в конце он разоблачит нашу шутку, но он не захотел. Он очень тщательно укутал меня полотенцем, пока вертолет нарезал над нами круги и ветер от лопастей винта развеивал наши волосы. Стоя на коленях, Рис был отчетливо виден, и я подумала: станут журналисты дипломатично затемнять фотографии в стратегических местах, или попросту продадут снимки европейским газетам?

Когда я была надежно укрыта от колен до самого верха купальника, Рис подхватил меня на руки.

Мне пришлось перекрикивать ветер и шум двигателя:

— Я могу идти сама!

— Я хочу тебя нести.

Он сказал это так серьезно, а мне, в сущности, ничего не стоило разрешить ему это сделать. Я кивнула.

Рис понес меня к дому, Дойл шел чуть позади и сбоку от нас. Позади — как хороший телохранитель, но сбоку — чтобы не закрывать обзор камерам.

У своего шезлонга он остановился и прихватил еще одно полотенце, потом с привычной текучей грацией направился к дому. Я заметила блеск пистолета под тем полотенцем. Люди в кружащем над нами вертолете не узнают, что кто-то из нас был вооружен. А еще они не узнают, что прямо за дверью, скрытый шторами, нас ждал Холод. Полностью одетый и до зубов вооруженный. Подозреваю, что приставания прессы не слишком меня донимали уже потому, что я считала удачным каждый день, когда меня не пытались убить. Если таков критерий для определения хорошего дня, то что значат один-два вертолета и сколько-то десятков скабрзных фотографий?

Не очень много.

Холод злыми серыми глазами следил, как Рис нес меня в дом. Холод единственный был против договора с прессой. Он согласился охранять нас, пока мы занимаемся ерундой, но принимать в ней участие отказался наотрез. Не станет он так ронять свое достоинство.

Холод был прекрасен в своем гневе, но он всегда был прекрасен. По воле Богини он просто не мог выглядеть иначе. Безупречные линии его лица, совершенный очерк скул заставили бы пластических хирургов рыдать от зависти. Белоснежная кожа, волосы словно мерцающий под лунным светом иней, широкие плечи, тонкая талия, узкие бедра, длинные руки и ноги. В одежде он был красив, без одежды — красив так, что дух захватывало.

Надувшись, как обиженный ребенок, он смотрел, как мы идем по холодным плиткам пола. Холод был самым капризным из стражей. Мгновенно злился, с трудом успокаивался и долго дулся. Капризный — вроде бы не то слово, которое можно применить к воину, охранявшему жизнь королевы больше тысячи лет, но это верное слово. Сейчас у него опять был надутый вид, и мне это начинало надоедать. Холод — изумительный любовник и великолепный воин, но разгребаться с его комплексами приходилось чуть ли не целыми днями. Временами я думала, что не нанималась на должность его психоаналитика.

— Царь гоблинов вызывал вас по зеркалу, — оповестил нас Холод тоном таким же мрачным, как его взгляд.

— Когда? — спросил Дойл.

— Он еще говорит с Китто.

Дойл направился к спальне, но остановился и оглядел свой костюм — если его можно так назвать. Потом тяжело вздохнул и пошлепал дальше босыми ногами по плиткам, бросив через плечо:

— Если б так была одета Мередит, это принесло бы нам кое-какие выгоды, но мужские тела Курага не привлекают.

— Ошибаешься, — ядовито бросил Рис, и резкость этого замечания заставила меня повернуться и посмотреть ему в лицо. Он еще держал меня на руках, так что мое короткое движение получилось довольно интимным. — Гоблины никогда не возражают против благородного куска мяса.

Дойл приостановился и нахмурился, глядя на Риса.

— Я не о еде говорил.

— Я тоже, — буркнул Рис.

Тут Дойл замер на месте, босые ноги казались очень темными на бело-голубых плитках.

— Что ты имеешь в виду, Рис?

— Что многим гоблинам никогда не случалось отведать наслаждения плотью сидхе и что среди них хватает тех, кого вопросы пола не волнуют. — Он потерся щекой о мое плечо в поисках утешения.

— Кураг... — начал фразу Холод, но остановился на полуслове. Злость на Риса ли, на репортеров или на что-то еще — не знаю, на что, — исчезла. Лицо отразило оскорбленное бешенство, которое, наверное, испытывали они все.

Я погладила Риса по волосам, таким мягким, прижалась к нему покрепче. Провела пальцами по шее и плечу. Фейри успокаиваются, прикасаясь друг к другу. Наверное, люди поступали бы так же, если бы в их культуре прикосновения не были так тесно связаны с

сексом. У нас прикосновения тоже могут вести к сексу, но сейчас я просто хотела обнять Риса покрепче и стереть боль с его лица.

Дойл сделал несколько шагов назад, к нам, положив руку на стройное бедро.

— Кураг... насильовал тебя?

Рис поднял голову, оторвавшись от моего плеча.

— Он ко мне не прикасался. Но смотрел. Он сидел на своем троне и что-то жевал, как на шоу в ночном клубе.

— Нам всем приходилось быть зрителями на таких же представлениях при нашем дворе, Рис. И хоть вслух об этом не говорят, но сколько наших товарищей по гвардии соглашались развлекаться друг с другом на глазах у королевы, лишь бы она освободила их от целибата хоть на час?

— Я в этом не участвовал. — Руки Риса судорожно сжались, пальцы больно впились в меня.

— Как и я, — сказал Дойл, — но я не стану осуждать тех, кто участвовал.

— Рис, ты делаешь мне больно, — тихо сказала я.

Он опустил меня наземь, медленно, осторожно, словно не вполне доверяя себе.

— Одно дело, когда это твой выбор. И другое — когда ты связан и... — Он помотал головой.

Я выпустила полотенце из рук и тронула Риса за плечо.

— Изнасилование — всегда отвратительно, Рис.

Он улыбнулся так горько, что я прильнула к нему крепко-крепко — чтобы утешить его, а еще — чтобы не видеть этого выражения на его лице.

— Не все стражи согласились бы с тобой, Мерри. Ты слишком молода, чтобы помнить, как мы вели себя в войнах.

Я льнула к нему, стараясь доставить ему хоть немножко радости своим прикосновением. Я не хотела знать, что у кого-то из моих стражей есть на совести что-то столь мерзкое. Нет, не в том дело. Я не хотела знать, что у кого-то из мужчин, с которыми я сплю, есть на совести что-то столь мерзкое. Тут мне на память пришла беседа, свидетелем которой я стала пару месяцев назад.

Я отстранилась, чтобы взглянуть в лицо Рису.

— Я помню тот ваш диалог, Рис. Ты сказал, что никогда не прикасался к женщине, которая не желала бы твоих ласк. Дойл возразил: еще бы, ведь стражам королевы запрещено прикасаться к кому-либо, кроме нее самой, и это распространяется и на изнасилование. Стоило тебе переспать с любой женщиной, и это значило бы смерть под пытками для тебя и для той женщины.

Рис стал еще бледнее, чем обычно.

Паузу нарушил Холод:

— Не все воины Неблагого Двора входят в число королевских Воронов.

Я повернулась к нему:

— Я знаю...

Мне показалось, что я чего-то недопонимаю. Я шагнула в сторону от Риса, чтобы видеть одновременно всех троих стражей.

— Что я упускаю?

— Что все, в чем Рис обвинил гоблинов, случалось делать и сидхе Неблагого Двора, — сказал Дойл. Он качнул головой. — Надо пойти поговорить с Курагом. — Кажется, он хотел

что-то добавить, но передумал, повернулся и направился к коридору, ведущему в анфиладу спален.

Я посмотрела на оставшихся мужчин. Ощущение, что они слишком резко прекратили разговор, как будто подойдя к обсуждению секретов, которые не хотели бы выдать даже под угрозой смерти, не исчезало. Сидхе любят тайны, но я — их принцесса, а когда-нибудь, возможно, стану королевой. То, что у них есть тайны от меня, казалось неправильным.

Я вздохнула, и даже для меня самой вздох прозвучал раздраженно.

— Рис, я уже говорила тебе, что по правилам гоблинов ты не сможешь избежать сексуального контакта, но они позволяют "жертве" ставить ограничения. Они могут потребовать соития, но ты вправе диктовать, сколько вреда они могут тебе причинить.

— Знаю, знаю, — отмахнулся он, отводя взгляд и начиная бегать по комнате. — Ты мне сообщила уже, что, знай я больше об их культуре, я не лишился бы глаза. — Он посмотрел на меня с новой злостью, и теперь злость была направлена на меня.

Но злиться на меня у него права не было. Рис совершенно адекватен во всех вопросах, кроме одного — гоблинов. А гоблины — мои союзники еще на два месяца. Еще два месяца в случае, если Неблагодой Двор вяжется в войну, помощи гоблинов нужно будет просить у меня, не у королевы Андаис. И даже больше — на этот срок мои враги становятся врагами гоблинов. Я надеялась, Дойл надеялся, Холод надеялся и, о черт, даже Рис надеялся, что этот союз сведет к минимуму риск новых покушений на мою жизнь.

Я начала уже добиваться продления этого союза. Мы нуждались в гоблинах. Они были нам почти необходимы. Но всякий раз, когда я думала, что Рис преодолел свои комплексы на их счет, я обманывалась.

— В одном ты прав, Рис. Гоблины не считают однополый секс чем-то дурным или постыдным. Нравится это тебе — ну и прекрасно. Кроме того, они много чаще бывают латентно бисексуальными, чем сидхе. Если им представляется шанс испытать новое удовольствие или такое, которое может больше не повториться, — они этот шанс не упускают.

Рис бросился к стеклянной стене, выходящей на бассейн. Мне достался прелестный вид на его спину, но руки Рис скрестил на груди, а плечи сгорбил от злости и напряжения.

— Но точно так же, как с условиями по поводу повреждений, ты можешь поставить условием определенный пол партнеров. Даже среди гоблинов есть такие, кто слишком гетеросексуален, чтобы интересоваться необычными возможностями. Ты мог выставить такое условие, и никто мужского пола не притронулся бы к тебе.

Холод дернулся, словно хотел подойти к Рису. Меня он одарил не вполне добрым взглядом.

Голос Риса снова привлек к нему наше внимание.

— Тебе доставляет удовольствие напоминать мне, что худший из моих кошмаров — моя собственная заслуга? Что не будь я заносчивым сидхе, не потрудившимся узнать хоть что-то о живущем рядом народе, то знал бы о своих правах у гоблинов. О том, что даже отданный на пытку имеет права. — Он повернулся к нам: ярость зажгла светом его единственный глаз. Кольцо небесно-голубого, еще одно — цвета зимнего неба, и третье, ярчайше-васильковое, вокруг зрачка просто горели. Краски буквально светились яростью, а под кожей у него уже заструился молочный свет. Ярость пробудила его магию.

Когда-то я пугалась Риса в таком состоянии, но слишком уж часто он приходил в ярость. Зрелище стало привычным. Обиды Холода и гнев Риса были просто частью их

личностей. Приходилось принимать их как данность.

Вот если бы Рис вспыхнул вдруг бледным светилом — я бы встревожилась. А нынешняя маленькая демонстрация не значила ничего.

— Ты все так же заносчив, Рис. Ты ведешь себя так, словно гоблины совершили с тобой такое, чего никогда не могло бы случиться при Высших Дворах сидхе. Но если бы Королева Воздуха и Тьмы повелела или Король Света и Иллюзий выразил такое желание — это было бы сделано. А у сидхе вообще нет ни законов, ни правил, защищающих жертв пытки. Тебя пытаются, и все. Может, гоблины пытаются, насилуют и калечат чаще, чем сидхе, зато у них больше законов, защищающих жертву. Захотели бы тебя трахнуть сидхе — и они сделали бы это так, как им заблагорассудится. Так скажи мне, Рис, какая раса более цивилизована?

— Нельзя сравнивать сидхе и гоблинов, — заявил Холод с высокомерием, присущим далеко не одному сидхе. Подозреваю, когда принадлежишь к правящему классу несколько тысячелетий, забываешь, каково приходится тем, кем правят.

— Ты же не хочешь сказать, что гоблинские порядки лучше, чем наши? — оторопело спросил Рис; удивление в его голосе возобладало над злостью.

— Я так не говорила.

— А что ты сказала?

— Я сказала, что мнение сидхе о том, что с ними ничто и никто не сравнится, не соответствует действительности. Мой отец говорил, что гоблины — это пехота армий сидхе. Что не будь гоблины нашими союзниками, благие уничтожили бы Неблагодой Двор столетия назад.

— Не забывай о слуа, — возразил Рис.

Слуа были кошмаром Неблагодой Двора. Самыми жуткими, самыми чудовищными из нас. Их боялись все фейри, и сидхе в том числе. Они были неблагодой версией Дикой Охоты, и не было места, где от них спрятаться, куда убежать. Иногда — очень редко — погоня могла растянуться на годы, но слуа никогда не прекращали охоту, если только Королева Воздуха и Тьмы не приказывала ее прекратить. Слуа были самым устрашающим оружием в арсенале королевы. Говорили, что даже король Таранис вздрагивает от шума крыльев в темноте.

— Да, и слуа, которых сидхе предпочли бы не считать даже принадлежащими к роду фейри, не то что признать, что кое у кого из нас в жилах течет их кровь.

— Мы этим тварям не родственники, — оскорбился Холод.

— Их царь Шолто — наполовину сидхе, Холод. Ты его отлично знаешь. Его мать — неблагодой сидхе.

— Ну, только он. И больше никто.

Я покачала головой.

— Слуа — это Неблагодой Двор даже в большей степени, чем сами сидхе. Одна из самых сильных наших сторон в том, что мы принимаем всех. Благодой Двор отвергает тех, кто для них недостаточно хорош, и тем укрепляет Неблагодой Двор. Мы принимаем всех фейри, кто им не подошел. Именно этим мы от них отличаемся — в лучшую сторону, как я считаю.

— Что ты пытаешься нам объяснить? — спросил Рис не столько раздосадованно, сколько озадаченно.

— Кураг похож на школьного задиру. Он задирает тебя только потому, что ты радуешь его своей реакцией. Если бы ты не подавал виду, как все это тебя задевает, игра скоро бы ему надоела.

Рис крепче обхватил себя руками.

— Для меня это не игра.

— А для него — игра. Замечательно, что ты настолько справился со своими чувствами, что можешь присутствовать при моих разговорах с гоблинами, но, честно говоря, я так много думаю о твоих переживаниях, что не могу как следует сосредоточиться на деле.

— Прекрасно! — воскликнул он. — Значит, я с тобой не пойду. Видит Консорт, я буду счастлив не смотреть на его уродливую рожу.

— Если тебя нет, Кураг все время спрашивает о тебе. То и дело интересуется: "А где же мой красавчик-страж? Бледненький такой..."

— Вы мне не говорили...

Я пожала плечами:

— Ну так теперь говорю.

— Почему ты не сказала мне раньше?

— Дойл сказал, что это тебя только расстроит, а что-то изменить ты не в силах. — Я шагнула к Рису, положила ладонь на его скрещенные руки. — Я с ним не согласна. Я думаю, что ты сильнее, чем считает Дойл. Я думаю, что ты можешь преодолеть эту боль и помочь мне повернуть все в нашу пользу.

— Как? — подозрительно спросил Рис.

Я отняла руку.

— Впрочем, не важно. Забудь. — Я повернулась к коридору.

— Подожди, Мерри. Я серьезно. Как я могу помочь тебе сторговаться с... ним?

— Дойл прав: если я случайно уроню какую-нибудь деталь моего купальника, это здорово облегчит переговоры. Кураг — жуткий бабник.

Рис пожал плечами.

— А я чем могу помочь?

— Надень халат и сверкни своим роскошным телом, если он заупрямится. Если ты сумеешь не реагировать на его слова, что бы он ни говорил, твое присутствие его отвлечет. Не по сексуальным мотивам, а просто потому, что всем гоблинам нравится вкус мяса сидхе. Самое худшее в мире между нами и гоблинами, по их мнению, — это что они больше не могут нас есть.

— Ты требуешь слишком многого, — сказал Холод.

Я посмотрела в его красивое высокомерное лицо и опять покачала головой:

— От тебя я ничего не требую, Холод.

— Как ты можешь требовать, чтобы Рис сидел и позволял гоблину думать о себе как о еде? Мы ложимся под гоблинов!

— Чтобы Кураг согласился продлить союз, я лягу под десяток гоблинов — буквально. — Мне надоело быть вежливой. Сколько можно слушать, как им не нравится мой план?..

Лицо Холода выразило все испытываемое им отвращение.

— Оскорбительна сама мысль о том, что кто-то из женщин-сидхе отдастся гоблинам. Мысль о принцессе крови и будущей королеве, возлежащей с ними, переходит все пределы. Даже королева Андаис никогда не опускалась так низко, чтобы приобрести расположение гоблинов.

— Китто наполовину гоблин и наполовину сидхе, и к добру это или к худу, но я привела его в силу, в силу настоящего сидхе, через секс. Никто не ожидал, что полукровка-гоблин может стать настоящим сидхе.

— Их кровь недостаточно чиста, — не унимался Холод.

— Пусть мне это не по вкусу, — вмешался Рис, — но магия Китто — это магия нашей крови. Я видел, как он сияет ею. — Он вдруг показался усталым. — О Китто не подумай, что он и наполовину гоблин. Он много лучше.

— Мерри, — сказал Холод, приближаясь ко мне. — Пожалуйста, Мерри, не делай этого. Не обещай привести в силу новых полукровок-гоблинов. Ты их не видела. Мало кто из них так симпатичен, как Китто. Большинство гораздо больше походят на гоблинов, чем на сидхе.

— Я знаю.

— Как тогда ты можешь на это соглашаться?

— Во-первых, я хочу продлить наш союз почти любой ценой. Во-вторых, сидхе веками вымирают, а если Китто смог стать полноценным сидхе, то и другие полукровки, возможно, сумеют пополнить наши ряды. А значит, Неблагодой Двор станет сильнее, может быть, чем когда-либо был.

— Королева в восторге от того, что Мерри инициировала Китто, — напомнил Рис. — Она желает, чтобы Мерри испытала в постели других полукровок.

— А что, если Мерри забеременеет от одного из них? — поинтересовался Холод. — Сидхе не примут полукровку-гоблина в качестве короля.

— Об этом я стану думать, когда забеременею. Я делю постель с вами уже четыре месяца, а беременности нет. Мне стоит беспокоиться о том, как бы не опоздать в этой гонке. А беспокоиться о том, кто сядет рядом со мной на трон, я буду после.

— Сидхе не примут короля-гоблина, — заявил он, словно ставя точку в разговоре.

— Мне этот план нравится не больше, чем Холоду, — сказал Рис, — но не мою лилейную задницу выставляют на торги.

Он глубоко вздохнул, словно попытался заполнить воздухом все тело от макушки до пяток. А потом сказал таким ровным голосом, что эмоций в нем вообще не осталось:

— Если ты соглашаешься с ними спать, то я уж как-нибудь могу показаться голым их царю.

— Рис! — Единственное короткое слово полностью выразило шок, испытанный Холодом.

Рис ответил ему пристальным взглядом.

— Нет, Холод. Довольно. Мерри права. — Он посмотрел на меня, и на губах мелькнула тень его привычной ухмылки. — И сильно Кураг отвлечется, увидев меня почти голым?

— Примерно так. — Я провела руками по грудям, едва помещавшимся в лифе красного купальника. Потом руки скользнули ниже, по грудной клетке, по талии, охватили бедра. Голодный взгляд Риса неотрывно следовал за моими руками. Совершенно нагой страж не мог скрыть, как подействовало на него мое шоу.

Он был из тех мужчин, что кажутся маленькими, пока не возбудятся, а потом вдруг обнаруживается, что ничего маленького в них нет. Смешок Риса заставил меня оторваться от созерцания.

— Благодарение Консарту, как же мне нравится такой взгляд у женщины!

Люди краснеют, если их ловят на том, что они на кого-то глазают, но у меня на щеках не было румянца, когда я подняла глаза навстречу смеху Риса. Если б я не засмотрелась на его изумительное тело, это было бы понято так, что оно не стоит внимания. Весь жар, который вспыхнул бы на щеках, будь я чуть более человеком и чуть менее фейри, отразился в моих глазах. Этот жар заставил стража посерьезнеть, трехцветный глаз зажегся ответным жаром.

Ему пришлось откашляться, прежде чем сказать:

— Настолько отвлечется, значит. Ну-ну... — По его лицу пробежала улыбка. — Так, значит, твои булочки и моя задница?

Я невольно рассмеялась.

— Можно и так сказать.

Он шагнул ко мне, посмотрев так, что взгляд показался едва ли не более интимным, чем прикосновение. От этого взгляда кожа у меня мягко засветилась, словно под нею взошла луна. Волоски на теле встали дыбом, дыхание перехватило. И все от одного взгляда.

Я пыталась прийти в себя, когда он улыбнулся:

— Видеть, как твое тело реагирует на мой взгляд... — Он удовлетворенно вздохнул. — Я бы вышел к тысяче глазающих гоблинов, лишь бы смотреть на игру света у тебя под кожей.

Мой голос подрагивал, точно как у ранней Мэрилин Монро, но я ничего не могла с этим поделать.

— Почему только ты можешь сотворить со мной такое одним взглядом?

Улыбка Риса превратилась в широченную ухмылку, взгляд метнулся к Холоду, угрюмо наблюдавшему за нами.

— Я мог бы сказать: потому, что я лучший любовник, какой у тебя был. — Он выставил ладонь навстречу подавшемуся вперед Холоду. — Но не хочу рисковать вызовом на дуэль.

— Тогда почему же? — выдохнула я.

Насмешка исчезла, сменившись глубиной чувств, интеллектом — всем, что Рису веками удавалось прятать от взглядов. Месяц назад, скорее случайно, чем по плану, Рис заново обрел способности, которых был лишен несколько столетий назад. Все мои стражи вернули часть потерянной ранее магии, но Рис получил больше всех — потому что в свое время больше всех потерял. Платой за переселение фейри в Соединенные Штаты явился отказ от более или менее крупных войн. Нас изгнали бы, начни мы воевать между собой на американской земле, а уходить нам было некуда. Решением стало создание Безымянного: существа, которому отдали самую жуткую магию обоих дворов сидхе. Но как всегда, когда имеешь дело с сырой магией, ее поведение было непредсказуемо. Кто-то из сидхе не потерял практически ничего, а кто-то — едва ли не все. Создание Безымянного не было первым случаем отказа от магии. Первый был, когда фейри хотели остаться в Европе после великой войны с людьми. Цели мы не достигли, но Рис уже тогда лишился большей части своих сил.

Безымянное отняло почти все оставшиеся. Рис из божества верховного пантеона превратился в одного из самых слабых сидхе. Он потерял так много, что не захотел больше зваться прежним именем и всем запретил его произносить. Из уважения к его желанию, а также из-за того, что сами боялись подобной судьбы, все сидхе подчинились. Его стали звать Рисом, а прошлое забыли.

Месяц назад он заново обрел себя. Он стал чем-то большим. Он сумел сейчас заставить мою кожу светиться, всего лишь посмотрев на меня. Я не могла решить, в чем здесь дело — в природе его магии или только в ее силе. Наверное, последнее, потому что он был богом смерти, а не плодородия. Мое тело явно реагировало бы сильнее на магию жизни, а не смерти.

Он проговорил тихо и низко:

— Что мне нужно делать?

Пару секунд я не могла понять, о чем он спрашивает. Мне потребовалось все мое самообладание, чтобы не рухнуть на колени.

— Что? — переспросила я.

Холод угрюмо фыркнул.

— Она опьянена магией. Мог бы быть поосторожней, Рис.

— Прошло семь столетий с тех пор, как я владел такой силой. Прости, слегка заржавел.

— Тебе понравилось, как ты на нее подействовал, — обвиняюще заявил Холод. Он подошел ко мне совсем близко, но повернуть голову и посмотреть на него казалось мне слишком большим трудом.

— А тебе не понравилось бы? — спросил Рис. Холод осекся.

— Может быть, — сказал он чуть погодя. — Но сейчас не время.

Я почувствовала сильные руки Холода на своих плечах; он мягко развернул меня лицом к себе.

— Отыщи халаты для себя и для принцессы, а я попробую это исправить.

Кажется, я слышала, как ушел Рис, но не помню наверняка. Все мое внимание поглощала грудь Холода. Круглый воротничок его белой рубашки был застегнут наглухо. Но я помнила, что находится под этой на все пуговицы застегнутой рубашкой. Я знала все выпуклости и впадинки его груди словно свои пять пальцев. По телу разлилась тяжесть — не только голова была тяжелой, но и рука, которую я подняла к Холоду, была много тяжелей, чем должна бы.

Он перехватил мою руку, прежде чем я дотронулась до рубашки. Ярко-красный лак моих ногтей казался еще ярче на фоне его белой кожи, будто капли крови.

— Было бы времени побольше... — он сказал это очень тихо, почти прошептал, — я бы пробудил тебя поцелуем, но не стоит сменять одно колдовство другим. — Он наклонился ниже, шепча мне прямо в лицо: — А если мой поцелуй не в силах околдовать тебя, я не хочу об этом знать.

Я начала бормотать что-то романтическое и глупое про то, что его поцелуи всегда были волшебными, но его ладонь на моем запястье вдруг похолодела. Стала холодной как лед. Настоящий лед! Если б мои мысли не были так затуманены, я бы отдернулась в самом начале процесса, но, конечно, если бы не туман в моей голове, Холоду и не пришлось бы этого делать. Меня будто прострелило холодом — холодом, способным заморозить кожу и заледенить кровь. Холодом таким, что у меня перехватило дыхание, а когда я все же смогла дышать, из губ вырвалось облачко морозного пара. Я отпрыгнула, и Холод не стал меня удерживать. Колдовство прошло. Голова была совершенно ясная, зато меня всю трясло от холода.

С трудом прекратив стучать зубами, я сказала:

— Черт возьми, не стоило превращать меня в ледышку!

— Прошу прощения, принцесса, но я, как и Рис, утратил большую часть силы века назад. И еще учусь снова использовать ее преимущества.

В его серых глазах будто шел снегопад: радужки напоминали стеклянные игрушки-шары, в которых летают снежинки, если встряхнуть шар. Почти все сидхе, кого я знала, светились, когда применяли свою силу, и Холод не был исключением, но когда он призывал холод — его глаза наполнялись снегом. Порой, глядя в эти серые заснеженные глаза, я думала, что если я буду смотреть достаточно долго, то увижу пейзаж в миниатюре, увижу место, где началась его жизнь, увижу время, ушедшее задолго до моего рождения.

Я отвела взгляд. Мне никогда не хватало духу, потому что я не знала, куда могут меня завести эти зимние глаза и какие секреты могут мне открыться. Что-то там, в снегу, меня

пугало. Без особых оснований. Без логики. Но мне не нравился этот снег.

Была в я человеком, чуждость зрелища могла бы оправдать мое беспокойство, но я настолько человеком не была и, Богиня мне свидетель, повидала и более странные вещи, чем снегопад в чьих-то глазах.

Я уже почти согрелась. Такой холод никогда не был долгим, но мне все равно это не нравилось. Холод как-то использовал его во время секса, и хоть опыт был интересным, я никогда не просила повторения. Пытаясь скрыть, что магия Холода нервирует меня в совершенно неподобающей сидхе степени, я спросила:

— Но почему только магия Риса смогла так меня околдовать?

Я не смотрела ему в глаза. Когда-нибудь они все же вернуться к их нормальному серому цвету...

— Никто из нас не потерял так много, как Рис, а он был когда-то божеством — не чета многим.

Слова заставили меня взглянуть ему в лицо. В глазах еще улавливалось движение, но серый цвет уже вернулся.

— Никто из вас не вспоминает о тех временах.

— Говорить о том, что было утрачено и никогда не вернется, — нелегко.

— Ты хочешь сказать, что Рис был сильнее любого из вас?

— Он был Властелином Смерти. Смерть шла за ним по пятам, если он того желал. Когда он в полной силе был среди нас, никто не мог устоять перед нами.

— Но почему тогда неблагие не уничтожили Благой Двор?

— Рис не всегда принадлежал к нашему двору.

Это было для меня новостью.

— Он был благим?

Холод качнул головой и нахмурился. Он хмурился так часто, что если б у него могли появиться морщины, то на лбу и у губ пролегли бы глубокие складки — но его лицо оставалось безупречно гладким и останется таким всегда.

— Рис был самостоятельной силой. Он правил страной мертвых, и она не входила ни в землю неблагих, ни благих. Его радушно встречали при сияющем дворе, но он был сам по себе, как и многие из нас. Деление сидхе на два двора сравнительно недавнее. Когда-то дворов было много. Люди решили называть фейри, которые казались им красивыми и не причиняли им зла, благими. Тех же, кто казался уродливым или причинял им вред, они называли неблагими. Но четкой границы не существовало.

— То есть его двор был как гоблины или слуа в наше время?

— Скорее как гоблины. Царь слуа Шолто — аристократ Неблагого Двора. Они уже не являются вполне самостоятельными. У царя Курага нет титула среди нас, и ни один сидхе не имеет титула при его дворе.

Рис вернулся в белом махровом халате, подпоясанном на талии. Халат доходил ему до щиколоток, на мне он подметал бы пол. Белые кудри казались темнее на белой ткани, различие как между слоновой костью и свежавыпавшим снегом. Огтенки белого.

В руках Рис держал красный халат, подходивший к моему бикини. Халат предназначался скорее чтобы украшать, чем прикрывать тело, так что был он большей частью прозрачным, будто на кожу смотришь через огненную вуаль.

Рис переводил взгляд с меня на Холода.

— Что это вы такие серьезные? Пока меня не было, тут никто не помер случайно?

Я качнула головой.

— Насколько мне известно, нет.

Я взяла халат и скользнула в его перемежающиеся лоскутки гладкого шелка и колючей прозрачной ткани. В следующий раз куплю халат просто шелковый или атласный, без всяких вставок, которые цепляются за кожу при движении.

— Так что мне делать во время разговора с Курагом? — спросил Рис.

— Просто покажись ему. Может, задом сверкни или бедром. Помнится, филейные части они вырезают из тел в первую очередь.

Рис задумчиво склонил голову.

— А точно его расстроит — видеть мясо, которое ему не по зубам?

— Это как маленькая пытка, и имей в виду — я это слово просто так не говорю. Худшее, что можно сделать гоблину, — это показать ему что-то желанное и не дать. Показать Курагу то, чего он дико жаждет, притом что он точно знает, что ничего не получит, — это его с ума сведет.

— Или разозлит настолько, что он откажется от переговоров, — заметил Холод.

— О нет, если мы доведем Курага до такой потери самоконтроля, он никуда не уйдет. Он признает, что мы побили его в этом раунде. На следующий раз он попытается найти что-то столь же отвлекающее для нас, но обиды не затаит. Гоблины любят равное состязание. Ему польстит, что мы дали себе труд включиться в эту игру.

— Не понимаю гоблинов, — сказал Холод.

— Тебе и не надо, — сказала я. — Мой отец позаботился, чтобы я их понимала.

Холод посмотрел на меня с выражением, которое я не смогла расшифровать.

— Принц Эссус растил тебя так, словно готовил к правлению, хотя знал, что наследник — Кел, а не ты. Если б у Кела появился хоть какой-то ребенок, королева никогда не дала бы тебе шанса.

— В этом ты прав.

— Почему, ты полагаешь, принц воспитывал тебя для трона, хотя знал, что тебе не придется его занять?

— Мой отец сам был вторым ребенком, и править ему не пришлось, но его отец тоже воспитывал его как будущего монарха. Наверное, он воспитывал меня тем единственным способом, какой был ему известен.

— Может быть, — сказал Холод. — А может, принц Эссус не утратил провидческих способностей в отличие от всех нас.

Я пожала плечами:

— Не знаю, и времени размышлять на эту тему у меня нет.

Дойл показался из коридора:

— Кураг выразил желание поговорить с тобой, Мередит, но особого удовольствия он не испытывает.

— Я этого и не ждала.

— Он боится твоих врагов, — сказал Холод.

— Значит, нас таких двое, — ответила я.

— Трое, — поправил Рис.

— Четверо, — откликнулся Дойл.

Холод качнул головой, волосы засияли новогодней канителью.

— Пятеро. Я боюсь за твою жизнь. Если за нами не будут стоять гоблины, сторонники

Кела снова начнут атаки.

— Тогда мы пришли к согласию, — сказала я.

Дойл обвел нас взглядом:

— И на что мы согласились?

— Я изображаю закуску для царя гоблинов, — хмыкнул Рис.

Черные на черном брови Дойла взлетели чуть не под самые волосы.

— Я что-то пропустил?

— Рис поможет мне торговаться с Курагом, — объяснила я.

— Как? — спросил Дойл.

Рис спустил халат с бледного плеча, на миг обнажив маленький твердый сосок, и снова завернулся в халат, широко улыбнувшись.

Дойл поднял брови.

— Не пойми меня неверно, но до сих пор ты был камнем преткновения в наших отношениях с Курагом. Он говорил тебе сальности, когда ты был полностью одет, а ты пеной исходил от бешенства. Почему ты решил, что сумеешь... — Он пару мгновений подыскивал слова. — Почему ты думаешь, что сможешь сегодня противостоять подначкам Курага?

— Сегодня я сам намерен его дразнить. Мерри сказала, что Кураг похож на школьного задиру, и была права. Кроме того, если Мерри может это делать, то и я могу. — Ярость вдруг снова вспыхнула у него на лице, вытеснив всю иронию. — Хотя я с гораздо большим удовольствием перебил бы всех гоблинов, чем торговался с ними.

— Забавно, — сказал Дойл. — Пару минут назад Кураг точно так же выразился о сидхе.

— Замечательно, — подытожила я. — Ну, идемте, подействуем друг другу на нервы.

Дойл пошел впереди. Со спины он казался до ужаса голым. Я поняла, что глазеть Курагу можно будет не только на меня и Риса. И подумала, как позиционирует себя Дойл — как потенциального полового партнера или как еду? Наверное, все зависело от Курага. От того, что он чувствует к мужчинам-сидхе, а еще от того, какое мясо он предпочитает — темное или белое.

Я услышала голос Китто из коридора, еще не дойдя до спальни. Слов было не разобрать, но голос звучал жалобно, а собеседником Китто оказался не Кураг. Это была царица гоблинов Крида, жена Курага. За последний месяц я ее по-настоящему невзлюбила.

Китто стоял перед туалетным столиком, вытянувшись во все свои четыре фута до последнего дюйма. Единственный из побывавших в моей постели мужчин, с кем я чувствовала себя высокой. Обращенная к нам голая спина была безошибочно мужская — широкие плечи и грудная клетка, узкая талия, — только уменьшенная в размере. Спереди Китто выглядел совсем как человек, а вот сзади, да еще без рубашки, видны были чешуйки. Яркие, переливающиеся — сияющая разноцветная радуга, сбегаящая по спине с двух сторон от позвоночника. Я знала, что дорожки чешуек изгибаются в стороны чуть ниже, по верхнему краю ягодиц. Вся остальная кожа была перламутровым совершенством. Мать Китто, благую сидхе, во время последней большой войны изнасиловал змеегоблин.

Я отметила, что черные кудри Китто отросли до того места на шее, где начинались чешуйки. Если он хочет поддерживать гоблинский обычай выставлять напоказ свои уродства, ему вскоре придется подстричь волосы.

Когда мы вошши, он умолял Криду:

— Царица гоблинов, не вели мне это делать, пожалуйста.

Крида сидела за зеркалом. Мы видели ее так же ясно, как если бы она сидела прямо перед нами, не как в стекле. Она была не намного выше Китто, и волосы у нее тоже были черные и длинные, но у Китто кудри вились мягким шелком, а у нее даже на взгляд казались жесткими, как проволока. Глаз у нее на лице было столько, что я не могла их сосчитать. Множество глаз и множество рук, что росли у нее от плеч, придавали ей сходство с огромным пауком. Улыбка растянула ее беззубый рот и обнажила клыки, которым любой паук позавидовал бы. Ног у нее было только две, и грудей — тоже. Если бы и они имелись в большем числе, ее считали бы идеалом гоблинской красоты.

Каждый раз, когда я видела женщин-гоблинов, я недоумевала, чем гоблинов-мужчин могут привлекать сидхе. Может, дело было не столько в сексе, сколько в упоении властью и превосходством — как почти всегда при изнасиловании.

Крида наклонилась к своему зеркалу, заполнив наше дюжинами глаз и странным, не по центру расположенным ртом. Где-то среди всего этого находился нос, но все остальное впечатляло настолько, что нос приходилось разыскивать.

— Делай, что тебе говорят, — приказала гоблинка, в ее голосе появилось подвывающее рычание, которого все мы начинали уже побаиваться.

Маленькие руки Китто поднялись к поясу шорт и потащили одежду вниз.

— Китто, стоп! — скомандовала я, постаравшись вложить в голос побольше шутливости и не выдать невольной гримасой, насколько мне отвратительна Крида.

Китто вернул шорты на место и обернулся ко мне с такой откровенной благодарностью на лице, что я поторопилась притянуть его к себе, пока он снова не повернулся к зеркалу. Я нежно прижала его лицом к впадинке между плечом и шеей, погладила мягкие кудри. Он не должен был поворачиваться к Криде. Если гоблинка догадается, как он на самом деле ее боится, она горы свернет, лишь бы заполучить его в свои лапы.

— Ты мне помешала! — взвыла она.

Я улыбнулась, зная, что лицо у меня любезное и радостное, даже сияющее. Я снова обретала навык вежливой лжи, которая сохраняла мне жизнь при дворах фейри, когда я была ребенком. Нужно уметь лгать лицом, глазами, всем телом, чтобы проложить себе путь сквозь дворцовые интриги. Мне это не всегда удавалось, но гоблины тоже не очень искушены во вранье. Главным моим экзаменатором всегда была тетушка, Королева Воздуха и Тьмы, — она замечала все.

— Привет тебе, царица гоблинов! Прошу прощения, что заставила себя ждать.

Она зарычала на меня, оскалив жуткое количество клыков. Кажется, их тоже было больше положенного, как и глаз. Интересно, как она обходится без коренных зубов? Я точно знала, что зубы у нее ядовитые. У Китто ядовитые зубы — два клыка — тоже имелись, но были втяжными. Клыки Криды — нет.

Она пробормотала приветствие с выражением, больше всего походившим на скрытое бешенство:

— Приветствую Мередит, принцессу сидхе. Я не успела соскучиться. По правде, если у тебя есть чем заняться, мы с Китто поиграли бы подольше. — Она в алчной гримасе скосила на Китто большую часть глаз — но не все, их было слишком много, и размещались они слишком хаотично. Несколько глаз так и прилипли к входящим в комнату Рису и Дойлу.

Моя улыбка стала жестче.

— О чем это ты говоришь?

— Если он и вправду сидхе, как ты заявила, я хочу посмотреть, как он сияет. И чтоб он был нагишом!

За камерой — то есть из-за зеркальной рамы — прозвучал низкий голос:

— У нас тут все болтают о том, что Китто стал сидхе. Не все фейри светятся от магии или секса. Гоблины, к примеру, не светятся.

Кураг вдвинулся в поле зрения. Не такой высокий, как большинство сидхе, зато заметно шире — плечи у него шириной были чуть ли не в рост Дойла. Кое-кто из крупных гоблинов мог побороться за звание лучшего тяжелоатлета волшебной страны. Три глаза Курага, после того, что творилось на лице его жены, оставляли впечатление некоторой... незавершенности. Кожа у него была болезненно-желтая, цвета старых струпов — или, может, пожелтевшей бумаги, хрупкой настолько, что рассыпается в руках. И вся покрыта шишками, буграми и выростами, что среди гоблинов считалось очень красивым.

В наросте на его правом плече торчал еще один глаз. Бродячий глаз, как говорили гоблины, потому что он убрел с лица. Прочие глаза Курага были желто-оранжевые, а глаз на плече — фиалковый, с черными загнутыми ресницами. На груди, немного сбоку, улыбался рот — вполне подходящий к этому глазу, с красивыми губами и ровными, почти человеческими на вид зубами. Мне приветственно помахали две ручки с бока Курага, по соседству с этими глазом и ртом. Я помахала в ответ и сказала:

— Привет тебе, Кураг, царь гоблинов. Привет и тебе, близнец Курага, плоть царя гоблинов.

Эти отдельные части принадлежали близнецу-паразиту, заключенному в теле большого гоблина. Рот мог дышать, но говорить — уже нет. Глаз и руки Курагу не подчинялись. Когда я была ребенком, я играла в карты с этими ручками, пока мой отец с Курагом занимались делами. Мне стукнуло шестнадцать, когда я сообразила, что в теле Курага заключен еще один мужчина, еще одна самостоятельная личность.

;Тогда же Кураг продемонстрировал мне собственное мужское достоинство и

достоинство своего близнеца. Он думал, что два пениса меня впечатлят. Ошибался.

После этого случая я никогда не чувствовала себя с Курагом вполне комфортно. Одна мысль о том, что кто-то может быть пойман в ловушку чужого тела, не способный говорить, или идти куда хочется, или даже выбирать сексуальных партнеров себе по вкусу, наполняла меня ужасом как никакой другой генетический каприз в щедром на такие причуды мире фейри.

С того времени, как я поняла, что лишние части тела Курага — это отдельная личность, я здоровалась с ними обоими. Насколько мне известно, так больше никто не поступал.

— Привет тебе, Мерри, принцесса сидхе. — Кураг бросил взгляд на свою царицу, и она скатилась с большого кресла. Живенько, чтобы ему не пришлось намекать еще раз. Кураг не постеснялся бы залепить ей затрещину, если бы она промедлила. Собственно, он никогда не стеснялся залепить затрещину кому угодно, если тот имел несчастье ему не угодить. Гоблины его боялись, а их напугать не так уж легко.

Он уместился в кресле, крякнувшем под его коренастой мощью. Я не хочу сказать, что Кураг был толстым, — совсем нет. Он был просто крепко сбит.

— Мы целый месяц все судили да рядили, но додумалась первой Крида. Если Китто — не сидхе, то нам с тобой и говорить не о чем.

— Мы сказали тебе, что он — сидхе. Сидхе могут играть словами, но лгать впрямую нам запрещено.

— Скажем так: нам хотелось бы увидеть своими глазами.

На лице у него появилось выражение, свидетельствовавшее, что он был много умнее, чем прикидывался, и желания управляли им в гораздо меньшей степени, чем казалось. В мощном теле прятался изощренный ум. Обычно он это скрывал, но сегодня выглядел странно серьезным и очень деловым. Мне стало интересно, что же вынудило Курага отказаться от заигрываний.

Я чуть не спросила вслух, но поняла, что это было бы ошибкой. Фейри не показывают собеседнику, что того легко прочитать. В особенности если собеседник — царь. Весьма неразумно давать понять монарху — любому монарху, — что ты его видишь почти насквозь.

— Что это у тебя на уме, Кураг?

Его взгляд переместился с меня на Риса, который встал рядом со мной.

— Вижу здесь нашего белого рыцаря.

На этом месте Рис обычно включался, словно кнопку нажали: "Я не твой белый рыцарь!" Сейчас он только улыбнулся.

Кураг нахмурился. Похоже, ему не нравилось, чтобы его маленькие оскорбления пропускали мимо ушей. Он протянул в сторону большую желтую руку, и Крида подошла на зов. Кураг сгреб ее одной левой, словно она весила не больше котенка, и усадил себе на колени.

— Крида страдает по вкусу плоти сидхе. Ей не довелось трахнуть белого рыцаря, пока он был у нас.

Я скорее ощутила, чем увидела, как напрягся Рис. Пропустить мимо ушей такое он не был готов. Я слишком многого от него потребовала. Проклятие.

Но я недооценила Риса.

Он сел на кровать. Я оглянулась и увидела, что он наклонился вперед, из-за чего халат распахнулся на белой груди — белое, окруженное белым: словно отполированная слоновая кость, завернутая в облачко. Ноги он поставил на раму кровати, так что полы халата тоже

слегка разошлись, открывая немного, но дразня обещанием: вот еще одно коротенькое движение — и откроются ноги, бедра, все.

Тихий звук привлек мое внимание к зеркалу. Крида постанывала на высокой ноте. Звук, видимо, задумывался как соблазнительный, но получился совершенно животным. Причем животное это было не из тех, что носят мех. Явно слышалось что-то от насекомых.

— Хочешь нам чего-то показать? — спросил Кураг.

Рис только улыбнулся.

Кураг сузил глаза. Я увидела, как по лицу пробежала первая вспышка гнева. И поняла, что поддразнивание со стороны Риса может нам дорого обойтись. Очень дорого.

Дойл сделал шаг в звенящую тишину, оттолкнувшись от столбика кровати, к которому прислонился, наблюдая представление, и встал ближе к Рису, хотя рядом со мной места было предостаточно. Он был гораздо менее одет, чем Рис, да чуть ли не гол, но ни царица, ни сам Кураг его дразнить не решались. Дойл по-прежнему оставался Мраком Королевы — или просто Мраком. Гоблины могут говорить что хотят, но тьмы они боятся, точно как все.

— Подходит время для нашего визита, Кураг, царь гоблинов, и нам нужно знать, можем ли мы посетить твой ситхен. Украсит ли принцесса Мередит собою двор гоблинов, или вы обойдетесь без украшения? — Дойл прислонился к темному дереву кроватного столбика всем своим длинным черным телом. Обычно он держался прямо, почти по стойке "смирно", но сейчас, видимо, играл на публику, как и Рис. Руки он скрестил на груди, и кольцо в соске блистало серебром. Он даже ноги скрестил в лодыжках. Плавки настолько совпадали по тону с кожей, что он казался голым. Я-то знала, как потрясающе он выглядит на самом деле без этого последнего клочка материи, но гоблины не знали.

Крида снова издала свой горловой стон. Она вытянула вперед сразу три руки, словно надеялась дотянуться до Дойла.

Кураг отдернул ее руки назад и прижал Криду к себе. Ее руки принялись ласкать Курага. Может, это был нервный жест, а может, она так возбудилась от зрелища, что должна была ласкать хоть кого-то. В культуре гоблинов, если тебе хочется секса, ты им занимаешься, где бы ты ни был или чем бы ни был занят до того. В результате деловые встречи с гоблинами проходят иногда... интересно.

— Докажите, что Китто теперь сидхе. Докажите, чтоб не осталось сомнений.

— А если докажем, — спросила я, — ты согласишься на мое предложение?

Он покачал огромной головой.

— Нет, но если он — не сидхе, то разговора вообще не будет.

Я позволила себе легкое неудовольствие:

— Так что, Китто станет устраивать для вас спектакль, а мы ничего за это не получим?

Ну нет!

Руки царицы добрались до паха Курага, правда, поверх штанов. Кураг на это не обратил внимания, как будто ничего и не происходило.

— Думается, все наши разговоры — впустую. У принцессы кишка тонка сделать то, к чему ты ее подталкиваешь, Мрак.

— Я ни к чему ее не подталкиваю, Кураг. Принцесса Мередит сама вырабатывает свои планы.

Кураг покачал головой.

— Впрямую ты не солжешь, знаю, только знаю еще, что влюбленная женщина каждый намек станет ловить. Ей и приказывать не придется. Словечко там, словечко здесь... — Его

глаза на миг затуманились, и он оттолкнул руки царицы. Она воспротивилась. Кураг сжал ее тонкие руки своей лапищей, словно пучок цветочных стеблей. Она уступила, только когда все ее лицо перекосило от боли. Он сохранял хватку еще с секунду, словно решил переломать ей руки, но потом отпустил.

Она села прямее, потирая пострадавшие руки здоровыми. Надувшаяся, как ребенок, у которого отняли игрушку. Я бы на ее месте разозлилась. Крида злость приберегала для других моментов.

Дойл наконец ответил:

— Я никак не пытаюсь влиять на решения принцессы, разве что время от времени напоминаю, что когда-нибудь она станет королевой.

— Это еще бабка надвое сказала. Королем может стать Кел.

Дойл отстранился от кроватного столбика и встал ровно и прямо, как это было ему свойственно.

— Ты видел, чтобы я когда-нибудь принимал сторону неудачника?

Кураг глубоко вздохнул и медленно выпустил воздух:

— Нет. — Радости от этого он явно не испытывал.

— Ну так хватит тянуть время. Мы предложили тебе честную сделку.

Взгляд Курага метнулся ко мне.

— Мрак всегда говорит за тебя, Мередит?

— Нет, но если я согласна со всем, что он говорит, я позволяю ему высказаться.

— Значит, обсуждение закончено?

Я вздохнула.

— Нет, это я не имела в виду, и ты отлично это понял. Мы приведем твоих воинов в полную силу. Подумай только, Кураг: воины-гоблины с магией сидхе в жилах!

— Кое-кто побаивается дать гоблинам такую магию, — сказал он.

— Ко мне это не относится.

Он нахмурился и уставился на меня. Я позволила повиснуть молчанию. Я давно уже усвоила, что большинство людей тишину не выносят. Им нужно чем-то ее заполнить. Я выжидала, и он в конце концов не выдержал:

— Почему ты не боишься? Только магия сидхе не дала гоблинам завоевать все прочие дворы фейри. Если у нас будет и эта сила, никто не сможет устоять перед нами!

— Стоит вам начать войну на американской земле — и гоблинов изгонят не только из земель фейри, но и из последней страны, которая согласилась вас терпеть. — Я покачала головой. — Века назад, когда мы воевали друг с другом, я бы побоялась, но сейчас — не боюсь. Тебе здесь нравится, Кураг. Слишком нравится, чтобы рисковать всем, особенно если победа под вопросом.

— Многих сидхе пугает мысль об их магии в наших руках.

Я кивнула:

— Да, но это уже не твоя проблема. Моя.

Если честно, я не думала, что превращение полудюжины гоблинов в сидхе как-то нарушит баланс силы. Полукровки-сидхе редко доживают до совершеннолетия среди гоблинов. Взрослых сидхе, вошедших в силу, убить довольно трудно, но в детстве все мы здорово уязвимы. Гоблинов трудно убить в любом возрасте, прямо с колыбели.

Кураг погладил свою маленькую царицу, будто собачку потрепал по загривку.

— Сильно рискуешь, Мерри.

— Мой риск — это моя забота, Кураг. Я предлагаю тебе шанс, которого гоблины не видали больше тысячи лет. Я предлагаю тебе магию сидхе. Никто другой тебе ее не даст. Кел — просто не сможет. Только я и те, кто со мной.

— Месяц за каждого гоблина, кто станет сидхе, — это слишком много. День — да, пойдет.

Я наклонилась вперед, чтобы халат распахнулся и показались груди, как белые жемчужины в алой атласной оправе. С другим сидхе я бы на такое не осмелилась, моя внешность была слишком человеческой для большинства из них. Зато гоблинам я могла показаться прекрасной.

— День — это просто оскорбление, Кураг. Ты сам это понимаешь.

Его взгляд потерялся в моем декольте. Он облизнул тонкие губы большим шершавым языком.

— Ну, неделю.

Крида погладила его по лицу; половина ее глаз смотрела на Курага, половина — на меня. Не знаю точно, по какой причине, но я заставляла царицу гоблинов нервничать. Кураг как-то предлагал мне брак, но думаю, он хотел скорее получить наследников, способных к магии сидхе, чем меня саму. О, конечно, Кураг трахнул бы меня с превеликим удовольствием, но большим комплиментом это не было. Кураг трахнул бы что угодно, только бы оно выдержало.

Я села прямее и помахала лапами халата, словно мне стало жарко.

— А почему не год за каждого? Да... — Я на секунду оторвалась от развязывания пояса. — Да, эта мысль мне нравится. По году за каждого, включая Китто. — Я распахнула халат целиком. Продемонстрировав, как мало на мне надето.

— Ну нет, не по году! Хоть догола здесь разденься, год ты не выторгуешь.

Я улыбнулась, просияв трехцветными глазами — два оттенка зеленого и кольцо золота.

— А ты не уговоришь меня на день.

Он расхохотался — низким, раскатистым утробным смехом. В смехе звучала незамутненная радость, обычная для гоблинов, но, кажется, позабытая сидхе. Из-за рамы зеркала раздался еще один мужской смешок. Кураг и Крида были там не одни. Мне стало интересно, кому же Кураг так доверял, что позволил присутствовать при обсуждении сделки.

— Ты — дочь своего отца, Мерри, зуб даю. Ты знаешь, чего стоишь.

Я потупилась, разыгрывая скромницу, но на самом деле — просто пряча лицо. Я усиленно думала и опасалась, что это будет заметно. Мне надо было добиться от Курага согласия. Все, что было нужно ему, — просто сказать "нет", и все мои усилия пойдут прахом. Мне требовалось услышать "да". Проблема была в том, как преодолеть его естественное стремление держаться подальше от сидхе и их дел. Как заставить его согласиться на то, чего он не хотел? Или, может, боялся хотеть?

Я сбросила халат на пол.

— Чего же я стою, если ты не готов небо и землю продать, чтобы взглянуть на мою наготу? Была бы я по-настоящему прекрасна, ты бы так не сказал.

Я испытующе посмотрела на Курага, всем лицом выразив неуверенность, которую в меня вселили сидхе. Худшим из моих критиков была моя собственная мать. Только пару месяцев назад я поняла, что она мне просто завидовала. Поняла, что моя мать похожа на человека больше, чем я сама. Рост и стройность — вот все, что сближало ее с сидхе, а волосы, глаза, кожа были человеческими. В отличие от моих.

Кураг разглядел мое беспокойство, и его взгляд стал напряженным.

— Ты и вправду не уверена в себе. — Казалось, это его поразило. — В жизни не встречал женщину-сидхе, которая не считала бы себя божьим даром для мужчин.

— Эти самые женщины сказали мне, что я — недоросток, — я обвела руками груди, — что грудь у меня слишком велика... — руки скользнули по талии вниз, — что у меня слишком много округлостей... — руки огладили бедра. У женщин-сидхе бедер практически нет. Я чуть тряхнула головой, чтобы волосы упали на лицо, и покосилась на Курага из-за алой завесы. — Сказали, что я уродлива.

Он взлетел с кресла, швырнув царицу на пол, и зарычал:

— Кто это сказал?! Я им собственные языки в глотку засуну, чтоб они подавились своей ложью!

Ярость в его лице, дрожащее бешенство во всем теле — я расценила это как настоящий комплимент. Я поняла, что Кураг, вполне возможно, хотел получить меня не только из политических соображений или ради улучшения породы. В это мгновение я подумала, что, может быть — только может быть, — царь гоблинов действительно меня любит, на свой особый манер. Я многое готова была от него сегодня увидеть, но только не любовь.

Не знаю почему, но я вдруг ощутила на щеках слезы. Отчего я плачу? Оттого, что гоблин захотел защитить мою честь? Я посмотрела на Курага, открывая ему все, что было сейчас у меня на лице и в глазах. Потому что поняла, что так и не поверила до конца в свою красоту. Стражи желали меня уже потому, что без меня были обречены на воздержание. Они добивались меня ради трона. Никто не хотел меня ради меня самой. Может, я к ним несправедлива, но откуда мне знать, что на самом деле привело их в мою постель? Я смотрела на Курага и видела мужчину, который знал меня с детства и считал меня прекрасной, достойной того, чтобы броситься мне на защиту, а ведь он никогда не будет со мной, не сможет стать моим королем. Знать, что кто-то обожает меня только потому, что я такая, как есть, — это многого стоило. Я не сумела бы выразить это словами, но я показала Курагу, что все оценила. Показала, как дорог мне он сам и как дороги чувства, которые он ко мне испытывает.

— Не плачь, девочка, да упасет меня Консорт! — помягчевшим голосом сказал Кураг.

Китто встал с пола, чтобы прижаться губами к моей щеке. Раздвоенный язык ласково и быстро коснулся кожи. Я не выразила протеста, и он слизнул слезы со щеки. Гоблины считают большинство телесных жидкостей слишком ценными, чтобы дать им пропадать впустую. Я понимала, что он делает и почему, но, если честно, сейчас сошло бы практически любое прикосновение. Я обняла Китто за плечи и прижалась к нему покрепче.

Рис встал за моей спиной на колени и обнял меня. Ему пришлось обнять и Китто, потому что я не отрывалась от гоблина. Только те, кто был с нашей стороны зеркала, знали, чего ему стоило прикоснуться к Китто по своей воле. Одно это его действие придало мне бодрости.

— Год ты не получишь, Мерри, даже ради твоих слез. Даже за это выражение твоего лица.

Кураг по-прежнему стоял — такой громоздкий, что заполнял чуть не все зеркало. Он нависал над нами, частью из-за того, что зеркало располагалось довольно высоко, а частью потому, что стоял слишком близко к стеклу.

Китто вылизал щеку досуха и хотел передвинуться, чтобы дотянуться до другой щеки — слишком крепко он был зажат между руками Риса и моим телом. Я ждала, что Рис разожмет

руки, позволяя ему подвинуться, но страж не шелохнулся. Он сжимал нас с сокрушительной силой. Я вдруг поняла, что мы не сможем и шевельнуться, пока Рис нам этого не позволит, и у меня перехватило дыхание, а сердце испуганно заколотилось.

Голос у меня задрожал от внезапной тревоги.

— Стоят ли мои слезы месяца, Кураг?

Китто прогнулся под хваткой Риса и вжался в меня плотнее, но только когда Рис шепнул мне в макушку: "Повернись к нему другой щекой", я додумалась повернуть лицо.

Язык Китто бегал по моей щеке, дыхание почти обжигало. Рис сжал руки еще сильнее, обездвижив меня оковами мускулистого тела. Я не могла сосредоточиться, не могла думать.

— Еда и трах любому гоблину задурят голову, — прорычал Кураг, но голос у него понизился не от гнева.

Я прошептала:

— Рис, я так не могу думать.

Он расслабил руки, но ровно настолько, чтобы дать мне иллюзию свободы. Игра была знакомая, вот только время для нее было выбрано неудачно. Не посреди же политических переговоров! Я и хотела, чтобы он отпустил нас, и жаждала чувствовать на себе его руки, крепкое тело, прижимающееся к спине, жаркий шепот у затылка. Вот Китто — тот любит, когда ему приказывают, когда не оставляют выбора. Это дарит ему чувство безопасности. Это и вправду может успокаивать, но я безопасности в сексе не искала.

Мне удалось сосредоточиться на Кураге, но я догадывалась, что мои чувства все же отражаются на лице. Я все ждала, что Дойл вмешается, прекратит это неуместное представление, но он своего присутствия вообще не выдавал, словно его и не было в комнате.

— Давай покажу, что ради тебя может сделать настоящий гоблин, Мерри, — сказал Кураг, бросив взгляд на Риса. — Дай мне отрезать кусок плоти по моему выбору. Если сделать все правильно, все зарастет без следа. За это я подпишу почти все.

Возразил ему Рис:

— Китто в сделке не участвует. — Голос прозвучал хрипло.

— Он — гоблин, я могу с ним сделать что хочу и когда хочу.

— Не думаю, — возразила я.

— Он теперь сидит, — сказал Рис волнующе низким голосом. — Когда-то он был добычей всякого, кто хочет. Теперь это не так.

— Он остался таким, как был. Он по-прежнему жаждет, чтобы им управляли. Я не боюсь никого, кто ищет себе хозяина.

У меня прорезался голос, и звучал он почти нормально:

— И все же ты хочешь, чтобы он отрезал кусок плоти от того, кого он считает хозяином. Где твоя логика, Кураг?

— Мне никого не нужно спрашивать, чтобы заставить Китто делать, что я хочу. Я возьму, что пожелаю, у любого гоблина, который не сможет мне помешать. — Он ткнул пальцем в Китто. — А у него на это силенок не хватит!

— Сила бывает разной, Кураг, — сказала я.

Он шагнул назад и опять уселся в кресло, покачав головой:

— Нет, Мерри, сила бывает только одна: сила взять, что хочешь.

— Или не отдать, — произнес мужской голос из-за рамы.

Кураг бросил хмурый взгляд в ту сторону и снова повернулся ко мне.

— Дай мне переспать с тобой и отведать плоти белого рыцаря, и я соглашусь на месяц за каждого гоблина, ставшего сидхе.

Рис отпустил меня — медленно, почти лениво. Если у него и были проблемы от такого близкого соприкосновения с Китто, то это никак не проявилось. Китто закончил вылизывать мою щеку и стоял, прижавшись ко мне.

— Я не могу позволить тебе нарушить твои супружеские обеты, как бы легко ты к ним ни относился. Наши законы это запрещают. А мои стражи — все до одного — никому мясом не будут. — Я поцеловала Китто в макушку.

— Тогда не будет и сделки. — Я увидела промелькнувшее на его лице облегчение.

Голос Дойла рухнул в тишину звоном колокола, низкий мурлыкающий ритм отозвался у меня прямо в коже.

— Я видел, как гоблинов лишили магии, Кураг. Я помню ваших колдунов. Я помню время, когда магия гоблинов была так же ужасна, как и их физическая мощь.

— А кто же убил всех наших ведьм и колдунов до единого? — снова прорезалась ярость в голосе Курага.

— Я, — сказал Дойл. Никогда не слышала, чтобы единственное слово так старательно лишили всяких эмоций.

— Чары сидхе высосали всю магию из наших жил!

— То заклинание принадлежало не неблагим. Мы хотели выиграть войну, а не уничтожить вас.

— И этот гад Таранис не уничтожил нас. Да, это он и его сияющий народец сотворили те чары. Они выпили нашу магию и забрали себе. Не верь, если они говорят другое, Мрак. Эта сияющая толпа лицемеров все придерживает, что уворовала.

— Я не принимаю на веру ни одного слова Короля Света и Иллюзий, — сказал Дойл.

Кураг пару секунд смотрел в глаза Дойлу, потом медленно проговорил, хоть я и видела еще не остывший гнев в его лице:

— Ты помог отнять у нас магию. Почему ты теперь хочешь ее вернуть?

— Я и правда тогда не был против отнять у вас магию. Убивать ваших воинов и ведьм — это было в порядке вещей. Вы убивали наших братьев. И если бы ваши чары сохранились, для сидхе все могло бы обернуться худо.

— Мы бы победили, и все ваши сияющие задницы были бы нашими!

Дойл пожал плечами.

— Кто может предсказать, как повернется война? Но я говорю тебе сейчас: мы предлагаем вернуть вам часть украденной у вас магии.

Я шепнула на ухо Китто:

— Засветись для него, пожалуйста.

Китто поднял голову, чтобы заглянуть мне в глаза. Его лицо было слишком серьезным, как будто он не хотел выполнить мою просьбу. Я бы спросила почему, но в присутствии Курага задавать такой вопрос опасалась — я не знала, что может ответить Китто. А я давно усвоила хорошее правило: не задавать на переговорах вопросов, на которые не знаешь ответа. Ответ может быть не в твою пользу.

Китто тихонько шепнул:

— Я боюсь.

Тут до меня дошло. Гнев, вожделение, самые разные чувства могут вызвать сияние магии, но страх, как ни странно, иногда ее убивает. Зависит от рода страха. Панический

страх, животный отупляющий ужас просто лишают способности сосредоточиться. А вот немного страха может даже помочь. И иногда самая сильная магия возникает из самого жуткого страха. Но все же, особенно в самом начале, нельзя предугадать, как скажется страх на новых способностях.

Китто не мог вызвать свою магию, потому что до смерти боялся Курага и Криды. Он и думать нормально был не способен, не то что творить волшебство.

Я обхватила ладонями его лицо.

— Понимаю.

Я оглянулась на Риса и вздохнула. До сих пор Рис вел себя лучше всяких ожиданий, но теперешнее мощное объятие было самым близким его физическим контактом с Китто за всю историю их знакомства. Просить Риса заняться с Китто чем-то похожим на прелюдию к сексу было бы уж слишком. Мой белый рыцарь, как называл его Кураг, свое на сегодня отработал.

Приподняв в ладонях лицо Китто, я нежно поцеловала его в губы.

— Это еще что?! — удивился Кураг.

Я оторвалась от поцелуя, чтобы взглянуть на Курага.

— Я хочу, чтобы Китто вызвал свою магию, но он слишком тебя боится.

— Что за польза гоблинам от такой нестойкой магии?

— Новичкам в магии иногда нужна помощь.

— Как с любым оружием, Кураг, — пояснил Доил. — Если юнец впервые взял в руки меч, он может растеряться в бою или неверно направить удар.

Гоблин нахмурился и поерзал в кресле, будто ему стало неловко сидеть.

— Про магию не знаю, но если, ты говоришь, это как оружие, тогда понятно.

Было видно, что ему действительно понятно.

Крида снова впрыгнула в поле видимости. Кураг бездумно пригреб ее к себе, словно кошку, попросившуюся на колени.

— Засияй для нас, принцесса, засияй! — возбужденно пискнула Крида, в голосе, как и раньше, различались подвывающие, какие-то механические нотки.

Кураг слегка ткнул ее в бок. Она обиженно уставилась на царя.

— Чего ты? Ты же хотел, чтобы я заставила малыша светиться!

Глядя на Курага, старательно сохраняющего невозмутимость, я поняла, что для него одно дело — дать Криде позабавляться с Китто, и совсем другое — включить в ее забавы меня. Из этого было два следствия. Первое: у меня есть преимущество в любых переговорах с Курагом; и второе: это заметят и другие гоблины, если уже не заметили, и расценят это как слабость. Монархия у гоблинов не наследственная. Царем становится тот, у кого хватит силы свергнуть и убить прежнего царя. Ни один царь гоблинов не умер в своей постели. Сейчас все гоблины боятся Курага, но стоит им унюхать одну слабость, и они заподозрят, что есть и другие. Чутье на кровь у них не хуже, чем у акул.

— Нам дадут посмотреть? — снова сказал тот же мужской голос из-за рамы.

Кураг метнул в ту сторону злобный взгляд:

— Принцесса не дает представлений. — Он повернулся ко мне. — Или это изменилось с той поры, как ты завела гарем? — Ему удалось снова водрузить на лицо воинственную гримасу, под которой он прятал свои истинные чувства.

— Я приласкаю Китто, чтобы помочь ему справиться со страхом.

Из-за зеркала послышались крики и свист. Типично мужские звуки, вполне уместные в

каком-нибудь баре в субботний вечер.

Кураг не обратил на них внимания, как водится, но кулаки у него сжались, а плечи напряглись. Царица подобралась, словно была готова сбежать от греха подальше.

— По меркам гоблинов, зрелище будет не впечатляющим, да и по меркам неблагих сидхе тоже. Но я помогу ему успокоиться и открыться магии.

— Я уже видел, как он сияет, Мерри. Я верю, что он — сидхе. Верю, что какая-то магия в нем есть. Но не та магия, что помогает в бою. А только эта магия нам и нужна.

— Ты так говоришь, потому что гоблины просто не знают никакой другой магии, — сказал Дойл.

— Я так говорю, потому что это — правда!

Глаза Курага от гнева стали скорее оранжевыми, чем желтыми.

— Ты хочешь видеть, как он засияет магией, которая может стать твоей, Кураг? — спросила я, слегка понизив голос.

Да, я использовала против него его влечение ко мне. Если нам удастся заключить с гоблинами более или менее длительный союз, мы избавимся от многих врагов. Я была готова манипулировать царем — ради жизни тех, кто был мне дорог, ради будущего всего Неблагого Двора.

Он угрюмо кивнул. Крида захлопала множеством ладошек — теми, что имели пару, — и запрыгала на коленях у Курага, будто ребенок.

Я посмотрела на Китто. Спросила его взглядом, готов ли он. Он одними губами прошептал: "Да". Я снова его поцеловала, не искушаяще, просто в знак благодарности, и прося прощения, что заставляю его делать то, чего ему не хочется.

Я чувствовала его неприятие ситуации и не знала, как поступить. Достаточно изучив Китто, я теперь могла быстро привести его в нужное мне состояние, но если сделать это на глазах у гоблинов — то и они будут знать, как этого добиться. Я знаю, как заставить Китто светиться, потому что я его любовница и его друг. Если я не стану спешить и запрячу по-настоящему любимые им прикосновения среди множества других, не обязательных, то Крида не получит ключей к его телу. Пусть это займет больше времени, но помогать Криде его мучить я не хочу. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы Крида вообще до него не добралась, но моих сил может и не хватить. Я слишком хорошо знаю дворцовую политику: отказывать правящей особе — любого двора — не бывает просто.

Я приняла решение. И притянула Китто к себе.

Я усадила Китто себе на колени; ногами он охватывал мою талию, словно это я — парень, а он — девушка. Шорты туго натянулись на его ягодицах, и я держала в руках эту упругую плоть под тонкой тканью. Он сидел у меня на коленях, а мои губы скользили по его лицу, шее, плечам. Я легонько прикусила его плечо, и он вздрогнул всем телом — я даже сквозь ткань ощутила его напор. Придерживая Китто одной рукой под ягодицы, второй я погладила его по спине. Пальцы пробежались по радужным чешуйкам, нащупали дорожку голой кожи вдоль позвоночника, и я провела по этой длинной гладкой дорожке кончиком пальца. У Китто вырвался дрожащий вздох, он запрокинул голову, зажмурил глаза и приоткрыв рот. Но так и не засветился.

Он был прекрасен в эту минуту, но это была лишь магия обнаженной кожи и возбужденного тела. Сияния силы не было.

— Пусть он засветится, пусть засветится! — не выдержала Крида.

При звуке ее голоса Китто разом съежился, плечи обмякли, голова опустилась, и то, что прижималось к моему животу, утратило твердость. Будто голос Криды вызвал неприятные воспоминания. Гоблины не так ценят супружеские обеты, как мы, и оба супруга имеют определенную свободу. Ребенок от связи на стороне выращивается супружеской парой как общий. В незаконном рождении для гоблинов нет ничего позорного. Может, потому у них и наследственной монархии нет. Но каков бы ни был обычай гоблинов, я не слышала, чтобы Китто когда-то входил в число Кридиных фаворитов.

Кураг цыкнул на свою царицу, но было уже поздно.

Китто прильнул ко мне, обхватив ногами за талию, будто ребенок в поисках утешения. Лицом он уткнулся мне в плечо. Я посмотрела на Курага:

— Не знала, что между твоей царицей и Китто что-то было.

— Не было.

Не могу сказать, что я ему до конца поверила, но повода обвинить его во лжи я не нашла. Я погладила Китто по спине.

— Тогда мне непонятно, почему он так ее боится.

— Крида жаждет отведать гоблина, превратившегося в сидхе. Как и большинство наших женщин. На пиру у Китто будет роскошный выбор. — Особенно довольным этим обстоятельством Кураг не выглядел. Причина его недовольства была мне не вполне ясна, но я не так уж хотела ее знать.

— Гоблины насилуют врагов и пленников, но не друг друга, — удивилась я.

Кураг глянул мимо меня — на Риса.

— Твой белый рыцарь в точности знает, что мы делаем с пленниками.

Он ядовито ухмыльнулся, с радостью возвращаясь на знакомую почву. Ему чертовски нравилось дразнить Риса.

Рис шевельнулся у меня за спиной. Пока я ласкала Китто, он почти не подавал признаков жизни.

— Я знаю, как по-дурацки себя вел, Кураг. Принцесса объяснила мне, что я мог избавить себя от лишней боли, если б догадался попросить.

Ухмылка Курага перешла в угрюмую мину.

— Сидхе, признающий свою глупость, — да это чудо!

Краем глаза я заметила, как Рис кивнул.

— Мы — надменная раса, верно. Но кое-кто из нас умеет учиться на ошибках.

— И чему же ты научился, белый рыцарь?

— Я понял, что, прежде чем прибыть на пир к твоему двору, нам нужно знать совершенно точно, что там с нами будет. Со всеми нами, включая Китто.

— А это уже наглость, — заметил Кураг. — Никто из сидхе не вправе запретить гоблину что-то делать с другим гоблином.

— Если Китто не захочет внимания ваших женщин, он должен быть вправе сказать "нет", — заметила я.

— Я его попробую! — заявила Крида.

— Нет, если он не захочет, — возразила я.

— Он будет мой! — повторила она, наклонившись к зеркалу. Китто дернулся всем телом.

— Приведи в чувство свою царицу, Кураг, — сказала я.

— А толку? Наберется еще сотня таких, кто хочет того же.

Я обняла Китто покрепче.

— Он может не пережить внимания сотни гоблинок.

Кураг пожал плечами.

— Мы бессмертны. Выживет.

Я отрицательно качнула головой, но вслух высказался Рис:

— На это мы Китто не отдадим.

— Он принадлежит мне! — прорычал Кураг. — Я его отдал Мерри, но не насовсем. Я — его царь, и только мне решать, что с ним будет или не будет!

— Кураг! — позвала я и, когда уже почти оранжевые глаза повернулись ко мне, продолжила: — Я знаю ваши законы. Вы не насилуете собственных соплеменников, если только не сочли изнасилование подходящим наказанием для преступника.

— Есть одно исключение, Мерри.

Наверное, я выглядела такой же озадаченной, какой была.

— Исключения мне неизвестны.

Про себя я подумала: "Кроме разве того, что не стоит отказывать собственной царице".

— А я думал, твой отец хорошо тебя выучил нашим традициям.

— Я тоже так думала, — ответила я. — Вы же не насилуете друг друга, необходимости не возникает. Всегда найдется кто-нибудь, готовый составить компанию.

— Но если кто-то из нас продается за кров и защиту, то отказывается от права распоряжаться своим телом. Только его покровитель решает, кто будет к нему прикасаться.

Я все еще не понимала.

Кураг вздохнул.

— Мерри, ты не задумывалась, почему я был так уверен, что Китто пойдет к тебе и будет делать то, что ты скажешь?

Я поразмыслила и ответила:

— Нет. Если наша королева прикажет кому-то из своих стражей идти со мной и делать, что я захочу, он это сделает. Это не записано в законе, но никто не рискнет ослушаться королеву. Я предположила, что у вас дела обстоят так же.

— Я отдал тебе Китто, потому что он надоел своему покровителю. Мы не больно мягкосердечны, Мерри, но я не хотел, чтобы Китто порвали на кусочки, если он никого себе

не найдет. Хороший царь за всеми подданными приглядывает.

Я кивнула. Кураг был жесток, похотлив, вспыльчив, но никто не обвинял его в том, что он не заботится о своих людях, обо всех до последнего. В частности, поэтому он никогда не сталкивался с настоящей оппозицией своей власти. Он был крут, но справедлив. Его подданные наполовину его боялись, но на вторую половину — любили. Он их защищал.

— Я не знала, что кто-то из гоблинов может нуждаться в протекции такого рода, — сказала я. Китто в моих объятиях сделался неподвижен. Я едва не обоняла его страх. Страх при мысли, что же я теперь буду о нем думать.

— Полукровкам-сидхе среди нас приходится нелегко, Мерри. Большинство умирают еще до того, как они могли бы обрести вашу пресловутую магию. А другие часто кончают тем, что торгуют телом в поисках защиты. Среди нас много тех, кто жаждет заполучить сидхе в постель.

Он говорил о проституции, неслыханной вещи среди фей-ри, по крайней мере в самой волшебной стране. За ее границами... Ну, изгнанникам приходится добывать средства к жизни, и кое-кто добывал их и так. Но даже в таких случаях это скорее был способ получать деньги за собственное удовольствие. Мы весьма темпераментны, как правило, и для многих из нас секс — всегда секс. Это просто факт, никаких моральных оценок. Но у гоблинов даже слова для проституции не было. Более чуждую для их общества концепцию трудно выдумать.

— Но у гоблинов все сплошь и рядом занимаются сексом! Разве гоблины не считают, что большой разницы между партнерами нет?

Кураг пожал плечами.

— Все гоблины — ненасытные любовники, Мерри. Но у нас есть пристрастие к нежному мясцу, и оно довело кое-кого до положения шлюх. Тех, кто не может защититься сам и не может предложить ничего другого. Кто не владеет ремеслом, не умеет торговать, ничего не умеет. Они умеют только одно, вот мы и позволяем им продавать это свое умение за то, в чем они нуждаются.

Курага все это, очевидно, не очень радовало. Это будто оскорбляло его, опровергало его представления о том, как должен быть устроен мир.

— Мы бы таких слабаков поубивали, наверное, но раз уж они нашли себе местечко под крылом у тех, кто может их защитить, нам приходится их терпеть.

— Вряд ли среди вас таких много, — предположила я.

— Не много. Но почти у всех есть в жилах кровь сидхе. — Кураг взглянул в сторону от зеркала. — Хотя не все полусидхе — слабаки.

Он махнул рукой, и в поле зрения ступили двое мужчин. С первого взгляда я приняла бы их за сидхе, благих сидхе. Оба были стройные и высокие, с длинными светлыми волосами и красивые как раз той красотой, что присуща сидхе: с роскошными полногубыми ртами и линиями скул, напомнившими мне Холода. Кожа у них была того нежно-золотистого цвета, о котором при Благом Дворе говорят "поцелованный солнцем". Такой цвет — редкость среди благих, а при нашем дворе не встречается вовсе. Но взглянув еще раз, я отметила глаза — слишком большие для их лиц, продолговатые, как у Китто, и лишённые белков. Темный кружок зрачка терялся в зеленом море у одного и в алом — у второго. Зеленый цвет вызывал в памяти летнюю траву, а красный — ягоды остролиста глубокой зимой. Они оба были еще и массивней, чем сидхе, словно упражнялись в поднятии тяжестей, а может, это гены гоблинов позволили им нарастить побольше мускулов.

— Это — Падуб, а это — Ясень. Двойня, которую какая-то женщина из благих

подкинула к нашим дверям в последнюю большую войну. Этих двоих у нас боялся.

Такое представление из уст царя было высшей оценкой доблести гоблинов — и в чем-то, похоже, предупреждением для нас.

Красноглазый угрюмо уставился на нас. Зеленоглазый казался много нейтральней: он как будто никак не мог решить, ненавидеть нас или нет. Его брат выбор давно сделал.

— Привет вам, Падуб и Ясень, первые из воинов Курага, — сказала я.

Ответил только зеленоглазый:

— Привет тебе, Мередит, принцесса сидхе, обладательница руки плоти. Я — Ясень. — Голос у него был спокойным и приятным. Он коротко поклонился мне.

Брат повернулся к нему: казалось, он готов его ударить.

— Не кланяйся ей! Она для нас — никто. Не королева и не принцесса, никто!

Кураг вылетел из кресла и набросился на Падуба едва ли не прежде, чем тот успел среагировать. Падуб потянулся за поясным ножом, но промедлил. Если б он достал нож, Кураг мог счесть это смертельным оскорблением, и драка кончилась бы смертью. Стоило ему достать нож, и все зависело бы от царя. Я видела миг колебания на лице Падуба, а потом мелькнул кулак Курага, и младший гоблин оказался на полу у кресла. Кровь заблестела на золотистой коже, будто причудливое украшение из алых камней. Кровь почти того же цвета, что его глаза.

— Я здесь царь, Падуб, и пока ты не дорастешь до того, чтобы доказать обратное, мое слово для тебя — закон!

Падуб рукавом стер кровь с подбородка и сказал, не поднимаясь с пола:

— Мы не шлюхи. Мы ничего не сделали такого, чтобы ты мог послать нас в ее постель, в чью угодно постель. Мы не торгуем телом за защиту. — Он закашлялся и сплюнул кровью на пол. Гоблины такую трату телесных жидкостей воспринимали как оскорбление. Кровь следовало проглотить. — Мы доказали, что мы — гоблины, а не сидхе, а ты продаешь нас этой бледной немочи! Мы такого не заслужили!

Кураг медленно шагнул вперед, словно каждый его мускул сопротивлялся этому движению. Он жаждал порвать Падуба на клочки, это было написано у него на лице. Мы видели, как он пытается обуздать свой гнев.

Ясень сделал какое-то движение. Я не успела уловить какое, но оно привлекло мое внимание. Ножа он не тронул, но что-то все же сделал.

Дойл вмешался в сцену:

— Кураг, все это будет непросто даже с добровольцами. А уж так...

Кураг повернулся к нам.

— Они слишком молоды, Дойл. Они не помнят, какими мы были. Если бы Падуб понял, чем мы были и чем можем стать снова, он бы к вам помчался со всех ног.

— Большая часть ваших полукровок родилась в последнюю войну?

Кураг кивнул:

— Те, что были старше, в основном мертвы. Полукровки-сидхе долго у нас не заживались, пока мы не стали делать их шлюхами.

— Мы никогда не были шлюхами! — воскликнул Падуб.

Ясень за плечом Курага едва ли не улыбался, но руку держал за спиной. Крида спряталась за трон, и я заметила блеск клинка в ее многочисленных руках — но не в тех, что были со стороны Ясеня. Вытащил ли он нож? Что бы он ни сделал, Криде это не нравилось. Мне — тоже, если честно.

— Довольно, Кураг, — сказала я. — Я никому не собираюсь навязываться. Если Падуб не хочет стать сидхе, так тому и быть.

— Ноя хочу стать сидхе, — произнес Ясень непринужденно, голос вполне подходил к легкой улыбке, которая, впрочем, никак не затрагивала глаз. Этот Ясень был прирожденным политиком. Улыбка стала шире, но при этом погрузнела. — Мы с братом никогда прежде не расходились во мнениях. Но я сидхе стану, и Падуб тоже.

Крида подобралась к нему почти настолько, чтобы увидеть, что он прятал за спиной. Ясень переместил руку вперед. Я видела, как застыла Крида. Я чувствовала, как напряглись Дойл и Рис рядом со мной. Рука Ясеня оказалась пуста, но я поспорила бы на что угодно, что миг назад в ней что-то было.

Слегка неверным голосом я выговорила:

— Так приди и стань сидхе, Ясень. Зачем тащить за собой брата, если он не хочет?

— Потому что я хочу, — ответил Ясень, и приятное выражение лица вдруг сменилось высокомерием, которое можно увидеть только у сидхе. О да, Ясень был одним из нас. Он жил среди гоблинов, но он был наш.

Падуб поднялся на ноги, встав так, чтобы между ним и Курагом оставалось большое деревянное кресло. К нам он стоял спиной, и лица его я не видела, зато слышала голос, пропитанный чем-то похожим на страх, а может, каким-то другим сильным чувством, которому я не могла подобрать названия.

— Брат, не поступай с нами так. Нам не нужны сияющие. Мы — гоблины, и лучше ничего не придумать.

Ясень покачал головой:

— Мы вместе прошли через все, Падуб, и дальше тоже пойдем вместе. Я слышал рассказы наших сказителей. Я понял, какими мы были прежде, и мы с тобой вернем гоблинам славу прежних дней. — Он пошел к брату, пройдя мимо Криды, будто ее и не было. Крида рассерженно зашипела на Ясеня, ее клинок блеснул серебром, но она убрала его в ножны, тут же затерявшиеся где-то в пучках ее рук.

Ясень подошел к Падубу и положил руку ему на плечо.

— Я всегда буду держать твою сторону, даже в твоём гневе на царя, но не обрекай нас на гибель, когда мы стоим на пороге такой славы, какую гоблины не видали больше двух тысяч лет.

Из этой речи следовало, что он не позволит Курагу убить Падуба; что царю, если он решит покончить с Падубом, следует ждать удара с двух сторон.

Падуб резко ткнул рукой в нашу сторону, взгляд его буквально сочился ненавистью.

— Они бросили нас подыхать. Как ты сможешь делить с ними постель?

Ясень схватил брата за руку, пальцы вонзились в плоть так глубоко, что это было заметно даже на расстоянии. Он слегка встряхнул Падуба.

— *Эти* сидхе ничего нам не сделали. Ни один из них нам не мать и не отец.

— Откуда ты знаешь?

— Посмотри на них, Падуб, посмотри глазами, не ослепленными ненавистью! — Он и правда развернул брата к нам; на лице Падуба запечатлелась такая смесь боли и ярости, что смотреть на него было трудно. — Ни у кого из них нет золотых волос и кожи. Они — неблагие сидхе, они нам ничего плохого не сделали.

Казалось, Падуб готов был разрыдаться. Никогда не думала, что могу увидеть плачущего гоблина. То есть Китто я плачущим видела, но это был Китто. Я уже не воспринимала его

как гоблин, он был сам по себе, такой как есть. А Падуб, как бы ни был похож на сидхе, для меня оставался гоблином. Генетически он был наполовину сидхе, но по воспитанию и образу мыслей — гоблином. И пока он не убедит меня в обратном, я буду относиться к нему как к гоблину.

— Я не верю, что этот гоблин может сиять, как сидхе, — зло и упрямо заявил Падуб.

— Заставь Китто сиять, Мерри, — сказал Кураг. — Ему нужно доказательство.

— Если ты дашь гарантию, что Китто не станет добычей любого гоблина, кому захочется отведать плоти сидхе, я добьюсь, что он засияет. Без такой гарантии его страх пересилит все.

Китто опять вздрогнул. Он чуть повернул голову, чтобы краем глаза видеть зеркало, но льнул ко мне, как устрица к береговым камням, словно боялся, что прилив оторвет его и унесет в море.

— Нет, — крикнул Падуб, вырываясь из сдерживающих рук брата. — Нет, если дать ему такие гарантии, то все шлюхи потребуют того же! — Он мотнул головой, разметав в стороны светлые волосы.

— Увы, я согласен с Падубом, Мерри. Разрешишь одному, и пойдет лавина.

Я нахмурилась, задумавшись, потом спросила:

— Я его любовница. Это делает меня его покровителем?

Кураг, похоже, растерял все слова. Ясень качнул головой:

— Она не понимает, о чем речь.

Кураг посмотрел на Дойла.

— Мрак, принцесса — сидхе, конечно, но она — не ты и даже не белый рыцарь. Она не так сильна, чтобы драться с каждым гоблином, который захочет полакомиться Китто.

— Она сказала, — зыркнул на нас Падуб. — Она — его покровительница, пусть так и будет.

— Да! — мяукнула Крида. — Я хочу драться с ней первой, когда она придет к нам. Китто будет мой, а если мне для этого придется порезать ее белую плоть, так тем лучше!

Я поняла свою ошибку, но как исправить ее — не знала.

— Мы не поведем принцессу в ваш холм, если там ей придется ночь напролет драться на дуэлях, — сказал Дойл. — Что за телохранители мы были бы, допусти мы такое?

— Падуб прав. Если я избавлю Китто от преследований, то другие такие же пожелают того же. У нас порядки более демократические, чем у сидхе, и голос моего народа для меня значит больше, чем для любого вашего монарха. — Кураг пожал массивными плечами. — Наши порядки хороши для нас, но Мерри — не гоблин. Ночь дуэлей она не выдержит.

— Неужто сидхе такие хрупкие? — съязвил Падуб.

— Не напрашивайся на новую оплеуху, — буркнул Кураг.

— Я — смертная, — объяснила я.

На лице Падуба отразилось удивление, но вслух его высказал Ясень:

— Мы думали, это клевета, распространяемая твоими врагами. Так ты на самом деле смертная?

Я кивнула. Ясень поразился еще больше.

— Значит, ты умрешь, защищая шлюху?

Рис поднялся за моей спиной, и его руки скользнули не только по моим рукам, но и по рукам Китто. Рис уткнулся подбородком мне в макушку, но руки гладили спину маленького мужчины.

— Он под нашей защитой, — сказал Рис. Голос был звонким, чистым и спокойным.

Китто взглянул на него, и я была рада, что в зеркале никто не мог увидеть шок на лице Китто. Рис на него не смотрел, он по-прежнему демонстрировал непроницаемое лицо всем, кто был за зеркалом.

Вот теперь царь гоблинов лишился речи надолго. Наверное, мы все лишились речи.

А, нет, не все.

Крида вспрыгнула на кресло, чтобы обеспечить себе — а может, нам, — лучший обзор.

— Неужто мы привили тебе вкус к гоблинскому мясу, белый рыцарь?

— Китто — сидхе, — не терпящим возражений тоном объявил Рис. — Так я говорю.

— Да будет так, — сказал Дойл.

В воздухе разнесся звон. Не настоящий звук, не колокол, не звон струны — а отзвук слов, будто обретших вес и эхом отдававшихся по комнате. По лицу Курага было видно, что и он это ощутил. Случилось что-то важное. Что-то судьбоносное. То ли какой-то кусочек пророчества встал на место, то ли, напротив, полностью переменялся — так что в этот миг изменились судьбы всего мира. Тяжесть такой перемены можно ощутить, но что именно случилось — никогда не узнаешь, во всяком случае, до тех пор, пока не станет поздно что-либо предпринять. До того, как мы узнаем, что несли в себе эти несколько коротких слов, могут пройти недели или даже годы.

В глубине комнаты, где стоял Кураг, послышался иной звук. Кладанье по полу и как будто шуршание, словно двигалась многоногая гусеница. Мне звук не был знаком, но Китто вдруг побледнел как смерть и обмяк всем телом. Если б я его не держала, он свалился бы на пол. Рис вскочил на колени. Его руки лежали у меня на плечах, и я чувствовала, как сквозь них струится напряжение.

Я хотела спросить, что происходит, но боялась обнаружить нашу слабость перед Курагом. И тут Кураг сам ответил на мой незаданный вопрос.

— Я тебя еще не звал! — Кураг гневался, но в гневе различалась усталая нотка. Как будто гнев был скорее формальным. Кураг словно не надеялся, что гнев чем-то поможет. Я никогда не видела Курага таким... обреченным.

Из-за рамы прозвучал голос. Высокий и шипящий, так что я первым делом подумала о змеях, но в нем присутствовал еще и металлический оттенок, как у Криды, а в родне Криды змеегоблинов не было. Странный голос произнес:

— Ты жже хотел, шштобы я показаласссь, Кураг? Хотел, шштобы принцессса увидела, что не всссе мы так похожжи на сссидхе, как Падуб и Яссень.

— Да, — сказал Кураг, поворачиваясь к зеркалу. Лицо его было серьезным и строгим. — Помни, Мерри: не все потомки сидхе унаследовали их внешность. Прежде чем заключать договор, посмотри, кого ты возьмешь в свою постель. — Он перевел взгляд на Риса и сказал без всякого поддразнивания: — И не все полукровки — мужчины.

— Не думай даже, Кураг, — сказал Рис голосом, лишенным эмоций, но в этом невыразительном голосе было что-то, от чего я пришла в ужас.

— Она происходит от сидхе, белый рыцарь, и хочет снова разделить с тобой постель.

Кладанье-шуршающий звук стал громче, что-то подползало к нам все ближе.

Китто беспомощно заскулил. Я обняла его крепко-крепко, но он будто ничего не почувствовал — безвольно висел в моих руках, словно полностью ушел в себя.

— Что там такое? — спросила я.

Рис произнес всего одно короткое слово, но произнес с такой ненавистью, что оно

резало уши. Он назвал имя в тот самый миг, когда что-то вползло на кресло Курага. Что-то, будто слепленное из обрывков кошмарных снов.

— Сиун.

Китто закричал.

Закричал тонко и жалобно, как крольчонок в лапах у кошки. Вырвавшись у меня из рук, Китто на четвереньках шмыгнул по постели и упал с другой ее стороны.

Холод вбежал в комнату с пистолетом в одной руке и мечом в другой, поискал глазами противника и не нашел.

— Что случилось? Что с Китто такое?

— Мой мышшонок не хочет поприветсствовать ссвою хозяйку? Разве ты вссе забыл, чему я тебя научила, Китто? — прошипела тварь из кресла.

Дойл присел рядом с Китто и безуспешно пытался его успокоить. Я слышала его басовое бормотание в промежутках между криками, но когда Китто смог произнести хоть что-то членораздельное, это было только "Нет, нет, нет, нет!". Снова и снова.

Я бы тоже бросилась к Китто, но Рис вцепился мне в плечи. Один взгляд на его лицо — и я поняла, что в помощи нуждался не только Китто. Я не знала, чем могу помочь, но осталась на месте, и Рис, стоя на коленях, прижался к моей спине. Наверное, ему просто нужно было на что-то опереться.

Я отвернулась от гоблинки и подождала, пока мозг освоится с тем, что увидели глаза. На первый взгляд она казалась огромным, мохнатым черным пауком. Пауком размером с крупную немецкую овчарку. Но голова у нее сидела на шее, а не на брюхе, и рот тоже был похож на человеческий: у него имелись губы. Клыки тоже имелись, правда. Длиннющие черные ноги по бокам пузыревидного тела были совершенно паучьими, зато пара торчавших спереди рук — не были. Глаза, казалось, размещались везде, где можно и где нельзя, и все были трехцветными, три кольца разных оттенков синего. Тварь приподнялась, будто устраиваясь в кресле поудобнее, и сквозь шерсть проглянули бледные груди. Самка. Я не могла заставить себя назвать *это* женщиной.

Даже не думала, что когда-нибудь увижу такого фейри, кто действительно покажется мне ожившим кошмаром. Я дитя Неблагого Двора, мы и есть собрание кошмаров. Но Сиун оказалась кошмаром из кошмаров. Будь в ней чуть больше от человека или, наоборот, чуть больше от паука — и она была бы не так ужасна. Но она была чем-то средним, и впечатление создавалось просто жуткое.

Из странной формы рта, затерявшегося в черной шерсти между россыпями глаз, донеслись звуки:

— Риссс, как ссславно, очень ссславно тебя видеть! Я еще храню у ссебя на полке твой глазсс, в ссстеклянной банке. Навессти насс опять. Мне пригодилссся бы второй.

Я почувствовала дрожь Риса — он дрожал всем телом, как на невидимом ветру. Его голос был начисто лишен эмоций, просто опустошен — и звенел от этой пустоты, точно ракушка, выброшенная на берег.

— Если ты не хотел заключить договор с нами, Кураг, тебе следовало просто сказать об этом и не тратить ни свои, ни наши время и силы.

Я погладила руку Риса, все еще сжимавшую мое плечо, но не думаю, что он почувствовал хоть что-то.

— Холод! — позвал Дойл. — Займись Китто.

Холод убрал меч в ножны, пистолет — в кобуру и пошел к Китто. В повседневных мелочах Холод мог и поспорить с Дойлом, но в чрезвычайных ситуациях все стражи

повиновались ему беспрекословно. Вековые привычки забываются с трудом.

Шагнув к нам с Рисом, Дойл спросил:

— Чего ты добиваешься, Кураг?

— Я хочу рассмотреть на крассавчика сидхе! — запротестовала Сиун.

— Заткнись, Сиун! — бросил Кураг через плечо, словно отмахнулся от зануды. К моему удивлению, она и правда заткнулась.

— Я считал, Мерри нужно знать, на что вы ее толкаете. — По его лицу пробежало что-то вроде обычной его ухмылки. — Впрочем, Мрак, в постель с Сиун ляжет не она.

— С ней никто не ляжет, — заявил Рис. Дойл положил руку ему на плечо.

— Не рассчитывайте, что ей снова достанется Рис или Китто.

— Сам с ней переспешь? — поинтересовался Кураг.

Дойл ответил ему непроницаемым взглядом:

— Твое предложение, Кураг?

— Я соглашаюсь на месяц союза за каждого гоблина, которого вы сделаете сидхе, а вы беретесь удовлетворить каждого гоблина с примесью крови сидхе, который на это решится.

Черные глаза Дойла метнулись к Сиун и снова вернулись к Курагу.

— Почему ты так сопротивляешься, Кураг? Почему ты не хочешь вернуть гоблинами магию?

— Я не сопротивляюсь, напротив — я соглашаюсь! Но на определенных условиях. Я даже дам Мерри ее месяц за каждого гоблина, с кем вы переспите.

Дойл кивнул в сторону Сиун:

— Требовать, чтобы мы спали со всеми, кому заблагорассудится, — это оскорбление.

— Разве она была бы такой, если бы кто-то из вашего народа не изнасиловал ее мать?

— Ее мать не насиловали, — проронил Рис все тем же жутким бесстрастным голосом.

Кураг пропустил его слова мимо ушей, но Дойл переспросил:

— Что ты сказал, Рис?

— Она хвасталась, что ее мать сама изнасиловала какого-то сидхе в последнюю войну. — Руки Риса до боли сжали мне плечи. — Не вешай на нас вину за этот именно кошмар, Кураг. Это гоблины сотворили сами.

По лицу Курага было видно, что он знал правду.

— Ты солгал нам, Кураг, — обвиняюще произнес Дойл.

— Нет, Мрак, я задал вопрос, я не утверждал, что ее мать изнасиловали.

— Очень уж вольно ты обращаешься с правдой, Кураг, — сказала я.

Кураг посмотрел на меня и кивнул:

— Наверное, у сидхе научился.

— А это что, не оскорбление?! — воскликнул Рис.

Дойл поднял ладонь.

— Хватит. Мы или соглашаемся на условия гоблинов, или заканчиваем разговор и остаемся в союзе с ними на следующие два месяца, и только.

— Я дам вам время подумать, — сказал Кураг. Он поднял руку, намереваясь прервать связь.

— Нет, — остановил его Дойл. — Нет, если мы отложим разговор, ты выдумаешь что-нибудь еще. Мы решим сейчас.

Я смотрела на Дойла и не могла разобраться в его чувствах: ни лицо, ни поза не давали никаких подсказок. Это был Мрак, неприступный Мрак, левая рука королевы. Кошмар моего

детства. Впрочем, я еще ни разу не видела его на публике таким раздетым. Мрак ее величества всегда был одет от шеи до кончиков пальцев, в любую погоду. Когда-то закатать рукава для него было все равно что раздеться догола — а теперь на нем были плавки из трех веревочек, и все же он оставался все тем же неприступным, непроницаемым, ужасающим Мраком.

— Кто из вас переспит с Сиун? — в лоб спросил Кураг.

— Я, — ответил Дойл.

— Нет! — тут же сказала я.

— Никто из нас к ней не притронется, — процедил Рис.

— Нам нужна эта сделка, Рис, — напомнил Дойл.

Рис мотнул головой.

— Я поклялся, что убью Сиун, как только встречу. Я поклялся на крови.

— На крови? — переспросил Дойл. Рис молча кивнул.

Дойл вздохнул.

— Мы соглашаемся переспать со всеми полукровками-сидхе, какие у вас есть, Кураг, но Сиун придется сперва ответить на вызов Риса.

— А если она его убьет? — спросил Кураг.

— Клятва Риса будет исполнена. Мы не станем мстить.

— Решено, — сказал Кураг.

— А когда я убью Рисса, — прошипела Сиун, — я при-мусссь за его подссстилку, за моего сссладкого Китто. Я поеду на нем, пока он не засссияет подо мной! — Она уставила на Риса десятки глаз, трехцветных прекрасных глаз, будто принадлежащих кому-то другому: кольца небесно-голубого, василькового и фиолетового цветов. — Этот для меня не засссиял... Есссли бы ты засссветилссся подо мной, я бы оссоставила тебе глазсс.

— Я сказал это тебе тогда и повторю сейчас. Влезть на меня ты смогла, но заставить меня получать удовольствие — нет. Ты — дрянная подстилка.

Она взметнулась с кресла и заполнила собой зеркало — словно вдруг увеличилась в размерах. Все жуткие конечности — и паучьи ноги, и человечесьи руки, и уродливый рот, — все тянулось к нам. Она царапала стекло когтями и визжала:

— Я убью, тебя, Риссс, и принцессса не ссспассет Китто! Он будет мой, мой и будет сссветитьссся для меня!

Китто крикнул, и мы все повернулись к нему. Бледный, с огромными синющими глазами, он вытянул вперед правую руку и выкрикнул:

— Не-е-ет!

Рис успел столкнуть меня на пол и упасть следом за долю секунды до того, как чары прошили воздух над нашими головами. Стекло будто расплавилось, и Сиун провалилась в него. Голова, рука... Второй рукой она безуспешно пыталась за что-нибудь удержаться.

Китто выставил вперед обе руки, словно пытаясь ее отстранить, и закричал опять, на этот раз без слов, тонким от ужаса голосом.

Рис прижал меня к коврику, накрыв своим телом. Я слышала еще крики, и не только Китто. Потом Дойл произнес несколько растерянно:

— Отпусти принцессу, Рис.

Рис поднялся на колени, оглядел комнату и замер, уставившись в зеркало. Дойл помог мне встать.

Холод держал Китто на руках, укачивая его, как ребенка. Я повернулась в сторону, куда

глядел Рис.

Сиун больше не проваливалась сквозь зеркало. Половина длинных черных ног торчала с нашей стороны стекла, половина — осталась на стороне Курага. Одна рука протянулась к нам, а вторая колотила по стеклу с обратной его стороны, но никак не могла разбить. Сиун не слишком громко, но безостановочно сыпала проклятиями. Она пыталась высвободиться, груди мелькали белым на солнечном свете — но ей не удавалось. Она влипла накрепко. Была бы она смертной, она бы уже умерла, а так — это даже не особенно повлияло на ее самочувствие. Она просто была обездвижена.

Дойл осторожно, чтобы дергающиеся конечности Сиун не задели его, подошел к зеркалу.

— Похоже, оно опять затвердело.

— Да... Ну и дела! — сказал с той стороны стекла Кураг.

— Согласен, — откликнулся Дойл.

— Сделать что-то можно? — спросил Кураг.

Дойл взглянул на Китто, близкого к обмороку.

— Эти чары создал Китто. Он мог бы обратить их вспять, если бы знал как. Больше никто из нас этого сделать не сможет.

— Но что, во имя рогов Консорта, натворил Китто? — Кураг наклонился к зеркалу, рассматривая его, но стараясь ни в коем случае не коснуться поверхности стекла.

— Кое-кто из сидхе может пройти сквозь зеркало, и большинство умеют переговариваться с их помощью. Впрочем, мне не доводилось слышать, чтобы кто-то прошел на столь далекое расстояние. — Дойл изучал стекло и застрявшую в нем гоблинку с видом университетского профессора, столкнувшегося с интересной проблемой.

— Китто может вернуть все на место?

— Холод, — позвал Дойл, — спроси у Китто, может ли он освободить ее и отослать обратно?

Холод тихонько заговорил с маленьким мужчиной. Китто неистово замотал головой, цепляясь за Холода с силой отчаяния.

— Он боится, что она попадет сюда, если он снова откроет зеркало.

— А вы просто толкните ее назад, — предложил Кураг.

— Он говорит, пусть она торчит в зеркале, пока не сгниет, — передал Холод.

— Она не сгниет. — Кураг снова обратился к Дойлу: — Она бессмертная, Мрак, она не умрет. — Кураг хлопнул по стеклу. — Это ее не убьет.

— Ох, ну нельзя же ей оставаться вот так, — сказала я. Я не знала, что мы можем сделать, но и оставить все как есть — это не выход.

— Вообще-то можно, Мередит, — заметил Дойл. Я качнула головой.

— Я понимаю, что это возможно, Дойл. Я хочу сказать, это неприемлемо. Я не хочу, чтобы она торчала из зеркала в моей спальне, будто кабанья или там оленья голова, только еще и живая.

— Ясно. — Он оценивающе посмотрел на гоблинку. — Я попробую что-то придумать, но если честно, простого выхода я не вижу.

— А если разбить стекло? — спросил Кураг.

— Скорее всего ее разрежет на куски.

— Ну, от этого она не умрет, — сказал царь гоблинов.

— Нет! Только не разбивайте! — завопила Сиун.

Никто не обратил на нее внимания.

— Но может случиться, что половина останется на вашей стороне, и половина — на нашей, — продолжал размышлять Дойл. — Гоблины могут залечить такие серьезные повреждения?

Кураг нахмурился:

— Убить-то ее это не убьет...

— Но сможет ли она срастись воедино или так и останется рассеченной на куски?

Сиун принялась вырваться с новой силой.

— Не разбивайте зеркало, мать вашу!!

Я ее вполне могла понять, но проблема даже среди фейри была настолько необычной, что не укладывалась в мозгах. То, что она так застряла, — даже страшным не казалось, это просто не удавалось осознать.

— Ну, если зеркало не разбивать, то будь я проклят, если знаю, что делать, — сказал Кураг.

Падуб подошел к зеркалу и потрогал Сиун в том месте, где ее тело входило в стекло. Он не причинил ей боли, но она заорала, будто он ее ударил. Падуб почти испуганно проговорил:

— Это сделал Китто, я видел. Я почувствовал, как магия пронеслась сквозь меня всепроникающим ветром. — Он обвел руками по линии, где тело Сиун соприкасалось со стеклом.

— Не трожь меня! — крикнула она.

Падуб посмотрел на нас.

— Я согласен с желанием моего брата. Я пойду к принцессе, если у нас есть шанс получить такую силу. — Он еще раз посмотрел на зеркало с застрявшей в нем Сиун и взглянул на меня. — Мы придем к тебе, принцесса. — В его взгляде читалось вожделение, но не плотское вожделение — а вожделение силы. Это желание не такое горячее, зато приводит оно к весьма горячим последствиям, к опасным последствиям.

— Увидимся на пиру, Падуб, — сказала я. Сказать, что я буду рада его видеть, значило бы солгать.

— Мы оба увидимся там с тобой, — добавил Ясень.

— Уточним еще раз, Кураг, — сказала я. — Месяц союза за каждого гоблина, которого мы превратим в сидхе.

— Согласен, — ответил он.

— И вот еще что уточним, — добавил Дойл. — Ввести сидхе в силу можно и другими способами, не только сексом.

— Схваткой до крови, хочешь сказать?

— Да, а еще участием в великой охоте или священном поиске.

— Не бывает уже тех охот, Мрак, и никто не уходит в священный поиск. В мире нет волшебства ни для того, ни для другого.

— Не стану спорить, Кураг, но я не хотел бы отвергать эти возможности.

— Можете делать сидхе из моих гоблинов, как будет вам удобно — если только это не будет стоить им жизни. Сказать правду, Падуб не единственный, кто не желает спать с сидхе. — Тут Кураг усмехнулся бледным подобием обычной ухмылки. — На наш вкус, у вас маловато частей тела.

— Ох, Кураг, старый льстец! — улыбнулась я.

— Я хочу, чтобы одно было совершенно ясно, — сказал Ясень. — Для меня и моего брата ритуалом будет секс с принцессой Мередит и ничто другое.

— Но почему, брат?! — воскликнул Падуб. Ясень встряхнул головой, разметав по плечам светлые волосы.

— Я так хочу. — Он посмотрел на брата, и между ними что-то пробежало, какой-то намек, который я не могла разгадать. — Я лягу с ней, Падуб, а куда я, туда и ты.

— Мне это не нравится.

— Ну и не надо. Все равно сделай.

Падуб едва заметно кивнул. Ясень улыбнулся нам:

— Увидимся на пиру, принцесса.

— Хорошо, — кивнула я.

— А я?! Что будет со мной? — Сиун уже почти стонала.

Я пожала плечами.

— Я не знаю, что с тобой делать.

— И я, — присоединился Кураг.

— Я знаю. — Рис подошел к Сиун. Она хлестнула по нему шипастой ногой. Он отпрыгнул подальше и рассмеялся. Станным смехом — красивым и неприятным одновременно.

— Что же? — спросил Дойл.

— Я требую с Сиун цену моей крови здесь и сейчас.

— Если ты ее убьешь, она все равно не высвободится из зеркала, — сказал Дойл.

— Высвободится, — уверенно сказал Рис. Он стоял точно за пределами досягаемости ее руки и брыкающихся ног. — Я видел, как такое сделали намеренно, чтобы поймать врага в ловушку. Как только он умер, зеркало снова стало целым, а половинки тела остались по разные его стороны.

Сиун в панике забила о стекло, шипастые ноги оставляли глубокие белые царапины в полированной древесине рамы.

— Нет! — закричала она.

— Когда мы виделись в последний раз, связанным и беспомощным был я. Не думаю, что тебе такое положение нравится больше, чем нравилось мне.

Она рванулась в его сторону, одна из ног так хлестнула по раме, что черная шпора на голени вонзилась в дерево, и Сиун с трудом ее выдернула.

— Спокойней, спокойней, милочка, — посоветовал Рис.

— Будь ты проклят!

— Если она проклянет кого-то из нас, — сказал Дойл, — мы наложим проклятие на гоблинов. Сидхе теперь не так сильны, как раньше, и все же не советую тебе идти на такой риск, Кураг.

— Если она ругнется еще раз, отрубите ее неблагодарную башку! — сказал Кураг.

В криках Сиун звучали скорее ярость и разочарование, чем страх. Вряд ли она по-настоящему боялась умереть. И у нее были на то основания. Убить бессмертного фейри не так уж легко. Обычно для этого требуется пропасть магии с использованием смертной крови или особое оружие. У нас не было ни того, ни другого.

Рис отступил на шаг от бьющейся Сиун и повернулся к Китто.

— Холод, дай Китто твой короткий меч.

Холод посмотрел на Дойла. Китто даже не повернул головы.

— Что ты задумал, Рис? — спросил Доил.

Рис подошел к Холоду и Китто, присел на колени, чтобы глаза оказались на одном уровне с глазами маленького мужчины, и стал гладить Китто по волосам, пока тот не повернулся к нему.

— Я попал ей в лапы всего на несколько часов, Китто. Я вообразить боюсь, каково принадлежать ей месяцами.

Хрипло, но отчетливо Китто произнес:

— Годами.

Рис взял в ладони лицо Китто и прижался лбом к его лбу. Он что-то зашептал, и я перестала разбирать слова, но интонации были слышны: убеждающие, сочувствующие, настаивающие.

— Не надо, Рис, не требуй, — сказал Холод.

Рис взглянул в глаза Холоду:

— Есть лишь один способ справиться со своим страхом — это встретиться с ним и одолеть. Мы пойдем в этот бой вместе, Холод, он и я.

Китто кивнул, не поднимая головы из ладоней Риса.

— Дай ему короткий меч, Холод, или мне придется пойти за другим. — В лице Риса появилось что-то командное, сила, которая прежде не чувствовалась. Холод это уловил. Он пересадил Китто на кровать, встал и добыл из-под пиджака меч немногим длиннее большого ножа. В руках Холода он казался слишком коротким. Страж подал его Китто рукояткой вперед.

Китто нерешительно протянул к нему руку. Стражи учили его обращаться с оружием. Кое-что он умел и раньше, но тактика гоблинов строилась в основном в расчете на физическую силу и массу тела. Для Китто она вряд ли подходила. Он учился нужным приемам, но практики ему не хватало, и он еще не обрел уверенности в себе.

Он взялся за рукоять обеими руками — для них вполне хватило места — и настороженно глядел на клинок, словно тот мог вывернуться из рук и укусить его.

Рис наклонился и выудил из-под кровати меч в ножнах. Тайники с оружием имелись у нас на всякий случай по всему дому. Но для Китто, видимо, под кроватью подходящего оружия не было.

Рис обошел кровать, полуведя-полуподталкивая Китто за плечи. Едва отойдя от кровати, Китто попятился обратно, меч чуть не выпал у него из рук.

Сиун завизжала:

— Кураг, мой царь, спаси меня от них!

— Вспомнила, что я твой царь, Сиун? Ну, теперь это тебе не поможет.

— Спаси меня, Кураг, спаси! Неужто ты ссстанешь просссто сссмотреть, как ссидхе убьют твоего гоблина?! — Она с мольбой протянула к нему белую руку, ту, что оставалась на его стороне зеркала.

Кураг вздохнул.

— Могу ли я предложить тебе что-нибудь взамен, белый рыцарь? Выкуп за ее жизнь?

— Почему за мою жизнь, Кураг?! — крикнула Сиун. — Они меня только разрезать могут, но не убить!

— Она права, белый рыцарь. Ты не сможешь убить ее, она бессмертна.

Китто замер как вкопанный, отказываясь отходить от кровати. Если Рис хочет, чтобы он приблизился к Сиун на длину меча, ему придется сгрести Китто в охапку и последние

несколько футов нести.

Рис оставил его в покое и шагнул к зеркалу, остановившись как раз за пределами досягаемости для Сиун. Он с отстраненным видом смотрел на гоблинку, будто припоминая что-то.

— На этот счет не беспокойся, Кураг, — сказал он.

— Назови подходящий выкуп, белый рыцарь, и я постараюсь заплатить. Есть же что-нибудь, что ты хотел бы получить? — Кураг подошел вплотную к Сиун и ободряюще погладил ее мохнатую спину.

— Я хочу ее смерти, Кураг, — ответил Рис.

Лицо Курага отразило одновременно и удовольствие, и тревогу, словно он опасался перегнуть палку. Он вкрадчиво произнес:

— А как насчет одного из мужчин-гоблинов, наслаждавшихся твоим обществом? Такая замена тебя не устроит? — Он попытался сделать каменное лицо, но в оранжево-желтых глазах горел лукавый огонек. Он наслаждался неловким положением Риса. Не думаю, что зрелище насилия над Рисом возбуждало его сексуально, но насилие как таковое, зрелище унижения сильного — о да, это Курагу очень нравилось!

Рис почернел от надвигающегося гнева, но тут же справился с собой. Он задумчиво глянул на Курага:

— Ты предлагаешь кого-то конкретного?

Теперь задумался Кураг.

— А ты помнишь кого-то по имени? — Он ухмыльнулся почти по-прежнему.

— Почти все предпочитали представиться. Имя Сиун я запомнил.

Кураг кивнул и опять погрузился, словно ему хотелось бы забрать какие-то из своих слов обратно. Среди тех, кто измывался над Рисом, наверняка были гоблины, которых Кураг ненавидел или считал угрозой себе. В этом и была загвоздка. Для царя гоблинов признать, что кто-то представляет для него угрозу, — не так легко, а может быть, и опасно. Гоблины не подсылают друг к другу убийц. Это считается трусостью. Царя, который убивает чужими руками, гоблины могут и казнить. Но если Рис пожелает смерти его врага в качестве выкупа — руки Курага останутся чисты. Вот только назвать нужное ему имя Кураг не мог, это было бы плохо принято. И Кураг переложил все на Риса.

— Так назови кого-нибудь, белый рыцарь!

Рис качнул головой.

— Если ты хочешь, чтобы я назвал имя гоблина, которого я больше всего жажду убить, так это будет Сиун. — Он подкрепил свои слова жестом в ее сторону. — Ничья другая смерть меня не удовлетворит.

— А если царь гоблинов предложит заменить ей смерть на другую участь? — спросил Дойл.

Кураг посмотрел на Дойла, но взгляд Риса не отрывался от Сиун.

— А что бы тебя устроило, Мрак?

Дойл позволил себе едва заметную улыбку.

— А что ты предложишь?

Рис снова качнул головой, и я догадалась, что он скажет, еще раньше, чем услышала слова.

— Нет, Дойл. Я хочу ее смерти. Торговаться я не стану. — Он спокойно встретил недовольный взгляд Дойла. — Прости, но политика того не стоит. Я не откажусь от

возможности ее убить из-за политических выгод.

— Даже если это даст Мередит важные преимущества?

Рис помрачнел и все же сделал отрицательный жест.

— Нет. — Он взглянул на меня, почти забытую за их переговорами. — Прости, Мерри, но я не откажусь от ее смерти. — Рис снова повернулся к Дойлу: — Поверь, мертвая Сиун для нас много лучше, чем Сиун живая.

Дойл махнул рукой:

— Как хочешь.

Рис протянул руку застывшему у кровати Китто:

— Давай покончим с этим.

Китто замотал головой.

— Не могу...

— Можешь, — сказал Рис и поманил его. — Идем.

Дойл протянул мне руку:

— Мередит, давай уберемся подальше с линии... огня. — На последнем слове он помедлил, словно подыскивал определение.

Я подошла к нему, осторожно пробравшись между Китто с его мечом и Рисом.

Рис обнажил меч и бросил ножны Дойлу; Мрак поймал их не глядя, одной рукой. Та ладонь, которой он держал меня за руку, была самую чуточку влажной. Дойл был встревожен. Чем?

Я чего-то не знала. Не знала, что здесь такого опасного, — но если Дойл из-за этого дергался, то мне, наверное, надо было знать. Я принцесса и — предполагается — когда-нибудь стану ими править, но как случалось слишком часто, дело выходило за рамки моей осведомленности. Если б я не касалась руки Дойла, я бы и не заподозрила, что он встревожен. А значит, гоблины и подавно ничего не подозревают. Пусть так и остается.

Рис занес длинный серебряный клинок для размашистого удара сверху вниз. Сиун взмолилась:

— Царь, мой царь, спаси меня!

— Когда-то я предложил тебе секс с ним и его плоть, Сиун. Я не велел тебе его уродовать. — Кураг в последний раз погладил мохнатую спину и отступил назад. — Можешь убить сидхе — убей, но не издевайся над ними, если потом оставляешь их жить, — потому что они не забудут и не простят.

Кураг глянул на Риса.

— Она твоя. — Он не был рад этому обстоятельству, но и не особенно горевал. Не думаю, что Сиун была как-то ему дорога. Он пытался выручить ее только как одну из подданных, не больше.

Сиун попыталась было просить пощады у Риса, но, протянув к нему руку, она выгнулась вверх и открыла груди. Никогда и ни за что я не хотела бы нарваться на взгляд, которым ответил ей Рис.

— Помнишь, что ты заставляла меня с ними делать? — спросил он голосом, способным поджечь стены.

— Нет, — сказала она, и протянула к нему жуткую руку, и открыла жуткий рот, и взмолилась о пощаде.

— А я помню, — выронил Рис, и клинок мелькнул молнией. Спина под мечом хрустнула, как пластик, и я поняла, что скелет Сиун, каким бы он ни был, явно отличался от

скелета сидхе. Но кровь у нее все же была красная.

Рис рубил гоблинку будто дерево, но дерево дать сдачи не может, а вот гоблин... Черная нога со шпорами размером с хороший кинжал прорезала халат Риса и задела кожу. Второй удар распорол ему бок, и страж остановился, зажав рану рукой.

Китто подскочил и ударил пока еще чистым серебряным клинком по ноге раньше, чем она успела еще раз достать Риса. Он отсек ногу одним ударом, она отлетела на ковер. Дойл отставил меня подальше, и я охотно подчинилась.

Холод шагнул вперед — наверное, чтобы присоединиться к схватке. Дойл преградил ему дорогу ножами от меча Риса. Он дважды качнул головой, и Холод остался стоять с нами, схватившись рукой за запястье другой руки, словно иначе не мог удержать себя от желания помочь Рису и Китто.

Китто безумно, пронзительно кричал. Это был, наверное, боевой клич, но клич проклятых, отверженных и искалеченных, восставших против господ. У меня от него волосы поднялись дыбом; я прижалась к Дойлу. Страж молча меня обнял, не отрывая глаз от схватки.

Рис шагнул в сторону и прислонился к стене, занявшись своей раной; с меча капала кровь. Халат спереди промок от крови Сиун и его собственной. Кровавые брызги атели на его щеках и волосах. Усталым он не выглядел, он просто прекратил бой. Может, рана оказалась серьезной?

Китто нападал на гоблинку один — колол, рубил и резал, отсекая от нее по кусочку. Она пыталась защитить голову, пригнув ее под грудь совершенно нечеловеческим образом, — но Китто рассек череп, взметнув фонтаном мозги и кровь. И все же она оставалась жива.

Китто был покрыт кровью и ошметками плоти с ног до головы. Глаза казались невероятно синими, они горели синим огнем на кровавой маске, в которую превратилось лицо.

Рис не отходил от стены. Он наверняка был слишком сильно ранен. Я шагнула к нему, но Дойл меня удержал, качнув головой.

— Тогда нам надо помочь Китто, — сказала я.

Дойл еще раз качнул головой, всем лицом выразив запрет. Я схватила его за руку:

— Почему?

Китто сражался с вооруженными кинжалами-шпорами ногами, которые били и хлестали по нему, даже отрезанные от тела. Гоблинка была по-прежнему опасна.

В первый раз я пожалела, что Дойл стоит без рубашки — я бы сейчас хорошенько его встряхнула за ворот.

— Она его искалечит!

Дойл заключил меня в объятия, и это меня только возмутило.

— Пусти меня!

Он наклонился и прошептал мне прямо на ухо:

— Это должен сделать Китто, Мерри. Не мешай ему.

Я ничего не понимала. Убить ее клялся Рис, не Китто. Я взглянула на Риса — он стоял в бездействии и смотрел на Китто. И тут я вспомнила. Когда неожиданно для всех проявилась моя первая рука власти, Дойл вынудил меня убить ту злосчастную каргу, которую я превратила в кровавый комок живой плоти. Так действует рука плоти: она выворачивает тело или его часть наизнанку — ногу, руку, все тело. Дойл предложил мне выбор: либо убить

ее, либо так и бросить, бессмертным комком исковерканной плоти. Она бы так и жила вечно. Кровь покрыла меня тогда с ног до головы, хоть я и рубила каргу мечом, способным отнять жизнь у бессмертного существа. Кровь пропитала мою одежду вплоть до нижнего белья. А когда все кончилось, Дойл рассказал мне, что нужно покрыть себя кровью в сражении после того, как впервые проявится рука власти, — это своего рода кровавая жертва, она нужна для того, чтобы сила осталась с тобой навсегда. Я возненавидела его тогда за то, что он заставил меня сделать. Я ненавидела сейчас и его, и Риса — за то, что они то же самое проделывали с Китто.

Китто вопил, пока у него не сорвался голос. Он рубил гоблинку, пока руки не перестали подниматься, потом упал на колени на пропитанный кровью ковер, хватая воздух ртом так громко, что почти заглушал тонкий писк, издаваемый Сиун.

Рис посмотрел на Дойла, и тот кивнул. Рис оторвался от стены и, по широкой дуге обогнув то, что осталось от гоблинки, подошел к Китто. Он встал на колени прямо в кровь и обнял Китто. Мне стало интересно, шепнул ли он Китто те же ритуальные слова, которые в свое время сказал мне Дойл.

Рис поднялся на ноги, отсалютовал Китто собственным окровавленным мечом и повернулся к Сиун.

— Вы ее в кашу изрубили, — сказал Кураг, — но убить вы ее не убьете.

Рис держал меч в опущенной руке. Другую руку он протянул к торчавшему из зеркала обрубку, коснулся одним пальцем мохнатой спины и чистым, звенящим голосом произнес всего одно слово.

— Умри, — сказал он.

И тело перестало двигаться. Отрубленные конечности замерли на полу. Рис будто нажал на кнопку. "Умри", — сказал он, и она умерла.

Дойл присвистнул, а я на несколько секунд перестала дышать. Сидхе не могут убивать прикосновением и словом. Наша магия так не действует!

— Благослови нас Консорт, — прошептал Холод.

Молодые гоблины приглушенно сыпали проклятиями, но голос Курага, когда он наконец заговорил, прозвучал устало:

— В последний раз я видел это еще до нашей последней великой войны, белый рыцарь.

Рис в заляпанном кровью махровом халате взглянул на царя и сказал:

— А почему, ты полагаешь, гоблины ее едва не выиграли?

Его лицо, его поза были для меня совершенно непривычными. Он как будто стал занимать больше места, чем мог физически; он показался вдруг выше потолка комнаты, на миг заполнил собой все окружающее пространство. Сам воздух будто стал магией Риса.

Но этот миг прошел, и я снова смогла дышать — и воздух был сладок и прохладен, много лучше, чем мгновением раньше. Я прислонилась к Дойлу, мне нужна была поддержка. Минуту назад я злилась на него за то, что он оставил Китто в бою одного, — теперь я льнула к нему. Наверное, мне нужно было прильнуть хоть к кому-то. Мне было необходимо прикосновение чьих-то рук, чья-то близость.

Как только Сиун умерла, ее тело распалось на две половины — по обе стороны зеркала. Стекло снова стало целым. Гоблины согласились на все наши условия. Рис очистил зеркало от изображения и повернулся к нам. Его халат стал больше красным, чем белым. Брызги крови, попавшие на кожу и волосы, казалось, светились изнутри. Сияющие брызги исчезали на глазах, словно кожа их впитывала, пока страж не оказался незапятнанно-чистым, если не

считать окровавленного халата. Он стоял прямо и гордо, а цвета в голубой радужке крутились бешеным вихрем.

Дойл отсалютовал ему ножнами, а Холод — собственным длинным мечом. Они оба прижали оружие ко лбу, и Дойл торжественно сказал:

— Здравствуй, Кромм Круах, сразивший Тигернмаса, Повелителя Смерти, за его гордыню и за многочисленные преступления.

Рис поднял окровавленный меч в ответном салюте.

— Недурно вернуться обратно. — Серьезное, почти торжественное лицо преобразилось в обычную ухмыляющуюся мину. — От крови растет трава, ура, ура, ура!

— Я всегда считал, что трава растет от любви.

Мы все повернулись к возникшему на пороге Галену. Все, кроме Китто, который, похоже, был совершенно потрясен кровавыми последствиями его пробудившейся магии.

Гален шагнул в комнату и тут же прислонился к стене. Высокий и потрясающе красивый, от коротких светло-зеленых кудрей — с единственной сохраненной тонкой косичкой, болтавшей за его плечами как запоздалая мысль, — до широких плеч, тонкой талии и длинных ног в свободных кремовых брюках. Белая рубашка с открытым воротом подчеркивала зеленоватый оттенок его кожи, так что он вполне походил на бога плодородия, которым непременно был бы, родись лет на семьсот раньше. Обут он был в коричневые мокасины на босу ногу. Гален скрестил руки на груди, улыбка зажгла огнем глаза цвета летней травы. Глаза светились не магией, просто весельем и доброжелательностью — весельем Галена. Он казался прохладным, терпким и приятным, словно прозрачно-зеленый напиток, способный утолить любую жажду.

Я подошла к нему, частью в надежде подарить и получить поцелуй, а частью потому, что мне было трудно находиться в одном помещении с Галеном и не касаться его. Прикоснуться к нему — все равно что дышать; я так к этому привыкла, что забыла, как без него обходиться — и остаться жить... То, что мы были любовниками уже месяц и я только что утратила надежду немедленно завести общего ребенка, — в одно и то же время причиняло мне боль и приносило некоторое облегчение. Я любила Галена, любила лет с двенадцати. К несчастью, теперь, когда я выросла, я наконец поняла то, что пытался когда-то объяснить мне мой отец. Гален силен, храбр, весел, он мне друг и любит меня, но найти более наивного в политике сидхе было бы трудно. Гален на троне очень быстро стал бы мертвым Галеном. Моего отца убили, когда я была совсем юной. Мне казалось, я не переживу смерти кого-то еще из моего окружения, и особенно — Галена. Так что в душе я хотела, чтобы он все время оставался рядом со мной, был моим любовником, моим мужем — только не королем. Но моим королем станет тот, от кого я забеременею. Нет ребенка — нет свадьбы; так заведено у знати сидхе.

Я обняла Галена, забралась руками под пиджак, туда, где тепло его тела пульсировало под моими ладонями даже сквозь рубашку. Уткнулась лицом ему в грудь, и он крепко обнял меня. Я прятала лицо от его взгляда, потому что в последнее время мне все реже удавалось вовремя убрать тревогу из глаз. Гален был политически безнадежен, но мое настроение он читал лучше большинства других — а я не хотела пока объяснять ему эту сторону нашей жизни.

Его голос зарокотал в груди под моим ухом.

— Мэви вернулась со встречи с руководителями студии. Рыдает в своей комнате.

— Надо думать, встреча прошла не слишком удачно, — сделал вывод Дойл.

— На студии недовольны ее беременностью. На публике они изображают восторг, а за закрытыми дверями дают волю раздражению. Как она станет сниматься в фильме с весьма откровенными сценами, если к тому времени будет на третьем-четвертом месяце?

Я отодвинулась и заглянула ему в глаза:

— Ты это серьезно? После всех денег, что они на ней заработали за несколько десятков лет, они не могут ей простить один фильм?

Гален пожал плечами, не разжимая объятий.

— Таковы факты, а объяснений не у меня надо требовать. — Он нахмурился, лицо помрачнело. — Не будь ее муж мертв... Я имею в виду, они почти вслух намекали, что она могла бы забеременеть как-нибудь в другой раз.

Я вытаращила глаза:

— Аборт?!

— Это слово не произносилось, но висело в воздухе. — Он вздрогнул и прижал меня крепче, так что я не могла уже смотреть ему в лицо. — Когда Мэви напомнила им, что ее муж умер меньше месяца назад и это ее единственный шанс родить их ребенка, они извинились. Они заявили, что и в мыслях не имели намекать на что-то подобное. Они смотрели ей в глаза и ввали. — Он поцеловал меня в лоб. — Как они могут так с ней поступать? Я думал, она — их звезда.

Я прижалась к нему плотнее, будто могла так стереть боль из его глаз.

— Пока болел ее муж, Мэви отказалась от двух ролей. Наверное, они хотят поскорее вернуть в стойло свою дойную коровку.

— Понять не могу, как можно так себя вести, как они вели себя с Мэви. Какие б ни были соображения и резоны... Ни слова прямо, одни намеки, и взгляды, и пожатия плечами — а в конце откровенная ложь. — Он снова вздрогнул. — Не понимаю.

Вот в том-то и была проблема. Гален действительно не понимал, как можно так лицемерить. Чтобы выжить у верхушки власти, какой угодно власти, надо первым делом осознать, что все вокруг лгут, все притворяются и что друзей у тебя нет. Парадокс в том, что вообще-то лгут не все, что кто-то искренен и кто-то по-настоящему тебе друг. Трудность в том, что одна улыбка похожа на другую, и по пожатию рук искренность не определишь, а когда ты окружен прожженными лжецами, как можно отличить правду от лжи, друга от врага? Так что надо обращаться со всеми по-деловому, вежливо, кивать и улыбаться, быть дружелюбным, но никого не впускать в сердце. Нет верного способа определить, кто на твоей стороне. Галену это понять не удавалось. Мне нужен был кто-то, кто понять мог.

Я чуть повернула голову и посмотрела на Дойла. Холодный и темный, он приводил на ум не напиток, который мог бы утолить мою жажду, а скорее оружие, которым я могла бы защитить все, что люблю.

Я прижималась к Галену, а смотрела на Дойла, и на нас троих смотрел Холод. Холод, к которому я впервые в жизни начинала чувствовать настоящую любовь. Холод, который наконец понял, что ему следует ревновать к Галену, а к Дойлу он ревновал с самого начала. Волшебным существам людская ревность вроде бы не знакома, но, глядя в серые глаза Холода, я заподозрила, что у сидхе много больше общего с людьми, чем принято считать.

Золотая богиня Голливуда свернулась клубком на атласном покрывале громадной круглой кровати. Кровати, которую она больше двадцати лет делила с покойным Гордоном Ридом. Как-то раз я предложила ей перебраться в другую спальню, может, ей будет тогда немного легче, — но она наградила меня таким взглядом, что я больше на эту тему и не заикалась.

Пиджак цвета пижмы валялся на полу. Туфли — из такой мягкой кожи, что она будто дышала, — Мэви расшвыряла в стороны. На звезде оставались костюмные брюки и медного цвета жилетка на голое тело. Ленту в тон жилета она с волос сорвала и тоже бросила. Перепутанные волосы свесились с края кровати. Ее шевелюра сохраняла цвет топленого масла, а значит, даже в таких расстроенных чувствах она продолжала удерживать гламор. Гламор, который сотню лет помогал ей, изгнаннице из волшебной страны, жить среди людей неузнанной. Полвека из этой сотни лет она была золотой богиней Голливуда. И бог весть сколько веков до того — богиней Конхенн.

За закрытой дверью спальни рыдала и ломала руки ее личная помощница — Мэви ее вышвырнула вон. Никка стоял в карауле у двери. У Никки длинные каштановые волосы, коричневая кожа и карие глаза. Из моих стражей он кажется больше всего похожим на людей — пока не увидишь на его спине рисунок крыльев бабочки, похожий на искуснейшую татуировку. Никка с этим рисунком родился. Вообще-то он мог родиться и с настоящими крыльями. Никка извинился, что не пойдет со мной, но Мэви цеплялась за него чуточку слишком сильно. Не то чтобы она ему навязывалась, но, наверное, была бы не против, если б навязался он. Никка счел, что осторожность — лучшая добродетель воина. Я с ним согласилась.

Мэви была когда-то богиней любви и весны. Она и сейчас очень даже могла включить очарование на полную катушку. "Очарование" в древнем смысле слова — чары, магию. Ее роскошная кровать пустовала впервые за десятилетия. Мэви оставалась в одиночестве, а ведь она была воплощением весны, расцветающей после долгой зимы жизни. С собственной натурой справиться можно, но нелегко — особенно если ты выведен из равновесия. Мэви была сейчас очень далека от равновесия.

По спальне разносились ее тихие рыдания. Я пошла к ней босиком. Свой соблазнительный халатик я затянула потуже, но переодеться не успела. Доыл с Рисом остались переодеться и присматривать за Китто, так что при мне был Холод, но он застыл у двери и не подойдет к кровати, если я не прикажу. Заигрывания Мэви были ему побоку. Он хранил вынужденное целомудрие что-то в районе восьми сотен лет и справлялся с этим, пресекая все игры на корню. Он полностью соответствовал своему имени — холодный, заиндевший, ледяной.

Гален тоже стал у двери, но по стойке "вольно", на лице — улыбка. Если Мэви и делала ему изящные авансы, то он об этом не говорил. То ли она бросилась на Никку, когда они остались наедине в этой спальне, то ли Гален не нашел в ее поведении чего-то особенного. Вообще-то он был прав. А паника Никки, если подумать, — странновата.

Я оказалась у постели, не успев додумать эту мысль до конца, и тихо позвала:

— Мэви...

Реакции не последовало, даже когда я дважды повторила ее имя. Я дотронулась до ее

плеча, и рыдания стали громче, плечи затряслись, все тело вздрагивало.

Я склонилась к ней, обняла, прижалась щекой к шелковым волосам.

— Все хорошо, Мэви, все хорошо.

Она резко повернулась — я едва успела отдернуться. Гламор ее ослабел, потому что глаза были не голубыми очами, смотревшими с экранов кино, а сияюще-трехцветными, настоящими. Широкое внешнее кольцо радужки — глубокого синего цвета, а два внутренних — тонкие, одно как расплавленная медь, второе — жидкое золото. Но самой необычной чертой были штрихи золота и меди, прорезавшие всю радужку крошечными разрядами молний. Глаза ее хранили поцелуй молнии. Будто сама Богиня пожелала, чтобы у Мэви были самые прекрасные в мире глаза.

Я застыла на миг у края постели, забывшись от восторга при виде ее глаз. Заплаканное лицо Мэви казалось совершенно несчастным, на грани отчаяния. Неужели она потеряла контроль над собственным гламором? Случайно или нет ее глаза приняли такой вид?

Она схватила меня за руку, и я ощутила, как бьется пульс в кончиках ее пальцев — будто пять крошечных сердечек прямо у поверхности моей кожи. И тут я поняла, чего испугался Никка. Мэви поднялась на колени, не отпуская мою руку. В такой позе ее лицо оказалось почти вровень с моим. Я не могла двинуться с места, парализованная не страхом, а силой. Силой Мэви.

Меня словно обдувало весенним ветерком, и я запрокинула голову, чтобы ветер подхватил волосы и сдул их с лица. А потом под моим пристальным взглядом гламор Мэви исчез совсем, золотое сияние ее кожи словно выплыло наверх из глубин тела. Внезапно побелевшие до платинового оттенка волосы развевались в теплом потоке силы. Маленькие молнии в глазах вспыхнули, словно пришла весенняя гроза — смыть и развеять зимнюю спячку. Мне показалось, что я сбрасываю кожу, будто старое тесное пальто. Я чувствовала себя как бабочка при метаморфозе, я будто меняла форму — на что-то другое, легкое и воздушное, способное летать.

Кожа засветилась, словно я проглотила луну. Пряди волос, выющиеся у лица, вспыхнули ожившими гранатами и рубинами. Я чувствовала, что глаза светятся тоже, что они сияют, словно невидимая рука взяла изумруд и осколок нефрита, оковала их золотом и наделила каждую драгоценность собственным огнем.

Сила Мэви сдержнула с меня весь гламор, даже те крохи, что я удерживала почти всегда. На ребрах у меня, прямо под грудью, возник темный шрам в форме ладони — черная рана на моем сияющем великолепии. Шрам остался там, где меня коснулась другая неблагая сидхе, пытавшаяся магией раздавить мне сердце. Она сломала ребра и разорвала мышцы, но не тот единственный мускул, который хотела разорвать. А если показалась эта черная отметина, то и шрамы на спине наверняка стали видны. Рубцы у меня на спине не похожи на шрамы, какие мог бы получить человек — и даже большинство фейри — в каком-нибудь обычном происшествии. Я их получила, когда в другой неудачной для меня дуэли мой противник попытался заставить меня перекинуться, сменить облик. К смерти это не привело бы. Он просто играл со мной. Демонстрировал свое превосходство в магии и мою уязвимость. Я вонзила нож ему в сердце, и он умер. Умер, потому что ритуал, предваряющий дуэли, базируется на обрядах разделения крови. Мы разделили кровь — его и мою. Смертная кровь ослабляет бессмертных. Эта старая, почти забытая крупица магии меня и спасла.

Шрамы я скрывала, даже когда мне требовалась вся моя магия без остатка. Среди сидхе физические недостатки непопулярны. Потеря последнего клочка гламора заставила меня

отпрянуть, попытаться прийти в себя хоть немножко. Я зажмурилась — мне не хотелось видеть гримасу отвращения на лице богини. Я жалобно промямлила: "Мэви...", но когда я открыла глаза, наши лица почти соприкасались. Я смотрела ей в глаза так близко, что они заполнили собой весь мир. Блестящий, прошитый молниями мир, мир грозы, и ветра, и красок.

Она облизнула губы, и мое внимание мгновенно переместилось. Никогда прежде я не замечала, как полны ее губы, как влажны, как яркие... Они блестели, словно сочный плод, и я была уверена, что внутри в них — теплый, сладкий сок, который может оросить мне губы и пересохшее горло. Я почти ощущала его вкус.

Я чувствовала на губах ее дыхание, свежее, как первая весенняя травка. Мы соприкоснулись губами, и воздух наполнился благоуханием цветов. Я тонула в аромате яблонь, словно перенеслась в зачарованный сад, вечно весенний, вечно юный, вечно обещающий...

Мэви сидела под буйно цветущим деревом, дальше за деревом возвышался холм. Она была одета в платье золотисто-зеленого цвета первых листочков, из-под него едва выглядывало белое нижнее платье, мягко светившееся, как лебединые перья на ярком солнце. Волосы белопенным водопадом спускались до колен. Кожа казалась сотканной из солнечных лучей — золотая, сияющая так ярко, что мне больно было смотреть, и все же, хоть глаза уже горели огнем, я не могла отвести от нее взгляд.

Пошел снег. Становилось все холодней, цветы бело-розовым дождем посыпались наземь, снег припорошил траву. Холодно, так холодно! Я лежала на спине, глядя в глаза Холоду. Снег падал в его глазах, тревожных, обеспокоенных. Я смотрела, как падает снег, и мне снова почудилось, что там, за завесой снега, что-то есть. Что если я буду смотреть достаточно долго, я разгляжу это что-то... Но теперь мне не было страшно. Я знала, что Холод вернул меня обратно, что он меня только что спас. Я чувствовала его сильные ладони на своих плечах, тяжесть его тела и ничего не боялась.

Я увидела Холода у подножия заснеженного холма, вот только холм был его плащом, снежным покровом, и двигался вместе с Холодом. Волосы Холода под солнцем блестели как лед, а кожа сияла как снег поутру, когда солнце вспыхивает искрами на снежинках. Сияние, ослепляющее не хуже солнечного.

Снежный плащ распахнулся, словно Холод распахнул объятия, и там, под белизной, оказалась темнота — спокойная, тихая темнота. Безветренная зимняя ночь, когда весь мир замер в ожидании, не дыша. Я стояла в этой темной тиши по щиколотку в снегу и не чувствовала холода. Полная луна плыла по небу, и снег сиял белизной, но гораздо мягче, чем при дневном свете. Из синих теней этого зимнего безмолвия будто соткался чей-то силуэт. Еще меньше ростом, чем я, хоть и не намного, с длинными тонкими руками и ногами — длинней, чем положено человеку. Но он и был не человек. Совсем не человек.

Одет он был в лохмотья, но лохмотья сияли под лунным светом, как не сияют никакие бриллианты. Кожа у него была голубая, как тени на сугробах лунной ночью. Лицо — как у прелестного ребенка. По спине струились волосы — серебристые, будто иней. Он протянул мне руку с такими длинными пальцами, словно в них было больше суставов, чем положено. Этими тонкими пальцами он прикоснулся к моей щеке, и они оказались неожиданно теплыми. Я посмотрела прямо в его серые глаза и улыбнулась.

Он отвернулся от меня и пошел прочь, босиком, пританцовывая, прямо по снегу. За ним не оставалось следов, снег лежал нетронутым на всем его пути, словно он был невесом. И я

поняла, почему нас окружало такое спокойствие, такое безветрие ночи. Он был — холод, мороз, иней. Иней, который одевает весь мир, но только если мир неподвижен. Такая хрупкость не может противостоять бурному ветру.

Я следила за его танцем на сияющем снегу, пока он не слился с синей лунной тенью, пока не растаял в ночи.

Я снова пришла в себя. Холод еще держал меня в объятиях, но снега в его глазах уже не было — просто серые глаза, серые, как зимнее небо. Он сдавленно прошептал, словно боялся заговорить в полный голос:

— Ты так похолодела, я испугался... — Фразу Холод не закончил. Он выпустил меня, почти бросил, вскочил и ушел прочь. Дверь за ним закачалась на петлях.

Гален подобрался ко мне по кровати. Но — странно — не попытался до меня дотронуться.

— Как ты? — спросил он озабоченно.

Я задумалась над ответом, а значит, со мной вряд ли все было хорошо. Что-то стряслось, но черт меня побери, если я знала что. Заговорила я только со второй попытки, и все равно голос получился сдавленным и хриплым.

— Что это было... — я закашлялась, — ...только что?

— Мы не очень поняли, — откликнулась Мэви с другого конца кровати.

Я взглянула на нее. Она все еще была в ипостаси богини Конхенн, с золотистой кожей, белыми волосами и глазами, пронизанными молниями, но уже не светила. Она была великолепна, но сила на время ее оставила.

И вид у нее был растерянный, а с богинями такое случается нечасто.

— Это моя вина. Я хотела, чтобы меня обнял и утешил другой сидхе. Я попыталась соблазнить Никку и не смогла. — Она попробовала сделать надменную мину, но глаза так и остались растерянными. — Я не привыкла, чтобы меня отвергали те, кого я по-настоящему хочу. Я считала, что ты могла бы уступить мне одного из твоих кавалеров.

Она потупилась, но тут же снова подняла голову и показалась не столько надменной, сколько решившейся. Не знаю, все актрисы такие или нет, но у Мэви Рид эмоции сменялись, не успеешь глазом моргнуть, и все казались неподдельными. Может, она всегда была такой переменчивой в настроениях, а может, это профессия так на нее повлияла.

— Я знаю, что это было глупо и легкомысленно. Ты подарила мне и Гордону шанс родить ребенка. Ты и Гален и ваша магия. Я — неблагодарная скотина, Мерри, прости.

— Ладно, — прохрипела я. В горле противно першило. Я нахмурилась и посмотрела на Галена: — Почему у меня горло сорвано?

Он переглянулся с Мэви. Одним из взглядов, которые яснее слов говорят, что что-то случилось, что-то нехорошее, чего я не помню.

— Расскажите как есть. — Я потянулась к его руке.

Он отпрянул, словно я его укусила:

— Не трогай меня, Мерри. Не сейчас.

— Почему? — спросила я.

— Глянь на покрывало у своей головы, — сказал он.

Я повернула голову и увидела на кремовом покрывале большое мокрое пятно. Ничего не понимая, я потрогала пятно. В воде таяли кусочки льда.

— Откуда тут лед? — спросила я у Галена, все еще не понимая.

— Тебя им вытошнило.

Я вытаращила на него глаза и хотела уже спросить, он что, шутит, — но лицо у него было слишком серьезное.

— Как, почему?

— Вот это нам как раз не очень понятно, — сказала Мэви.

— Ну так скажите хоть то, что понятно.

Она обошла кровать, чтобы оказаться лицом к лицу со мной, но не рискнула ни сесть на кровать, ни подойти поближе.

— Я попыталась тебя соблазнить, и удачно. Гораздо удачней, чем ожидала. Я забываю временами, что ты отчасти человек. Я применила силу, как к другому сидхе, другому божеству.

Я кивнула, и горлу снова стало больно.

— Это я помню, но потом все изменилось, преобразилось во что-то другое. Я видела, как ты сидишь под деревом, и на тебя больно было смотреть, глаза обжигало.

— Смертный не может смотреть в лицо бога и остаться в живых, — сказал Гален.

— Что? — переспросила я.

Мэви нагнулась к кровати.

— Я на миг снова стала Конхенн. Стала той, кем была когда-то. А я думала, что почти заставила себя забыть. Потеря волшебной страны — это вторая моя потеря, Мерри. Сперва я утратила свою божественность.

У меня голова начала болеть.

— Я не понимаю. Можно пояснить?

— Давай попробую. — Гален выглядел очень серьезным и уверенным, совсем не погаленовски. — Мэви применила магию богини Конхенн — или то, что от нее оставалось, — чтобы тебя соблазнить. Но ты вызвала к жизни еще больше силы. Ты вернула ей божественность.

У меня глаза полезли на лоб.

— Я думала, что раз перестанешь быть богом, стать им снова невозможно.

— И я так думала до этого дня, — кивнула Мэви.

Я ошарашенно посмотрела на нее.

— Да и наделить божественностью может только Богиня.

— А это, думаю, верно по-прежнему, — сказала Мэви. — Но, видимо, сосудом для своей силы она может избрать любого.

— Не любого, — поправил Гален. — Если бы любого, это случилось бы столетия назад. — Он посмотрел на Мэви с укором, намекая на ее бестактность.

— Ты прав. Конечно, прав. Я не хочу преуменьшить значение дара Мерри. Я способна распознать прикосновение Богини.

— Какой богини?! — не могла врубиться я.

— Дану, — прошептала Мэви, и шепот эхом отдался по комнате.

Я зажмурилась, втянула воздух, медленно, по счету, выдохнула и вдохнула снова. Открыла глаза.

— У меня со слухом проблемы, — объявила я. — Мне померещилось, ты сказала "Дану".

— Да.

Я замотала головой, даже не вспомнив о больном горле.

— Дану — это Богиня, давшая имя нашему народу, детям Дану, Туата Де Дананн. Она

— Богиня! Она никогда не принимала физический облик. Она не воплощалась!

— А я этого и не говорила. Я сказала, что она дала мне мою божественность, и так оно и было.

Я непонимающе смотрела на нее. В голове начали стучать молоточки, боль все усиливалась.

— Да объясни же!

— Когда мы подписали первый договор с Фомори, и мы, и они отказались от самой жуткой нашей магии. Мы приглушили свои способности, иначе обе расы совместными усилиями уничтожили бы землю, за которую шел спор. Дану, или Дана, согласилась отдалиться от нас, чтобы мы создали великое ограничительное заклятие. — Глаза Мэви заблестели от слез, не от магии. — Вряд ли кто-то из нас понимал, от чего мы отказываемся. Разве только, может, сама Дану.

Мэви присела на краешек кровати и разрыдалась. И, на мой взгляд, вряд ли дело было в неприятностях по работе и гормонах беременности. Думаю, здесь, в Калифорнии, на берегу Тихого океана, она оплакивала Богиню, никогда не видевшую Америки.

В комнату влетел Дойл. Все так же в одних плавках, пустая наплечная кобура хлопает по груди, пистолет на изготовку, а магия штормом ревет вокруг. Ему на пятки наступал Рис, в белых штанах и незастегнутой рубашке, пистолет в руке, кобуры не видно. Магия Риса прокралась в комнату легким ветерком, едва ощутимо.

Оба затормозили в дверях, наверное, пытались взглядом найти цель. Никка вовремя затормозить не успел и чуть не налетел на Риса. Он запыхался больше, чем эти двое, — ему пришлось бегать туда и обратно из дома для гостей в главное здание. Ухватившись за дверной косяк, он выдохнул:

— Не покушение... Магия. Что-то не так прошло.

Дойл и Рис заметно расслабились. Дойл сунул пистолет в кобуру, воспользовавшись, правда, обеими руками, потому что ремни кобуры не были закреплены как положено. Рис медленно опустил пистолет стволом вниз. Их магия отхлынула, как океан в отлив. Перешли из боевой готовности номер один к готовности номер три.

Я им навстречу даже не дернулась: попытки сесть отдавались болью в груди. Будто я чем-то подавилась. Чем-то очень большим и твердым, от чего болела вся грудная клетка разом. В остальном я чувствовала себя не так уж плохо. А мне казалось, я должна бы чувствовать слабость, если я вправду сделала то, о чем мне твердили Гален и Мэви. Правда ведь, утомительно, если делаешь кого-то богом? Если только Гален и Мэви не ошиблись. Это же невозможно. Мне было нужно другое, сколько-нибудь правдоподобное объяснение. Если кто-то и мог его дать, то Дойл. Для аристократа волшебного мира он очень практичен.

Дойл подошел к кровати. Я заметила, что ниже талии он мокрый, словно брел по пояс в воде. Если бы он окунулся в бассейн — пахло бы хлоркой. Запаха не было. Ах да, Китто. Дойл собирался помочь ему отмыться. Я и забыла, что маленький гоблин сегодня обрел руку власти. Будущая королева такие вещи забывать не должна, да? Может, соображала я еще не очень хорошо...

— Как там Китто? — спросила я.

Дойл улыбнулся:

— В порядке. Слегка растерян, но в порядке. — Улыбка поблекла. — А ты как?

Я нахмурилась.

— Не знаю. — Голос еще был сорван, но звучал уже лучше, больше похож на мой нормальный. — Думала, уже все о'кей, но, кажется, в голове у меня еще туман. Я понятно говорю?

Он кивнул и повернулся к Мэви с Галеном:

— Что здесь было?

Оба заговорили одновременно, и Дойл поднял ладонь:

— Слово даме.

Он сделал приглашающий жест, и они отошли в сторонку. Спальня по размеру была чуть ли не больше моей прежней квартиры, так что места для частных разговоров вполне хватало. Рис смущенно-нахально улыбнулся мне и продрейфовал к ним поближе, так что со мной остался один Гален. Но он упорно сохранял дистанцию, а мне очень нужно было к кому-то прижаться.

— Почему ты боишься ко мне прикоснуться?

Он улыбнулся, но остался на месте.

— Поверь, мне это нелегко. Но ты дотронулась до Мэви — и пролился поток божественной энергии, а потом Холод попытался тебя оттащить, чтобы Мэви не пользовалась тобой в своих целях, и с ним вышло то же самое.

— Мэви пользовалась мной в своих целях?

— Мы подумали, что она применила к тебе свою силу богини-искусительницы. Пока Холод не попытался противодействовать своей магией тому, что казалось нам властью Мэви, мы не понимали, что дело не в ней. — Гален потянулся было ко мне, но снова положил руку на колено. — Я чувствую, как тебе нужно, чтобы тебя обняли, и видит Консорт, как я сам хочу тебя обнять! Но я боюсь, что стоит мне к тебе прикоснуться, и опять начнется свистопляска.

— Я не поверю, что вернула кому-то божественность. Ни за что не поверю.

Он кивнул:

— Понимаю. Но Мэви говорит, что знает, как это бывает. С ней это уже случалось.

— Я — смертная, Гален! Я — первая в истории сидхе, рожденная смертной. Смертная рука не может наделить божественной силой. Логике не наблюдаю!

Он пожал плечами.

— Если у тебя есть объяснение получше, с удовольствием выслушаю. — В зеленых глазах, глазах цвета летней листвы, вспыхнула тревога. — Я на минуту подумал... — Он качнул головой и закусил губу, прежде чем набрался сил закончить: — Я подумал, что мы тебя потеряли.

Он склонился ко мне, как для поцелуя, но так и не коснулся меня губами.

— Я думал, что я тебя потерял.

Я протянула руку к его лицу, но Дойл крикнул мне через всю комнату:

— Подождите с этим, принцесса. Давайте поостережемся, пока я не услышу, что скажет Гален.

Я нехотя отвела руку. Дойл был прав, рисковать не стоило.

— Ладно.

Гален улыбнулся мне, соскальзывая с постели.

— Это ненадолго, Мерри. — Он прошел к кучке заговорщиков. Он всегда ходил словно танцевал — танцевал под музыку, слышную только ему. Порой в его объятиях мне казалось, что я ловлю ее отголоски.

К кровати подошел Никка. Он успел отдышаться, но вид у него был все такой же испуганный. Разумом я понимала, что он на века старше Галена, но он воспринимался как младший среди стражей. Возраст не всегда исчисляется годами. Нагнувшись над кроватью всем шестифутовым телом, он казался очень юным и очень напуганным. Волосы сияющим занавесом спадали ему до колен. Он оставил их распущенными, и темно-коричневый костюм почти не был виден за этой каштановой роскошью. Зеленая футболка, наоборот, была на виду, так что изумительно развитые грудные мышцы бросались в глаза. Футболка была шелковая, подарок Мэви. Она всем мужчинам подарила шелковые футболки в тон коже. Со мной она совершила шоппинг-тур по ее любимым магазинам, полагая, что я как женщина предпочту сама себе выбрать одежду, а вот мужчины скорее предоставят выбор другим. Она оказалась не совсем права. Подаркам все порадовались, но потом обменялись ими между собой. Зеленая футболка первоначально предназначалась Галену, но на Никке она смотрелась лучше, подчеркивая красивый смуглый оттенок его кожи. Гален в ней

буквально зеленел. Роскошное смуглое тело в сшитом на заказ костюме опустилось на краешек кровати. Никка бездумно отбросил с лица волосы жестом, более характерным для женщин.

— Ты выглядишь получше, чем пару минут назад. — Его голос слегка дрожал.

— А как я выглядела раньше?

Он моргнул и отвернулся, словно знал, как легко прочитать по лицу все его мысли.

— Ты была такая бледная...

Он снова повернулся ко мне, надеясь, наверное, что сумел сделать непроницаемое лицо. Но в уголках глаз слишком чувствовалось напряжение, и слишком много тревоги таилось в карей глубине. Он бросил взгляд в дальний угол комнаты. Группка заговорщиков распалась, они шли к нам.

Дойл посмотрел на меня — загадочный, как сфинкс. С Никкой и Галеном я бы села играть в покер когда угодно, а вот с Дойлом — ни за что. Если он не хотел, чтобы я знала, о чем он думает, то я не знала.

— Мередит... Принцесса, нам нужно разобраться, что произошло, но я не знаю, как это сделать без ущерба для твоей безопасности.

Я попыталась хоть что-нибудь различить за темной маской и не смогла.

— Что конкретно твои слова означают, Дойл?

— Что нам нужно проделать кой-какие эксперименты, и я не знаю, к чему они приведут.

— Какие эксперименты?

— Мэви считает, что ты пробудила истинную магию в ее... ее божественности, за неимением лучшего слова. Когда-то она была настоящей богиней, так что ты лишь вернула ей утерянное. Но Холод божеством не был, и ему ты дала силу, которой он никогда не имел.

Он умудрился принять мрачный вид, ни на йоту не изменив выражения лица.

— Эту теорию я уже слышала. Мэви даже упомянула имя Богини, которое с этой теорией связано. Но я — не Дану, Дойл. Я — ни капельки не богиня. Как это могло произойти?!

— Когда мы победили Безымянное и оно выбросило на нас сырую магию — наверное, часть силы потребовал себе сосуд, сходный с Богиней. Мэви к тому времени увезли в безопасное место, и ты, Мередит, оказалась единственным подобием Богини в округе. Ты больше всего подходила для той магии.

Я ответила ему тупым взглядом. Мне надоело валяться в постели. Если уж мне придется выслушивать заумные теории, я по меньшей мере не хочу их выслушивать лежа. Я попыталась сесть, сморщилась от боли, но не сдалась. Никка потянулся мне помочь, Дойл качнул было головой, но потом, похоже, передумал и махнул ему поощрительно.

Никка взял меня за локоть, помогая найти равновесие, и прикосновение оказалось самым обычным. Никакой магии, кроме обычной магии соприкасающихся рук. Никка взбил подушки повыше у меня за спиной, и я на них оперлась. Поскольку от первых прикосновений ничего страшного не случилось, дальше он касался меня по мере необходимости, пока я не устроилась со всеми удобствами. Или с теми удобствами, какие могла получить.

— Если бы прикосновение Никки вызвало новую вспышку силы, я не знал бы, что делать. Но раз Никка может притрагиваться к тебе безнаказанно, надо бы проверить и остальных. — Он махнул рукой, и Мэви шагнула к нему. — Прикоснись к ней.

Мэви глянула на него возмущенно, словно не привыкла, чтобы ей приказывали. Потом глубоко вздохнула и вскарабкалась на постель. Иначе она бы до меня не дотянулась. Мэви никак нельзя было назвать коротышкой, это кровать была такой огромной.

Она секунду помедлила, изучая мое лицо.

— Ну, вперед, — буркнула я.

Она послушалась. Ее ладонь была теплая, сухая и мягкая, и ничего больше. Притяжения магии не было. Мы обе посмотрели на Дойла, ее рука так и осталась у меня на плече.

— Ничего не произошло, — констатировала она.

— Попробуй высвободить немножко силы, — сказал Дойл.

— Думаешь, это не опасно? — усомнился Рис.

— Это нам и нужно узнать.

— Мерри и так досталось. Если мы можем прикасаться к ней без проблем, эксперименты с силой могут и подождать.

Дойл повернулся к нему всем корпусом:

— Сегодня ночью с принцессой будешь ты. Ты уверен, что ваша ночь пройдет без магических осложнений?

Рис злобно на него глянул, свободная рука сжалась в кулак. Он молчал чуть не целую минуту, прежде чем процедил сквозь зубы:

— Нет.

— Ни один из нас от этого не застрахован, Рис. Нам нужно выяснить сейчас, пока нас здесь много и мы можем помочь, не даст ли прикосновение магии те же последствия. Чем бы они ни были.

— Я тебе сказала уже, что это было, Дойл, — запротестовала Мэви. — Почему никто мне не верит?

— Я не сомневаюсь в твоих словах, Мэви, но божественность всегда надо было заслужить, случайно она никому не давалась. А Мередит принесла ее тебе и Холоду, не подозревая о том, что делает. — Дойл посмотрел на меня и вопросительно поднял бровь: — Ты ведь это не нарочно?

— Да откуда мне было знать, что я это могу?

Он повернулся к Мэви, удовлетворенно кивнув.

— Нам нужно понять, чем это вызвано, потому что мы не можем рисковать потерей Мередит, даже если мы все при этом превратимся в богов.

— Ну, тогда ты все неправильно делаешь, — заявила Мэви.

Дойл уставился на нее неподвижным взглядом, под которым бледнели многие наши аристократы. А Мэви и бровью не повела. Она обняла меня рукой за плечи и прижалась крепче, на губах у нее играла улыбочка.

— Власть Дану пробудилась с нашим поцелуем.

— Перестань звать ее по имени, — буркнула я. Я уже не могла выносить намеков на то, что во мне заключалась сила Богини, пусть даже малая ее частичка. Теоретически я знала, что мы все есть Богиня или, скорее, отражения ее божественного совершенства. Но теория — одно, а обладать такой силой и возможностью ее использовать — совсем другое.

— Почему? — с искренним недоумением спросила Мэви.

Гален поднял руку:

— Могу ответить.

Мэви с той же недоумевающей гримаской повернулась к нему.

— Мерри коробит от мысли, что Богиня забралась в нее.

— Не в том дело, — возразила я.

— Ну, что ты несешь силу Богини, — поправился он, почти уже без поддразнивания.

— "Пугает" — более верное слово, чем "коробит".

— Ты должна быть польщена, — сказала Мэви, обнимая меня.

— Я польщена, — кивнула я, — но эта честь чуть меня не убила.

Мэви вдруг стала очень серьезна.

— Да, и это была бы моя вина.

— Брось, при чем тут ты?

— Я пробовала на тебе мою магию, Мерри. Я пыталась соблазнить тебя, раз уж все твои мужчины предпочли тебя мне. — Она поцеловала меня в макушку. — Я решила: "Не можешь победить — примкни к победителю".

Она прижалась ко мне так крепко, что я уже не видела ее лица.

— Я хотела плоти сидхе, Мерри. Я хотела, чтобы другое сияние сливалось с моим, бросая отсветы на темные стены. — Голос был страстным до ярости.

— Поцелуй тебя не устроит? — промычала я куда-то ей в плечо.

Она отстранилась, чтобы я разглядела ее улыбку.

— Только с приправой из магии.

— Ну, без магии мы и не узнаем, проявится ли снова сила Богини.

Она опять улыбнулась и чуть приподняла великолепно очерченные брови:

— Наверное, не узнаем.

— Холод тоже поцеловал ее с высвобождением магии? — спросил Дойл.

— Да, — хором ответили Гален и Мэви.

— Холод освободил ее от власти Мэви, а потом как будто потерял власть над собой. —

Гален рассеянно посмотрел в пространство, словно припоминая, как все было. — Его лицо, когда он наклонился и поцеловал ее... — Гален моргнул и снова взглянул на Дойла: — Он казался околдованным.

— Куда он делся? — спросил Дойл.

Никто не знал.

— Королевино проклятие на его душу! — ругнулся Дойл. — Никка, Гален, отыщите его и ведите сюда.

Никка повернулся идти, но Гален медлил.

— А Мерри мы не понадобится?

— Ступайте, — сказал Дойл. — Быстро.

Что-то в его тоне подсказывало, что спорить дальше не стоит.

Гален еще раз взглянул на меня на прощание, и они с Никкой выбежали за дверь.

— Он просто не хотел упустить зрелище, — пояснил Рис.

— Какое зрелище? — не поняла я.

Он осклабился.

— Две прекраснейшие в мире женщины, сплетенные в объятии. Многие заплатили бы, чтоб взглянуть на это хоть одним глазком.

Я покачала головой. Рядом с Мэви, совершеннейшей из красавиц Благого Двора, я казалась себе дурнушкой. Наверное, эта мысль отразилась у меня на лице, потому что Мэви приподняла мою голову за подбородок и повернула к себе.

— Ты прекрасна, Мерри. Можешь мне поверить. Как-никак я была когда-то богиней

красоты и очарования.

— Я слишком похожа на человека... — тихо сказала я.

— А почему, ты думаешь, наши мужчины то и дело похищали смертных женщин? Не из-за их же уродства! — Она покачала головой с легким упреком. — Мерри, нужно знать себе цену!

Под ее кожей заструился золотистый свет, будто кто-то зажег свечу, и свет приближался, тек сквозь ее тело, пока не запылал так ярко, словно свеча превратилась в солнце. Магия ударила в меня, ускоряя мой пульс, вызывая мое собственное белое свечение, и я вспыхнула луной навстречу ее солнцу.

Ее волосы развевал ветер, тот самый теплый весенний ветер. Глаза наполнились светом, и я опять смотрела в сердце весенней грозы, озаренной молниями, в клочья рвущими небеса, но вместо дождя на меня пролилась ее магия. Я подняла лицо навстречу этой магии, как к настоящему дождю.

Ее ладони ласкали мою нагую кожу, словно на мне не было ни ниточки. Она обнимала меня, и я радостно подавалась ей навстречу, мои ладони скользили по ее обнаженным плечам. На ней было слишком много надето — и это казалось неправильным. Мне нужно было прикоснуться к ней всем телом. Я поняла, что чувствую жажду кожи, которую испытывает Мэви, не я. Ее нужду в прикосновении плоти сидхе. Я сама слишком хорошо помнила подобную жажду, я ее утолила всего четыре месяца назад. Так много одиноких ночей... Я перестала различать, где мои чувства и где — чувства Мэви, и знала, что это действие ее магии. Она спроецировала свои чувства и желания так, что я сочла их своими.

Я потянулась к пуговкам ее жилета, но они были слишком мелкие, слишком муторно расстегивались! Я сгребла полы жилета и рванула. Пуговицы разлетелись в стороны, щелкая по стенам, по кровати, по мужчинам.

Мэви всхлипнула, глядя на меня широко раскрытыми, туманными от желания глазами. Ее остренькие груди заканчивались крупными округлыми сосками, блиставшими, словно их вырезали из алого драгоценного камня. Я провела руками по ее голому животу. Под белым сиянием моих рук золотистый свет запульсировал, становясь ярче под прикосновением и тускнея, когда я вела руку дальше по горячей коже Мэви. Ладони скользили вверх, пока не остановились прямо под грудями. Если бы меня в этом месте трогал мужчина, мои груди легли бы ему на руки, но грудки Мэви, маленькие и твердые, еще не коснулись моих пальцев.

Сияние ее магии разгоралось ярче и ярче под моими руками, словно у ее грудей зажегся настоящий костер.

— Да, да! — простонала она.

Я вдруг поняла, что ее нужда надо мной больше не властна, что я не ощущаю ее как свою собственную. Магия меня влекла, но в этом отношении я была свободна. Если я стану ее ласкать, то только по своей воле.

Я обвела ее взглядом: голова запрокинута, глаза полуприкрыты. Ее желание по-прежнему насыщало воздух мускусным ароматом, но я уже могла дышать им и не опьяняться. Я посмотрела на золотое сияние силы под моими пальцами и подумала, как это чувствуется — когда столько магии ласкает нагую грудь? Хотя бы это я могла ей дать.

— Поцелуй меня, Мэви, — шепнула я.

Она приоткрыла глаза и посмотрела примерно в моем направлении, но сфокусировать взгляд ей не удалось, она была близка к оргазму от прикосновения магии и обнаженной

кожи.

— Поцелуй меня, — повторила я.

Она наклонилась, и я ждала, ждала долго-долго, пока наши губы не соприкоснулись, а потом я повела руками вверх по холмикам ее груди. Она жестче прижалась к моим губам, и поцелуй стал глубоким и неистовым, а потом мои пальцы добрались до ее напряженных сосков — и мир взорвался. Сила бросила нас обеих на кровать, Мэви упала на меня, а мои руки так и остались на ее грудях, словно я схватила высоковольтный провод и не могла уже его бросить.

А я и не очень хотела бросать. Я хотела погрузиться в ее золотое сияние и потеряться в нем.

Она поднялась надо мной, дрожащая, вопящая, извивающаяся под моими ладонями там, где они будто погружались в ее плоть. Она ударила в меня бедрами — будь я мужчиной, мне было бы здорово больно. Но я мужчиной не была, и какая-то грань моей магии сумела отстранить от меня ее впечатляющий оргазм. Мэви извивалась на мне, и магия посылая сквозь мое тело волну за волной, но это высшее наслаждение принадлежало только ей. И почему-то это казалось правильным. Она так долго этого ждала!

На самом пике она открыла глаза и, должно быть, увидела мое лицо — поняла, что я дарю ей удовольствие, но не получаю сама, и ей это не понравилось. Она положила руку мне на живот, и белое сияние вспыхнуло ярче под ее прикосновением. Меня будто касалась весенняя теплынь — веселая, роскошная благодать, ласкающая, играющая на коже. Я успела подумать, неужто Мэви так же ощущала мои ладони на своей груди, и тут она сунула руку мне в плавки и в тот миг, когда эта трепещущая, пульсирующая сила коснулась моей плоти, оргазм брызнул из меня волна за волной, словно ее быстрое касание было камушком, брошенным в озерную гладь, и каждый бежавший по воде круг был волной удовольствия, и удовольствие опускалось все глубже вслед за этим воображаемым камушком. Эта ласка и гладила, и пронизывала меня одновременно.

Я очнулась на той же кровати, Мэви бессильно лежала на мне сверху. Я не слышала ее неровного дыхания за шумом в собственных ушах, но чувствовала, как поднимается и опадает ее грудь, когда она пытается плотнеть воздуха. Мы обе старались отдышаться и как-то усмирить взбесившийся пульс.

Ее частое дыхание и неровный смешок — вот первое, что я услышала, когда ко мне вернулся слух. Вторым было высказывание Риса:

— Не знаю, то ли заплодировать, то ли разрыдаться.

— Как хочешь, — ответил ему Гален. — А я поплачу. Такое шоу пропустили!

Я с трудом повернула голову. С гораздо большим трудом, чем должна была. Но в конце концов я смогла рассмотреть комнату сквозь дымку платиновых локонов Мэви. Я сглотнула и попыталась заговорить, но это пока оставалось за пределами моих возможностей.

Гален, Никка и Холод только что вошли в комнату. Рис и Дойл стояли у постели, но не так близко, чтобы мы могли случайно их задеть.

Мэви сумела заговорить раньше, чем я.

— Я забыла, совсем забыла... Да благословит меня Богиня, я забыла, как это — быть с другим сидхе!

Она медленно, неловко с меня скатилась, словно тело ей не вполне повиновалось. Она повернулась ко мне с улыбкой, хотя навести фокус ей еще было трудновато.

— Ты была невероятна.

Мне удалось прошептать:

— Когда я в следующий раз попрошу поцелуя, напости мне выразиться поконкретней...

Она засмеялась и закашлялась.

— В горле сухо.

Вот интересно, и у меня тоже.

— Никка, — распорядился Дойл, — принеси дамам воды.

Выходя из спальни, Никка заметно принял в сторону, словно слева от двери кто-то стоял, преграждая дорогу. До объяснений снизошел Гален:

— Там в коридоре стоит дерево. Яблоня, похоже. Выросло прямо из бетона посреди бассейна, а пока мы добрались до второго этажа, оно пробило дыру в потолке и доросло досюда.

Рис выглянул из двери.

— Бутоны вот-вот раскроются.

Из-за двери поплыл аромат яблоневого цвета.

Дойл внимательно оглядывал нас обеих и меня в особенности.

— Как ты себя чувствуешь?

— Лучше. Горло болеть перестало.

Он подал мне руку, и я ее взяла, позволила ему поднять меня с постели Мэви. Коленки у меня еще подгибались, и только рука Дойла не дала мне загреметь на пол. Он сгреб меня в охапку, прижав к голой груди. Но мне сейчас мало что удалось бы, кроме как просто к нему прижаться. Мне хотелось поиграть серебряным колечком в его соске, но и это казалось слишком утомительным. Я вдруг почувствовала себя ужасно усталой. Приятно усталой, но все же — усталой.

Он вынес меня в коридор, мимо бело-розовой кисты цветов, почти заполонившей помещение. Запах цветущей яблони снова закружил мне голову, и магия вспыхнула на миг — коротким, но сильным толчком, сбившим Дойла с шага.

— Осторожней, принцесса. Не хотелось бы тебя уронить.

— Прости, — пробормотала я. — Я нечаянно...

Я отметила разломанные ступеньки и успела углядеть серый древесный ствол, прежде чем мы вышли в раздвижную дверь, но последнее, что я запомнила, — это блеск солнца на голубой воде бассейна. А потом я закрыла глаза, прильнула к широкой груди Дойла и перестала сопротивляться сну. И заснула так глубоко и спокойно, как не спала ни разу в жизни.

Спокойно ли спят боги по ночам? Наверное, да.

Мне снился сон. Я стояла на вершине пологого холма и смотрела на простиравшуюся внизу равнину. Рядом со мной стояла женщина, но я не видела ее лица. На ней был серый плащ... А может, черный или даже зеленый. Чем пристальней я в нее вглядывалась, тем гуще становилась окружающая: ее тень, и наконец я поняла, что видеть ее мне не положено. Тень от капюшона скрывала ее лицо. Я не могла определить ее возраст, хотя думала почему-то, что она немолода. Казалось, что она многое повидала, и далеко не все — радостное и светлое. Одно я знала наверняка: она была мне не знакома.

В руке у нее был посох, отполированный множеством ладоней, почерневший от времени. Она взмахнула свободной рукой, указывая на равнину. Там по траве шагал Дойл, а вокруг него вились гончие. Огромные черные псы с огненными глазами. Гончие Габриэля. Псы преисподней. Они клубились вокруг Дойла как дым, как тени. Они льнули к нему, подсовывали головы под руку, чтобы он гладил их, трепал за уши, похлопывал по спинам, а спины в ширину были больше моего роста. Дойл весело улыбался, спокойный и счастливый, но тут они исчезли, и появился Гален. И там, где он шел, вырастали деревья, целые рощи и леса, и в рощах играли дети, бежали к Галену, тянули его за руку. Он гладил их макушки, щекотал под подбородками, играл с ними в салочки на цветущих полянах. Один малыш дотронулся до дерева, и его ладошка засияла золотистым светом. Из рощи вышел Никка, на его пути распускались цветы. Он присоединился к Галену и детям, и они стали играть вместе. В совсем другой части равнины, далеко от этой счастливой картинке, появился Рис. За ним шло огромное войско, и я откуда-то знала, что воины в его войске — мертвы. Он поднял ко мне голову — оба его глаза были целы и ни следа шрамов. Я знала, тоже непонятно откуда, что это — не гламор, что он исцелился. Он нес боевой молот, светившийся собственным светом. На земле лежали раненые — Рис прикоснулся к ним рукоятью молота, и они поднимались здоровыми.

Женщина повернула меня в другую сторону, и я увидела Китто. Он сиял, как сидхе в полной силе, но рядом с ним и за его спиной стояли гоблины. Он поднял руку — и ярчайший белый луч, слепящий как молния, вырвался из его пальцев и пронесся сквозь войско их противников. Гоблины выкрикивали его имя, как боевой клич или молитву. Они были очень далеко от меня, и все же я увидела, как скользят к вражескому войску змеи. Ядовитые змеи нападали на врага, и я знала, что они повинуются Китто. Войско противника дрогнуло и рассыпалось, бежало в панике, и гоблины бросились в погоню, убивая оставших.

Движение женщины привлекло мое внимание. Она воткнула посох в самую верхушку холма, и на моих глазах он вырос в огромное раскидистое дерево, такое старое и дряхлое, что ствол его расселся, а ветви засохли. Женщина запустила руку в дупло-расщелину и извлекла оттуда чашу, сияющий серебряный кубок, украшенный драгоценными камнями. Кубок мягко засветился, как сияет кожа сидхе, когда в нас разгорается магия. Свет становился все ярче, и вот кубок вспыхнул звездой — мерцающей, горячей звездой прямо в ее руках. Свет словно изливался из чаши, как льется через край жидкость.

Она протянула мне чашу:

— Отпей.

Ее голос эхом отдался по всей равнине. Мне в голову не пришло послушаться. Я взялась за чашу поверх ее рук — они были мягкие и старчески хрупкие. Она была стара, гораздо

старше, чем мне казалось. Мы вместе поднесли чашу к моим губам; свет в чаше был таким ярким, что затмил мне зрение на миг, и я не видела ничего, кроме золотого сияния — теплого, прекрасного, родного сияния.

Я отпила из чаши, и это было все равно что пить чистую силу, пить свет.

Она отвела чашу, и руки ее под моими пальцами вдруг переменялись. Они стали молодыми, сильными, с тонкими изящными пальцами. Невесть откуда взявшийся ветер зашуршал листьями. Я взглянула вверх: засохшее дерево все покрылось летней листвой. Расселина в стволе исчезла, осталось только маленькое дупло, в которое едва ли прошла бы моя рука. Где-то высоко в кроне запела птица. Белка сердито зацокала на нас из нижних ветвей.

Женщина сжала мне руки, и я увидела ее лицо. Какой-то миг это было мое лицо. Но она улыбнулась, и я поняла, что лицо под капюшоном — не мое, хотя и мое тоже.

Я проснулась в чужой постели, в темноте. Сердце бешено колотилось, я задыхалась. Ощущение было чудесное, будто я заново родилась, и в то же время мне было до смерти страшно.

В лунном свете мерцали белые волосы Риса.

— Что с тобой, Мерри?

"Все хорошо", — хотела сказать я, но почувствовала, что у моего бока что-то лежит, что-то металлическое, гладкое. Я сдернула простыню. Передо мной, мягко светясь в полутьме, стояла чаша из моего сна.

Полчаса спустя мы все столпились в кухне, даже Шалфей объявился. Будь Шалфей покрупнее куклы Барби, он мог бы считаться красавцем — если немножко желтизны вашему вкусу не помеха. Но черно-желтые махаоновы крылья Шалфея были красивы даже на мой вкус. Он умел вырастать почти до моего роста — способность, близкая к способностям оборотней, хоть и не такая впечатляющая. Зато более редкая. Шалфей был, можно сказать, послан от неблагих фей-крошек и их королевы Нисевин, с которой я заключила союз. Феи обязались не шпионить для моего кузена Кела и его подручных и начать шпионить в мою пользу. Они, правда, работали еще и на мою тетю Андаис, но она вроде бы тоже была на моей стороне. Временами я в этом сомневалась, но сейчас этот вопрос не слишком меня занимал. Мне хватало забот и без раздумий о том, кого же Андаис на самом деле хочет видеть своим преемником.

Посреди выложенного кафелем кухонного стола красовалась чаша, до ужаса неуместная в идеальной белизне современной кухни. Дойл расстелил под чашей прихваченную с собой наволочку, но клочок черного шелка положения не спасал. Под ярким светом потолочных светильников чаша выглядела как раз тем, чем и была, — древней реликвией, случайно попавшей на современный угловой столик для завтраков, за которым едва могли усесться четыре человека одновременно. Такой предмет требовал по крайней мере необозримого обеденного стола из темного полированного дерева, а вокруг — грубо оштукатуренных стен с развешенными щитами и алебардами. Часы с кошачьей мордочкой на циферблате и хвостом вместо маятника к чаше никак не подходили, зато подходили к белым фаянсовым кружкам, разрисованным котятками. Мэви никогда не держала кошек, но могу поспорить, что дизайнером у нее был кошкособ.

Гален приготовил чай, кофе и горячий шоколад. Мы нависли каждый над своей кружкой с соответствующей жидкостью и уставились на мягко светящуюся чашу. Никто, похоже, не жаждал нарушить молчание. Тиканье часов только подчеркивало тишину.

— Когда-то это был котел, — сказал Дойл, и я выплеснула чай себе на халат. Не только я, впрочем. Гален выдал всем пострадавшим бумажные полотенца. Промокая пятно на сером шелковом халате, Холод выругался тихо, но с чувством. У нас у всех халаты были шелковые, помеченные монограммами. Подарки Мэви. Поутру мы уезжали на работу, а возвращаясь, находили пакеты с подарками.

Без подарков оставался только Шалфей. Отчасти, думаю, потому, что он — эльф-крошка, а большинство сидхе обращают на них не больше внимания, чем на насекомых, которыми они прикидываются. Именно поэтому феи-крошки — такие чудесные шпионы: их попросту не замечают. Другая причина была в том, что никто не сказал Мэви о способности Шалфея вырастать почти в рост человека. Может, знай она об этом, она относилась бы к нему повнимательней — она страдала по плоти фейри как раз достаточно. А может, и нет. Благие гораздо привередливей нас в выборе любовников из других фейри. Но способность кое-кого из подданных Нисевин принимать человеческий рост тщательно держалась в секрете. Насколько я была в курсе, из сидхе об этом знали только те, кто сидел сейчас за нашим столом.

Шалфей сидел на краю кухонного шкафа, болтая ногами в воздухе. Крылья медленно раскрывались и закрывались, как часто с ним бывало в задумчивости. Он осторожно

нагнулся красивым личиком к кружке горячего шоколада, поставленной с ним рядом: боялся окунуть в шоколадную пену желтые локоны до плеч. Маленькие фейри, кажется, все питают страсть к сладкому. Одет он был в крошечную юбочку из чего-то вроде бледно-голубого шифона или, может, паутины — настолько тонкой была ткань. Шалфей много одежды не носил, но то, что на нем было надето, всегда было соткано тоньше, чем любой шелк.

Мой халат был алого шелка, и мне повезло — я умудрилась пролить горячий чай скорее на грудь, чем на халат. Ожог был не очень сильный, а вытереть чай с груди не в пример проще, чем с халата. С шелка пятно от чая фиг выведешь.

— Как это — котел? — переспросила я.

За Дойла ответил Рис:

— В один прекрасный день вместо котла, черного и древнего, каким ему и полагалось быть, в святилище оказался сияющий новизной кубок. — Он ткнул в сторону чаши салфеткой в кофейных пятнах. Рис стоял голый посреди кухни, потирая обожженную грудь. Всякие глупости вроде халата его не волновали.

Дойл, одетый только в черные джинсы, сидел справа от меня.

— Король Света и Иллюзий решил, что котел украли. Он едва не объявил нам войну. — Чай в чашке Дойла оставался нетронутым. — Но никто котла не воровал. Он просто изменился.

Я отхлебнула чаю из собственной чашки.

— Хочешь сказать, так же, как менялась Черная Карета Ночной Охоты? Из колесницы — в карету, когда не осталось достойных возничих для колесниц, а не так давно из кареты — в черный лимузин?

— Да, — подтвердил Дойл, наконец отпивая чай. Глаза у него словно прикипели к чаше, будто ничто другое внимания не заслуживало.

— У древней магии есть свой разум, — тихо сказал Китто из кресла слева от меня. Кружку с горячим шоколадом он держал обеими руками, как ребенок. Коленки он подогнул к груди, и от его бордовых пижамных трусиков виднелась только тонкая шелковая полоска.

— Что могут знать о реликвиях гоблины? — с отзвуком старой вражды хмыкнул Рис.

— У нас есть свои предметы силы, — тихо сказал Китто.

Рис открыл рот, но Дойл оборвал его:

— Хватит. Сегодня — без свар. Сегодня, когда к нам вернулось одно из величайших сокровищ сидхе.

На этом все снова заткнулись. Никогда еще не видела, чтобы мои стражи не нашли, что сказать.

— Я думала, вы обрадуетесь. А вы будто на похоронах сидите! — Почему испугалась я сама, я знала. Я всю жизнь имела дело с магией, но еще ни разу мой сон не воплощался наяву. Мне это не понравилось. Пусть там хоть величайшее сокровище в мире — мне не нравилось, что предмет из моего сна стал настоящим и перешел в реальный мир.

— Ты все еще не понимаешь, — сказал Дойл. — Это — *котел*. Котел, который никогда не пустеет. Котел, который может накормить тысячи человек сразу. Котел, который может воскресить павшего воина, хоть тот и восстанет безмолвным. Это реликвия нашего народа, предмет первичной силы. Когда-то давно он возник у нас, появился из ниоткуда, как и Черная Карета, как многое другое. А потом он исчез — и мы потеряли возможность кормить наших последователей и впервые увидели голод.

Он поднялся, повернулся к окну, прижал к стеклу ладони и склонил лицо — будто хотел

слиться в поцелуе с тьмой за окном.

— Мы уже не жили в Ирландии, когда разразился великий голод, но если б у нас оставался котел, я бы закинул его на спину и поплыл через океан.

В его голосе впервые на моей памяти различался намек на ирландский акцент. Сидхе обычно гордятся тем, что говорят без всякого акцента. Дойла никогда нельзя было отнести по произношению к какой-то этнической группе.

— Ты имеешь в виду Картофельный голод? — спросила я.

— Да, — почти прорычал он.

Он скорбел о людях, умерших за два столетия до моего рождения. Но для него боль была такой же острой, словно это случилось неделю назад. Я уже замечала, что бессмертные хранят чувства — любовь, ненависть, скорбь — дольше, чем люди. Дольше людской жизни. Для них время будто по-другому течет, и хоть я сидела бок о бок с ними, хоть жила вместе с ними, но время мы воспринимали по-разному.

Он заговорил не оборачиваясь, будто не к нам обращался, а к тьме за окном:

— Что делать богам, если они вдруг обнаруживают, что больше не в силах ответить на молитвы своих последователей? Если им приходится видеть, как умирают или страдают от болезней люди, которых они легко исцелили бы всего неделю назад? Ты слишком юна, Мередит, и даже Гален слишком молод, вы не сумеете по-настоящему понять, каково это. Вы не виноваты. Не виноваты. — Последние слова он прошептал прямо в стекло, наконец уткнувшись в него лбом.

Я встала со стула и подошла к нему. Он дернулся от моего прикосновения, но отодвинулся от окна, позволив мне обвить его руками за талию и прижаться покрепче. Он разрешил мне себя обнять, но был по-прежнему напряжен. Я старалась его успокоить, но он не принимал моего сочувствия.

Я проговорила, прижавшись щекой к теплой гладкой спине:

— Я слышала, что когда-то котел был не один. Что было как минимум три главных котла. И они изменили форму одновременно, превратившись в кубки. Мой отец винил в этом истории о Святом Граале из Артуровского цикла. Всеобщая вера во что-то может влиять на положение вещей. Плоть влияет на дух.

Под мои абстрактные рассуждения Дойла понемногу отпустило. Скорбь чуть утихла.

— Да, — сказал он. — Но первый котел назывался великим, ему было под силу все, что делали другие котлы. Два других котла могли меньше. Один исцелял и кормил, а другой был полон сокровищами — золотом и тому подобным. — Тон, которым он произнес последние слова, ясно показывал, что золото и тому подобное Дойл не считает и вполнину таким же ценным, как способность исцелить и накормить.

— Были и другие котлы, — напомнил Рис.

Дойл соизволил повернуть голову и взглянуть на него. Я позу не изменила.

— Не настоящие, — буркнул Дойл.

— Вполне настоящие, только они не были подарком от богов. Кое-кто из нас мог создавать такие предметы.

— У них не было тех способностей, что у великих котлов, — возразил Дойл.

— Зато они не испарились, когда боги лишили нас своих милостей.

Дойл развернулся, и мне пришлось отпустить его. Он метнулся к Рису:

— Боги не лишали нас своих милостей! Это мы отказались от возможности говорить с ними. Мы отказались от них, не они — от нас.

Рис примирительно поднял руки.

— Я не хочу об этом спорить, Дойл. Вековая давность не делает спор интересней. Просто решим, что здесь мы расходимся во мнениях. Все, что мы знаем наверняка, — это что великие реликвии когда-то начали пропадать. Предметы, созданные фейри собственноручно, остались при нас.

— До второго ограничительного заклятия, — уточнил Холод. После дневных событий это была самая длинная фраза, которую я от него услышала. Я пыталась заговорить с ним при встрече, но он оборвал меня довольно грубо и с тех пор избегал. Я едва не умерла, а дулся он. Очень на него похоже.

— Да, — как обычно тихо сказал Никка. — После этого созданные нами амулеты начали ломаться и разрушаться или просто перестали действовать. Заклятие словно выпило из них силу.

Я вечно забывала, что Никке несколько столетий от роду, пока он не говорил что-нибудь вроде этого.

— Не уверен, что все согласились бы на второе ограничительное заклятие, если б знали, что случится с нашими жезлами и посохами. — Никка качнул головой, каштановые волосы блеснули на свету. — Я бы не согласился.

— Многие не согласились бы, — подтвердил Дойл.

— Если так, — поинтересовалась я, — то как же вы все согласились на заклятие, создавшее Безымянное? Оно ведь было третьим, и вы знали, чего ожидать. Вы знали, как много вы потеряете.

— Думаешь, выбор был большой? — хмыкнул Рис. — Или отказ от еще одной части силы, или изгнание в никуда.

— Мы могли бы остаться в Европе, — заметил Холод.

— Но как? — возразил Дойл. — Уйти из полых холмов, понакупать домов и жить среди людей? Скрещиваться с людьми... — Он взглянул на меня и добавил: — Я не хотел нанести оскорбление принцессе, но небольшая примесь другой крови — это одно дело, а вынужденные браки с людьми — совсем другое. Оставшимся в Европе пришлось дать письменное обязательство отказаться от своих обычаев. — Дойл широко развел руки. — Без обычаев и веры народ не существует.

— Потому от нас этого и потребовали, — сказал Рис. — Способ уничтожить нас и избежать обвинений в геноциде.

— У людей силенок не хватило бы нас всех перебить, — заявил Холод.

— Верно, — согласился Рис. — Но им хватило сил усадить нас за стол переговоров и заставить подписать договор, который большинство фейри всех видов сочли несправедливым.

— Факты я и раньше знала, — сказала я. — Но я впервые слышу, чтобы вы так эмоционально говорили об изгнании.

— Мы покинули Европу, чтобы спасти хоть часть волшебной страны, — сказал Дойл. — И вот на столе стоит этот кубок, и все начнется опять.

— Что начнется? — не поняла я.

— Богиня принесет нам свои дары, и Консорт принесет нам свои дары, а потом в один прекрасный день они исчезнут. Как нам верить, что данный нам дар не покинет нас в час нужды? — На темном лице боролись боль, гнев, отчаяние и надежда.

— Похоже, ты сам себе выдумываешь заботы, — сказала я. — Думаю, нам надо

выяснить, обладает ли кубок теми же способностями, что и раньше, прежде чем волноваться, что будет, когда он снова исчезнет.

Рис покачал головой:

— Чаша по заказу не работает. Она кормила нас, когда это было необходимо. Она исцеляла тех, кто в исцелении нуждался. Священные реликвии — не предмет развлечения. Они выполняют свою роль, только когда в них есть нужда.

— Это предмет веры, — добавил Никка. — Нужно верить, что чаша поможет нам, когда это будет необходимо. — Голос его звучал довольно уныло.

— Вера! — произнес Рис голосом, настолько перенасыщенным эмоциями, что он звучал много ниже нормального. Слишком много в нем было не сказанного вслух. — Веру я бросил много лет назад, Никка. Не уверен, что смогу снова ее обрести.

— Наверное, все мы считали себя истинными богами, — сказал Дойл, — равными любым другим. Первое заклятие показало нам, как мы ошибались. — Он шагнул к столу и, казалось, готов был взять чашу в руки, но не взял. — Тогда мы поняли, что играть бога и быть богом — вещи разные.

Он качнул головой:

— Не тот урок, который я хотел бы получить дважды.

— Как и я, — откликнулся Рис.

— Я никогда не был сильнее, чем сейчас, — сказал Холод. — Для меня урок был другим. — По тону было не похоже, чтобы его урок понравился ему больше, чем остальным.

Мой отец позаботился, чтобы я узнала все факты нашей истории, но он никогда не сожалел вслух, никогда не выказывал той боли, какую я видела сейчас. Умом я понимала, что сидхе очень много потеряли, но прочувствовать, осознать — все же не могла. Может, я и сейчас не осознавала масштаб потерь, но я пыталась. Да поможет мне Богиня, я на самом деле пыталась.

— Разве не дети Дану потребовали, чтобы гоблины не были богами для людей? — спросил Китто. — Не это ли было вашим условием при первом нашем мирном договоре? Чем это отличается от того, что потребовали люди от всех нас?

Рис повернулся к гоблину:

— Как ты смеешь сравнивать... — Он умолк посреди фразы и качнул головой. Потом потер рукой лицо, как от усталости. — Китто прав, — сказал он.

На всех лицах отразилось изумление, даже на лице Дойла.

— Ты только что согласился с Китто? — выразил общее удивление Никка.

Рис кивнул:

— Он прав. Когда мы впервые пришли на земли гоблинов, мы были так же надменны и так же нацелены сломить их власть, как люди в последнюю войну — по отношению к нам.

— Не уверена, что со стороны людей присутствовала надменность, — поправила я. — Скорее страх, что следующая война с нами опустошит Европу.

— И все же наглость с их стороны — думать, что они могут диктовать правила поведения цивилизации, которая существовала за тысячи лет до того, как их предки покинули пещеры, — бросил Рис.

Возразить на это было нечего, так что я и не пыталась.

— С этим не спорю, — сказала я.

Рис ухмыльнулся:

— Ты не станешь возражать?

Я пожалала плечами.

— С чего бы? Ты прав.

— Знаешь, у тебя ужасно демократичный стиль мышления для наследницы трона.

— Я десять лет росла среди демократичных американцев. Думаю, это научило меня определенной скромности. — Я улыбнулась Рису, никак не смогла удержаться. Рис временами на меня так действовал.

— Очень не люблю прерывать чей-то флирт, — сказал Гален, — но что же мы будем делать с этим котлом... кубком... как он там называется?

В политике Гален абсолютно безнадежен, но в практичности ему не откажешь.

— А что мы должны делать? — спросила я.

— Ну... — протянул он, и усмешка в его глазах померкла. — Мы о нем расскажем?

Все вдруг посерьезнели еще больше.

— Верное замечание, — сказал Дойл. — Нам нужно решить, будем ли говорить об этом кому-то и если да, то кому.

— Ты что, вздумал утаить информацию от королевы? — удивился Холод.

— Не утаить, только придержать. — Дойл сделал жест в сторону Китто. — За эти сутки чего только не случилось! Китто приобрел руку власти. Таковую, какой не видели у нас со времен второго заклатья.

— Кстати, — поинтересовалась я. — А как его рука власти называется? Мои, скажем, — это рука плоти и рука крови, а как назвать эти фокусы с зеркалами?

— Это называется рука доступа, — ответил Дойл. — Потому что соединяет две точки для общения и переносит людей из одной точки в другую. Рука доступа, потому что дает доступ к другим.

— Логично, как услышишь разъяснение, — сказала я.

— Много где можно увидеть логику после того, как объяснят. — Дойл говорил почти спокойным тоном, но в лице сохранялось напряжение: оставалось слишком много вопросов. Вопросов, ответа на которые могло не быть вовсе.

— Королева захочет узнать о новых способностях Китто, — сказал Холод.

— Я ей уже сказал, — ответил Дойл.

— А о том, что Рис обрел свои божественные силы?

— Тоже, — кивнул Дойл.

— Когда только успел?

— Когда вы с принцессой отправились к Мэви в большой дом.

Холод задумался на миг, а потом, прежде чем снова поднял к Дойлу тщательно контролируемое прекрасное лицо, в его глазах промелькнуло что-то очень похожее на страх.

— Остальное она тоже знает? — Убрать неуверенность из голоса ему удалось не так хорошо, как из глаз.

— Ты о том, что Мередит, похоже, вернула Мэви ее божественность и, возможно, дала тебе твою? Или о том, что сама Мередит при этом едва не погибла? А может, ты спрашиваешь, доложил ли я ей, что принцесса обрела дар вещего сна?! Или о том, что мы теперь владем чашей? Какой из этих вопросов тебя волнует, Холод?

— Он не хотел тебя злить, — сказала я.

— Не надо меня защищать! — вспыхнул Холод.

— Да что с тобой? Ты на меня всех собак спускаешь с момента, как я очнулась от обморока!

Холод вперился в кухонный помост передсобой. На помост он так и не поднялся, не хотел приближаться к нам — или, может, ко мне.

— Ты еще спрашиваешь? Я — твой телохранитель, твой Ворон, я клялся защищать тебя от любой угрозы — и едва не убил тебя собственноручно!

Я подошла и протянула к нему руку, но он отпрыгнул прочь.

— Я не хочу опять причинить тебе вред.

— Ты же видел, хотя бы ближе к концу, что мы вытворяли с Мэви. Думаю, я могу без опаски взять тебя за руку.

Холод встряхнул головой, занавесившись от меня длинными серебряными волосами. Волосы у него всегда были неправдоподобного цвета новогодней мишуры, но сегодня они сияли еще ярче, чем обычно. Я потянулась к этой сияющей завесе и обнаружила, что волосы влажные.

Он опять отдернулся, уйдя от моего прикосновения, прислонился спиной к кухонному шкафу и обхватил себя руками.

— Когда твой крик разбудил нас, я был покрыт льдом. Нет, — качнул он головой, — не льдом, инеем. Я проснулся покрытый слоем инея. Он почти мгновенно растаял, но на волосах иней был плотнее. Когда я вставал, волосы похрустывали от инея, как ветки на морозе.

У Холода был испуганный вид. Я опять попыталась взять его за руку, и он опять отстранился.

— Нет, Мередит! Я не умею управлять этой силой. Это не то что вспомнить забытые навыки. Эта магия мне раньше не принадлежала. — Он смотрел на меня широко раскрытыми перепуганными глазами. — Я не умею быть богом, Мередит. Я никогда не был богом!

— Мы научим, — сказал Рис.

— А если я не хочу учиться?

— Это другая проблема, дружище, — сочувственно вздохнул Дойл. — Богиня дает свои дары кому пожелает, и не нам спрашивать, почему и зачем.

Что пару минут назад Дойл именно это и спрашивал, он, видимо, забыл. А может, Дойл считал, что только он вправе подвергать сомнению действия Богини. В чем бы ни была его логика — или отсутствие таковой, — никто ему на его ошибку не указал.

— Мы должны рассказать королеве о чаше, — заявил Рис.

— Нет. — Дойл мотнул головой так резко, что тяжелая коса описала дугу в воздухе. — Она взбесится, когда узнает, что мы это скрыли, а я, к примеру, не горю желанием провести ночку-другую в Зале Смертности.

Залом Смертности называлась комната пыток Неблагого Двора. Когда-то христиане считали неблагих адскими демонами. Но если какая-то часть нашего двора и была подобием дантова Ада из знаменитой "Божественной комедии", так это Зал Смертности.

— Как и я, — сказал Холод.

— И я, — присоединился Гален.

— О нет, — прошептал Никка.

Я прислонилась к буфету и посмотрела на Дойла. Он больше тысячи лет был Мраком королевы. Ее правой рукой. Ее верным убийцей. Он был ей верен, хотя в последнее время его верность склонилась на мою сторону. И все же утаивать настолько важное событие от королевы было на него не похоже, особенно если учесть, что рано или поздно она все равно узнает. Она — Королева Воздуха и Тьмы: все, произнесенное в темноте, рано или поздно достигнет ее ушей. А слова "котел", "чаша" и тому подобные непременно привлекут ее внимание. Слишком важен был этот секрет, чтобы надеяться его сохранить.

— А почему ты не хочешь ей рассказать? — спросила я.

— Потому что чаша — не наша реликвия. Она принадлежала Благому Двору. Несколько веков назад чуть война не началась, когда Таранис решил, что мы ее украли. Что он предпримет, если узнает, что она теперь у нас?

— Но королева ему об этом не скажет, конечно, — сказал Гален.

Дойл наградил его таким презрительно-саркастическим взглядом, что Гален подался назад.

— Ты и вправду думаешь, будто среди нас нет шпионов? У нас шпионов при Благом Дворе хватает; нельзя не предполагать, что и Таранис имеет шпионов при нашем дворе. Вот это, — Дойл указал на мягко светящуюся чашу, так спокойно стоящую на столе, — в секрете не утаишь. Стоит вестям о чаше просочиться за пределы этой комнаты, и их не удержишь. Нам надо продумать, что мы станем делать, когда это случится.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Холод.

— Таранис потребует вернуть кубок ему. А мы что? Отдадим? А если нет — пойдем ли мы на войну с благими?

— Его нельзя отдавать Таранису, — решительно сказал Никка.

Все головы удивленно повернулись к нему. Твердость в решениях вообще для Никки не характерна, и уж совсем странно было, что он отважился высказаться по такому судьбоносному вопросу.

— Даже если нам будет грозить война? — уточнил Дойл.

Никка подошел к столу.

— Не знаю, но одно знаю точно: Таранис нарушил один из самых важных наших запретов. Он не меньше века скрывал от всех свое бесплодие, он даже отправил Мэви в ссылку за то, что она не согласилась выйти замуж за бесплодного короля. Он осознанно обрек свой двор на вымирание — на уменьшение силы, плодovitости, самой сущности своих

подданных. А когда он испугался, что Мэви откроет или уже открыла нам его секрет, он выпустил на нас Безымянное. Выпустил на свободу самое страшное, что у нас было, хотя не мог подчинить его своей власти. Из-за него погибли невинные люди, а Таранису до них и дела нет. Нам удалось спасти Мэви и поразить Безымянное, но не окажись нас на месте, она погибла бы, а Безымянное могло опустошить пол-Калифорнии. И когда люди узнали бы, что всему виной магия сидхе, последствия для нас могли быть ужасными. Кто знает, как поступило бы людское правительство? А ведь Америка — единственная страна, согласившаяся принять сидхе как свободный народ вместе с нашими обычаями, нашей магией, со всем, что мы есть.

Во время этого монолога от Никки начало разливаться мягкое сияние, словно в его речи была магическая сила.

— Никто не спорит, что Таранис поступил эгоистично и не по-королевски, — сказал Дойл, — но он — король. Мы не сможем ни обвинить его в преступлениях, ни добиться его наказания.

— Почему не сможем? — спросил Китто, все так же сидя с ногами в кресле, с кружкой шоколада в руках.

— Он — король, — со значением повторил Дойл.

— Если царь гоблинов нарушает закон, его можно обвинить в этом перед всем двором. У нас так и делают.

— Сидхе не так прямолинейны, — ответил Дойл.

— Именно потому вы и одерживали верх над нами на протяжении веков — потому что вы самые коварные из фейри.

Я взглянула на Рису, и, наверное, что-то у меня на лице отразилось, потому что он сказал:

— Я не намерен ему возражать. Сидхе коварней, чем гоблины. Видит Богиня, сидхе коварней, чем кто бы то ни было из фейри.

— Как мило, когда сидхе признают правду, — хмыкнул Шалфей.

Я посмотрела на него. Человечек на полке шкафа рядом с огромной кружкой горячего шоколада выглядел совершенно безобидным. Впечатление детской невинности еще усиливалось из-за шоколадных "усов" у рта. Эльфы-крошки всегда спекулировали на своей милости. Но я видела, как их стая вырывала куски плоти из тела беззащитного, скованного цепями Галена. Они выполняли приказ принца Кела, но выполняли его с наслаждением.

Шалфей то ли свалился, то ли оттолкнулся от полки и взмыл в воздух.

— Все разговоры ваши впустую, дорогие мои сидхе, потому что мой долг — обо всем доложить королеве Нисевин. Может, вам и позволительно устраивать заговоры против вашей королевы, раз уж Мерри может стать ее преемницей, но Нисевин держит власть твердой рукой, и я рискнуть ее неудовольствием не могу.

Он подлетел к столу и приземлился на него пушинкой, хотя на самом деле весил он гораздо больше, чем казалось на вид. По логике, он должен бы, наоборот, весить меньше — но если Шалфей приземлялся вам на руку, "лишний" вес очень чувствовался.

Эльф шагнул к чаше, но Дойл преградил ему путь рукой.

— Тебе и оттуда хорошо видно.

Шалфей уперся ладонками в стройные бедра и нагло глянул на заметно превосходящего размерами противника.

— Чего ты страшишься, Мрак? Что я ее украду и оттащу к своей королеве?

— Чаша — дар сидхе, и у сидхе она останется, — отрезал Дойл.

Шалфей прынул в воздух, закружился у светильников, как огромная моль, хотя крылья у него были от дневной бабочки, не от ночной.

— И все же мой долг — поведать все королеве Нисевин. Ваше право размышлять, говорить ли о чаше вашей королеве, но поскольку я своей сказать обязан, вам вряд ли стоит мешкать.

— Завтра вечером мы должны явиться ко двору, — припомнила я. — Ты можешь подождать с докладом до этого времени?

— Зачем мне ждать? — спросил он и спустился прямо к моему лицу, так что ветер от его крыльев играл с моими волосами.

— Потому что чем меньше будет тех, кто знает о чаше, тем менее это опасно для всех, включая твой народ.

Он погрозил мне пальчиком:

— Ц-ц-ц, принцесса, доводы разума на меня не подействуют. Я весь день держался поодаль, хоть твоя магия влекла меня, будто любовная песня сирен. — Он приземлился на стол передо мной. — Я не шел на зов потому только, что видел уже всю восхитительную любовь сидхе, какую хотел бы видеть со стороны, а не в твоей постели. Я не больно-то увлекаюсь наблюдением.

— Я обязалась раз в неделю делиться с тобой кровью, Шалфей. Это цена союза с твоим народом. И я свои обязательства выполняю.

Он протопал ко мне крошечными желтыми — в тон основному цвету крыльев — босыми ножками.

— Кровь, принцесса, — это прекрасно, но хороший перепах она не заменит. — Он облокотился на мою руку, как на забор, и уставился на меня черными глазенками. — Пусти меня нынче в свою постель, и я никому словечком не обмолвлюсь до прибытия ко двору.

Я отдернула руку; он едва не упал и взвился в воздух, сердито трепеща крыльями.

— Ты все еще пытаешься пролезть на трон, Шалфей? Я думала, мы с этим уже разобрались!

Он завис прямо у меня перед глазами, будто разозленный колибри, я слышала гудение его крыльев. Крылья настоящих бабочек так не жужжат.

— Да, у моей королевы было желание посадить меня своей куклой на неблагодатный трон, но да спасет меня Флора, принцесса, не это теперь меня заботит.

— А что же? — поинтересовался Дойл.

Шалфей сделал пируэт в воздухе и поднялся повыше, чтобы держать нас обоих в поле зрения.

— Постель. Я хочу опять возлежать с женщиной. Неужто в это так трудно поверить?

— Забудь, — сказал Дойл.

— Забудь, — сказала я.

А Китто заметил:

— Феям-крошкам секс нужен не больше, чем гоблинам, если взамен они могут добыть кровь и силу.

Шалфей выразительно глянул на гоблина, ставшего сидхе.

— Твой род нас поджаривает на вертелах и считает лакомством. Прости, если я не сочту твое мнение слишком весомым. — Сарказм он и не трудился скрыть.

Китто зашипел на него, и Шалфей зашипел в ответ.

— Хватит, — оборвал их Дойл. — Назови свою цену за то, чтобы сберечь наш секрет до завтрашнего вечера. Секса с принцессой не проси, этого ты не получишь.

Шалфей скрестил на груди руки и мастерски изобразил надувшегося ребенка. Впечатление еще усиливалось шоколадными усами на его физиономии, но я слишком часто видела этот маленький ротик перемазанным моей кровью, чтобы поддаться на уловку. Он разыгрывал ребенка, потому что только это ему и оставалось, но ребенком он не был. Он был опасным, коварным, язвительным и развратным — и нисколько не ребенком.

— Кровь бога тебя не устроит? — спросил Рис.

Шалфей совершил фантастический поворот в воздухе — вертолет какой-то, а не бабочка.

— Чью кровь ты предлагаешь — Мэви или же Холода?

— Свою собственную.

Шалфей мотнул головой.

— Ты — не бог.

— Моя сила снова со мной. Дойл сегодня назвал меня Кромм Круахом.

— Правда, Мрак? — повернулся к Дойлу Шалфей. Дойл кивнул.

— Даю тебе слово, что я вновь назвал Риса Кромм Круахом.

Шалфей завис перед Рисом, так что у того белые кудри заволновались от ветра. Шалфей подбирался ближе и ближе, почти вплотную. А потом стремительно нырнул вниз, лизнул лоб Риса и мгновенно отпрянул, не дав Рису себя схватить или шлепнуть. Впрочем, Рис и не пытался. Вот Гален попытался бы точно, но у Галена были те же причины ненавидеть фей-крошек, что у Риса — гоблинов, и ненависть была очень уж свежа.

— Ты не бог на вкус, Рис. Ты хорош и силен, но не бог.

— А когда ты в последний раз попробовал бога? — хмыкнул Рис.

Шалфей порхнул к Холоду, но не рискнул подлететь слишком близко. Холод не терпел, когда к нему прикасались против его желания. Века вынужденного целомудрия сделали его мало похожим в этом вопросе на других фейри. Я к нему могла приласкаться, но из прочих на это немногие отважились бы.

— Дай мне отведать твой вкус, Холод. На сей раз не кровь, только вкус.

Холод угрюмо зыркнул на эльфа и качнул головой:

— Я не шлюха, кровью не торгую.

— Вот кем ты меня считаешь? — поинтересовалась я настолько же холодно, насколько горяча была моя злость. Холод почти достал меня своими выходками. Я сегодня чуть не умерла; может, это мне пришла очередь надуться?

Холод явно смутился.

— Я не имел в виду...

Я шагнула к нему:

— Если я могу пожертвовать каплей крови ради дела, то чем ты так уж хорош для такого?

Он махнул в сторону эльфа.

— Не хочу, чтобы этот ко мне присасывался.

— Со мной это происходит раз в неделю, Холод. Если принцессе это подходит, то и тебе подойдет.

Его лицо превратилось в надменную маску, как всегда, когда он пытался скрыть свои

чувства.

— Это твой приказ? — Голос был ледяной, и я поняла, что сейчас между нами может вырасти преграда — может, на сутки, может, навсегда. С Холодом не угадаешь.

Я шагнула еще ближе. Он отдернулся, и я медленно опустила протянутую к нему руку.

— Нет, но я тебя прошу. Пожалуйста, помоги нам.

— Я не хочу...

Я прижала к его губам кончики пальцев, и он мне не препятствовал. Теплое дыхание согревало мне пальцы.

— Пожалуйста, Холод, это такая мелочь. Почти не больно, да и гламор у Шалфея очень силен. Он может совсем унять боль.

— Я еще не обещал, что крови Холода хватит, чтобы купить мое молчание, — вмешался Шалфей. — Я его не пробовал. Может, он не больше бог, чем Рис.

— Возьми и мою, и его, — ответил Рис. — Кровь нас обоих, а все, что требуется от тебя, — подождать с докладом, пока мы не явимся ко двору. — Рис скользнул к зависшему в воздухе эльфу. — Кровь двоих аристократов-сидхе всего за двадцать четыре часа молчания. Недурная сделка.

Крылья Шалфея почти замерли, так что можно было разглядеть красные глазки на их внутренней стороне и голубой отлив — под цвет довольно широкой синей полосы — на обороте. Он скорее спланировал, чем подлетел к углу, где стоял Гален.

Гален прислонился спиной к шкафу и скрестил руки на груди. Взгляд был таким враждебным, какого я еще не видела.

— Даже — не — думай. — В голосе была такая яростная решимость, что Шалфей на миг провалился в воздухе, как обычный человек запнулся бы.

Он снова набрал высоту и поднялся даже выше, под самый потолок.

— А ты тако-ой вкусны-ый...

Гален взглянул на меня:

— Может, попросту заколдуем его на сутки?

— Очень заманчиво... — протянула я. — Но Нисевин может счесть это нарушением договора.

— А вариант хороший, — ухмыльнулся Рис.

— Ладно, — сказал Шалфей. — За кровь Холода и белого рыцаря я соглашусь придержать язычок, пока не увижусь с моей королевой.

— Во плоти при ее дворе, — добавила я.

Он описал круг под потолком, лениво, как птица на отдыхе, засмеялся и подлетел ко мне.

— Боишься, что я сплутую?

— Повтори мои слова, Шалфей.

Он улыбнулся так, что стало ясно: просьбу он выполнит, но при этом поизмывается над всеми нами вволю. Стиль у него такой. Вообще-то это стиль большинства неблагих фей-крошек. Культурная традиция, надо полагать.

Он положил крошечные ручки на узенькую грудь и выпрямился в струнку, оттянув носочки.

— За кровь сих двоих мужей я повременю рассказывать о чаше моей королеве, пока не встречусь с ней лицом к лицу и плотью к плоти. — Он взмыл в воздух, так что мне пришлось задрать голову, чтобы уследить за ним. — Довольна?

— Да, — подтвердила я.

— Я не дал своего согласия, — заявил Холод.

— Я буду с тобой, — сказал Рис.

— И я, — мурлыкнула я, просовывая руку под локоть Холоду поверх шелка и мощи его мышц.

— Холод... — позвал Дойл.

Двое мужчин встретились взглядами, и между ними что-то пробежало — утешение, тайное знание... Что бы это ни было, черты Дойла от него смягчились, стали более... человечными. Холод кивнул.

— Что, если новая магия опять нанесет вред Мередит?

— Рис проследит, чтобы этого не случилось.

Холод открыл было рот, словно хотел возразить, но передумал и только кивнул.

— Как повелит мой капитан.

Стражи порой словно забывали, что Дойл — капитан Воронов королевы, но потом припоминали снова. И тогда использовали полузабытый титул. Уважение никуда не исчезало, как и страх, но титул употреблялся лишь по случаю.

— Отлично, — подытожил Дойл. — Если с этим покончено, обсудим прочее. Как только обе королевы узнают о возвращении чаши, слух дойдет и до Тараниса. Что мы станем делать, если он потребует чашу себе?

Я обвела всех взглядом, пытаюсь вычислить, кто что думает, и в большинстве случаев не вычислила ничего.

— Но вы же не думаете всерьез, что мы можем ее не отдать? Начнется свара, если не настоящая война.

— Мы не можем отдать чашу, — повторил Никка. — Таранис ее уже недостоин.

— Что ты имеешь в виду, Никка? — спросил Дойл.

— Он не... — Никка никак не мог подобрать слова. Наконец он развел руками и сказал: — Таранис недостоин ею владеть. Если бы был достоин, она появилась бы у него, но она выбрала Мерри.

Дойл вздохнул достаточно громко, чтобы я это услышала чуть не через всю кухню.

— Вот вам еще одна проблема. Если Таранис боится, что королевская власть уплывает из его рук из-за бесплодия, то переход чаши к другой высокородной сидхе, в особенности наполовину неблагой по крови, только подкрепит его опасения.

— Он должен бояться. — Рис встал рядом со мной, с другой стороны от надежной фигуры Холода. — Даря божественные силы Мэви и Холоду, Мерри могла действовать всего лишь как сосуд, как вместилище Богини, как это и предположил Дойл. — Рис обнял меня за талию и притянул к себе. Наши с Холодом руки были переплетены, так что ладонь Риса уткнулась в бок Холода. Я почувствовала, как Холод напрягся, но Рис вроде бы ничего не заметил, он смотрел на других. — Но то, что чаша выбрала Мерри, не может объясняться только ее подходящим полом. Котел когда-то принадлежал мужчинам, а не женщинам. Быть может, Мерри — просто единственная из знати сидхе, достойная быть хранителем чаши?

— Не думаю, что дело в этом, — возразила я.

— Почему же? — спросил Холод.

Я подняла голову и заглянула ему в глаза.

— Потому что я смертная. Я, по кое-чьим меркам, даже на обычную сидхе не тяну.

— По чьим это меркам? — проворчал Холод. — По меркам свергнутых богов, которые

только и делают, что вздыхают о былой славе?

— Благой Двор и правда смахивает на клуб престарелых одноклассников, — ухмыльнулся Рис. — Только и делают, что болтают о былых денечках, когда они были моложе, лучше, сильнее... Ностальгия, не больше.

Я скроила ему сердитую гримасу и повернулась к Холоду.

— Ладно, пусть так. Я не подхожу по меркам народа, который уже один раз потерял чашу. Но будь я хоть чистойшей крови, Таранис все равно не смирится с тем, что чаша у нас, даже ценой войны.

— Она права, — поддержал меня Рис. — Благие решат, что, вернув себе чашу, вернут и потерянные силы.

— По этой логике, — сказал Дойл, — если чаша будет у нас, силы вернуться к нам.

— Не думаю, — возразил Холод. — Ко мне не вернулись мои силы. Я обрел способности сидхе, которого когда-то звал своим повелителем. И не чаша мне их дала, а Мерри.

Рис обнял меня покрепче.

— Наша королева будет довольна, но Таранис придет в ярость.

— А если он предположит, что Мерри может сделать для него то же, что она сделала для Холода? — спросил Дойл.

Лицо Риса отразило полную панику, прежде чем он успел скрыть ее за привычной ухмылкой.

— Даже не знаю, что опасней: решит ли он использовать Мерри для поддержания своих гаснущих сил или сочтет, что с такими способностями она будет слишком сильной королевой.

— Соперницей, хочешь сказать? — уточнил Дойл.

Рис качнул головой.

— Нет, не соперницей. Даже если Мерри всех нас снабдит божественной силой, в схватке один на один ей это не поможет. Право вызова есть у всех благородных сидхе, а король по многим нашим законам расценивается наравне с другими дворянами. — Он посмотрел мне в глаза. — Я помню, что две твои руки власти — штука неприятная, но я видел, как дерется Таранис.

Он поцеловал меня в лоб и шепнул:

— Тебе не победить.

— В последний раз Таранис дрался на дуэли еще до заклятия Безымянного, — напомнил Дойл. — Кто знает, что он утратил и что сохранил?

Рис сердито глянул на Дойла.

— Она погибнет!

— Я не подталкиваю принцессу бросить вызов Королю Света и Иллюзий, Рис. Но я не намерен переоценивать его силы. Мы все многое утратили с последним заклятием. Просто кое-кому удастся скрывать потери лучше, чем остальным.

— Может, ты прав, — сказал Рис, прижимая меня так крепко, словно боялся, что Дойл потащит меня на дуэль прямо сейчас, — может, я переоцениваю Тараниса с его двором. Но может, это ты их недооцениваешь.

— Не приписывай мне то, чего я не говорил. Благие опасны и очень сильны. Их двор сохранил больше магии, чем наш. В их большом зале еще растет великое древо, и оно покрыто листвой, хотя листва теперь цвета осени. Их сила осталась с ними. — Дойл покачал

головой и сел за стол, положив подбородок на скрещенные руки, так что лицо оказалось вровень с чашей. — Мы не готовы заставить Тараниса заплатить за его преступления. Мэви не сможет свидетельствовать против него, потому что она — изгнанница; слово изгнанника не считается уликой против жителя волшебной страны. Свидетельство Букки-Ду о том, что Таранис участвовал в освобождении Безымянного, слишком легко повернуть против самого Букки.

— Как это? — не понял Никка.

— Ты же видел, во что превратился Букка. А ведь он был великим лордом — вождем корнийских сидхе, когда нас было еще так много, что мы разделялись на племена. Сейчас же он похож на уродливого карлика. Благие не поверят, что он тот, кем себя объявляет, а даже если поверят — против него обратят его собственные слова. Если он объявит о вине Тараниса, он признает и свою вину. Таранис может отрицать свое участие и велеть казнить Букку за то, в чем он признался. Преступник наказан, правосудие торжествует, а единственный свидетель участия Тараниса мертв. Тонкая работа.

— Очень на него похоже, — признал Рис.

— Но Букка — под охраной королевы, — возразил Никка. — Его сторожат неблагие.

— Да, — согласился Дойл. — Вот только слухи уже поползли, хоть королева никому из охранников не говорила, за какую вину Букка сидит под стражей.

— Что за слухи? — спросила я.

— Слухи о Безымянном и о том, кому было выгодно наслать его на Мэви Рид. Пока при дворах фейри дело только слухами и ограничивается, но о нападении сообщили все крупные средства массовой информации, а среди сидхе обоих дворов многие прислушиваются к людским новостям. — Он не отрывал глаз от чаши, будто она его гипнотизировала. — Почти все знают, что Таранис лично изгнал Мэви. Шепот уже пополз. Если б у него были в распоряжении какие-то другие способы убить ее на расстоянии, думаю, он бы не стал медлить. Может, Безымянное и нельзя связать непосредственно с Таранисом, но уж очень это мощная магия — и все знают, куда оно направилось, как только его выпустили.

— Сам страх Тараниса его и выдаст, — сказал Холод.

— Может быть, — согласился Дойл, — но обложенный волк опасней того, что гуляет на свободе. Я не хотел бы оказаться поблизости от Тараниса, когда он поймет, что у него не осталось выхода.

— Что возвращает нас к вопросу, зачем ему понадобилось меня лицезреть, — сказала я и высвободилась из надежных объятий двоих мужчин. Слишком много загадок, слишком много событий, чтобы объятия могли меня успокоить. Я поступала больно уж по-человечески, но мне просто не хотелось оставаться в чьих-то объятиях.

— Он утверждает, что хочет возобновить родственные отношения с новой наследницей неблагого трона, — ответил Дойл.

— И ты веришь ему не больше, чем я.

— Крупица правды в этом есть, иначе он солгал бы, а мы друг другу не лжем.

— Зато опускаем так много правды, что с тем же успехом могли бы и врать, — заметила я.

Шалфей залился золотым колокольчиком.

— Ах, принцесса и вправду знает свой народ!

— Мы твое молчание купили, — напомнил Дойл. — Так помолчи, если ничего полезного сказать не можешь. — Он угрюмо глянул на эльфа, выписывающего круги под

потолком. — Помни, Шалфей, если Неблагой Двор падет, твоей судьбой станут распоряжаться благие, а им тебя любить не за что.

Шалфей приземлился на край стола, сложил крылья за спиной и устался на Дойла снизу вверх — хотя сейчас, когда голова Дойла лежала на руках, их глаза были почти на одном уровне.

— Если Неблагой Двор падет, Мрак, то не феи-крошки пострадают первыми. Благие нас не любят, но и угрозы в нас не видят. А вас они развеют по ветру. Любого из нас могут прихлопнуть, как надоедливую муху, но нарочно нас преследовать не станут. Наш народ уцелеет. Скажут ли неблагие о себе то же самое?

— Так может случиться, — признал Дойл. — Но разве твоему народу хочется всего лишь уцелеть? Жизнь — лучше, чем ее противоположность, но жить только ради того, чтобы выжить, — довольно утомительно.

— Думаешь запутать меня своими умолчаниями и полуправдой?

— Думай что хочешь, человек, но когда я говорю, что судьбы фей-крошек каждого двора связаны с судьбой их сидхе, я говорю только правду.

Они глядели друг на друга не мигая; Шалфей первым прервал поединок взглядов и вздохнул. Ну, я и не сомневалась, кто сдастся первым.

— Права принцесса, никому из сидхе верить нельзя.

Дойл слегка приподнялся и пожал плечами.

— Не стану спорить, это ко многим из нас относится. — Он посмотрел на меня через всю комнату. — Много бы я отдал за то, чтобы знать истинную цель приглашения Тараниса. Похоже, ее не знает никто. Его собственные придворные недоумевают, зачем ты ему понадобилась. Настолько понадобилась, что он затевает пир в честь смертной.

— Он — моя дядя, — напомнила я.

— И часто он относился к тебе как к племяннице? — съехидничал Дойл.

Я качнула головой.

— Он чуть не забил меня до смерти, когда я спросила, почему изгнали Мэви Рид. Ему на меня плевать.

— Почему бы это приглашение не послать подальше? — спросил Гален.

— Об этом мы уже говорили, Гален. Если отвергнуть приглашение, Таранис сочтет это оскорблением. Бывало, из-за таких вещей вспыхивали войны, сыпались проклятия и много еще чего.

— Мы уверены, что это приглашение — ловушка, и все же лезем прямо в нее. Что за дурость!

Я беспомощно взглянула на Дойла. Он предпринял еще одну попытку.

— Если мы прибудем ко двору по приглашению Тараниса, он будет связан с нами узами гостеприимства. Он не сможет ни вызвать кого-то из нас на поединок, ни причинить нам вред, ни позволить кому-то еще нас обидеть. За пределами его холма, его двора он вправе вызвать любого из нас — но только не когда мы гостим у него. Это закон слишком древний, чтобы его же придворные спустили Таранису с рук его нарушение.

— Тогда почему ты так озабочен числом стражей, которых Мерри разрешат взять с собой?

— Потому что я могу ошибаться.

Гален воздел руки к небесам.

— Полный бред.

— Таранису может хватить глупости попытаться причинить вред гостям. А двор его может быть развращен больше, чем мне представляется. Готовиться надо к тому, что может сделать твой враг, а не к тому, что он сделает на самом деле.

— Не надо мне цитат из учебников, Дойл. — Гален принялся мерить кухню шагами, словно ему нужно было девать куда-то хоть часть своего нервного возбуждения. — Мерри будет в опасности при Благом Дворе, я точно знаю!

— Ты не можешь знать точно, — возразил Дойл.

— Ладно, не знаю. Но чувствую!

— Все это чувствуют, Гален, — сказала я.

— Так зачем же тебе туда ехать?

— Чтобы выяснить, что нужно Таранису, — ответил Дойл, — самым безопасным способом.

— Если поехать к Благому Двору и предстать перед Королем Света и Иллюзий — это безопасно, то что тогда опасно?

Дойл не выдержал и подошел к бегающему по кухне Галену — попросту встал у него на пути, так что Галену пришлось остановиться. Они мерили друг друга взглядами, и я впервые ощутила между ними напряжение. Испытание силы воли, как случилось между Дойлом и Холодом, Дойлом и Рисом — но не Галеном.

— *Не* поехать к Благому Двору и *не* предстать перед Королем Света и Иллюзий. Отвергнутое приглашение даст ему повод вызвать Мерри на дуэль. Что-нибудь опаснее придумать можешь?

— Уже несколько веков, как дворцовый этикет не становился поводом для дуэли, — заметил Рис.

— Да, — сказал Дойл, не сводя глаз с Галена. Я впервые заметила, что Гален одного с ним роста, а в плечах даже чуточку шире. — Но это вполне приемлемый повод. Если Таранис хочет смерти Мерри, такой повод его устроит. Она не сможет просто отказаться от дуэли, не рискуя изгнанием. Аристократ сидхе, отказывающийся от поединка по каким бы то ни было причинам, считается трусом, а трусы не могут править сидхе.

Плечи Галена слегка ссутулились.

— Он не посмеет.

— Он освободил Безымянное, чтобы убить одну-единственную женщину — из страха, что та разболтает его секрет. Таранис посмеет что угодно.

— Я не думаю... — начал Гален.

— Да, — прервал его Дойл. — Да, ты не думаешь. Гален отступил на пару шагов.

— Ладно, я — дурак, я ни бельмеса не смыслю в дворцовых интригах и не понимаю такого коварства. Стратег из меня никакой, и все же я боюсь отпускать Мерри к Благому Двору.

— Мы все боимся, — сказал Дойл, сжимая его плечо.

Они обменялись взглядами, и разногласия были забыты. Интересно, случилось ли Галену когда-нибудь пререкаться с Дойлом, или это впервые? Надо сказать, что он и сейчас спорил довольно осторожно, но даже такого слабого неповиновения я раньше не замечала. Он не был лидером по натуре. Просто не хотел быть лидером. Но из страха за мою жизнь он решился противостоять Дойлу.

Я подошла и обняла Галена за талию. Он погладил мне руки, сдвинув вверх шелк халата. Сам он был только в слаксах, тех же, что и днем, так что я свободно прикасалась к его

теплому животу.

— Я не могу обещать, что все закончится хорошо, Гален, но мы прихватим с собой столько бойцов и политических тяжеловесов, чтобы даже Таранис засомневался.

— А, вот это мне тоже не нравится, — проворчал Гален. — Нельзя было тебе соглашаться спать со всеми полукровками-гоблинами.

Я подалась назад, но он поймал мои руки и удержал их у себя на животе.

— Не кипятись, Мерри, не надо.

— Я не кипячусь, только спорить на эту тему больше не буду. Серьезно, не буду. У нас есть план, лучший из всех, что мы смогли придумать, и дело с концом. — Я вырвалась из его рук и повернулась к Дойлу: — Чаша делает все сложнее, но мало что меняет.

Дойл коротко кивнул:

— Совершенно верно.

— Что, если Мерри заявит, что чашу ей дала сама Богиня? — спросил Никка, становясь на колени у стола, чтобы рассмотреть чашу поближе.

— Не думаю, что божественное вмешательство сочтут достаточной причиной, чтобы оставить ей чашу, — сказал Рис.

— Но это же наш обычай, — возразил Никка. — Пусть все истории перепутались и исказились, но принцип "Кто вытащит сей меч из камня, тот и есть истинный король" действует по-прежнему. Ард-Ри^[1] в Ирландии выбирали благодаря камню, кричавшему человеческим голосом, когда к нему прикасался настоящий король.

— Да, и есть такие, кто считает, что закат Ирландии начался, когда короля перестали выбирать по воле камня, — подтвердил Дойл. — Ирландцы предали свое наследие, древнюю магию, и род истинных королей прервался.

Я удивленно на него глянула:

— Не знала, что ты сочувствовал фениям^[2].

— Не надо быть фением, чтобы понимать, что англичане старались уничтожить ирландцев всеми средствами — политическими, культурными, даже сельскохозяйственными. С шотландцами тоже обходились дурно, но ирландцы для англичан всегда оставались излюбленными мальчиками для битья.

— Если б ирландцы поменьше дрались между собой, они бы не так часто проигрывали англичанам, — бросил Рис.

Дойл сердито на него глянул.

— Но, Дойл, они до сих пор убивают друг друга из-за того, креститься ли, когда преклоняешь колени перед христианским Богом. Ни шотландцы, ни валлийцы не дошли до того, чтобы убивать друг друга не то что из-за того, какому богу нести свои молитвы, но из-за того, как молиться одному и тому же богу. Согласись, совершенно дурацкая причина.

Дойл медленно выдохнул и проговорил:

— Ирландцы всегда были упрямы.

— Упрямы и склонны к меланхолии, — добавил Рис. — Рядом с ними даже валлийцы весельчаками покажутся.

Дойл наконец улыбнулся:

— Ага.

— Так может ли Мерри претендовать на право владеть чашей потому, что чаша ее выбрала? — вернулся к теме Гален. — Я не так стар, чтобы помнить, как короля выбирал орущий камень, и не уверен, даст ли это нам что-нибудь.

— Должно дать, — предположил Дойл, — но не скажу, чтобы благие так уж уважали старые обычаи. Древние реликвии покинули нас так давно, что многие забыли, как мы получили их впервые.

— Забыли, потому что хотели забыть, — сказал Никка.

— Пожалуй, но если мы объявим, что Мередит будет владеть сосудом, потому что получила его из рук самой Богини, от нас потребуют определенных доказательств.

— А как мне доказать, что кубок мне вручила Богиня? — оторопела я.

Дойл жестом указал на стол.

— Сам факт, что кубок у нас, является тому свидетельством.

— Мы доказываем, что чашу дала мне Богиня, уже тем, что чаша находится у меня? — переспросила я.

— Да.

— А разве это не порочная логика?

— Увы.

— Вряд ли кто-то на это купится.

— Слушаю ваши предложения, — буркнул Дойл. Дойл был непревзойденным стратегом, и такие его заявочки каждый раз заставляли меня дергаться. Если уж он не зная, что нам следует делать, ничего хорошего это не предвещало.

— К чему бы мы ни пришли, чаша должна остаться у Мерри, — сказал Никка, — а значит, наша королева тоже не должна ею завладеть.

— Черт! — охнул Рис. — Я и не подумал.

Я взглянула на Дойла.

— Ты говорил о шпионах, но на самом деле не только из-за них не хотел, чтобы королева узнала о чаше, да?

Дойл вздохнул.

— Скажем так: я не берусь предсказать, как она поступит, когда узнает. Возвращения чаши никто не мог ожидать, и способ, каким ты ее получила, тоже необычен. — Он пожал плечами. — Я не знаю, что сделает королева, и мне это не нравится. Неведение — опасно.

— Я — всего лишь ее наследница, да и то в случае, если забеременею раньше, чем Кел осчастливит кого-то еще. Она по-прежнему моя королева, и если она потребует чашу, мне придется ее отдать, так?

Дойл задумался на миг и кивнул.

— Да, думаю, так.

— Чаша должна храниться у Мерри! — повторил Никка.

— Ты твердишь это снова и снова, — буркнул Рис. — Почему ты так в этом уверен?

— Она исчезла, потому что мы были недостойны ее хранить. Что, если она снова исчезнет, случись Мерри передать ее в недостойные руки?

— Полагаю, этого аргумента хватит, чтобы королева оставила чашу у Мерри, — сказал Дойл. — Она не отважится на риск потерять чашу снова.

— Если Таранис вынудит нас вернуть ему чашу и она исчезнет, — проговорил Гален, — это станет последним свидетельством его неспособности править.

— А этот довод мы можем использовать, чтобы убедить его не требовать возвращения чаши, — но только с глазу на глаз. Публично мы даже намекать не можем себе позволить на то, что он недостойн трона, — напомнил Дойл.

— Ну, это проблемы Тараниса, — сказала я.

— И мы очень, очень постараемся, чтобы они не стали нашими проблемами, — сказал Дойл. — А сейчас, полагаю, нам всем нелишне вздремнуть. До отъезда осталось меньше суток, а дел у нас выше головы.

— Куда нам деть чашу? — спросила я. — Не бросать же ее на столе?

— Заверни ее в шелк и возьми с собой в спальню. Положишь в ящик комода.

— А нам не стоит убрать ее в сейф? В гостевом доме сейф имеется.

— Тот, кто захочет ее украсть, без труда выдернет сейф из стены.

— Ох, — выдохнула я. — Кажется, я слишком долго общаюсь с людьми. Все время забываю, насколько мы сильнее.

— Такое лучше не забывать, принцесса. Когда мы вернемся ко двору, тебе придется держать в уме, насколько опасен может быть каждый встречный.

— Ваш совет окончен? — поинтересовался висящий в воздухе Шалфей.

Дойл обвел взглядом серьезные лица присутствующих.

— Да, видимо.

— Прекрасно, — сказал Шалфей. — Мне задолжали чуток крови, и я хочу получить ее немедленно.

Я расслышала, как Холод набирает воздуху для спора, и звук был настолько мне знаком, что я вмешалась тут же:

— Нет, Холод, он в своем праве. Мы заключили сделку, а сидхе должны держать слово.

— Я не отказываюсь от сделки, но она все равно мне не нравится.

Я вздохнула. Я уже четыре недели кормила Шалфея, а Холоду всего один раз надо было дать эльфу капельку своей голубой крови — и это превращалось в проблему. Лежать в объятиях Холода — это замечательно. Да что там, замечательно просто глядеть на его красоту, но его вечные обиды меня раздражали и раздражала привычка все усложнять. Так что я начинала сомневаться, люблю ли я Холода, или просто вождедею к нему? А может, я просто устала. Устала от того, что именно мне приходилось вечно платить за все своим телом и своей кровью. Сейчас пришла очередь Холоду заказать выпивку на круг, и я слышать не хотела никакого нытья на эту тему, каким бы красавчиком ни был упомянутый нытик.

Рис с размаху бросился на кровать, перекатился на бок, подгреб к себе подушки и наконец устроился полусидя, опираясь на изголовье. Одну ногу он согнул в колене, вторую вытянул, чтобы ослеплять достоинствами всех входящих в спальню. Ухмылка Риса не сулила ничего доброго — такое выражение у него появлялось в сеансе дружеского и не очень поддразнивания. Холод подобного обмена колкостями не ценил — это если выразаться мягко.

— Брось эти штучки, Рис. Я серьезно говорю. Ночь на дворе, я устала, а денек был тот еще. — Открыв дверцу прикроватной тумбочки, я попыталась запихнуть чашу в ящик. Она не помещалась, ящик был слишком мелкий. Я выругалась себе под нос. — Как думаешь, может, ее просто оставить здесь? Завернем поаккуратней, и все.

— Оставляй, — махнул рукой Рис.

Я поставила завернутую в шелк чашу возле лампы, желая, чтобы она оказалась одновременно и дальше от меня, и ближе — хоть это глупо звучит. Мне хотелось держать ее в руках, почувствовать металл под пальцами — быть уверенной, что она не исчезнет ни с того ни с сего, — и в то же время хотелось сунуть ее на дно ящика, завалить тряпками и никогда больше к ней не прикасаться. В итоге я просто переставила ее на пол у кровати, прикрыв занавеской-подзором. От двери не видать — если кто-то к нам ворвется, — зато мне легко ее схватить в случае чего.

— С тобой сегодня и не пошутить, — ухмыльнулся Рис. — Горячая лесбийская любовь тебе в новинку, а?

Я глянула на него сердито.

— Подарить Мэви первый оргазм с сидхе за столетие — это честь, но ты же знаешь, что я к этому не стремилась.

— Как по мне, так очень даже стремилась, — ухмыльнулся он еще шире.

Прелестно. Он и правда хотел подействовать мне на нервы.

— Ты просто завидуешь.

Улыбочка слегка поблекла.

— Возможно. — Зубы опять блеснули. — А может, мне просто жаль, что я не был третьим.

Я распахнула халат, и при виде моей наготы глаз у него загорелся уже хорошо знакомым огоньком. Что-то между похотью и страданием — словно Рис хотел меня до боли. Я думала, что разгадка — в веках целибата, но другие стражи на меня так не смотрели. Взгляд этот мне и нравился, и интриговал, но я знала, что никогда не спрошу Риса, что он значит, — слишком уж личный вопрос. Пока он сам не пожелает объяснить, я не узнаю, в чем дело. Может, если когда-нибудь этот огонь пропадет, я и спрошу... Но только если пропадет.

Холод с Шалфеем о чем-то переругивались в коридоре за дверью. К несчастью, не один Рис сегодня был в игривом настроении. На Шалфея только рукой оставалось махнуть, но с Рисом я могла попытаться.

Я забралась на постель совершенно нагая и прошептала:

— Не дразни Холода, пожалуйста.

Рис на меня не смотрел и будто не слышал, что я сказала. Я прищелкнула пальцами:

— Эй, я здесь!

Он моргнул, но еще помедлил, прежде чем повернуться ко мне.

— Ты что-то сказала?

Я стукнула его подушкой. Он подушку перехватил и прижал к животу.

— Я серьезно, Рис! Будешь выеживаться — я взбешусь. — Я взяла себе другую подушку. — Я устала, Рис. В смысле, просто устала, физически. Я спать хочу, а не возиться с Холодовой ранимой психикой, пока он будет делиться кровью с Шалфеем.

Я поймала взгляд Риса и порадовалась, увидев, что улыбочка исчезла.

— Пожалуйста, не усложняй мне ничего.

— Ты меня просишь или приказываешь? — уже без иронии спросил он.

— Пока — прошу. Как друг, как любовница, не как принцесса.

Он переложил подушку за спину, сев еще выше.

— Ну, раз ты так мило просишь... — Улыбочка опять зазмеилась на губах. — К тому же Холод не в моем вкусе, если честно.

Я закатила глаза:

— Еще одна шуточка на эту тему, и я тебя выкину из кровати, клянусь.

— Ну разве я посмею?

— Конечно, посмеешь, кто бы сомневался! — Я схватила его руку. — Рис, прекрати, пожалуйста!

Холод с Шалфеем показались в дверях, и я расслышала, о чем они спорят. Холод хотел, чтобы Шалфей не пользовался гламором, когда станет пить кровь, а эльф настаивал на гламоре. Так забавней, говорил он.

Рис вздохнул, помрачнев.

— Мне Холод нравится, в драке он — что надо, но ему слова нельзя было сказать спокойно, когда он только стал сидхе и был принят при дворах. Вспыхивал будто порох.

Чуть раньше эта фраза меня озадачила бы, но теперь я знала, о чем говорит Рис. Я видела первоначальный облик Холода — тогда он сидхе не был. Но на меня навалилось столько всего, что я ничегошеньки не успевала толком обдумать. Холод не всегда был сидхе, а меня учили, что сидхе может стать только тот, в ком течет наша кровь. Я помнила, как Холод танцевал на снегу — дитя, прекрасное, как прекрасен снежный вихрь, когда ветер подхватывает и бросает снег в небеса потоком мерцающего серебра. Это дитя сидхе не было. Кем оно было — не знаю, но не сидхе. Только кем же тогда? И если Холод когда-то не был сидхе, то как он им стал? Вопросы, вопросы — а времени получить ответы нет, потому что Холод и порхающий у его плеча Шалфей уже вошли в спальню. При Шалфее я не могла спрашивать Холода о том видении. Не уверена, что он стал бы отвечать мне даже при Рисе, но при Шалфее — уж точно.

Шалфей держался в воздухе наравне с Холодом, как шел бы рядом человек обычного роста.

— Без гламора я отказываюсь, и делу конец!

Холод покачал головой, серебряные волосы сверкнули на свету.

— Я не позволю тебе зачаровать меня, Шалфей. Вот теперь делу конец.

— Господа... — позвала я.

Оба повернулись ко мне с одинаково раздосадованными физиономиями. Но у Шалфея надутая мина мгновенно сменилась на похотливую. С радостным смешком он метнулся вперед и закружился у меня над головой в поисках лучшего вида, будто крохотный вертолет.

Холод остался у двери, надменный, разозленный и — слегка — испуганный. Страх на

миг показался в серых глазах, самый настоящий страх, но тут же исчез под надменной гримасой. Холод всегда прятал под надменностью свои истинные чувства. Я знала, что высокомерие у него только напоказ, но пользы от моих знаний не было никакой, потому что если так, то загвоздка в том, что он не может просчитать ситуацию или она ему здорово не нравится. Дрянь дело — и в том, и в другом случае.

Я протянула к нему руку:

— Иди сюда, Холод.

— С радостью, Мередит, но к тебе, а не ко всей компании.

Я уронила руку на подушку, так и лежавшую у меня на коленях. Шалфею досталось совсем не то зрелище, какое ему хотелось, и все же он радостно кружил надо мной: обычно я одевалась или хотя бы прикрывалась, когда кормила его. Эльф доказал, что доверять ему не стоило. Я не против определенного внимания, когда мне того хочется, но непрощенные приставания мне не нужны. Раньше я считала, что в присутствии Риса и Холода мне опасаться нечего, но теперь задумалась.

— Ты же согласился, Холод, — напомнила я.

— Я согласился дать ему кровь, но не позволить этому коротышке испытывать на мне свой гламор.

Шалфей проделал пируэт в воздухе и подлетел к стражу:

— Сидхе страшится магии фей-крошек? Вот так загадка!

— Я не боюсь тебя, человек, но по своей воле никому из фейри не дам применить ко мне магию.

— Разрешить Шалфею гламор — это компромисс, раз уж я отказываю ему в сексе.

— Я ему таких компромиссов не обещал, — заявил Холод, на глазах будто вырастая, расправляя плечи, обретая уверенность. Я знала уже, что чем уверенней он выглядит, тем меньше уверенности испытывает, но он не порадовался бы даже тому, что я это знаю, и не дай Богиня мне объявить об этом вслух!

Рис приподнялся на подушках:

— Можно мне, принцесса?

Я махнула рукой и вздохнула:

— Пробуй, если думаешь, что сумеешь.

— Пусть Шалфей лизнет Холода... — На лице упомянутого господина появилось такое отвращение, что Рис поторопился закончить фразу: — Как он лизнул меня, всего лишь дотронется. Давайте убедимся, вправду ли Холод ощущается как бог.

Мысль была недурна.

— Холод, ты разрешишь Шалфею тебя лизнуть? Ничего больше.

Холод открыл рот — наверное, чтобы сказать "нет", — но я его опередила:

— Я не так много от тебя прошу!

Он подумал еще секунду и коротко кивнул:

— Хорошо.

— Шалфей, — строго сказала я, — только лизнешь, как Риса на кухне, и ничего кроме.

Шалфей подлетел ко мне поближе, чтобы продемонстрировать донельзя ядовитую ухмылку, но кивнул. Я даже не сразу поверила, но он кивнул еще раз и полетел к Холоду.

Холод невольно попятился, но спохватился и шагнул обратно. Большинство сидхе не верили, что кто-то помимо их сородичей может с успехом применить к ним гламор. Это было заблуждением, но очень распространенным. Холод его явно не разделял, и я

задумалась, жертвой чьей магии он когда-то пал. Он вел себя так, словно имел основания опасаться фей-крошек.

— Погодите, — сказала я. — Холода когда-нибудь отдавали на пытку феям-крошкам, как Галена?

— Нет, — хором воскликнули Холод и Рис.

Шалфей мотнул головой:

— Убийственного Холода никогда не подавали блюдом на наш пиршественный стол. — Эльф медленно, напоказ облизнул свой маленький ротик. — М-м... Ням!

Холод умоляюще на меня глянул:

— Не принуждай меня!

— К чему не принуждать? Дать ему себя лизнуть, ощутить вкус кожи — не такое большое дело, Холод. Тебя что, провел когда-то гламор кого-то из малых фейри? Это тебя беспокоит? — Не успев договорить, я поняла, что спрашивать так прямо не стоило.

— Никому из фейри меня не провести.

Лицо Холода застыло прекраснейшей из масок — холодной и высокомерной, черты заставили бы рыдать от зависти любого мастера пластической хирургии. Серый шелк халата почти сливался с серебром волос. Будто статуя — слишком прекрасная, чтобы посметь к ней прикоснуться, слишком гордая, чтобы самой снизойти до прикосновений.

Мне нужно было выяснить, в чем дело, но не в присутствии еще двоих мужчин. Я взгляделась в прекрасное лицо, провела взглядом по груди, по животу, представила, что прячется под халатом, — и подумала, что даже будь мы наедине, он не сознался бы в своих тревогах.

— Ну, пробуй же, Шалфей. — В голосе отразились мои усталость и разочарование.

Шалфей скользнул вперед, почти сложив крылья, — скорее упал, чем спланировал. Он остановился у самого лица Холода, молниеносно нырнул и тут же метнулся прочь размытым от скорости цветным пятном. Он уже кружил под потолком, когда Холод шлепнул себя по лбу, — словно предугадал защитную реакцию стража.

Шалфей злобно шипел; я решила поначалу, что Холод его все-таки стукнул, но потом разобрала слова в шипении:

— Он не отличается на вкус от белого рыцаря!

— Ну так возьми кровь у меня и отстань от Холода, — предложил Рис.

Шалфей подлетел к кровати. Он сложил ручонки на груди и топнул ногой по воздуху — как по земле.

— Ах нет! Я уговаривался о крови двоих воинов-сидхе и двоих получу?

— Я дам ему кровь, — буркнул Холод. — Но без гламора. На магию я не соглашался.

Рис взялся возражать, но я тронула его за руку:

— Ты получишь все обещанное, Шалфей, но Холод пусть идет к себе. От него сегодня пользы не будет.

Последние слова Холода задели — всего лишь чуть дернулись веки, но я его уже наизусть выучила, я знала, что это значит.

— Кем ты его заменишь? — с интересом спросил Шалфей, подлетая пониже к моему лицу. — Как насчет Галена? — Он усмехался довольно и злобно одновременно.

— Глупый вопрос, — сказала я. Шалфей соорудил обиженную гримасу — не слишком искренне.

— Я не буду больше делить тебя с гоблином. И не хочу пить от Мрака. — Он задумался

и в задумчивости приземлился на подушку у меня на коленях. Пурпурный шелк заметно промялся. Шалфей всегда оказывался тяжелей, чем я предполагала или даже чем помнила. — Так, значит, Никка — он один остался.

Я кивнула:

— Решено.

— Ты не спросила Никку, позволит ли он эльфу пить свою кровь, — напомнил Холод.

Я вгляделась в сногсшибательно красивое лицо. Он все же невероятно красив — вопрос только в том, хватит ли мне одной его красоты. Ответ, разумеется, отрицательный.

— Никку мне спрашивать не нужно, Холод. Он придет, стоит мне позвать, и сделает то, что я скажу. Он не станет пускаться в споры — просто сделает то, что нужно.

— А я — нет.

Холод вскинул лицо кверху — воплощенное высокомерие и дерзость. Я вздохнула.

— Я тебя люблю, Холод.

Его взгляд смягчился, неуверенность на миг проглянула из надменной маски.

— Я люблю наши ночи, я так много люблю в тебе — но я стану королевой. У меня будет абсолютная власть над двором. Кажется, ты не понимаешь, что это значит. Это значит, что править буду я, кто бы ни стал королем. Ты слышишь, Холод?

— Тебе нужна марионетка, а не король.

— Нет, мне нужен партнер, который знает, что жизнь — не только пряники, и не заводит бесполезных споров.

— Я себя переделать не смогу, — сказал он тоном, противоречившим каменному спокойствию лица.

— Знаю, — тихо сказала я.

Пару секунд он выглядел совершенно несчастным, но надменность победила. Придворная маска вернулась на место. Он неподвижно смотрел на меня, и уговаривать его было бессмысленно. Передо мной стоял Убийственный Холод — а с холодом не поспоришь. Ищи от него укрытие или умирай.

Он сказал мне холодно как никогда:

— Я пришлю тебе Никку. Я скажу ему только, что ты его зовешь.

— Хорошо.

Я не смогла справиться с холодом в собственном голосе. Я была зла на Холода, зла и разочарована, и не знала, как исправить положение. Тоже мне будущая королева, в собственной личной жизни порядок не могу навести! Плохо дело.

— Спасибо, Холод, — прибавила я.

— Не стоит, принцесса, это всего лишь моя обязанность.

Он повернулся к выходу.

— Не надо, Холод, — сказала я вдогонку.

Он только голову слегка повернул:

— Чего не надо?

— Все принимать на свой счет. Тебя никто не хотел задеть. Некоторые вещи просто приходится делать, и ничего личного в этом нет.

— Мне можно идти?

Я помолилась про себя, чтобы мне хватило терпения на этого невыносимого типа, и сказала вслух:

— Да, и пришли сюда Никку.

Он вышел не оглядываясь; рука у него так и тянулась к пояснице, а значит, там было припрятано оружие. Холод почти никогда не ходил безоружным. В минуты растерянности он непроизвольно хватался за оружие, как иные женщины — за украшения.

— Да-а, — протянул Рис. — Плоховато получилось.

— Больно уж он обидчив нынче, — хмыкнул Шалфей, — и злее обычного.

— Это страх, — мягко сказал Рис.

— Что? — удивилась я.

— Страх, — повторил он. — Чем больше Холод нервничает, тем выше он задирает нос, а "нервы" — всего лишь новый синоним для страха.

— Но чего он боится?

— Меня. — Шалфей прынул в воздух и закружился, словно хвастаясь крыльями и виртуозностью полета.

Рис усмехнулся:

— Напугать ты можешь, но сейчас дело не в тебе.

— А в чем? — спросила я.

— Не знаю, — пожал плечами Рис.

Тут вошел Никка. Распущенные волосы плащом скрывали его тело, но он все же набросил пурпурный шелковый халат. Пурпур ему шел, подчеркивал глубокий карий цвет глаз и красноватый отлив каштановых волос. А кожа казалась темнее — больше шоколада, чем молока.

— Холод сказал, я тебе нужен.

Я объяснила, в чем дело, и он просто согласился. Ни споров, ни обид, никакого протеста — даже скрытого. Это было больше чем приятно, это было именно то, что мне требовалось этой ночью, — хоть что-то простое. Холод в моей постели — это всегда сумасшедшее желание, огромные запросы и яростное наслаждение. Сейчас же требования поменьше, ласки попроще и тихое спокойное удовольствие — это как раз то, что доктор прописал.

Я откинулась на руки Рису, утнездила у теплого плеча, голову положила ему на грудь. Никка лег рядышком со мной, опершись на локоть. Он не прикоснулся ко мне, так что я ощущала только звенящую вибрацию его ауры, его магии. Мне хотелось, чтобы он прижался ко мне всем телом, прильнул к спине, но просить я не стала. Я его звала не ради секса. Эта ночь принадлежала Рису, а Рис перестал делить меня с Никкой после того, как мы победили Безымянное и он обрел часть своей прежней силы. Я предполагала, что сейчас, когда к Рису вернулась еще часть прежнего величия, он еще меньше захочет делиться. Но я чувствовала теплое тело Никки за спиной, и мне так хотелось попросить...

Я подняла голову и заглянула Рису в глаза, не забыв при этом игриво проехаться волосами по его груди.

— Может, Никка с нами останется?

— Я так и ждал этого вопроса, — ухмыльнулся Рис, но ухмылка тут же уступила место напряженному, чисто мужскому взгляду.

Я провела рукой по животу Риса, добралась до соска и принялась рисовать вокруг него кружочки, пока сосок не встал торчком, а Рис не задышал заметно чаще. Страж перехватил мою руку.

— Прекрати, или я соображать перестану.

— Это мысль, — улыбнулась я, сознавая, что улыбка получается довольно настырной.

— Меня, как вижу, остаться не приглашают, — заметил Шалфей, приземляясь на упругую рельефную плоскость живота Риса.

— Почему же, оставайся, — сказала я, — но не в постели и не со мной.

Шалфей топнул ногой по животу стража.

— Нечестно, нечестно, что от моего гламор вы испытаете столь дивные ощущения, а мне в плодах моего труда отказано! Остальные-то от этого дара вкусят!

— Это ты потребовал двоих стражей, Шалфей. Ты прекрасно знаешь, как действует на меня и на других твой гламор.

Он скрестил руки на груди:

— Да-да, конечно, опять моя вина!

Обида на личике эльфа вдруг сменилась довольной и похотливой улыбочкой.

— Давай поспорим?

Я приподняла голову и резко ею мотнула:

— Нет!

— О чем поспорим? — спросил Рис.

— Не ввязывайся, — предупредила я.

Страж внимательно на меня посмотрел:

— А что такого?

— Ты не знаешь, что такое его гламор. А я знаю.

Тень типичного для сидхе высокомерия скользнула в улыбке Риса. Это наша ахиллесова пята, пардон за смешение мифологий. Высокомерие подводило сидхе далеко не однажды за нашу долгую историю.

— Надеюсь, трое сидхе сумеют устоять перед магией эльфа-крошки.

Я повернула его лицо к себе:

— Рис, ты же помнишь, что нельзя недооценивать фей-ри, даже если имеешь дело не с сидхе.

Он отдернулся от моей руки. Я не хотела притрагиваться к его шрамам, мои слова совсем не имели того смысла, который Рис им придал. Он разозлился, как всегда, когда ему напоминали о том, что с ним сделали гоблины.

— По-моему, это ты забыла, кто мы такие.

Голубые кольца в его глазу мягко засветились: бирюза зимнего неба и васильковая синева вспыхивали и пульсировали в такт волнам его гнева и его силы.

— Если я вновь стал Кромм Круахом, Мерри, Шалфей со мной не справится.

Я хотела возразить: "А если не стал?", но его взгляд меня предостерег. С мужским самолюбием лучше не шутить.

— Я богом не была, Рис. Я не знаю, как это бывает.

— Зато я знаю, — сказал он яростно, почти враждебно.

Я таким его еще не видела. Впрочем, распознать страх я умею. Рис боялся, что никогда не станет прежним. Я этот страх видела уже столько раз и на стольких лицах, что узнаю его без труда. Этот страх владеет всем моим народом — страх, что мы обречены на поражение, что мы уже проиграли судьбе, что мы все истаем и умрем. Страх этот так давно уже живет в нас, что превратился в общую фобию.

Запретить сейчас Рису спорить с Шалфеем — значило бы практически в открытую усомниться в его силе, в его владении магией. Я имела в виду совсем другое, но объяснить это мужчине невозможно: у мужчин — всех до одного — есть свои слабости. У женщин, впрочем, специфических слабостей тоже хватает. Слабость Риса — то, что его самолюбие так легко уязвить, моя слабость — то, что я готова ублажать его самолюбие почти любой ценой. Я знала, что поступаю неправильно, но я сказала:

— Делай как знаешь, но не говори потом, что я тебя не предупреждала.

— Так спорим мы или нет, белый рыцарь? — ехидно спросил Шалфей. — Я попытаюсь всех вас зачаровать, и если мне сие удастся, вы исполните мое заветное желание.

— Будь осторожен, Рис, — напомнил Никка.

— Я не такой дурак, — отмахнулся тот. — Какое желание? Я не соглашусь на то, чего не знаю.

— Переспать с принцессой.

Рис качнул головой.

— Я могу поставить только то, что принадлежит мне. Телом принцессы распоряжается она сама.

— Соития не будет, — предпочла уточнить я. — Шанса занять трон я тебе не дам.

Шалфей пожал миниатюрными плечиками.

— Ладно. Ну, коль не сама потеха, так что тогда?

Должна признать, за недели, что я испытывала гламор Шалфея, мое любопытство разгорелось. Его соблазняющие чары были лучшими из всех, что мне встречались. С помощью магии он всего одним укусом в палец мог подвести меня к оргазму. Скажи я, что не задумывалась, не будет ли еще лучше, если я разрешу ему меня ласкать, — и я бы соврала. Но не одна эта мысль вдруг заставила меня замереть и прикусить язык.

Мои теперешние любовники — наверное, лучшие в мире, но кое в чем они отказывали и мне, и себе. Нашей общей целью была моя беременность, а значит, любой акт заканчивался одинаково. Мне могли позволить себе тратить семя впустую. Пусть мне не раз удавалось

упросить мужчин дать мне ласкать их ртом, ни один из них не довел дело до конца, как бы я ни умоляла или как бы этого ни хотелось им самим. А ведь им на протяжении веков запрещалось не только соитие, им запрещалась любая разрядка, даже от собственных прикосновений. Они упустили так много и помимо соития! Они жалели об этом вслух, но ни один не попытался осуществить желание на практике, ведь это означало упустить шанс. Шанс отдать мне свое семя. Шанс стать королем. Я вдруг почувствовала себя кем-то вроде племенной кобылы. С кем спариваются только ради потомства, не ради удовольствия. Я знала, конечно, что стражи меня хотят, но хотели бы они меня, если бы могли выбирать свободно? Желали бы меня мои великолепные мужчины без дополнительной приманки в виде трона?

Гален — да, и в этом, кроме всего остального, была его прелесть, но другие? В других я уверена не была. От этой мысли на сердце у меня тяжелело. Разве предпочли бы прекрасные сидхе недоростка-смертную, так похожую на человека, будь у них выбор? Я ответа не знала, а мужчины правды не скажут. Конечно, они хотят меня — другого ответа я не получу. Но только Гален да еще Рис обращали на меня внимание, когда я была отщепенкой, когда — после смерти отца — меня при дворе едва терпели.

Неустанная гонка за беременностью внушала мне подозрение, что только эта гонка и удерживает мужчин возле меня. Вообще-то так оно и было. Как только я забеременею и имя отца станет известно, все остальные тут же отдалятся, вернуться к холодной отстраненности. Стражи не будут моими вечно. Я посмотрела на Риса, самого маленького из Воронов королевы, но мускулистого до последнего дюйма, твердого, натренированного, невероятно сильного. Повернулась к Никке — и он ответил мне взглядом из-за спутанных волос, темные глаза обжигали огнем сквозь роскошную шоколадную завесу. Я не раз вела губами и пальцами по линиям крыльев на его спине, по этой самой яркой в мире татуировке. Никка был чуточку слишком нежен в постели на мой вкус, слишком покорен. Но он красив и на короткое время принадлежит мне, я могу делать с ним что захочу. Все вокруг беспокоились, что я никак не забеременею. Меня это тоже огорчало, но я понимала, что беременность закроет для меня много дверей, отрежет от того, что мне так нравилось. И раз уж стражи пока мне принадлежат, я хотела по-настоящему ими обладать, а не только изображать фабрику по производству детей.

— Она что-то задумала, — сказал Никка.

— С чего бы это на твоей мордочке появилось такое выражение, а, Мерри? — спросил Рис.

— Если гламор Шалфея победит нас, я хочу ласкать его ртом до самого конца.

— Ты же знаешь, почему мы так не делаем, — нахмурился Рис.

Я села на кровати, отодвинувшись от Риса.

— Знаю, знаю, мне нужно забеременеть, но секс существует не только для того, чтобы делать детей. — Я глубоко вздохнула. — Я хочу испытать все, а не просто раз за разом пытаться сделать ребенка.

Меня вдруг захлестнула грусть.

— Когда-нибудь кто-то из вас станет отцом моего ребенка, и как только мы узнаем имя счастливого, всем остальным придется уйти. — Я обвела их взглядом, даже малыша-эльфа, стоявшего на животе у Риса. — Я хочу попробовать с вами все, что можно, пока у меня есть шанс.

Я положила ладони на бедра стражей:

— Вам целыми веками было запрещено все, не только соитие. Разве вы не хотите попробовать все снова?

Рис сел, вынудив Шалфея вспорхнуть в воздух, и обнял меня:

— Мне так жаль, Мерри... Прости. Я бы рад, но...

Я вывернулась из его рук.

— Но терять семя мы не должны. Ну да, да, это важно, я даже не спорю. Но хотя бы иногда, время от времени, я бы хотела делать только то, что нам взбредет на ум, и не беспокоиться, заведем мы в результате ребенка или нет.

— Вряд ли Дойл нам разрешит, — сказал Никка.

Злость пронеслась по мне горячим ветром. Она будто подстегнула мою магию, под кожей разгорался свет. Я развернулась к младшему стражу:

— Ты здесь видишь Дойла?

— Нет... — растерянно прошептал Никка. — Прости, Мерри, я не хотел...

— Я — принцесса и будущая королева! — Я мотнула головой. — Мне надоело, что со мной вечно спорят! Ладно, ладно, с вами двумя сегодня будет ваш любимый акт, но с Шалфеем — нет.

Я протянула руку Шалфею, и он спустился ко мне. Он был странно тяжелым, словно весил больше, чем положено. Мне приходилось держать на руке королеву Нисевин — она ничего не весила, сплошь воздух и эфир, но Шалфей был сделан из мяса.

— Ты ведь сделаешь то, что мне нужно, а, Шалфей?

— Со всем моим удовольствием, принцесса.

Он отвесил глубокий поклон, вспорхнул с ладони, быстро поцеловал меня в уголок губ и со смехом взмыл в воздух.

— А знаешь, как много женщин-сидхе не стали бы сосать мужскую игрушку?

— Ты слишком часто соблазнял благих, — буркнула я.

Он оглядел меня, паря на узорчатых крыльях:

— Быть может. А может, слишком многие при Неблагом Дворе имеют острые зубки. Надо смотреть, куда суешь, а то потеряешь не только добродетель.

— Я не кусаюсь, — сказала я.

— Фу, как плохо, — надулся Шалфей.

Я улыбнулась:

— Ну, если ты хочешь поглубже...

Он на миг посерьезнел:

— До некоего предела.

— Скажешь, когда он наступит.

— Твой предел Мерри не узнает, если ты нас всех не зачаруешь. Что мы получим, если ты проиграешь? — вмешался Рис.

— Я больше никогда не попытаюсь довести — или ввести — принцессе мой предел.

— Слово чести? — уточнил Рис.

Шалфей положил руку на сердце и на редкость изящно поклонился прямо в воздухе.

— Слово чести.

Мне тут же захотелось от всего отказаться, потому что слишком хорошо я знала Шалфея. Он не стал бы спорить, не будь он уверен в выигрыше. Но я не успела и рта открыть, как Рис сказал:

— По рукам.

Я вздохнула, а потом вдруг поняла, что едва ли не надеюсь, что мы проиграем. Но проиграем мы или выиграем, с Дойлом мне надо будет переговорить. Королева отдавая мне стражей в полное мое распоряжение, но что, если она заберет их обратно, когда у меня появится король? Неужели они упустят единственную за тысячи лет возможность изведать все возможные ласки? Потребовать стражей обратно и снова им все запретить — это очень похоже на Андаис. Она садистка по натуре. Может, Дойл взглянет на все моими глазами, если я ему это изложу. А если нет, попробую приказать. Хотя на приказ у меня надежда слабая. Попытки приказать Мраку сделать что-то, что он считал неправильным, обычно кончались тем, что приказ игнорировался. Андаис обмолвилась, что не пускала Дойла в свою постель потому, что он не удовлетворился бы скромной ролью консорта, случись ей забеременеть. Он стал бы настоящим королем, не только по названию, — а она властью не делилась. Я начинала понимать ее точку зрения.

Да поможет мне Богиня, я в чем-то согласилась с моей злобной теткой. Плохо дело, правда?

Мы трое устроились на подушках, я примостила голову у Риса на плече; Никка сползла пониже, чтобы положить голову мне на живот, его волосы рассыпались вокруг коричневым шелковым покрывалом. Шалфей порхал над нами, похожий на похотливого ангелочка.

— Не многим из фейри предлагался столь роскошный приз!

— Никак не могу решить по твоему виду, на секс ты рассчитываешь или на жратву, — буркнул Рис.

— На то и на другое, не сомневайся! — Шалфей неторопливо подплыл к нам поближе. Рис подставил ему ладонь, но эльф скользнул в сторону. Я тут же, не думая, подняла руку, чтобы не дать ему приземлиться на голые груди. К таким интимным частям я предпочитала его не подпускать.

— Эй, ты ж у нас кровь пьешь, не у Мерри! — вмешался Рис.

— Не тревожься, *гуинфор*, ты не будешь обойден вниманием, но поскольку я, как и ты, насколько мне известно, отдаю предпочтение женщинам, лучше мне начать с нашей прелестной принцессы. Так получится вернее.

— Меня не звали *гуинфор* уже очень давно.

— Ты был *гуинфор*, что значит «белый лорд», и будешь им снова, — торжественно заявил Шалфей.

— Может быть, — усмехнулся Рис, — но эта лесть не объясняет, почему ты приземлился на руку Мерри, а не на мою или Никки.

Шалфей весил не так уж много, фунта два, наверное, но долго держать его на весу мне не улыбалось.

— Он свои чары лучше знает, Рис, дай ему действовать, как он хочет. Я все же хочу поспать этой ночью. Я не то что вы, бессмертные, на моей внешности бессонные ночи сказываются.

Рис подозрительно на меня глянул:

— Что-то мне кажется, что дело не в бессоннице, а в том скорее, что ты переметнулась на другую сторону в этом споре.

— Я вообще не спорила, — напомнила я, — а когда ты еще раз решишь поспорить на мое тело, не спросив меня, лучше подумай хорошенько.

— Ты же все слышала, — удивился Рис.

— Но ты не спросил.

Он опешил на пару секунд, а потом коротко кивнул:

— Черт. Прости, Мерри, ты права. Я виноват.

— Не успел почувствовать себя богом, как манеры уже испортились.

— Прости.

— Это не главное. Лучше в ты за другое извинился.

— За что же?

— Если б я вас обоих сейчас выставила, Шалфей сделал бы все, что я захочу. Ему удовольствие важнее трона.

— К чему это ты? — не понял Рис.

— К тому, что, если б вы пришли ко мне ради секса, а не ради короны, я бы уже уговорила хоть кого-нибудь из вас сойти с заезженной дорожки банального акта.

— Мерри, Кел убьет тебя, если победит в этой гонке. Если он станет королем, тебе не жить. Мы — твоя стража, мы должны защищать твою жизнь любой ценой, даже когда это идет вразрез с какими-то нашими желаниями. Или твоими, если на то пошло.

Шалфей взялся ручонками за мой палец, и от единственного этого прикосновения у меня перехватило горло, и пульс понесся вскачь. Рука по собственной воле поплыла к грудям и легла между ними. Шалфей будто в один миг потяжелел, рука устала его держать.

Рис попытался сфокусировать на нас взгляд и не мог:

— Что это?

— Шалфей, — выдохнула я.

Никка потерся щекой о мой живот, а мне почудилось, что он ласкает меня гораздо глубже, гораздо интимней. Он поднял глаза на меня и Шалфея.

— Что он с нами сделал? — растерянно спросил страж.

— Погладил мне палец, — ответила я.

— Проклятие, — сказал Рис. — О черт.

Шалфей расхохотался тоненько, самодовольно.

— О, это будет потешно!

Рис начал что-то говорить, но Шалфей обвил руками три средних пальца у меня на руке и прижался к ладони неправдоподобно нежной кожей.

— Да спасет нас Консорт, я ловлю твои ощущения. У него такая нежная кожа, нежнее всего, что я трогал...

Шалфей провел волосами по кончикам моих пальцев. Волосы нежнее пуха, словно тончайшая паутина, слишком мягкие для настоящих. От их прикосновения к моим пальцам Никка вздрогнул всем телом, а Рис прижался к моему бедру. Готовый, нетерпеливый.

— Не понимаю... — проговорил Рис севшим голосом.

— Я пыталась тебе объяснить, — сказала я. — Ты не стал меня слушать.

— Почему мы такого не чувствовали, когда он к нам прикасался? — спросил Никка.

— Не знаю.

— Я знаю, — ухмыльнулся Шалфей, скользя вниз по моей руке и усаживаясь верхом на запястье. — Но не скажу.

Он обвил мне запястье обеими ногами, и я вдруг отчетливо осознала, что под его паутинной юбочкой на нем ничего нет. Прикосновение крошечного кусочка плоти показалось мне гораздо интимней, гораздо значимей, чем должно было показаться.

Я чувствовала, как бьется пульс у него в паху. Толчки крови отдавались пульсацией в моем запястье, словно моя собственная кровь отвечала ритму крошечного тела.

— Руку, белый лорд! Теперь я ее возьму.

Только секунду спустя Рис сообразил, что от него что-то требуют. Одну его руку я прижимала к кровати, а другой он прикрывал живот, словно боялся удара.

— Капельку крови, только отведать. Ничего другого, *гуинфор*, ничего другого.

— Не надо меня так называть, — пробормотал Рис.

— Но ты белый лорд, — возразил Шалфей. — А Белый Лорд, Рука Восторга и Смерти не боится ничего и никого.

Рис потянулся к малютке-эльфу, медленно, нехотя, растерянный и почти оглушенный чувственным призывом магии Шалфея. Спор был проигран еще до того, как Шалфей дотронулся до стража.

Шалфей у меня на руке походил на резную деревянную фигурку — когда эльфов

изображают летящими на травинках. Только стеблем служило мое запястье, и сила Шалфея гнала меня вперед, правила мной, как правят, говорят, бескрылые эльфы стебельками сорванных цветов. Вот интересно, цветам бывает так же хорошо, когда на них летят? Нравится ли им, когда их срывают с корней и бросают в ночное небо?

Шалфей обнял ладошками палец Риса, прижался к кончику пальца алым ротиком, похожим на расцветающую розу. Я ловила стук сердца Риса, словно музыку откуда-то издалека, басовый ритм, который слышишь ночью за стеной, лежа в постели, и не можешь понять, откуда он доносится. Шалфей, не отрывая рта от кожи Риса, приоткрыл губы.

Рис вскрикнул:

— Нет!

Шалфей чуть отвел голову и воззрился на стража блестящими черными глазенками:

— Предашь ли ты клятву, белый лорд? Ужель твоя доблесть покинет тебя пред лицом единственного эльфа-крошки?

Я видела, как бьется жилка на шее Риса — быстро-быстро.

— Я забыл, какими вы были, — выдавил он.

— Что-что забыл? — переспросил Шалфей, водя губами по пальцу Риса.

Рису пришлось сглотнуть, прежде чем ответить.

— Забыл, что прежде вы были отдельным двором и что сила не от роста зависит.

Шалфей хихикнул.

— А помнишь, что еще мы умели?

— Ваш гламор пьянил нас, как пиво в субботний вечер.

— Да, белый лорд, да, и потому оба двора нас терпели. — Его губы потянулись к пальцу Риса, и следующие слова он произнес, уткнувшись в кожу: — Безмянное вернуло многое, и не только вам.

Зубы вонзились в плоть Риса.

Спина стража выгнулась, голова запрокинулась, глаз закрылся. Я укол боли едва ощутила — как отдаленную вспышку удовольствия.

Никка пополз вверх, извиваясь, пока едва не коснулся лицом ноги Шалфея. Страж схватился за мою талию словно в испуге — а может, в нетерпении. По одной его позе я поняла, что он тоже улавливает отголоски наслаждения и боли Риса.

Шалфей потянул в себя кровь, и я почувствовала, как он ее высасывает. Я хорошо уже знала по себе, как это бывает, как к паху протягивается тонкая, длинная нить прямо от крошечного ротика, целующего кончик пальца. Каждым движением языка и губ Шалфей возбуждал органы, которых он никак не мог касаться через точечную ранку на пальце.

Пульс Шалфея бился вместе с жилкой у меня на запястье, быстрее, быстрее, чаще и чаще, и к нашему ритму присоединился еще один. Словно мы с Шалфеем заставили сердце Риса прыгнуть ему в руку, и Шалфей почти захлебывался густым, мощным прибоем крови белого стража. Я чувствовала, как стук сердца Риса отдается по телу эльфа, словно тот — камертон, резонирующий, вибрирующий проводник между двумя нашими трепещущими сердцами.

Рис прижался ко мне крепче. Пах его вжимался мне в бедро, и, кажется, почти против его воли он начал двигаться. Я чувствовала, как он трется о мое бедро. Двое мужчин вошли в ритм. Я ощущала, как всасывается в Риса эльф, и на каждый глоток Рис вжимался в меня, вбуравливаясь в тело, словно пытался найти новый путь.

Рис засиял тем белым светом, что жил внутри него. Трехцветный глаз лучился голубым

неоном. Губы раскрылись, Рис потянулся ко мне, и едва он меня поцеловал, моя магия рванулась вверх, так что, когда страж отвел голову, магия звездным мостом натянулась меж нами. Мое тело мерцало белым светом, словно я проглотила луну и ее сияние лилось сквозь мою кожу.

Шалфей между нами казался статуэткой из чистого золота, жилки в его крыльях сияли, как витраж в потоках солнечного света. Он не был сидхе, но сила есть сила. Несколько мгновений я видела, как пульсирует его алый рот, словно он и впрямь держал в губах сердце Риса.

Никка начал мягко светиться, рисунок крыльев на его спине едва заметно мерцал розовым, кремовым, голубым и черным. Его магия едва показалась, это был лишь ее рассвет.

Рука Риса сжалась у меня на плече, пальцы вонзились в кожу; я чувствовала, как хочется ему сжать в другом кулаке хрупкое тельце Шалфея. Рис дышал все чаще и быстрее, и вот он выгнулся дугой, запрокинув голову. Расплавленное сияние лилось у него под кожей — как проливается кипящим фосфором ослепительный свет в разрывы туч. Белые кудри взвихрились у лица под ветром собственной магии стража и подернулись сиянием, словно кто-то горячей волшебной палочкой провел по прядям. Глаз распахнулся, и я успела заметить, как кружатся неоновосиние кольца — будто смерч, готовый обрушиться на меня, на всех нас. И тут Рис ударился об меня с такой силой, что мне стало больно, — и я пришла в себя, а сила чуть поутихла, именно так, как было нужно. Страж вскрикнул — за миг до того, как пролиться на меня жгучей волной, хлынувшей и оросившей мое бедро.

От этих ощущений спина у меня выгнулась, рука простерлась куда-то вверх, я корчилась и извивалась на кровати, но не могла сдвинуться с места, запертая между тараном тела Риса и обвивавшим талию и ноги Никкой.

Пульс Риса стал тише в моих жилах, замедлился, а потом пропал так внезапно, что я испугалась. Мне пришлось открыть глаза и убедиться, что страж здесь, что он жив. Странно, я ведь чувствовала, что он по-прежнему прижимается ко мне всем телом, — но мне нужно было еще его сердцебиение, которым я ненадолго завладела. Рис лежал рядом со мной в изнеможении, спутанная грива закрыла лицо, гладкая шея обнажена — и под тонкой кожей на горле бьется жилка, будто попавшая в западню. Магия стража поблекла, как луна, скрывающаяся за облаками.

Я хотела спросить, все ли с ним хорошо, но от ощущения пульса в теле Шалфея слова замерли у меня на губах, и я повернулась навстречу сверкающему взгляду маленьких черных глаз. Золотое сияние Шалфея не поблекло — наоборот, он сиял ярче, чем когда-либо, крылья многоцветным всполохом обрамляли пламя его тела. Лицо горело не столько вожделением, сколько яростью, триумфом и силой.

— Что бы ни пожелала моя госпожа, пусть будет по ее желанию, — прохрипел он.

Никка протянул вперед дрожащую руку, и Шалфей расхохотался:

— О, как ему невтерпеж! Я счастлив!

— Не злорадствуй, — одернула его я. Голос был неустойчивый, как будто я еще не совсем пришла в себя.

— Ах, но как же иначе? *Доннан* выразил мне высочайшую хвалу.

— *Доннан?* — переспросил Никка и покачал головой. — Я никому не главарь и не главарек, Шалфей, какие б волосы у меня ни были^[3].

Голос у него подрагивал, но сквозь слабеющую дымку гламора — наш с Рисом лунный свет едва пробивался, словно сквозь полог леса, — я видела, что Никка определенно не

желал называться никогда не принадлежавшим ему титулом.

— Твоя воля. Пусть будет Никка, — сказал Шалфей. Он ухватил пальцы Никки и потянул его руку к моей, так что ладонь стража оказалась между моими пальцами и телом эльфа. Ладонь была горячей — и скользила по моей руке. От этого невинного прикосновения гаснущий свет моей кожи вспыхнул заново — словно луна решила дважды взойти за эту ночь.

Шалфей втащил руку Никки себе на колени и потянулся к запястью маленьким пухлым ротиком. Он запечатлел на запястье стража алый поцелуй — как раз там, где под кожей бьется голубая жилка, так близко к поверхности, что похожа на нетерпеливую любовницу, жаждущую отдаться.

Никка подвинулся вверх, полулег на меня, перенес часть веса на другую руку; я бросила на него быстрый взгляд и увидела его — полным золотистого света, что уже начал исходить из светло-коричневой кожи стража, как будто внутри него взошло солнце. Я чувствовала магию Никки, она трепетала надо мной, словно натянутая в воздухе завеса жара. Волшебство Шалфея застало Рису врасплох, но Никка учел чужую ошибку — если это была ошибка — и использовал собственную силу, чтобы противостоять гламору.

Шалфей прокусил кожу запястья, и боль отвлекла Никку, заставила ахнуть и закрыть глаза, но он по-прежнему удерживал тело на весу надо мной. Я не чувствовала сердцебиение Никки так, как это было с Рисом. Никка боролся с гламором.

Я скользнула рукой по груди Никки, по животу вниз.

Мое прикосновение выгнуло спину стража, нарушило его концентрацию. Гламор Шалфея затопил нас обоих, и кровь, мчавшаяся в моих венах, белым светом рванулась сквозь кожу, вихрем взметнула волосы. Кожа Никки стала густо-янтарной, золотистой, цвета темного меда — если бы мед мог гореть. Потому что он горел, пылал золотым светом, которого мне еще не случалось у него видеть. Гламор Шалфея словно сдернул с него кожу — и обнажил чистую силу.

Золотистая сила побежала наперегонки с моей магией, моим телом, моим наслаждением, и сияние Никки лилось впереди моего, перекликалось с ним, разгораясь все ярче и ярче, пока комната не наполнилась тенями от нашего сияния, тенями, которым не было места в этой комнате, словно наш огонь обрисовал контуры того окружающего, что не имело ничего общего с этой комнатой, и этой постелью, и этими телами. Магия рванулась из нас — дикая и свободная, — и Шалфей пылал в самой ее середине.

Я вернулась в собственное тело, вопя и брыкаясь, колотя по кровати, по мужчинам, по всему, до чего могла дотянуться. Я чувствовала, как мои ногти полосуют чью-то плоть, и мне этого было мало. В чувство меня привели три обстоятельства: обжигающий поток крови на лице, неутраченный вопль Никки и ощущение крыльев под ладонями. Где-то в подкорке я не хотела порвать крылья Шалфея, будто выросшие под моим прикосновением.

Кто-то схватил меня за руки, завел их мне за голову, прижал к подушке — и я не сопротивлялась. Я ничего не видела. Кровь залила мне глаза и склеила веки, ресницы пропитались кровью. Слишком много крови для чуточку жестковатого секса. Я бешено заморгала — и подумала, что у меня двоится в глазах. Надо мной неонов светились две пары крыльев. Одна принадлежала Шалфею — теперь ростом почти с меня, он меня придавил к кровати, — но вторая была больше, чуть ли не больше всей меня, коричнево-кремовая, окаймленная розовым, с красно-синими глазками на каждом крыле. Эти вторые крылья еще не развернулись полностью — как у бабочки, только что покинувшей куколку.

Я смотрела вверх — прямо в лицо Никке. Лицо, застывшее наполовину в гримасе страдания, наполовину в экстазе и совершенно растерянное. На всех нас сверкала кровь, светилась расплавленными рубинами, мерцала магией, еще парящей в воздухе. Кровь принадлежала Никке — вылилась, когда крылья вырвались из его спины.

За руки меня держал Рис, постаравшийся, правда, отодвинуться от нас как можно дальше. Он был заляпан кровью, но кровь впитывалась прямо под моим взглядом, словно сама кожа ее поглощала.

— Я думал, ты порвешь им крылья, — объяснил он, в голосе еще различался страх. Интересно, сколько же глоток вопило под конец.

Кровь будто стекалась к Рису. Он пил силу этой странной крови из этих странных ран.

Никка и Шалфей прижимали меня к кровати своим весом, хотя Шалфей был ближе к середине тела, а Никка с меня почти сполз. Я загляделась на крылья — словно витражи, светящиеся сами по себе. Крылья Никки расправлялись на глазах, росли с каждым ударом его сердца.

Губы Шалфея были перемазаны растаявшими рубинами. Я никогда не видала, чтобы кровь так сияла. Шалфей нагнулся ко мне, и я почувствовала силу — не только его гламор и не магию Никки, но силу самой крови. Эльф поцеловал меня, и сила обожгла мне кожу, заставила поднять лицо навстречу поцелую, и мы впелись друг в друга. Он пил из моего рта, словно из цветка, и я пила из его губ, словно из чаши. Мы пили, сосали, вылизывали силу из ртов друг друга.

Когда мы прервали поцелуй, кровь почти исчезла — как будто не была кровью. Рис казался вырезанным из белого света, а глаз его горел словно синее солнце. Он стек с постели, мотая головой.

— Хватит с меня, благодарствую. Остальное я просто посмотрю.

Не знаю, что бы я ответила, если б вообще нашла какие-то слова, но кто-то из мужчин в постели дернулся, и я повернулась к ним.

Я потянулась потрогать волосы Шалфея. Когда он был крошечным, волосы были очень мягкими, но сейчас они были мягкими невероятно — я всего лишь запустила пальцы в этот дивный шелк и тут же изогнулась всем телом от наслаждения.

Никка вскрикнул, и я подняла к нему взгляд, следя, как уходит из его глаз страх, поглощаемый чувством более темным — и более ярким. Глаза Никки светились, когда он потянулся ко мне губами. Шалфей чуть подвинулся, позволяя Никке отведать меня. Страж лизнул мой рот изнутри, словно чашу, из которой он пытался добыть последние капли напитка.

Я скользнула руками по телам обоих мужчин одновременно. Кожа Шалфея на ощупь казалась теплым шелком. Кожа Никки была горячее, жарче. Шалфей вздрогнул и изогнулся, невозможно мягкий и твердый одновременно. Но Никка был весь словно сгусток силы, мне трудно было различить хоть что-то, кроме рокошущего ритма магии внутри его тела.

Шалфей взгромоздился на меня, шепча прямо в кожу:

— Помнишь ли свое обещание, принцесса?

— Да, — прошептала я, — да.

Я смотрела, как Шалфей надвигается на меня, видела, как близится к лицу его упругая плоть. Крылья Шалфея закрывали Никку, так что страж был полускрыт многоцветной завесой. Его собственные крылья почти совсем уже раскрылись — огромные, изогнутые, сияющие красками.

Шалфей тронул меня за лицо, привлекая к себе внимание. Я никогда еще не видела его нагим в полный рост. Он притронулся к моим рукам, остановив их скольжение по своему телу.

— Осторожнее, Мерри, или это случится раньше, чем я узнаю сладость твоего рта.

Я ощутила скользнувшие под мои бедра руки Никки, почувствовала, как он приподнимает меня.

— Да, Мерри, скажи "да"! — Голос у него был хриплым от желания, но я знала, что скажи я "нет", и он остановится. Только я не сказала "нет".

Я выпустила Шалфея настолько, чтобы сказать:

— Да, Никка, да.

Я чувствовала, как Никка бьется в меня, руки скользят дальше мне под спину, поднимают меня выше, держат, обдавая жаром.

Я закричала, но сладкая плоть в моем рту заглушила звук. Никка держал меня на уровне своих бедер, помогая мне изогнуться так, чтобы Шалфею было легче.

Крылья цветным морем мелькнули надо мной, словно паруса волшебных кораблей, и я ощутила, как растет внутри меня теплая тяжесть, заполняя меня словно бассейн водой, по капле наслаждения на каждом размахе.

Шалфей сиял, как солнечный луч, более темный свет Никки я ловила лишь временами, он сиял, словно солнце проглотило что-то коричневое и стремилось выплеснуть его светом. Мою кожу они превратили в белоснежное кипение, и белое пламя плясало на мне, и что-то зелено-золотое тоже, и я поняла, что это мои глаза сияют так ярко, что бросают зеленые отсветы на подушки.

Я снова и снова глотала солнечный луч, и солнце било мне между ног, и над всем этим блистали крылья, танцевали краски, бежали по воздуху — пока я не увидела, что комнату заполонили бабочки, созданные из магии и неоновой свечения.

Когда я пришла в себя, Шалфей лежал на боку, скорчившись и зажав мою руку. Никка рухнул на меня ничком, придавив ноги, крылья изгибались над его спиной, ягодицами и бедрами, а изящно выгнутый длинный "хвост" одного из нижних крыльев свесился с кровати, едва не касаясь ковра.

Я не слышала ничего, кроме грохота крови в собственных жилах. Слух возвращался постепенно, и первое, что я расслышала, — дрожащий смешок Шалфея. Кажется, он спросил: "Как сидхе выживают после такой любви? Меня она убила бы за месяц". Он повернулся ко мне, и я увидела его глаза.

По краю радужки остался блестящий черный цвет, но внутри шло кольцо угольно-серого, а в нем — кольцо нежнейшего бледно-серого цвета.

Я смотрела в трехцветные глаза Шалфея и думала, что он скажет, когда увидит себя в зеркале.

Шалфей, стоя на цыпочках и почти уткнувшись носом в стекло, гляделся в зеркало над комодом. Он разглядывал свои новые глаза, которые его, кажется, совершенно зачаровали. А меня, кажется, совершенно зачаровал он. Каждый раз, как он попадался мне на глаза, я прилипала к нему взглядом. Просто не могла справиться с собой. Кожа у него была такая нежно-желтая, словно его выкупали в солнечном свете. Он весь был точеный, как статуэтка: от ступней — вот так, когда привстал на носочки, — через икры и бедра, через округлость ягодиц, гладкую спину, разлет плеч и до самых кончиков сложенных за спиной крыльев.

Широкая желтая полоса с ярко-синим напылением и пятнами оранжевого и красного сияла яснее, чем когда-либо. Черные жилки, каркас для нежно-желтой материи крыльев, казались широкими и четкими, как миниатюрные дороги; наверное, я могла бы пройти по ним и оказаться где-то в другом месте. В волшебном месте, где ко мне на зов слетятся крылатые любовники и нет никаких забот. И трона. И убийц.

Я нахмурилась и закрыла глаза руками, чтобы не видеть блистательного зрелища: Шалфея у зеркала. Не так уж мне хочется попасть в то место... Хотя, конечно, здесь я кривлю душой. Разве не самая моя заветная мечта — жить так, чтобы в мою постель стремились потому, что я желанна, любима или хотя бы просто нравлюсь, а не потому, что я наследница трона и дочь Эссуса? Настоящий гламор, настоящие чары питаются вашими же чаяниями и желаниями. Чем они интимнее, чем больше скрыты — тем труднее устоять.

В холодной тьме под закрытыми веками я сосредоточилась на ритме дыхания. Когда Шалфей не маячил перед глазами, было полегче. Я смогла начать думать о чем-то еще, кроме секса, который у нас только что был и которого мне хотелось еще, хотелось трогать крылья, узнать, могут ли широкие черные жилки и вправду проложить дорожку к самым заветным мечтам...

Стоп, Мереди! Не туда. Я попыталась не думать совсем, а только считать вдохи и выдохи. Я глубоко вдыхала и медленно выдыхала. Когда пульс поуспокоился, я бросила считать частые глубокие вдохи и перешла к обычному счету. Досчитав до шестидесяти, я медленно отвела руки.

Взгляд уперся в живот — рельефный до неправдоподобия. Я знала, чей это живот. Яглянула вверх и обнаружила грудь, а потом и лицо Риса.

— Как ты себя чувствуешь, Мерри?

Я качнула головой.

— Не знаю, — прошептала я, словно боялась заговорить вслух. До этого момента я и не понимала, что напугана. Но чего я боюсь?

Я почувствовала движение кровати и только потом сообразила, что у меня за спиной Никка. Он уже не казался обжигающе-горячим, зато будто хранил тепло самой земли. Тепло, которое остается в жирной коричневой почве и хранит семена и защищает от долгой зимы маленьких зверушек. Когда руки молодого стража легли мне на плечи, мне показалось, что меня завернули в самое теплое и мягкое одеяло в мире. Так тепло, так уютно и спокойно, что кажется — можно свернуться калачиком и заснуть на полгода, а потом встать свежим и новым, и земля тоже словно родится заново. Магия самой весны была в этих ладонях.

Что-то, наверное, отразилось у меня на лице, хотя был ли это страх, желание или еще что-то — одна Богиня знает, потому что я точно не знала. Рис опять спросил:

— Что с тобой, Мерри?

— Позови Дойла, — прошептала я. Только это мне и удалось сказать, прежде чем Никка развернул меня к себе и поцеловал в сгиб шеи. И я утонула в благоухании свежеспаханной земли и густом аромате весенней зелени. Его губы пахли весенним дождем. Мои руки скользнули на его плечи и наткнулись на крылья — от чего я открыла глаза и прервала поцелуй, чтобы взглянуть за плечи Никки на их новый облик.

Когда крылья были лишь рисунком на спине Никки, детали различались с трудом. Сейчас же их ширь и яркие краски двумя куполами возвышались над плечами стража. Основной тон был бледно-бежевый, как светлая львиная шкура, а кончики верхних крыльев будто окунули в темно-розовую и красновато-лиловую краску. По краю крыльев шли фестоны из темных лиловых линий, перемежающихся с белыми и фиолетовыми, отороченные сбоку красновато-коричневым, словно на загар легла прядь темно-рыжих волос. Эта волнистая радужная полоса — лиловый, белый, фиолетовый и красно-коричневый — на нижних крыльях дублировалась, и бежевый фон по бокам от нее был золотистого оттенка. На верхних крыльях красовался "глазок" крупнее моей ладони, зеленовато-синий в центре, окаймленный черным, желтым (почти совпадавшим по тону с общим светлым фоном) и ярко-голубым кругами, и над этим ярким "глазом" лежал красно-фиолетовый штрих, словно задранная в удивлении бровь. Второй "глазок" — на нижних крыльях — был больше моей головы, походил на сияющее голубовато-зеленое озерко, и каждое кольцо красок в нем было обведено черной линией, словно нарочно подчеркивавшей цвета. Светло-желтое кольцо вокруг искрящегося голубовато-зеленого центра, потом мерцающая синяя линия и надо всем — изогнутая полоса красновато-лилового. Внешнее черное кольцо у больших "глазков" было крупнее, и этот густой черный бархат, окружавший великолепие красок, омывался розово-оранжевым морем. Зубчатая цветная полоса обтекала край нижних крыльев, как и на верхних: лиловый, белый, фиолетовый и красно-коричневый цвета соседствовали с ярко-розовым и оранжевым и уходили вместе в длинные изогнутые "хвосты", так что эти дополнительные украшения крыльев казались темными из-за густоты цветных линий.

Нижняя поверхность крыльев была словно приглушенная копия верхней, и только "глазки" сияли насквозь с той же ослепительной яркостью. Густые каштановые волоски словно шелковистым мехом прикрывали основания крыльев, так что не разглядеть было, где они отходят от спины Никки.

Никка целовал меня в щеку, но я не могла оторвать глаз от его крыльев. Когда он добрался до подбородка, а я так и не взглянула на него, он слегка куснул меня в шею. Я ахнула, но в лицо ему так и не посмотрела. Он выбрал местечко ниже на шее и укусил посильнее. Достаточно сильно, чтобы я зажмурилась, а когда я открыла глаза, передо мной было его лицо.

Лицо было то же, что и прежде, это был Никка, но все же совсем другой. В нем появилась какая-то одержимость, в глазах, на лице, на губах я читала вопрос. Я видела жажду в карих глазах. Пульс бешено забился. Меня напугало желание на лице стража. Не желание даже, потребность.

Он низко рыкнул.

— Я хочу впиться в тебя зубами. Я хочу кормиться тобой! — Он схватил меня за руки, сжал их до синяков, в глазах вспыхнул страх. — Что это со мной? Во что я превращаюсь?!

— Ты голоден? — Я слышала, как задаю вопрос, но не помнила, как он пришел мне в

голову. Пульс замедлился, я была совершенно спокойна, умиротворена.

Никка мотнул головой.

— Нет, ни есть, ни пить я не хочу. — Он встряхнул меня, потом вроде опомнился. Я видела, как он пытается разжать хватку у меня на руках, но он так и не отпустил меня. — Я хочу тебя, Мерри, тебя.

— Хочешь секса?

— Да... Нет... — Он нахмурился, а потом завопил от отчаяния: — Я не знаю, чего я хочу!

Он ошарашенно на меня посмотрел:

— Я хочу тебя, но так, словно ты и пища, и питье, и любовница.

Я кивнула и положила руки ему на локти. Даже там кожа у него была мягкая. Была ли она такой нежной до того, как у него выросли крылья? Я не могла припомнить. Я вообще не могла припомнить Никку без крыльев. Словно он стал настоящим, только когда крылья вырвались у него из спины.

— Она — Богиня, — проговорил Дойл от порога. — Любой из нас жаждет прикосновения божества.

В глубине своего неестественного спокойствия я точно знала, что он прав.

— Я могу превратить его в то, чем желает его видеть Богиня. Сейчас, этой ночью.

— Но она — Богиня, а ты — смертная, и тебе нужно больше сна, чем ей, — возразил Дойл, скользя в комнату, словно обрывок самой тьмы. Он подошел к дальнему краю постели и после секундного колебания нагнулся. Он так и остался на коленях у кровати, но давление на меня, о котором я прежде и не подозревала, ослабело. Я смогла дышать, и пульс вернулся к бешеному ритму. Страх возник опять с выплеском адреналина, от которого у меня голова пошла кругом, но тут же исчез — так же быстро, как появился. Никка растерянно моргал.

— Что это было, вот сейчас? Что это было? — Он выпустил мои руки и осторожно попятился по постели, стараясь не повредить крылья.

Дойл не двинулся с места.

— Похоже, чаша обладает собственной волей.

— О чем ты? — спросила я.

— Она не завернута и лежит на боку.

Я перебралась на другую сторону и увидела, что он вытащил чашу из-под кровати, потянув за край шелковой наволочки, на которой она по-прежнему лежала, хоть уже и развернутая.

— Я ее завернула, Дойл. Даже если б она упала случайно, она не могла так аккуратненько развернуться, да еще и шелк разгладить.

Дойл посмотрел на меня, стоя на колене и держа уголок шелка двумя пальцами.

— Я уже сказал, Мерри, чаша имеет свою волю, но будь я на твоём месте, я убрал бы ее подальше от постели. Или ты будешь очень весело проводить каждую ночь, когда кто-то из нас будет с тобой.

Я вздрогнула:

— Да в чем дело, Дойл?

— Богиня решила вновь заняться нашими делами, насколько я понял.

— Расшифруй, пожалуйста.

Он посмотрел мне в глаза:

— Чаша вернулась, и в день ее возвращения милость ее пролилась на нас снова. Кромм

Круах опять среди нас, как и Конхенн. Те из нас, что были богами, вернулись к прежней славе, и те, что богами не были, приобретают силы, о которых им и не мечталось.

— Богиня использует Мерри как посланника, — предположил Рис, но нахмурился и качнул головой: — Нет, скорее Мерри напоминает живую версию чаши. Она наполняется благодатью и проливает ее на нас.

— Я не имею отношения к тому, что сила вернулась к тебе, — буркнула я, положив руки на бедра.

Рис улыбнулся:

— Может, и так.

— Ты был в той комнате, — припомнил Дойл.

Я посмотрела на него и встряхнула головой:

— Нет, Дойл, с Мэви и Холодом совсем не то произошло, что с Рисом.

Дойл поднялся и провел руками по незастегнутым джинсам, словно пытался стереть с пальцев какое-то ощущение. Какое? Силы, магии, прикосновения шелка? Я едва не задала вопрос, но Шалфей меня перебил:

— Посмотри на мои глаза, Дойл, посмотри — вот что сделала наша прелестная Мерри!

Шалфей обежал кровать, чтобы дать Дойлу полюбоваться своими глазами.

— Рис мне сказал, что твои глаза теперь трехцветны. Крылья Шалфея чуть обвисли, словно от разочарования, что его сюрприз подпортили.

— Я теперь сидхе, Мрак, что ты на это скажешь?

Губы Дойла чуть искривила усмешка, какой я у него еще не видела. У кого-нибудь другого я бы эту усмешку назвала жестокой.

— А ты не пробовал еще уменьшаться?

— А что такого? — насторожился Шалфей.

Дойл пожал плечами, улыбка стала заметней.

— Ты пробовал сменить форму с тех пор, как изменились твои глаза? Просто ответь.

Шалфей замер, стоя между мной и Дойлом, и я увидела, как затрепетали его крылья, словно цветок на сильном ветру. Он вздрогнул еще раз и еще, а потом запрокинул голову и завыл. Без слов, без надежды — отчаянный, щемящий плач.

Я будто приросла к месту, пока не затихли последние отзвуки этого крика.

— Что случилось?! — Я потянулась к его плечу поверх крыла. Он отпрыгнул.

— Не тронь меня! — Он попятился к двери. За его спиной возник Холод, и Шалфей отпрянул и от него. Кажется, мы все его пугали.

— Что случилось? — снова спросила я.

— Для крылатых быть сидхе имеет свою цену, — бросил Дойл со злорадной ноткой. Я уже догадывалась, что у них вышла какая-то грызня, но я и не представляла, насколько она была злобной. В жизни не видела, чтобы Дойл опускался до подколок.

Шалфей ткнул пальцем в сидящего на кровати Никку:

— Он о крыльях не знает ничегошеньки! Он никогда не плыл над весенним лугом, не знал, как чист и медвян бывает ветер! — Он стукнул кулаком в голую грудь. — Но я знаю! Знаю!

— Я не понимаю, — сказала я. — Что такого страшного для Шалфея в том, что он стал сидхе?

— Ты украла у меня крылья, Мерри, — ответил он, и на лице появилось выражение такой невыносимой утраты, что я потянулась к нему. Мне надо было его обнять.

Прикоснуться к нему. Попробовать стереть это выражение из его глаз.

Он выставил мне навстречу бледную желтую ладонь.

— Нет, довольно, Мерри. С меня на сегодня сидхе довольно.

Рис откашлялся, и Шалфей опять испуганно вскинулся — и обнаружил, что Рис стоит почти вплотную к нему, пройдя к зеркалу через всю комнату. Шалфей загнанно огляделся, словно ища выход из ловушки, в которую мы его поймали. Холод и правда перегораживал единственный выход, но Шалфей не был в ловушке. Во всяком случае, в том, что я называла ловушкой.

Шалфей опять указал на Никку:

— Знаешь, как мы звали бы его, если бы он с такими крыльями родился?

Все вокруг попытались состроить непроницаемые лица, хотя получилось в результате что угодно от сарказма до высокомерия. Рис сказал наконец:

— Я сдаюсь. Как вы звали бы Никку, если бы он родился с крыльями?

— Проклятым! — выплюнул Шалфей, словно слова грязнее в мире не было.

— Почему проклятым? — не могла понять я.

— У него есть крылья, а летать он не может! Он слишком тяжел, чтобы крылья ночного мотылька могли поднять его в воздух. — Шалфей стукнул себя по груди: — Как и я теперь слишком тяжел для моих.

— Что тут у вас?.. — спросил с порога Гален, протирая глаза. Его спальня была отсюда самой дальней.

Никто из нас не успел сказать ни слова, как Шалфей промаршировал к нему, протиснувшись мимо Холода.

— Глянь, глянь, во что меня превратили!

Гален вытаращился на Шалфея:

— Что... Твои глаза!

Шалфей оттолкнул его с пути, прошипев напоследок через крылатое плечо:

— Злые, злые сидхе!

И ушел.

— Давай за ним, Рис, — скомандовал Дойл. — Присмотри, чтобы ничего не случилось.

Рис подчинился без возражений. Ушел он нагишом, как и Шалфей. Я понадеялась, что снаружи никто не притаился с инфракрасной камерой, а потом сообразила, что снимки в газетах — не самая большая наша беда. Слишком я давно оставила волшебную страну и живу среди людей, а то вообще бы о такой ерунде не подумала.

— А что может случиться? — спросила я.

— Что-нибудь с самим Шалфеем.

— То есть как бы он с собой чего не сделал от отчаяния, что лишился способности летать?

Дойл кивнул.

— Бывало, крылатые фейри таяли и умирали, когда теряли крылья.

— Я не хотела ему вреда...

— Сидхе опасней всего, когда не хотят вреда, — сказал Холод с горечью, которой мне у него наблюдать еще не приходилось.

— Сегодня моя ночь, — напомнил Никка. До сих пор он в разговоре участия не принимал, и стоило мне взглянуть в его карие глаза, как у меня внизу все напряглось. Желание Никки было не просто откровенным, оно было свирепым, совсем не то что обычная его нежность.

— Судя по твоему виду, — сказал Дойл, — ты все еще опьянен силой. Думаю, чаша на сегодня с тобой не закончила. Я боюсь, что для Мерри это обернется плохо.

Никка помотал головой, не отрывая взгляда от меня, словно все остальное для него не существовало.

— Моя ночь.

Гален перешагнул порог и уставился на крылья Никки.

— Ух ты, это что-то новенькое!

— Многовато сегодня новенького, — настороженно заметил Дойл.

Никке не было дела ни до чего.

— Моя ночь. — И он протянул ко мне руку.

— Нет, — сказал Дойл, взял меня за руку и отвел подальше от кровати.

— Она моя сегодня! — возмутился Никка, и я подумала, что сейчас они подерутся или по крайней мере поругаются.

— Формально — не твоя, а Риса, — поправил Дойл, — и оба вы свое уже получили.

— Если Рис свое получил, то следующий на очереди — ты, Дойл, — сказал Холод.

Никка сжал кулаки:

— Нет! Мы не закончили! — Голос его словно исходил откуда-то из глубин. Может, Никка и стал крылатым, но энергия его была не от воздуха, а от земли.

Дойл передвинул меня себе за спину, отгородив от Никки. Крылья укрывали стоящего на коленях в кровати стража, будто волшебный плащ.

— Приди в себя, Никка. Я не знаю, какие виды на тебя имеет Богиня, но пока мы не убедимся, что для Мерри это безвредно, нам нужно быть осторожней. Твоя божественность не стоит жизни Мерри. Ничто на свете не стоит такой цены.

Я выглянула из-за черной гладкой руки Дойла и увидела, как Никка пытается

справиться с собой. Казалось, что он борется с какой-то чуждой силой, и этой силе плевать на то, чего хочет или не хочет Никка.

Страж повалился на четвереньки, крылья улеглись у него вдоль спины, волосы густой каштановой волной накрыли лицо и половину кровати. Он вздохнул так глубоко, что содрогнулся всем телом, радуга крыльев затрепетала. Когда Никка поднял голову, на лице у него была страдальческая гримаса, но он кивнул:

— Дойл прав, прав. — Он шептал это снова и снова, словно убеждал самого себя или ту силу, что им владела.

Дойл шагнул к нему и нежно тронул за лицо.

— Прости, брат, но безопасность Мерри — на первом месте.

Никка кивнул. Вряд ли он почувствовал руку Дойла. Глаза у него будто ничего не видели.

Дойл отступил от кровати, отесняя меня все дальше, словно по-прежнему не доверял Никке.

— Никто, не получивший еще божественности, не должен спать с Мерри, пока мы не поймем, чего добиваются чаша и Богиня.

— Так что остаются только Рис и Холод, — сказал Гален. Не слишком обрадованный.

— Только Холод — пока не выясним, как много силы вернулось к Рису, — поправил Дойл.

— Не так много, как я надеялся, — сказал появившийся на пороге Рис. — Шалфей задурил мне голову, как вино в субботний вечер.

— А где Шалфей? — спросила я.

— Вся эта магия, видимо, привлекла внимание Конхенн. Она занялась утешением нашего свежее испеченного сидхе.

— Я думал, с него на эту ночь сидхе хватило, — удивился Гален.

Рис пожал плечами:

— Конхенн умеет уговорить.

— Это ж до какого отчаяния она дошла, что позвала его к себе, — сказал Холод.

— Ну, не знаю, — сказала я. — В последние две недели она без всяких околичностей дала понять, что обрадуется любому из нас в своей постели.

— Мы и так спим в ее постели, — заметил Дойл.

Я посмотрела на него укоризненно:

— Только чтобы быть рядом, пока она не нарыдается и не заснет. Я не это имела в виду.

Дойл позволил себе намек на улыбку.

— Когда скорбь Мэви пошла на убыль, она... дала понять, что была бы не против более осязаемого "присутствия рядом".

Улыбка меня поразила. Наверное, попытки Мэви соблазнить моего Мрака были "осязаемей", чем мне казалось. Рис фыркнул:

— Сейчас ее утешают очень даже осязаемо.

— Вы не понимаете, — сказал Холод. — Никто из вас не понимает.

— Чего не понимаем? — спросила я, глядя в холодное красивое лицо.

— Насколько велика ее нужда, что она приняла Шалфея.

— Он теперь сидхе. Не знаю, надолго ли, но на сегодня — точно.

— Это навсегда, — сказал Холод.

Я нахмурилась:

— Нет, магия может превратить в сидхе на время, как Слезы Бранвэйн. Но сидхе нужно родиться.

— Это неверно, — возразил Холод.

И мне припомнилось вдруг прекрасное дитя, танцующее на снегу. Почему-то казалось нормальным, что изначально бесплотное существо превратилось в сидхе. Но малые фейри или люди в сидхе превратиться не могут. Они не становятся сидхе, так просто не бывает.

— Когда-то мы собирали новых сидхе словно грибы в лесу, — сообщил Холод. — Они росли как после дождичка.

— Отец мне о таком не рассказывал. — Я не хотела сказать, что не поверила, но тон выдал мои сомнения.

— Это было две тысячи лет назад, если не больше, — объяснил Дойл. — С первым великим заклятием мы потеряли способность творить новых сидхе. Мало кому из нас хочется говорить о настоящих утратах.

— Подозреваю, что наши утраты были не так безвозвратны, как нас заставили поверить, — заметил Холод.

— Нас никто не обманывал, — сказал Дойл.

Холод смерил его долгим взглядом:

— Чашу утратил Благой Двор, Дойл. И они же вынудили нас расстаться с большей частью нашей сущности.

Дойл мотнул головой.

— Я не стану спорить на эту тему. Ни с кем из вас, — добавил он, взглянув на Рису и Галена.

Гален развел руками:

— Я никогда и не спорил.

— Ты слишком молод, — согласился Дойл.

— Ну так, может, объяснишь что-нибудь тем, кому еще не стукнуло полтыщи лет?

Дойл улыбнулся уголком губ.

— Почти все великие реликвии, что исчезли бесследно, принадлежали благим. Реликвии неблагих остались, хотя потеряли в силе. Поговаривали, что Благой Двор разгневал Богиню или Консорта, раз они лишились благодати.

— Мы считали, будто они совершили что-то настолько дурное, что божественный лик отвернулся от них, — сказал Холод.

Я повернулась к нему:

— То есть ты так считал.

Он кивнул. Его лицо казалось лицом прекрасной статуи, слишком красивым для живого лица, слишком надменным, чтобы к нему притронуться. Он опять спрятался за холодной маской, которую веками носил при Неблагом Дворе. Я знала уже, что маска была способом защиты — камуфляжем, если хотите, — чтобы прятать за ней боль. Несколько слоев этой защиты я сдернула и увидела, что за ней скрывается. К сожалению, на этой стадии копания в обидах и страданиях мы и застряли. Мне ужасно хотелось двигаться дальше, к следующему слою. Не одни же обиды у Холода за душой. Я в этом уверена... почти.

— Так считают многие, — сказал он.

Дойл пожал плечами:

— Все, что я знаю, — это что мы многое потеряли и что переселились в Западные земли. Кроме этого, я ни в чем не уверен. — Он сердито глянул на Холода. — И ты тоже.

Холод открыл было рот, но Дойл поднял руку:

— Нет, Холод, мы не станем беречь эту рану. Сегодня не станем. Мерри будет только твоей, пока мы не убедимся, что не опасны для нее. Тебе этого мало?

— Пойду-ка я спать, — довольно неожиданно сказал Рис, и все повернулись к нему. — Старые склоны мне неинтересны, а после того, как я мгновенно поддался гламору Шалфея, я не уверен, что вновь стал Кромм Круахом. А если я не бог, то слоняться возле Мерри мне не стоит. — Он послал мне воздушный поцелуй. — Спокойной ночи, моя принцесса! Поутру нам всем нужно будет собраться и успеть на самолет в Сент-Луис. Так что не проболтайте тут всю ночь.

Он погрозил нам пальцем и удалился. Гален поглядел на нас с Дойлом и Холодом.

— Мне тоже пора, наверное. — Он взглянул на меня с болью и сожалением. — Что бы тут ни происходило, надеюсь, мы скоро со всем разберемся.

Я сказала ему в спину:

— Посмотри, как там Китто, хорошо? А то он наверняка проснулся от этого шума.

Он кивнул и ушел, очень стараясь не оглядываться, словно не хотел нас видеть.

— Никка, ступай-ка тоже к себе, — велел Дойл.

— Я не ребенок, чтобы отправлять меня в детскую!

Мы все на него вытаращились, потому что Никка никогда не спорил с Дойлом. Вообще-то он ни с кем не спорил.

— Кажется, с крыльями ты и храбрости набрался, — отметил Дойл.

Никка посмотрел на него очень хмуро:

— Я уйду, если ты уйдешь тоже.

— Намекаешь, что Дойл хочет выставить тебя, чтобы остаться со мной самому? — спросила я.

Никка промолчал, злобно глядя на Дойла.

Холод вынырнул на миг из своей хандры, чтобы сказать:

— Это я просил Дойла остаться.

Никка перевел мрачный взгляд на Холода:

— Зачем?

— Он может обеспечить безопасность Мерри.

Никка сполз с постели и встал перед нами очень прямо — стройное, атлетичное, бронзовое видение, обрамленное буйной гривой волос и еще этими крыльями. Кажется, крылья привлекали меня больше, чем должны были. То есть, конечно, они были прекрасны — но они просто притягивали мой взгляд, мое внимание. Что-то во мне хотело их потрогать, покатайся по их великолепию, покрыть все тело многоцветной пудрой пыли.

Дойл взял меня за руку, и я вздрогнула. Сердце скакнуло к горлу — непонятно почему.

— Тебе нужно уйти, Никка. Ты зачаровываешь ее, как змея зачаровывает птичек. Не знаю, какой ценой можно разорвать эту твою власть над ней, но не стану рисковать ее жизнью, чтобы это выяснить.

Никка зажмурился, плечи у него ссутулились — но из-за этого крылья мазнули по полу, и ему пришлось снова выпрямиться. Тонкой рукой он откинул волосы с лица, и они упали сбоку каштановым водопадом.

— Ты прав, мой капитан. — По его лицу скользнула тень страдания. — Я поищу, осталась ли еще свободная кровать. Если мы и дальше так будем обходиться со спальнями, их на нас не напасешься.

Я потянулась потрогать его крылья, когда он проходил мимо меня, и Дойл перехватил мою руку, привлек меня к себе и сжал оба моих запястья.

Никка посмотрел через плечо на меня, потом на Дойла.

— Мы вернемся к этому разговору, Мрак. — Голос опять был будто не его, и взгляд такой я у него никогда не видела.

Дойл даже попятился, прижав меня теснее.

— С радостью, но не сегодня.

Холод встал рядом с Дойлом, забыв собственные претензии от удивления при виде Никки, угрожающего Дойлу.

— Уходи, Никка, — сказал он.

Никка повернулся к нему:

— С тобой тоже разговор будет, Убийственный Холод, если пожелаешь.

— Не надо, Никка, не бросай им вызов, — сказала я.

Он тем же мрачным взглядом смерил меня с ног до головы. Взгляд меня почти напугал: он как будто намекал на что-то большее, чем жажда секса. Скорее в нем была жажда обладания, собственничество.

— Ты просишь меня не бросать им вызов, а сама стоишь, прижавшись к полунагому телу Дойла.

Такого выражения лица я никогда у него не видела — словно какой-то незнакомец с лицом Никки стоял сейчас передо мной. Никка повернул к Холоду это незнакомое лицо.

— И ты, кто никогда не был богом, ты теперь станешь править нами? Если тебе одному будут принадлежать ее ночи, ты станешь королем! — Его голос был пропитан такой яростной ревностью, что она уже походила на ненависть.

Холод чуть выдвинулся вперед, загородив нас.

— Давно я не видел такого взгляда, но я помню эту зависть и ревность и помню, чего она нам стоила.

— Диан-кехт! — воскликнул Дойл. — Ты попал под власть диан-кехт!

Я не понимала, в чем дело, но пахло чем-то недобрым, это было ясно даже мне.

— Диан Кехт был одним из первых детей Дану, богом-целителем, но о какой власти вы говорите?

— А что еще ты о нем знаешь? — спросил Дойл.

— Он убил из зависти своего сына, потому что сын превзошел его в целительском искусстве.

Дойл кивнул.

Никка злобно зашипел, и лицо его на миг превратилось в жуткую гримасу. Но в следующий миг его красота вернулась, только в глазах сохранилась ненависть.

— Он одержим, — едва выговорила я, с ужасом это осозная.

— Ты прервал их, когда еще не все кончилось, — сказал Холод. — Могла из-за этого случиться такая дрянь?

— Не знаю, — опять сказал Дойл, но я затылком почувствовала, как его сердце забилося сильнее. Он был встревожен, но проявилось это только в учащенном пульсе.

Никка вдруг осел на пол едва ли не в обмороке. Он поднял голову, и я увидела в его глазах ужас.

— Я был зол, что ты нас остановил. Я ревновал. Чаша дает тебе то, что ты даешь ей. Всем виновата моя злость. — Он застонал: — Я не могу с этим справиться!

Я взмолилась, как делала уже сотню раз:

— Помоги ему, Мать!

Едва выговорив эти слова, я ощутила, как напрягся весь мир — словно сама вселенная задержала дыхание. По комнате разлилось сияние, словно у кровати взошла луна. Мы все повернулись к источнику света. Чаша стояла у стены, где Дойл ее и поставил, но теперь из нее лился свет. Я вспомнила сон, в котором мне впервые явилась чаша, вспомнила вкус чистого света, чистой силы на губах.

— Пусти меня, Дойл, — сказала я. Его ладони тут же разжались. Не знаю, то ли он меня послушался, то ли просто был поражен изливающимся из серебряной чаши лунным светом.

Лицо Никки снова стало прежним, но я почему-то была уверена, что улучшение лишь временное. Что диан-кехт вернется, как только погаснет свет. Закончить нужно до этого.

Я потянулась к руке Никки, склонилась к нему, но по лицу его пробежала уродливая тень. Диан-кехт осталась на месте, а Никке хватило бы сил пробить кулаком стену.

— Встань на колени, — скомандовала я, и он так и сделал без всяких вопросов, потому что это был Никка. Он чуточку замешкался, устраивая крылья так, чтобы они не помялись на полу, а потом терпеливо, с ожиданием посмотрел на меня. — Кто-нибудь, держите его за руки.

— Зачем? — удивился Холод, а Дойл просто подошел, взял Никку за запястья темными ладонями и вытянул его руки вперед.

Я зашла Никке за спину, осторожно переступив через расстеленное на полу нежное великолепие крыльев. Босыми ногами я встала между его голеньями, и он расставил колени пошире, давая мне встать ближе; я прижалась к его ягодицам, спине, плечам, его голова легла мне на грудь. Крылья взмахнули, окутав меня на миг; их бархатистая ласка оставила у меня на коже мерцающую россыпь красок. Запустив пальцы в волосы Никки, я пробралась сквозь их теплую массу до затылка, чтобы почувствовать жар его тела. Потом, зажав его волосы в горсти, я оттянула голову назад, как за ручку, обнажив безупречный выгиб шеи. Прямо передо мной оказались карие глаза, приоткрытые навстречу мне губы.

Тот мерзкий незнакомец попытался в какой-то миг проглянуть сквозь Никку, вложить в добрые глаза свою зависть и злость, но я держала стража за волосы, запрокинув голову для поцелуя, а Дойл стягивал ему запястья будто черной веревкой. Диан-кехт опоздала со своей борьбой. Я поцеловала Никку и ощутила, как сила льется из моих губ ему в рот. Словно само мое дыхание было волшебством, и я вдохнула его в рот Никки одним долгим, прерывистым вздохом.

Крылья Никки сомкнулись вокруг меня бархатной пеленой, мягкой и опутывающей, удерживающей на месте, потому что я боялась их раздвинуть, боялась порвать. Никка дрожал под моими губами, и крылья дрожали тоже, крошечные частички цветной пыли сыпались на меня сухим дождем. Сила пошла на убыль, и когда она исчезла, Никка впился в меня губами. Крылья смыкались вокруг меня объятием более нежным, чем прикосновение мысли, и снова распахивались, и с каждым взмахом крыльев на меня просыпался сияющий водопад пыли.

Я вся отдалась этому поцелую, трепещущим крыльям, бархатной ласке осыпающейся пыли — и увидела Никку посреди пестрящего летними цветами луга. Стояла ночь, но Никка сиял так ярко, что цветы раскрывали головки ему навстречу, словно навстречу солнцу. И вдруг воздух наполнили феи-крошки — не несколько десятков, как мне случалось видеть, а сотни. Словно разверзлась земля и выбросила их в небо. И тут я поняла, что это были

цветы; что цветы отрастили крылья и взлетели в небеса.

Никка поднялся в воздух, словно взбежал по верхушкам травинок, — и я поняла, что он летит, летит к облаку фей.

А потом я как будто провалилась опять в свое тело. Я так и стояла, прижавшись к Никке, одной рукой вцепившись ему в волосы, но смотрела я в лицо Дойлу. Его глаза широко открылись, и он начал что-то говорить, но было поздно. Ко мне он не притрагивался, но он прикасался к Никке, как и я.

Меня окружала ночь, и лес стоял вокруг, где я никогда не бывала. Надо мной крышей нависал огромный дуб, его коренастый перевитый ствол был размером с дом, а ветви обнажены, как в пору позднего листопада. Я почему-то знала, что дерево живое, только уснуло, готовясь к морозной зиме. Вдруг древесную кору прорезал тонкий луч света, он стал шире, и я поняла, что это открывается дверь — дверь внутри ствола. Вместе с потоком золотистого света во тьму пролилась музыка, кто-то в черном плаще появился в двери, шагнул в осеннюю ночь, и дверь закрылась за ним. Ночь показалась еще темнее, словно свет меня ослепил. Незнакомец откинул капюшон, и я узнала Дойла — он вглядывался сквозь ветви в холодные звезды над головой. Тени по обе стороны от дерева вдруг сгустились, потом задвигались, обрели форму, повернулись и уставились на меня горящими глазами — красными и зелеными. Они оскалили пасти, полные кинжальных клыков, а потом одна за другой вытянули к небу огромные черные морды и залаяли. Дойл стоял во мраке, слушая эту жуткую музыку, и улыбался.

Я услышала голос Холода, далекий как сон:

— Мередит, ты слышишь меня, Мередит?

Я хотела сказать "да", но забыла, как это — говорить. Забыла, где я. На летнем лугу, в облаке пестрых крыльев, — или в ночи, пронзенной лаем гончих? Или я стою, прижавшись к Никке, и смотрю Дойлу в изумленные глаза? Где я? И где я хочу быть?

Последний вопрос был полегче. Я хотела быть в своей спальне. Хотела ответить встревоженному голосу Холода. И стоило мне только это подумать, как я оказалась в спальне. Я шагнула прочь от Никки, так и стоявшего на коленях на полу. Дойл, пошатнувшись, попятился к стене. Никка упал на четвереньки, едва удержавшись, чтобы не рухнуть ничком.

— Мерри, — с трудом выдохнул Дойл. Произошедшее словно обессилило их обоих. А тогда, с Холодом и Мэви, без сил осталась я. Я повернулась к Холоду — он смотрел на меня со смесью страха и восторга.

— Теперь я себя усталой не чувствую, — сказала я ему и шагнула вперед, оставив Дойла с Никкой в изнеможении валяться на полу, лоя ртом воздух.

Холод от меня попятился, явно мало что соображая, потому что забился между кроватью и туалетным столиком, сам себя загнав в ловушку. Он снова и снова качал головой:

— Глянь на себя, Мередит, посмотри на себя! — Он показал на зеркало.

Первое, что я увидела, — это краски. Кожа у меня покрылась бежевыми, розовыми, лиловыми, фиолетовыми полосами и еще белыми, но белое терялось на моей сияющей белизне. По бокам струились красновато-коричневые ленты, похожие на засохшую кровь. На плечах и на ногах переливались зелено-голубые, очерченные черным и желтым круги, а по краю шел мазок синевы такой сверкающей, что казалось, будто он сейчас запляшет, играя светом, по икрам и плечам. Моя магия была в силе, и кожа сияла словно жемчужина с заключенной внутри нее свечой, но цветные пылинки действовали как призмы, и магия

вспыхивала в каждой капле цвета, так что за мной тянулся радужный шлейф, будто крылья Никки распустились у меня за спиной. Глаза мои горели трехцветным огнем — расплавленное золото, нефритовая зелень и изумруд ярче всех драгоценностей мира. Но сейчас цветные кольца не просто светились, нет, — каждый цвет пылал костром, словно глаза выбрасывали языки пламени. Я вспомнила золотые и зеленые отсветы, полыхавшие, когда я занималась любовью с Никкой и Шалфеем, и поняла, что именно так должны были выглядеть тогда мои глаза: цветное пламя, перетекающее из цвета в цвет, как в настоящем костре, — неугасающая, непрерывная смена красок. Я застыла у зеркала, вытянувшись на носочках, чтобы рассмотреть все поближе, и поняла, что стою точно как Шалфей немного раньше. Волосы у меня сияли рубинами, но сегодня словно каждая прядь горела отдельным огнем, и волосы пылали у лица и ласкали плечи.

Мне случалось видеть себя в сиянии магии, но такой — никогда. Этой ночью я буквально горела силой.

— Я тебе не нужен, Мерри, — сказал Холод. — Я не родился сидхе, я не могу быть консортом богини.

Я обернулась и посмотрела на него пылающими глазами. Я почти ждала, что, повернувшись, увижу что-нибудь новое, но все осталось на местах. А чувство было такое, словно должно было появиться новое видение.

— Я видела, как ты танцевал на снегу. Ты был похож на прекрасное дитя.

— Я никогда не был ребенком, Мередит. Не был рожден. Я был мыслью, представлением, идеей, если хочешь. Да, идеей, которую оживили боги. Те самые боги, чья сила теперь струится в моем теле. Их ревность к росту моей силы, к моему превращению в Убийственного Холода — вот из-за чего я не остался при Благом Дворе.

Я шагнула к нему, отойдя от зеркала.

— Неужели они так уступают Убийственному Холоду королевы?

— Не в том дело, Мередит. Они мне равны. Может, с оружием я их превосхожу. Но они смотрят на меня и вспоминают время, когда превосходили меня во всем, и это их ранит.

— И потому они тебя изгнали.

Он кивнул.

Я стояла теперь прямо перед ним, так близко, что смогла провести рукой по его халату, легко-легко, почувствовав только шелк, но не тело под ним. А я хотела тело. Мне вдруг представилось во всех красках, как я прижимаюсь к белой коже Холода, перемазывая его всего сияющим водопадом пыльцы. Видение было таким живым, что глаза у меня сами зажмурились, спина выгнулась, и руки потянулись вперед.

Холод поймал меня за локти.

— Что с тобой, Мерри?

Я открыла глаза навстречу его встревоженному лицу. Посмотрела на руки, сжимающие мои локти. Как раз там осталось несколько дюймов кожи, не тронутой пыльцой, так что его ладони пока сохранили белизну.

— Со мной все хорошо. И даже еще лучше. — Голос мой звучал странно, как-то глубоко, почти объемно — словно я была пустой морской раковиной, из которой доносились слова. Я отняла свои руки у Холода и потянулась к поясу его халата. Один рывок — и узел развязался, полы халата разошлись.

Холод перехватил мои ладони.

— Я не хочу делать тебе больно.

Я рассмеялась каким-то диким смехом:

— Ты мне больно не сделаешь.

Его хватка у меня на руках стала почти болезненной.

— Ты опьянена магией, Мередит, но смертной ты быть не перестала.

— Божественность дается только раз, и ты свое уже получил, — сказала я. — Сейчас это только новая сила, с которой тебе нужно научиться обращаться. Дело практики, дисциплины и самоконтроля.

Я отдернула руки, и он ослабил хватку, давая мне высвободиться. Потянувшись к разошедшимся полам халата, я нащупала тонкую завязку, которая их еще удерживала, и дернула за нее. Халат распахнулся, обнажив полосу бледной кожи.

— И я знаю, что с дисциплиной и самоконтролем у тебя проблем нет, Холод... — мои руки скользнули под шелк, тронули кожу, — ...и если практика может создать совершенство, то это точно ты.

Тут он рассмеялся — коротко и едва ли не удивленно.

— Почему тебе всегда удается привести меня в хорошее настроение? Я ведь тебя сегодня чуть не убил.

Я провела руками по его торсу, по груди, обвела пальцами соски, заставив задержать дыхание.

— Нам всем сегодня выпали неожиданности, Холод. Но, кажется, у меня все лучше получается приносить сидхе божественность.

Я добралась до его плеч — пришлось встать на цыпочки, чтобы снять с них халат. Он отодвинулся от стены, позволяя халату соскользнуть на пол, и шелк серой лужей разлился у его ног.

— Вижу, — выговорил он еще ниже и тише, почти задыхаясь.

Я смотрела на его наготу, и она показалась мне еще прекрасней, чем в первый раз, когда я его увидела. Радость видеть Холода раздетым никогда не становилась меньше. На него было почти трудно смотреть, сердце рвалось от его красоты.

Я поцеловала его в грудь, прямо над сердцем. Лизнула кожу, а потом сосок — очень коротко, и он вздрогнул и засмеялся одновременно. Я смотрела в радостное лицо и думала, что вот этого я от него и хочу. Больше секса, больше чего бы то ни было мне нужна его радость.

Он посмотрел на меня серыми глазами, в которых еще светился смех.

— Я смотрю тебе в глаза, и они все те же.

Я принялась целовать дорожку вниз по его груди.

— Те же? — переспросила я.

— Ты не стала думать обо мне хуже, — пояснил он.

— Я о тебе думаю лучше. Много лучше!

Он вцепился пальцами мне в волосы и оторвал от себя, заставил взглянуть себе в глаза.

— Ты не считаешь меня хуже потому только, что я не родился сидхе?

Я попыталась вернуться к поцелую, но его рука сжалась у меня на волосах, и я судорожно вздохнула. Пульс у меня забился быстрее, чем от ощущения его во рту.

— Бог вдохнул в тебя жизнь, Холод. Если это недостаточно хорошо, то я не знаю, что достаточно.

Он вздернул меня на ноги за волосы так резко, что мне стало больно, он меня почти напугал. Не по-настоящему, а тем страхом, что приправляет жесткий секс. Он поцеловал

меня, и поцелуй оказался свирепым, с ищущими языками, нетерпеливыми губами, с зубами, словно он не мог решить, то ли поцеловать меня, то ли съесть. Он разорвал поцелуй, оставив меня задыхающейся, с идущей кругом головой.

Глаза у него сверкали ледяным серебром, кончики волос мерцали, как иней на свету.

— Я хочу, чтобы ты всего меня измазала в этом. — Он провел свободной рукой у меня по плечу, перемазавшись в металлически-синем, зеленом, пурпурном. Он размазал пыльцу у меня на лице, на губах и поцеловал меня опять — нетерпеливо, алчно. Когда он отстранился, щека и губы у него были покрыты сверкающей пыльцой, словно частичками неоновой пудры.

Я закинула руки ему на шею, а он обхватил меня за талию, приподнял, протащил по себе вверх. Сияющие краски размазались у него по коже, и я застонала от одного этого вида. Холод осторожно опустил нас на кровать и, едва я коснулась бедрами матраса, ударил в меня.

Я завопила, запрокинув голову, зажмурил глаза, и другой вопль вторил мне. Пока Холод не прекратил движение, не застыл надо мной, я не поняла, что кричал не он.

Я открыла глаза. Холод смотрел не на меня, а куда-то в изножье кровати. Вопль повторился — мужской крик боли, бессловесный, мучительный, и где-то очень близко.

Холод оттолкнулся от меня, перекатился через кровать. Я взобралась на четвереньки и подползла к краю кровати. Холод стоял на коленях у головы Дойла, Никка — у его ног. Спина у Дойла выгнулась, руки хватали воздух. Все его мышцы словно напряглись одновременно — и совершенно несогласованно. Если б он был человеком, я бы заподозрила яд, но сидхе отравить нельзя, во всяком случае, стрихнином.

У него вырвался еще один крик, и все тело скрутило спазмом.

— Помогите ему!

Холод замотал головой.

— Не знаю, что с ним.

Я скатилась с кровати, но не успела до него дотронуться, как кожа у него будто лопнула, и тело потекло словно вода — если бы вода могла кричать, и корчиться, и истекать кровью.

Холод успел схватить меня за руку и оттащить от Дойла.

— Мы не знаем, в чем здесь дело.

Я не сопротивлялась, потому что Холод был прав. Я просто съежилась у него в руках, не зная, что делать. Вроде бы я — принцесса фейри, а могла сейчас только сидеть и смотреть, как сильное тело Дойла превращается в массу мокрых от крови мышц и влажно блестящих на воздухе костей.

Дойл закричал опять, и я закричала тоже. В спальню с мечами и пистолетами сбежались все — и никто не знал, чем тут помочь. Я взмолилась, точно как за Никку, но на сей раз из чаши не полился свет. Ничего не изменилось, только Дойл бился в судорогах и кровавая лужа все шире расплывалась по ковру.

Холод отполз подальше от края лужи. При этом он на миг потерял равновесие и выпустил мою руку, а я поступила очень глупо — наперекор всякому здравому смыслу, — но иначе поступить не могла. Я должна была потрогать то, что лежало на ковре, потому что это не мог быть Дойл. Эта извивающаяся масса мышц, костей и жил не могла быть моим высоким красивым Дойлом. Просто не могла.

Мои пальцы уткнулись в теплое влажное мясо, не в кожу. То, чего я коснулась за миг до того, как Холод отдернул меня прочь, прежде было где-то глубоко внутри тела, ничья рука не должна была этого трогать.

Холод с ужасом смотрел на кровь у меня на пальцах.

— Не надо так больше, Мерри.

— Это что, шерсть? — спросил Рис, ткнув бледным пальцем.

Я оглянулась на то, что осталось от Дойла, и поначалу ничего не увидела. А потом среди остатков темной кожи разглядела такую же темную шерсть, медленной волной укрывающую грудку мяса, прежде бывшую человеком. Шерсть затопила блестящие кости, и они, скрытые от глаз, немедленно принялись ворочаться и перестраиваться, рокоча как камни. Из хаоса шерсти и костей возникла пасть — и она испускала человеческий вопль.

Когда же все кончилось, в луже крови и лимфы на боку лежал огромный черный пес. Я напрасно пыталась уместить это в мозгу, отыскать в мохнатой твари что-то от Дойла — это был пес, самый настоящий. Огромный и черный, похожий на мастиффа. Я припомнила призрачных псов, что соткались в моем видении из теней деревьев. То, что лежало перед нами, было их близнецом.

Огромная косматая голова чуть приподнялась, но тут же бессильно упала обратно. Я хотела ее погладить, но Холод мне не дал.

— Пусти меня, — сказала я.

Рис присел возле задних лап собаки.

— Собачий облик Дойла. Я думал, что больше его не увижу. — Он протянул руку, в которой не держал пистолет, и погладил мохнатый бок.

Пес поднял голову, посмотрел на Риса и опять повалился на ковер, словно движение отняло слишком много сил.

Я глядела на мохнатую тварь и была невероятно счастлива, что Дойл жив, а не валяется грудой мяса, и мне плевать было, собака он или кто. Это было настолько лучше того, чего я боялась! Он не умер. А я давно уже знала, что пока есть жизнь — есть надежда. Только в

смерти надежды нет. Я искренне верила в реинкарнацию, я знала, что в другой жизни встречу своих мертвых снова... Но это было слабым утешением в восемнадцать лет, когда погиб мой отец. И вряд ли стало бы утешением, если бы Дойл превратился в нечто такое, что нельзя вылечить, а можно только прикончить из жалости.

— Пусти меня, Холод!

Страж нехотя освободил меня.

— Ты меня слышишь, Дойл? — спросила я.

— Я все тот же, Мерри. — Голос у него был ниже обычного, отдавал рычанием, но определенно это был его голос.

Я подползла к Дойлу на коленках, проваливаясь в мокрый ковер. Кровь уже остывала. Я потрогала длинное шелковистое ухо, и Дойл ткнулся огромной головой в мою ладонь.

Рис гладил его по лохматому боку.

— Всегда вам, оборотням, немножко завидовал. Думал, что, должно быть, здорово иногда побыть зверем. — Он задержал руку на груди Дойла, над сердцем, как будто слышал что-то еще, кроме его гулких ударов. — Но мне не случалось видеть такого болезненного превращения.

Я провела рукой по теплой и на удивление сухой шерсти — как будто она не выплыла из-под всей этой крови. Впрочем, может, и не выплыла. Я не слишком хорошо представляла, как происходит метаморфоз, да и никто не представлял. Способность менять облик была едва ли не первым, что потеряли фейри с исходом из Европы. Те из нас, кто хоть и бежал в Америку, но держался все время в наших полых холмах, многое со временем вернули, но мало кто из фейри не был чуточку ретроградом — они недолго любили современную науку, а то и просто в нее не верили. Так что ученые это явление не исследовали.

Шерсть была невероятно густая и мягкая.

— Превращение бывает таким трудным, когда один сидхе заставляет другого превратиться против его воли.

Моя рука скользнула по шерсти и наткнулась на руку Риса. И от этого легчайшего касания по всей руке, по плечу и груди пробежала дрожь — мускульный спазм, одновременно приятный и болезненный. У меня перехватило дыхание, я большими глазами уставилась на Риса.

Грудь Дойла вздымалась и опадала под нашими ладонями, сердце стучало огромным барабаном.

— Магия еще не ушла, — хрипло проговорил Рис.

Дойл перекатился на спину, огромная пасть широко открылась, блеснули зубы размером с небольшие ножи. Мы с Рисом дружно отдернули руки — на случай чего. Ведь Дойл сказал нам всего несколько слов. В животной форме все по-разному сохраняют память о себе самом — кто больше, кто меньше. Я никогда не видела Дойла в другом облике, кроме сидхе.

Дойл вытянул вверх лапы, каждая шире моей ладони. Он зарычал, но в рыке слышались слова:

— Оно растет, растет внутри меня, я чувствую!

А потом собачье тело вдруг лопнуло, как кожура семечка, и из него вырвалось что-то огромное, черное, с шерстью много короче, чем у пса. Нам с Рисом пришлось податься назад. Холод схватил меня в охапку и уволок к стене, очистив пространство для огромного тела, поднимающегося у изножья кровати.

Оно струилось вверх, как джинн из бутылки, вот только бутылкой было тело Дойла. Гигантская черная лошадь за клубилась в воздухе — так мог бы клубиться дым или пар, но твердая плоть в норме не выстреливает фонтаном в воздух и не валит столбом, как дым от костра.

Мэви и Шалфей вошли в дверь как раз вовремя, чтобы увидеть, как конь окончательно обретает плоть. Тело собаки просто исчезло, изошло дымом у громадных копыт коня.

Пес был размером с небольшого пони, а конь — куда крупнее. Запрокинув голову, он едва не ободрал нос о потолок. Шея была потолще моей талии. На ковре оставались отпечатки копыт размером с суповую тарелку. Конь неуклюже переступал длиннющими ногами, и при малейшем его движении все отшатывалось в стороны. Все мои стражи глядели на него во все глаза. Китто, кажется, испугался больше всех. Он пробрался к выходу и, наверное, только загородившие дверь Мэви с Шалфеем не дали ему удрать. Еще одна фобия к списку проблем моего гоблина.

Молчание прервал Шалфей:

— Да будь я проклят!

— Дождешься, — ответил конь. В голосе по-прежнему слышались интонации Дойла, но уже без собачьего рычания. Голос стал выше и утратил звериный тембр. Кажется нелепым, что лошадиный голос звучал более по-человечески, чем собачий, но так оно и было.

Дойл тряхнул гривой такой же черной, как его прежняя шевелюра.

— В этом облике я не бывал со времен Первого заклęcia.

Рис шагнул вперед и потрепал гладкую шею. Лошадиная шкура блестела, как черный самоцвет.

Я тоже попыталась подойти к коню, но Холод меня задержал, крепче прижав к себе голой спиной. Возбуждение у него прошло, я почувствовала. Он прошептал:

— Еще не кончилось, не чувствуешь разве?

— Что?

— Магию, — выдохнул он одними губами.

— Так в тебя вжавшись, я только тебя чувствую. Вы все для меня пахнете магией.

Тут он посмотрел на меня внимательней, и я поняла по его глазам, что эта мысль раньше не приходила ему на ум.

— То есть мы мешаем тебе воспринимать другую магию?

— Да, — кивнула я.

— Это нехорошо, — сказал он.

Я потерлась о него всем телом, и он немедленно отреагировал.

— Мне это нравится, — сказала я. — Мне нравится, что вы со мной.

Не знаю, что он ответил бы, потому что конь попытался встать на дыбы, но места ему не хватало. Он возвышался над нами будто черный демон, копыта молотили по воздуху. Рис бросился прочь, покотился по полу, пока не уперся в чьи-то ноги.

Огромное тело распахнулось посередине, будто черный плащ. Из отверстия высунулись черные крылья, и лошадиное тело тут же изошло черным дымом, а может, туманом.

Когда этот то ли дым, то ли туман рассеялся, на ковре стоял огромный черный орел. Размах крыльев у него был футов восемь, а то и больше. Одно крыло уперлось в стену и подогнулось. Ему здесь было тесно.

Орел был почти с меня ростом. Никогда не видела такую огромную птицу, да еще так близко. Орел глянул на меня искоса черным на черном глазом, и, к моему удивлению, взгляд

был совершенно Дойлов.

Рис наконец сумел встать.

— Прелестно, еще и орел. Не знал, что ты и птицей бываешь.

Черный клюв открылся, мелькнул бледный язык:

— Раньше не бывал.

Голос прозвучал совсем уж высоко, скорее орлиный клекот, чем человеческий голос.

Теперь никто не попытался подойти ближе. Никто не попытался дотронуться до него.

Орел на миг сложил крылья и снова их распахнул, и мощная грудь раскрылась как плащ — Дойл шагнул к нам из сгустка тьмы, который клубился как дым, но пах туманом.

Секунду он постоял перед нами, совершенно голый, и медленно осел на ковер. Я бы рванулась к нему, но Холод меня опять удержал. Никка и Рис подбежали к Дойлу первыми. Он сумел подставить руку и не упасть ничком.

— Как ты, капитан? — спросил Никка.

— Зрелище было — высший класс! — ухмыльнулся Рис.

Дойл попытался улыбнуться, но тут рука у него задрожала и медленно подогнулась.

Дойл лег на бок на ковер. Завязка из его косы исчезла вместе с одеждой, и пряди расплелись, разметавшись по полу.

— Пусти меня, Холод, сейчас же!

— Ты хочешь к нему подойти, — с нескрываемой печалью сказал страж.

Я оглянулась на него:

— Конечно, как к любому из вас, если он ранен.

Холод качнул головой:

— Дойл для тебя не любой.

Я нахмурилась:

— Да, как и ты.

Он опять покачал головой и нагнулся, прошептав мне прямо в лицо:

— С тех пор, как он делит твою постель, ты от меня отдалилась. — Он выпрямился и отпустил меня. Я видела, как он собирается на глазах в высокого, красивого Холода. Величественного, бесстрастного, с гордой осанкой и надменным лицом. Только в глазах так и остались страдание и злость.

Я трянула головой:

— Сейчас не время.

Он смотрел в сторону, будто меня и не было.

Я повернулась к остальным:

— Рис, с Дойлом ничего страшного?

— Не-а, просто упадок сил. Это все то первое превращение — он сопротивлялся как проклятый.

Дойл произнес тихо, но отчетливо:

— Чем меньше я сопротивлялся, тем легче все проходило.

— Хорошо. Поднимите его на кровать, ему нужно отдохнуть, — велела я и снова повернулась к Холоду. Глядя ему прямо в глаза, я сказала: — Потом все уйдут, кроме Дойла, Риса и Холода.

Тут все принялись переглядываться.

— Давайте, ребята. Не тяните.

Я тоже устала. И не только физически. А еще с меня хватило. Хватило моего

великолепного Холода. Я решила прибегнуть к грубой правде, потому что все прочее я уже попробовала.

Наверное, что-то такое было у меня в голосе, потому что никто не стал спорить. Приятно для разнообразия.

Когда дверь за ушедшими закрылась, а Рис устроил Дойла на кровати, я занялась Холодом.

— В других обстоятельствах я поговорила бы с тобой наедине, но только почему-то никто из вас не хочет меня слушать, пока мои слова не поддержит кто-нибудь еще из стражей. Я хочу, чтобы ты правильно меня понял, Холод.

Страж окатил меня ледяным взглядом:

— Я понял, что сегодня в твоей постели будет Дойл.

Я покачала головой.

— Нет, Холод. Проблема не в Дойле в моей постели, проблема в тебе.

Он смотрел куда-то вдаль, изображая внимание, но ничего вокруг не видел и не слышал. Я крепко стукнула его в грудь — до лица мне было не достать. От неожиданности он посмотрел на меня, и на миг я разглядела у него в глазах настоящее чувство. Но миг прошел, и он опять превратился в надменную статую.

— С этими надуванием губ пора кончать.

Он холодно на меня глянул:

— Я не надуваю губы.

— Надуваешь. — Я повернулась за подтверждением к Дойлу и Рису.

Рис укрывал своего начальника одеялом.

— Надуваешь, — кивнул он.

Дойл не повернул головы — может, даже такое движение было ему непосильно.

— Увы, старина, надуваешь.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — заявил Холод.

— Стоит задеть твои чувства, и ты обижаешься. Померещится тебе, что кто-то может занять твое место у меня в сердце, — и ты обижаешься. Проигрываешь в споре — обижаешься.

— Я не обижаюсь.

— У тебя прямо сейчас на лице обиженная гримаса.

Он открыл рот от удивления.

— Это не обида. Обижаются детишки, воины так не поступают.

— Тогда как ты называешь свое поведение? — спросила я, уперев руки в боки.

Он немного подумал и сказал:

— Я просто веду себя в соответствии с твоими поступками. Если ты предпочитаешь мне Дойла, я ничего не могу поделать. Я предложил тебе лучшее, на что способен, и этого оказалось мало.

— Любовь — это не только секс, Холод. Вот это мне от тебя не нужно.

— Что — это?

— Это. — Я ткнула пальцем ему в грудь. — Эта поза холодного безразличия. Мне нужно, чтобы ты был собой, самим собой. Настоящим.

— Настоящий я тебе не нравлюсь.

— Неправда. Я люблю тебя настоящего, но тебе нужно перестать обижаться на каждую мелочь. Перестать дуться. — Я отступила на шаг, чтобы смотреть ему в глаза, не задирая

шею. — Я слишком много думаю о том, как бы не задеть твои чувства. Мне нельзя так отвлекаться на твои переживания, Холод.

Он отошел от стены.

— Понимаю.

— Куда ты? — удивилась я.

— Ухожу. Ты же этого хочешь?

Я повернулась к стражам:

— Объясните ему, а?

— Она не хочет, чтобы ты уходил, — сказал Рис. — Она тебя любит. Больше, чем меня, к примеру. — У него в голосе обиды не было, просто констатация факта. Я не дернулась возражать, он говорил правду. — Но каждый раз, натягивая эту высокомерную мину, ты отталкиваешь Мерри. Она отдалается от тебя, когда ты дуешься.

— Высокомерная мина, как ты ее называешь, только и спасает мой рассудок от штучек королевы.

— Я не королева, Холод, — напомнила я. — Мне не нужны мальчики для развлечений. Мне нужен король рука об руку со мной. Мне нужно, чтобы ты повзрослел.

Глупо говорить, что пора повзрослеть, мужчине, который старше меня на века. Но приходится, к сожалению.

Дойл заговорил, не поднимаясь с подушек, и слышно было, что говорить ему трудно:

— Если б ты справился со своими эмоциями, ей бы не нужен был никто другой. Стоило тебе понять это вовремя, и никакого соревнования между нами не было бы.

Я в этом не была так уверена, но говорить это вслух не стоило. Я промолчала.

— Какая разница, кого она любит, если нет ребенка! — бросил Холод.

— Для тебя разница есть, судя по твоему поведению. — Дойл закрыл глаза, будто заснул.

Холод растерянно нахмурился:

— Я не знаю, как с этим справиться. Этим привычкам сотни лет.

— Давай так решим, — предложила я. — Как только ты начнешь надувать губы, я тебе скажу, а ты попытаешься остановиться.

— Не знаю...

— Попробуй, — сказала я. — Просто попробуй, больше я ничего не прошу.

Лицо у него стало очень серьезным, он кивнул:

— Попробую. Вы не убедили меня, что я дуюсь, но я попробую этого не делать.

Я его обняла. Он улыбался, когда я его отпустила.

— Ради твоего взгляда я бы пошел на целое войско. Разве это не важнее, чем какие-то эмоции?

Если кто-то думает, что биться с целым войском проще, чем разобраться в собственных чувствах, то ему пора к психиатру.

Но это мнение я тоже оставила при себе.

Наутро золотая богиня Голливуда рыдала за нашим обеденным столом. Может, виноваты были гормоны беременности, а может, и нет. Мэви любила делать вид, будто мозгами в семье обладал Гордон, но когда ей было нужно, соображала она очень хорошо. Ум у нее был холодный и очень опасный. Ее проще было раскусить, когда она пыталась соблазнить, а вот когда она действовала по расчету... Рыдания могли быть искренними, а могли быть попыткой манипулирования. Я не хотела ей плохого, но в каком-то смысле лучше бы она рыдала по-настоящему, чем пыталась применить ко мне свои способности. Она опять стала богиней Конхенн, а перед ней веками не могли устоять мужчины и женщины посильнее меня.

Я остановилась в дверях, раздумывая, не сбежать ли, но не успела. Мэви подняла голову, обратив ко мне заплаканные прочерченные молниями глаза. Волосы у нее оставались золотистыми, как обычно под гламором, но глаза были настоящие. Ну разумеется, кожа у нее нисколечко не подурнела — она же благая сидхе. Разве ей хватит такта покрыться пятнами или завести круги под глазами? И нос у нее не покраснел абсолютно, хоть она и вытирала его салфетками "Клинекс". У меня нос краснеет, когда я плачу, и глаза тоже краснеют. Мэви, наверное, могла рыдать годами и выглядеть все так же безупречно.

Она промокнула глаза.

— Ты оделась на выход?

На голос слезы подействовали в отличие от кожи. Она гнусавила, будто не один час прорыдала. Мне почему-то стало легче от того, что с голосом ей не так просто управляться, как с кожей. Мелочность, да; можно даже сказать — стервозность, но вот такая я.

Она отметила, что я оделась для выхода, а не что я оделась к лицу. Похоже на замаскированное оскорбление. Если фейри потратил время на возню с гардеробом, то не сделать ему комплимент — оскорбление, если только не считаешь, что он явно промахнулся с выбором. Сегодня я одевалась очень тщательно. Я знала, что мне предстоит встреча не только с тетужкой, но и с репортерами. Эти нас поджидали везде, куда бы мы ни пошли.

Длинная черная юбка обтягивала мне бедра и расширялась книзу, а ткань была из искусственных волокон — чтобы не помялась в самолете. Черный кожаный ремень с такой же пряжкой туго перехватывал талию. Черный жакетик-болеро наброшен поверх блузочки из зеленого шелка со спандексом. Старинные золотые серьги с изумрудами создавали дополнительный зеленый акцент. Сапожки до середины икры на трехдюймовых каблуках: черная кожа просто сияет. Я решила, что изумрудная блузка подчеркнет зелень моих глаз, а ее обтягивающая ткань и полукруглый вырез позволят похвастаться бюстом. Я бы и юбку покороче надела, но не в январском Сент-Луисе. Риск обморозиться перевесил желание показать ножки. Впрочем, юбка была двуслойная, и даже нижняя юбка развевалась при ходьбе, а уж верхняя просто летела по воздуху от малейшего ветерка.

Я думала, что хорошо выгляжу — пока не услышала очень уж продуманную фразу Мэви.

— Похоже, ты мой наряд не одобряешь, — сказала я, снимая чехол с чайника. Гален весь Лос-Анджелес оббегал в поисках чехла для чайника, достойного кухни богини. Стражи обычно пили за завтраком крепкий черный чай — все, кроме Риса. Этот считал, что крутые детективы чай не пьют, так что пил кофе. Ему же хуже, мне чаю больше останется.

Мэви воззрилась на меня, едва ли не шокированная:

— Я порой забываю, что самые важные для формирования годы ты провела среди людей. Впрочем, ты даже для людей слишком прямолинейна. — Она опять промокнула глаза, хотя слезы из них уже не текли, только на щеках еще оставались влажные полоски. — Ты не поддерживаешь игру.

Я насыпала в чай сахар, налила сливок и размешала.

— Какую именно?

— Я на тебя зла и потому намекнула, что ты недостаточно хорошо выглядишь. Ты не должна была переспрашивать, чем мне не понравился твой наряд. Ты должна была заволноваться, что я нашла твой наряд неудачным. Это должно было тебя грызть, должно было подорвать твою уверенность в себе.

Я отпила чаю.

— А зачем тебе это нужно?

— Это ты виновата в том, что случилось ночью.

— В чем виновата?

Она едва не всхлипнула в голос.

— В том, что я переспала с этим... с этим лжесидхе.

Я не сразу поняла, о чем она говорит.

— Это ты о Шалфее?

Она кивнула, и тут уже слезы потекли. Не просто потекли — она уронила голову на светлую столешницу и разрыдалась так, словно душу выплакивала.

Я поставила чашку и подошла к ней. Не могла я спокойно слушать эти рыдания. Я их наслушалась уже за недели после смерти Гордона, но в последнее время она плакала реже. Чему я была рада. В сказках часто говорится о горькой доле несчастных смертных, влюбленных в нестареющих существ, но Мэви показала нам обратную сторону такой любви. Когда бессмертное существо влюбляется в смертного — бессмертному приходится хуже. Мы умираем, а они нет. Простая жуткая правда. Глядя, как Мэви убивается по Гордону, я думала, во что я влипаю, выбирая мужа-сидхе. Ведь кого бы я ни выбрала, рано или поздно он станет вдовцом. Этого не избежать. Не самая приятная мысль.

Я тронула ее за плечо, и она всхлипнула громче.

— Шалфей что-то тебе сделал? — спросила я, тут же поняв, как глупо это прозвучало.

Мэви подняла голову ровно настолько, чтобы окатить меня презрительным, хоть и заплаканным взглядом.

— Он ничего не может сделать принцессе Благого Двора, — прогундосила она.

— Конечно, нет, прости, что спросила. — Я потрепала ее по плечу. — Но если он не сделал тебе больно, почему же ты плачешь? Вряд ли секс был так плох.

Она зарыдала в голос, закрыв лицо ладонями. Кажется, она выкрикнула что-то вроде "Он был чудесен", но слишком уж неразборчиво, чтобы я была уверена.

Я никак не могла понять, чем она так расстроена, но она явно страдала. Я обняла ее за плечи и прижалась щекой к волосам.

— Но если все было чудесно, зачем же плакать?

Она что-то ответила, но я опять не разобрала.

— Прости, Мэви, я не слышу, что ты говоришь.

— Не могло оно быть чудесно!

Хорошо, что она на меня не смотрела, потому что лицо у меня наверняка было совершенно растерянное.

— Ты впервые за целый век ощутила вкус плоти сидхе. Конечно же, это было чудесно! Она отняла ладони от глаз и повернулась ко мне, так что мне пришлось шагнуть назад.

— Ты никак не поймешь, — сказала она. — Он не сидхе! Это обман, иллюзия — как та ваша яблоня, выросшая у меня в доме. Утром она развеялась.

— Та яблоня?!

Она кивнула.

Я не удержалась от недоверчивой гримасы:

— Но я ее трогала — листья, цветы, кору. Я запах вдыхала. Она была настоящая! Иллюзия может что-то скрыть или заставить принять один предмет за другой, но создать что-то на пустом месте иллюзия не может. Она должна отталкиваться от чего-то настоящего.

— Как правило, так. Но когда-то сидхе умели творить такие иллюзии, что о них можно было лоб расшибить. Ты, может, думаешь, что воздушные замки — это просто сказочки? Когда-то сидхе их строили. Мы могли творить предметы из ничего. Создавать из одной магии вещи не менее реальные, чем все на земле.

— Так, значит, дерево было настоящее, — медленно проговорила я.

— Настоящее — пока действовала магия. Если б оно успело дать плоды, можно было бы наесться яблоками. Именно так нас кормили волшебные животные: их было немного, но они возникали заново, когда их съедали.

— Я знаю, что подобные иллюзии возможны, но отец говорил мне, что способность их производить исчезла уже очень давно.

Мэви кивнула:

— Давно.

— То есть этот дар возвращается к нам вместе с прочей магией?

— Да. — Тут она улыбнулась довольно бледной копией той улыбки, что сверкала в сотнях блокбастеров за десятки лет до того, как появилось слово "блокбастер". Она взяла меня за руки. — Ты нам его вернула, Мерри, ты и твое волшебство.

— Нет, — покачала я головой. — Нет, не я — Богиня. Без ее божественной помощи я бы ничего не сделала.

— Ты слишком скромна, — сказала она.

— Может быть, — согласилась я и не удержалась, чтоб не добавить: — Впрочем, при таком дурном вкусе к одежде скромной быть нетрудно.

Она отвела взгляд:

— Прости... Мне хотелось тебя задеть.

Я сжала ее руку и отняла у нее свои ладони.

— Почему?

— Потому что я винила тебя в том, что поддалась Шалфею.

— Если верить Рису, поддался скорее Шалфей.

Она по-настоящему покраснела.

— Верно. Противно, но верно. Я увидела, как он сияет в темноте. Он светился как золотая луна. И я... — Она отвернулась, пряча от меня лицо. — Он же не из твоей стражи. Я подумала, что он мне не откажет, и не ошиблась.

— Ты его соблазнила, у вас все отлично получилось, а теперь у тебя приступ утреннего раскаяния?

— Глупо, да?

— Фейри не раскаиваются в сексе, Мэви.

— Ты толком не жила при Благом Дворе, Мерри. Ты не знаешь наших правил.

— Я знаю, что вы считаете низшими всех, кроме чистокровных сидхе, как бы они ни были одарены.

Она повернулась на стуле и посмотрела мне в глаза:

— Да, так.

— Не думала, что ты сохранила этот предрассудок.

— И я не думала.

Я сделала еще одну попытку понять:

— Так ты расстроена тем, что тебе понравилось переспать с сидхе не по рождению?

— Я расстроена, потому что Шалфей — не принц двора сидхе, вашего или нашего. Он — эльф-крошка, которого магия превратила в нечто большее, но он не сидхе, Мерри. Он никогда не станет истинным сидхе. Сотни лет спустя он еще не будет сидхе, несмотря на трехцветные глаза.

— Вот видишь, какие они! — сказал появившийся в дверях Холод. Мы обе не слышали, как он пришел, и обе вздрогнули.

На нем была обычная белая рубашка, брюки и галстук, но серебряный галстук сверкал не так ярко, как волосы, струившиеся по плечам. Темно-серые брюки сшиты из плотной ткани, и хорошо сшиты, так что спереди они были просторными, а сзади красиво обтягивали. Я этим зрелищем успела насладиться. Серебряная булавка с алмазом и такие же запонки посверкивали при движении. Привычные мокасины сегодня сменили темно-серые сапоги, большей частью скрытые под широкими брючинами.

— Кто "они"?

— Благие, — сказал он, словно выругался. Именно так благие упоминают обычно неблагих.

Мэви поднялась со стула:

— Как ты смеешь!

— Что смею? — спросил он.

— Как ты смеешь оскорблять Благой Двор!

— Они на наш счет не стесняются, — ответил Холод с не совсем понятной мне злостью. Я только надеялась, что злость не стала заменой детским обидам. Менять одну проблему на другую в мои планы не входило.

Мэви открыла изящный ротик и снова закрыла. Обвинить его во лжи она не могла, потому что он говорил правду. Наконец она проговорила: "Не знаю, что и сказать", — заметно сниженным тоном.

Холод повернулся ко мне:

— Она бы к Шалфею близко не подошла, будь она, как прежде, дамой Благого Двора.

— Ну, не уверена, — сказала я. — Я — живое свидетельство тому, что не одна благая отдавалась чужакам.

Он покачал головой, и его волосы засверкали под светом ярче, чем бриллианты булавок и запонок. С его волосами не могла сравниться никакая драгоценность.

— Уар Чудовищный женился на твоей бабушке, чтобы снять проклятие. Бесаба пошла за твоего отца из-за мирного договора. Поверь мне, Мерри, по своей воле сияющие с нами постель не делят.

— Ну да, кому и знать, как не тебе, Джекки Иней!

Холод изменился в лице, но не отступил. Он повернулся к Мэви и подошел к ней так близко, что — по американским меркам — вторгся в ее личное пространство. Она не отстранилась, и тогда он вторгся в ее личное пространство уже по меркам фейри. Они едва ли не соприкасались телами по всей длине, и было это жутковато, а не эротично. Холод был выше Мэви, но всего на пару дюймов. Они смотрели друг другу в глаза, как равные противники.

Мэви смотрела в глаза Холоду, но обращалась ко мне:

— Он не всегда был сидхе, знаешь? — В спокойном голосе чувствовалась ненависть, как чувствуется в воздухе надвигающаяся гроза.

— Да, — сказала я. — Я знаю о происхождении Холода.

Она поглядела на меня с явным удивлением:

— Он бы не рассказал тебе сам.

Я качнула головой:

— Он мне даже показал — своим волшебством. Я видела, как он танцевал на снегу. Я знаю, кто он сейчас и чем он был, и для меня это ничего не меняет.

Красивое лицо отразило уже не удивление, а шок. Она шагнула ко мне и взяла за руку:

— Конечно же, меняет. Ты думала, что спишь с сидхе, а он всего только одушевленная горстка льда!

Я посмотрела на ее руку, должно быть, со всей неприязнью, какую начинала чувствовать, потому что руку она тут же убрала.

— Ты правда так думаешь... Для тебя это ничего не меняет.

Я мотнула головой:

— Ничегошеньки.

— Не могу понять... — озадаченно сказала она.

— Только этой ночью ты снова стала Конхенн. Ты впервые за сотню лет переспала с сидхе. И вот ты проснулась поутру — и в тебе ничего не осталось от Мэви Рид. Ты говоришь точно как дамочка из Благого Двора. Никогда не понимала, почему благие усвоили викторианские взгляды на секс — это так не по-эльфийски!

— Конечно, не понимаешь. Откуда тебе понять? Спать с человеком — еще приемлемо, но не с эльфом-крошкой. Желание перевесило вчера мой здравый смысл. Я была опьянена магией. А теперь протрезвела.

— Но тебя изгнали из Благого Двора, Мэви, а Неблагой Двор не обращает внимания на происхождение, только на результат. Важно не откуда ты взялся, а чем ты можешь быть полезен.

Она качнула головой:

— Сегодня у меня никак не получается спрятать глаза. Я не могу заставить их скрыться под гламором, и я не знаю почему. Я десятки лет носила гламор, я к нему привыкла, будто к своему настоящему внешнему виду. И вот я не могу защитить им глаза. Ты дала мне силу, Мерри, но и отняла кое-что.

— Так, значит, я виновата в том, что ты трахнулась с Шалфеем?

— Может быть, — сказала она, но слова прозвучали неуверенно. На самом деле она так не думала.

— Не имеет значения, что о тебе подумают при Благом Дворе, Мэви. Если ты туда и вернешься, Король Света и Иллюзий тебя уничтожит. Но тебя с радостью примут при Неблагом Дворе. Ты можешь поехать с нами и сегодня же оказаться в самом сердце

волшебной страны. — Я смотрела ей в лицо и успела заметить вспыхнувшее в глазах желание прежде, чем она успела его скрыть. Она вежливо улыбнулась:

— Я благая сидхе, Мерри.

— И я принадлежал когда-то к золотому двору, — сказал Холод.

— Никогда ты к нему не принадлежал, Джекки Иней, никогда!

Он улыбнулся очень холодно.

— Позволь я перефразирую. Когда-то меня с трудом терпели при дворе красоты и иллюзий. Терпели, потому что моя сила росла, когда силы остальных таяли. Я рос благодаря людским верованиям, а не стараниями кого-то из сидхе. Обо мне люди помнили, даже когда позабыли всех ваших дивно-прекрасных богов. Крошка-мороз, Джекки Иней, Джек Холод.

Он опять шагнул к Мэви, и на этот раз она не удержалась и попятилась — самую малость.

— Но кто помнит теперь о Конхенн? Где все стихи и песни, что тебе пели? Почему помнят обо мне, а тебя забыли?

— Не знаю, — прошептала она.

— И я не знаю, но так оно есть. — Он наклонился к самому ее лицу, чуть ли не к губам. — Они меня помнят, хотя забыли почти всех. Загадка.

Он начал светиться, словно в нем спряталась луна; свет вспыхнул в глазах, посеребрив их почти до оттенка его же волос. Волосы сияющим ореолом взметнулись вокруг тела под исходящим от него волшебным ветром. Он стоял перед Мэви, словно греза, отлитая из расплавленного серебра.

Так близко от его магии она не могла ему не ответить. Слишком долго она жила без прикосновений сидхе. Такую жажду не утолить за одну ночь, и нескольких касаний магии недостаточно. Такой голод много сильнее.

Ее магия выплеснулась золотистой вспышкой, отбелила ее волосы, заставила их разметаться по воздуху. Холод стоял к ней так близко, что их сила перемешивалась, золото и серебро сплавлялись воедино между их телами. От божественности здесь не было ничего, просто сила сидхе.

Я смотрела на них и думала, что понимаю своих предков-людей, считавших сидхе богами. В наше время их, наверное, приняли бы за ангелов — а может, за пришельцев с Марса. Я смотрела на их сияние и даже сквозь сияющий ореол различала откровенное желание на лице Мэви. А на лице Холода было только удовлетворение.

Он наклонился, прижавшись к ней сияющими губами. Поцелуй был вполне целомудренным — физически, — но магия ударила в Мэви копьем серебряного света. Длинный луч силы едва ли не рассек пополам золотистое сияние. На миг оно потемнело в центре — вспыхнуло как настоящий костер, красным и оранжевым. Но Холод тут же отстранился, шагнул назад, оставив ее сиять в одиночестве.

— Ты мне не отказала бы. Даже сейчас, когда воспоминание о Шалфее грызет твою душу.

Его магия схлынула, оставив ему его обычную бледную красоту, но уже не победительное сияние.

Магия Мэви чуть поблекла, когда она ответила:

— Я могла бы взять в постель кого-то из малых фейри в любой день из прошедшего века. Изгнанника, такого же, как я. Я этого не делала, потому что надеялась, что однажды двор узнает об измене Тараниса, и я вернусь, когда он умрет. Любовников-людей мне бы

простили, благие всегда любили развлечься слюдьми под покровом тьмы. Но до малых фейри опускаться нельзя — если хочешь сохранить репутацию при Высшем Дворе фейри.

— Есть и другой Высший Двор, — напомнил Холод.

Она качнула головой:

— Нет. Для меня — нет.

На это головой покачал он:

— У нас такие высказывания в ушах навязнут во время визита к Благому Двору.

— Ты многое забыл, Холод. Мои соплеменники способны и не на такие высказывания.

Страж вздохнул:

— Я помню даже слишком хорошо, Мэви. — Он погрузился на миг. — Не хочу туда возвращаться и видеть, как они посматривают на нас свысока.

— Ну так останься здесь, со мной. — Она повернулась ко мне: — Не едь туда, Мерри. Таранис не просто так хочет, чтобы ты приехала. Он ничего не делает просто так, а его мотивы вряд ли тебе понравятся.

— Знаю, — сказала я.

Она сжала руки в кулаки:

— Так зачем тогда едешь?

— Затем, что она будет королевой Неблагого Двора, а начинать царствование с демонстрации страха перед Таранисом недопустимо, — ответил появившийся в дверях Дойл.

— Но вы и вправду боитесь Тараниса, — сказала Мэви. — Все его боятся.

Дойл пожал плечами. На нем были заправленные в сапоги до колена черные джинсы, черная футболка и черная кожаная куртка. Даже пряжка на ремне была черная. Только украшавшие острые уши сережки были серебряные, а в мочках — по крупному бриллианту.

— Боимся или нет, а на лицах должна быть только храбрость.

— И ради этого стоит умереть? Стоит дать убить Мерри? — Она довольно театральным жестом указала на меня. Ну, в конце концов, она актриса. Впрочем, сидхе любят позу даже без профессиональной подготовки.

— Королева Андаис убьет его, если он убьет Мерри.

— Он выпустил Безымянное только чтобы убить меня и сохранить свой секрет. Ты правда думаешь, что его остановит угроза войны между дворами?

— Я не говорил о войне, Мэви.

— Ты сказал, что королева убьет Тараниса, это означает войну.

Дойл покачал головой.

— Я думаю, что в случае убийства наследницы Андаис сделает одно из двух: либо вызовет его на личный поединок, чего Таранис не захочет, либо пошлет к нему убийцу тайно.

— То есть Тараниса убьешь ты, — расшифровала Мэви.

— Я больше не Мрак королевы. — Дойл подошел ко мне. — Я слышал, у ее гвардии новый капитан.

— Кто? — спросил Холод.

— Мистраль.

— Громовержец... Но он давно в опале.

Дойл кивнул.

— И все же теперь он ее первый рыцарь.

— Он не убийца, и действовать тайно он не способен. Он приходит с ветром и свистом,

как его тезка, — с явным пренебрежением заметил Холод.

— Зато Шепот способен, — сказал Дойл.

Холод удивился и замолчал, Мэви нахмурилась:

— Мне эти имена не знакомы.

— От былой их славы мало что осталось, — сказал Дойл. — Теперь они носят эти имена.

— Шепот, — повторил Холод. — Я думал, он потерял рассудок.

— Я тоже это слышал.

Мистраля я помнила. Он был как раз такой, каких королева терпеть не могла, — шумный, самодовольный, легко вспыхивающий и злопамятный. Настоящий буян, но слишком могущественный, чтобы отказать ему в просьбе принять к темному двору после того, как его выкинули из золотого. Королева никогда не отказывала в приеме могущественным, но любила их не слишком и даже использовала нечасто. Она умела устроить так, чтобы они сидели в дальнем углу и не лезли на глаза.

Мистраль был в опале всю мою жизнь, так что я с трудом припоминала его лицо и не была уверена, довелось ли нам хоть раз говорить. Отец считал его глупцом.

— Не припомню стража по имени Шепот, — сказала я.

— Когда-то он не угодил королеве, — объяснил Дойл, — и она его наказала. Она послала его к Иезекиилю в Зал Смертности на... — Он нахмурился и глянул на Холода: — На сколько? На семь лет?

— Кажется, да, — кивнул Холод.

Я поперхнулась и не сразу смогла заговорить.

— Его послали на пытку на семь лет? — Голос прерывался от ужаса. Я бывала в Зале Смертности. Я точно знала, как искусен в своем ремесле Иезекииль, и семи лет его заботы просто не могла вообразить.

Они оба кивнули.

Даже Мэви побледнела. Благой Двор не одобряет пытки, во всяком случае — прямые, в каких Иезекииль был искусником. У них есть много более изящные способы, магические — менее непосредственные, менее грязные. Можно заставить человека извиваться от боли, и не марая рук. Королева Андаис предпочитает дерьмо называть дерьмом. Пытка — дело грязное, иначе что в ней толку?

— Я слышала жуткие истории о вашем Зале Ада.

— Видишь, Таранис даже термины заимствует из религии, что терзала и преследовала наших приверженцев, — сказал Холод. — Его двор обезьянничает с людьми.

— Да, с людей века восемнадцатого, а то и пораньше, — поправила я.

Холод пожал плечами, будто несколько столетий разницы погоды не делают.

— Зовите его как угодно, но если ваша королева назначает такие кары — это гарантия, что я не захочу быть принятой к ее двору.

— Чем же он заслужил семь лет у Иезекииля? — спросила я.

— Не думаю, что кто-то знает, кроме самой королевы и Шепота, — ответил Холод.

Я взглянула на Дойла:

— Ты был ее правой рукой не меньше тысячи лет. Ты с ней практически не расставался, пока она тебя не послала за мной в Лос-Анджелес. Ты-то все знаешь, правда?

Он негромко вздохнул.

— Если бы она хотела, чтобы это кто-то знал, она бы рассказала сама. Я не стану

подвергать вас опасности, выдавая эту крупицу правды.

Я не настаивала. Не хотелось бы дать Андаис повод и нас послать в Зал Смертности. Я спокойно доживу до конца своих дней, и не зная, чем Шепот заработал семь лет пыток, только бы мне самой не пришлось слышать сладострастное пришепетывание Иезекииля — пусть всего минуту.

Холод повернулся к Мэви:

— Ты не хочешь поехать с нами к Неблагому Двору, хотя знаешь, что Таранис может снова попытаться тебя убить, едва за нами закроется дверь.

— В аэропорту вы передадите меня новым телохранителям.

— Таким же людям, как те, кто едва не погиб, спасая тебя от Безымянного? Как те, кого перебили бы всех до одного с тобой вместе, если бы мы не пришли на помощь?

— Мы сядем на самолет одновременно с вами и улетим за границу, подальше от короля и от его власти.

— Может быть, она окажется в большей безопасности, чем мы, Холод. Потому что мы полезем в самое его логово, в средоточие его силы.

— Но при Неблагом Дворе, под защитой королевы, ей было бы все же меньше риска, — возразил Холод.

— Мы это уже обсуждали, — сказал Дойл. — Все решено.

Холод опять посмотрел на Мэви:

— Не в том дело, что тебе противен Неблагой Двор, и даже не в том, что ты его боишься — нас боишься. Ты боишься другого: вступив под темные своды и оказавшись снова в волшебной стране, ты не уйдешь оттуда.

— Андаис может посадить меня под стражу — для моей же безопасности, разумеется, и даже вы не сможете меня освободить, — сказала Мэви.

— Тебе не нужна будет стража, Конхенн, ты просто примешь тьму, поскольку свет тебя отверг. Немало благих лордов и леди узнали, что тьма и вполонину не так ужасна, как они думали, и вдвое менее опасна, чем им говорили.

Холод шагнул к ней, а она на шаг отступила.

— Они приняли тьму, потому что у них не оставалось выбора, — едва выговорила она. — Либо тьма, либо вечное изгнание из волшебной страны.

— Вот именно, — подтвердил Холод. — Среди нас нет пленников. Шепот мог покинуть Неблагой Двор. Королева не преследовала бы его, потому что знает: сидхе, покинувший Неблагой Двор, места себе не найдет. Нигде в волшебной стране его не примут. Мы подчиняемся королеве не потому, что лишены своей воли, а потому, что даже семь лет пыток лучше изгнания — а ведь именно так обошелся с тобой твой король.

Она выбежала из кухни, но я успела заметить слезы у нее на глазах.

— Это обязательно было говорить? — спросил Дойл.

Холод кивнул.

— Да. Думаю, да. Она подвергает себя опасности, отказываясь поехать к Неблагому Двору. Это глупо.

— Не настолько глупо, как по собственной воле войти в Благой Двор, — заметил Дойл.

Двое мужчин обменялись взглядами, в которых промелькнуло что-то мне неясное. Плечи Холода слегка ссутулились, но он снова выпрямился и сказал:

— Эта идея тоже не из удачных.

— Да, ты говорил.

Холод повернулся ко мне.

— Я пойду туда с Мерри, но удовольствия мне это не доставит. — Он улыбнулся, но задумчиво, с такой грустью, что у меня сжало сердце. — И боюсь, моя прекрасная принцесса, что и тебе тоже.

Я бы с ним поспорила, если б могла, — только я была с ним согласна.

— Вначале мы посетим Неблагой Двор, Холод, а потом двор гоблинов и только после — Благой Двор.

Он покачал головой, и улыбка стала еще горше.

— Буду надеяться, что зрелище гоблинского двора станет худшим в этой поездке, но боюсь, никакой ужас не сравнится с сияющей красотой, что ждет нас напоследок.

Увы, спорить с ним никто не стал.

Не могу сказать, что частный самолет Мэви Рид был некомфортабельным, потому что он таким не был. Только Дойл — единственный из нас — терпеть не мог летать. Он сразу ушел на свое место, застегнул ремень и мертвой хваткой вцепился в подлокотники откидного кресла. Он изо всех сил зажмурился, вжался в сиденье — и все это только подтвердило, что, случись кому напасть на нас в воздухе, от Дойла много пользы не будет, хотя бы поначалу. Когда я впервые обнаружила, что он боится самолетов, мне было даже приятно. Он стал казаться менее совершенным, не таким уж королевским убийцей, Мраком королевы. С тех пор словно вечность прошла, и такие утешения мне давно не нужны. Сейчас я смотрела на Дойла через узкий проход и видела, как от него расходится напряжение, словно какая-то магическая энергия. Ну, страх тоже может питать магию.

— Я бы спросил, о чем ты думаешь, — сказал сидящий рядом Холод, — но я и так догадываюсь.

Я повернулась к нему, откинувшись на подголовник:

— О чем же я думаю?

— О ком. О Дойле.

Холод не был ни зол, ни обижен. Может, голос не слишком радостный, но обиды не было. Прогресс.

— Я вспоминала, что когда-то из-за страха полетов он казался мне не таким уж идеальным убийцей на службе королевы.

Лицо Холода стало закрываться той самой ледяной маской.

— И только?

Я взяла его за руку.

— Не надо обижаться, Холод. Я правда думала, что единственный случай, когда Дойл может оказаться не на высоте, это если на нас нападут на самолете.

Я видела, как Холод старается проглотить обиду. Он ею едва не давился, но все же попытался проглотить. Так старательно пытался, что я не отважилась сказать, о чем подумала еще: что даже если б я воображала разнuzданные картинki с Дойлом в главной роли, это все равно не Холодово дело. Мне вроде бы полагалось наслаждаться всеми моими стражами. Но я придержала язык. Холод честно старался, и не стоило сейчас обвинять его в собственничестве — очень несвойственном фейри чувстве. Я пожала ему руку и промолчала. Хорошая девочка.

Рис присел передо мной на колени. Он надел повязку на глаз, белую, расшитую жемчугом. Очень подходящую к белому шелковому плащу, широкополой шляпе и кремовому костюму. Единственным цветовым пятном в его одежде был бледно-розовый галстук. Рис походил на помесь мороженщика и киношного детектива сороковых годов. Он даже кудри свои под шляпу затолкал. Без кудрявой шевелюры он выглядел моложе — круглая мордашка и аппетитные губы. Он меня старше на сотни лет, я до его возраста просто не доживу, но сейчас он смотрелся так, словно и за тридцатник не перевалил.

Рис мне улыбался.

— Дойл мне что-то дал для тебя. — Страж оглянулся на своего капитана, так и сидевшего с плотно зажмуренными глазами, и хохотнул. — Он знал, что будет недееспособен.

И Рис вытащил из кармана плаща белый футлярчик для драгоценностей. Моя улыбка испарилась.

— Это обязательно?

— Да. — Он вдруг стал гораздо старше: в красоте он не потерял нисколько, но мальчишеское обаяние исчезло, словно примерещилось.

Холод наклонился к нам и добавил:

— Это кольцо королевы, Мерри. Она сама тебе его дала, это знак, что ты — ее наследница. Ты должна его носить.

— Я не против надеть кольцо, — сказала я. — Но у нас с собой чаша, и я боюсь, что в ее присутствии магия кольца усилится, как всякая другая.

Стражи переглянулись, и по лицам было ясно, что такая мысль им в головы не приходила.

— Черт, — сказал Рис. — И правда проблема.

Холод стал очень серьезен:

— Может, проблема, а может, решение. Когда-то кольцо обладало огромной силой, а не просто выбирало королеве способных к зачатию партнеров.

— Очень интересно, — заметила я. — То и дело слышу, что кольцо — одна из великих реликвий, но никто, даже отец, не говорил, на что же оно было способно.

Я посмотрела на одного стража, потом на другого, а они опять переглянулись. Явно никто из них не хотел пускаться в объяснения.

— Ну? — намекнула я.

Они дружно вздохнули. Рис поудобнее сел на пятки, но футляр открывать не спешил.

— Когда-то кольцо делало Андаис неотразимой для любого мужчины, которого оно признавало.

— Судя по вашим физиономиям, это не самое худшее. А еще что?

Они опять обменялись взглядами.

— Ну, давайте бросайте второй сапог.

— Второй сапог? — не понял Холод.

— Она хочет сказать, говорите начистоту, — перевел Рис, один из считанных стражей, кто не сидел в холмах безвылазно. У Риса был свой дом за пределами страны фейри. Дом с электричеством, с телевизором, со всем, что нужно. Наверное, из всех сидхе только он знал, кто такие Хэмфри Богарт или Мадонна.

— Помнишь, во всех фильмах про Золушку есть момент, когда она появляется в дверях и принц застывает на месте? — спросил меня Рис.

— Помню.

— А потом он идет к Золушке, словно ему ничего больше не остается?

Я кивнула:

— Да.

— Вот настолько неотразимой.

— То есть, если кольцо реагировало на мужчину, он становился кем-то вроде очумелого подростка?

— Не совсем, — вздохнул Рис.

— Не только мужчина, — пояснил Холод.

Я непонимающе на них глядела:

— То есть?

Шалфей пробрался к нам по проходу. Он был одет в брюки Китто и футболку, ради крыльев продранную на спине. В талии он был потоньше Китто, так что ремень ему пришлось туго затянуть. На ноги он надел кроссовки Китто и тоже зашнуровал их как можно туже, потому что нога у него была узкая, уже, чем у гоблина. Еще он набросил на плечи плед, потому что куртку тоже пришлось бы порвать на спине, и теплее от нее не стало бы. Ему нужен был теплый шерстяной плащ особого покроя, давно придуманного в холмах специально для крылатых фейри человеческого роста. Никка тоже замерзнет, когда мы приземлимся. Но мы предупредили встречающих, и плащи они привезут прямо в аэропорт. А пока Шалфей кутался в плед, словно уже замерз. Одежды на его новый размер у него не было.

— Они все пытаются деликатно дать тебе понять, принцесса, что когда-то кольцо подбирало пары.

Я хмуро на него глянула.

— Ох, снова молодость... — Он так вздохнул, словно ничего хорошего в возвращении молодости не было. — Кольцо могло выбрать плодовитую пару хоть через всю комнату, не обязательно было к нему прикасаться. Мужчина и женщина безумно влюблялись друг в друга и жили потом долго и счастливо.

— Как-то мне трудно привязать это "долго и счастливо" к королеве Андаис.

— Она кольцо ценила как оружие или как хороший инструмент. Она объявляла бал, рассылала приглашения всем подходящим сидхе, а нас, малых фейри, звали прислуживать за столом или развлекать гостей. А потом королева вставала у входа в зал и каждой входящей дамы касалась кольцом — и почти всякий раз к этой даме спешил кто-то из мужчин. Двое избранных влюблялись друг в друга без памяти, в ближайшие месяцы зачинали ребенка, женились и были счастливы вовеки. Да, когда-то кольцо подбирало не просто плодовитую пару. Оно делало пару неразлучной. Так мы его и звали — Неразлучное кольцо. Откуда, думаешь, смертные взяли сказку о неразлучных влюбленных?

Я удивленно дернула бровями:

— Как-то я об этом не думала. Я точно знаю, что сказки чаще всего — просто болтовня.

— Но некоторые детали... — Он вытащил руку из-под пледа и помахал желтым пальцем у меня перед носом: — Существенные подробности... Они взяты из нашей истории. Из правдивых рассказов.

Шалфей помрачнел.

— Не все мы родом из Ирландии, Шотландии или вообще с Британских островов. Среди нас есть беглецы чуть ли не со всей Европы.

— Я в курсе, — сказала я.

— Ну так пользуйся своими знаниями. Принц Эссус наверняка говорил тебе, что многие сказки — это переименованные рассказы о реальных событиях.

— Отец говорил, что большинство сказок попросту выдуманы.

— Большинство, — согласился Шалфей, — но не все.

Он опять погрозил пальцем:

— Если чаша вернула полную силу кольцу... — он указал на футляр, — и если здесь, на самолете, летит твой истинный супруг, то ты об этом узнаешь. А если нет — то узнаешь тоже.

Я посмотрела на маленькую коробочку, и она вдруг показалась гораздо важнее, чем за миг до того.

— Королева кольцом так не пользовалась, — сказал Рис. — Для себя — нет.

— Вы ошибаетесь, — тихо сказал Никка из-за наших спин. — Когда пал в битве тот, кого она любила по-настоящему, она выбирала себе любовников с помощью кольца. С его помощью она могла зачаровать мужчину-сидхе, как мы зачаровываем людей.

Я повернулась к Никке. На нем были темно-коричневые, почти черные слаксы и того же цвета сапоги. Волосы струились по обнаженному торсу — крылья у него были еще больше, чем у Шалфея, и хоть мы и попробовали натянуть на него футболку из шелка со спандексом, нам пришлось эту идею бросить. Слишком большие были крылья, и форма неудобная — сплошные выступы и хвосты.

— Когда Овейн погиб, я думал, она сойдет с ума.

Дойл так и не открыл глаз, пальцы впивались в подлокотники, но голос у него звучал вполне нормально.

— Никто не понимал тогда, что у кольца есть еще одно свойство, — продолжил он тем же спокойным голосом. — Надо полагать, оно обеспечивает своего рода волшебную защиту для созданной им пары. Оно гарантирует, что история окончится счастливо, что никаких трагических случайностей не произойдет.

Рис кивнул:

— Кольцо стало терять силу — мы знали об этом уже несколько десятков лет, с тех пор как кончился крахом большой свадебный бал. Дама вошла в двери зала, и никто не вышел ей навстречу. Но никто не осознавал, что кольцо защищает нас от опасностей, а не только дарит счастье и потомство.

— До самой битвы при Родане, — подхватил Холод, — где мы потеряли две сотни сидхе. И многие из них были обручены кольцом.

— Первый случай в истории, когда пара, соединенная кольцом, встретила смерть не в один день, не со спокойной душой, — сказал Дойл.

— Тогда распалась не одна пара, — поправил Рис, — их были дюжины. Никогда не слышал такого плача. — Он покачал головой.

— Кое-кто из потерявших возлюбленного предпочел истаять, — сказал Дойл.

— Покончить самоубийством, ты хочешь сказать, — буркнул Рис.

Дойл приоткрыл глаза, глянул на Риса и зажмурился снова.

— Если тебе так больше нравится.

— Не важно, что мне нравится, это правда.

Дойл пожал плечами:

— Будь по-твоему.

— А кольцо подбирало когда-нибудь для одного сидхе двух или больше партнеров? — подал голос подошедший из хвоста самолета Гален. Вся его одежда была цвета весенней зелени.

— Ты имеешь в виду, нового возлюбленного, если кто-то терял супруга? — уточнил Дойл.

— И это, и буквально — двух и больше партнеров одновременно. То есть что дети рождались у каждой созданной кольцом пары, это понятно. Но подобрать истинную половинку, найти настоящую любовь, не просто зачаровать — с этим у кольца трудностей не было?

Дойл опять открыл глаза и даже повернулся, чтобы взглянуть на Галена.

— Ты не веришь, что половинки существуют, что для каждого есть свой идеальный

возлюбленный или возлюбленная?

Спроси это кто угодно другой, и я подумала бы: что за глупый вопрос?

Гален покосился на меня, но заставил себя встретить темный взгляд Дойла:

— Я не верю в любовь с первого взгляда. Я думаю, нужно время, чтобы любовь окрепла, как крепнет дружба. Вот в вождедение с первого взгляда я верю.

Он подошел к моему креслу. Я чувствовала его присутствие словно тепло костра, хотелось, чтобы он положил руки на спинку сиденья, чтобы это тепло было поближе. Он меня словно услышал: положил руки на спинку кресла, и мне пришлось бороться с желанием уткнуться затылком ему в пальцы. Почему-то теперь, так близко от коробочки с кольцом, я сомневалась, захочется ли мне дотрагиваться до Галена, когда я надену кольцо. Я была почти уверена, что решение не дотрагиваться ни до кого — лучший вариант, пока не станет ясно, как подействовала на кольцо чаша.

— Может, королева даст мне разрешение не носить кольцо, пока мы не доберемся до полых холмов? — спросила я.

— Нет, — ответил Дойл. — Она особо упомянула, чтобы ты его надела.

Я вздохнула. Гнев Андаис вызывать не хотелось. Просто очень не хотелось.

— Ладно, давайте сюда футляр и все отойдите подальше.

— Это ж не бомба, — ухмыльнулся Рис. — Просто кольцо.

Я сердито на него посмотрела.

— После всего, что вы наговорили, я бы лучше бомбу взяла. — Ну, не совсем так, подумала я про себя, но все же...

Я не хотела, чтобы за меня кого-то выбрали прямо здесь и сейчас. Я не знала, кого выберет кольцо и почему. В сердечных делах я магии не доверяла. Черт возьми, я и самим-то сердечным делам не доверяла. Любовь — штука не самая надежная.

Рис протянул мне футляр, и после моего напоминания все поднялись и отошли подальше. А Китто и без того все время сидел в хвосте салона, укрывшись пледом с головой. Прятался. Он боялся металла, боялся современной техники. Но он так многого боялся, что его страх перед самолетами был как-то не очень заметен — по сравнению с Дойлом, который не боялся почти ничего.

Остальные разделились на две группы. Одна собралась у кресла Дойла, который теперь сидел с открытыми глазами, внимательно за всем наблюдая. Другая скучковалась в хвосте самолета.

— Открывай же. — Рис стоял рядом с Дойлом.

— Она боится, — сказал Гален с ноткой той же тревоги, что скребла у меня под ложечкой.

— Чего боится? — удивился Шалфей. — Боится найти свою половинку? Что за глупость! Многие жизнь бы отдали, только бы оказаться на ее месте.

— Помолчи, — сказал Никка.

Шалфей открыл рот, собираясь поскандалить, но тут же закрыл. Вид у него был ошарашенный, словно он сам не понял, почему подчинился приказу Никки.

Я пристально глядела на коробочку у меня в руках, облизывала внезапно пересохшие под помадой губы и никак не могла понять, чего же я все-таки боюсь. Почему мне так страшно узнать, что мой суженый находится здесь, что это один из моих мужчин? Нет, осознала я. Не этого я боюсь. Что, если кольцо не найдет здесь и сейчас моего суженого? Что, если ни один из них мне не подходит? Может, именно поэтому я все еще не беременна?

Я подняла голову, обвела взглядом лица своих мужчин и вдруг поняла, что каким-то странным образом я люблю их всех. И уж точно я всеми ими дорожу. Кроме того, я не знала, как поведут себя Холод или Гален, если кольцо выберет кого-то другого. Оба они ревновали совсем не по-фейрийски. Если избранником будет не Холод... Его обида даже в сравнение не войдет с теми, что мне приходилось видеть.

Мой взгляд задержался на Галене. Я была уверена, что он меня любит, любит по-настоящему и любил даже тогда, когда и речи не шло о том, что я стану наследницей трона. Только он, если не считать Риса, хотел быть со мной еще тогда, когда наша связь не дала бы ему ничего, кроме моего тела... Ну и любви моей, наверное. Гален был истинный романтик. Думаю, он смирился с мыслью не стать моим мужем, не стать моим королем — если я забеременею от другого. Но в глубине души, уверена, он по-прежнему считал, что я — его половинка. Он сумел бы отдать меня другому, но только сохранив в душе мечту о том, как все могло бы случиться.

Я снова посмотрела на футляр. Если кольцо выберет другого, Галену придется искать новую мечту, новую любовь... Новую жизнь.

— Открой ее, — сказал Рис.

Я сделала глубокий вдох и открыла.

Это был тяжелый серебряный восьмигранник, чуть неправильный, будто отформованный всеми пальцами, на которых ему приходилось бывать. Совсем простое кольцо, почти мужское на вид, внутри гравировка на древнегэльском, слишком старом для меня, — но я знала, что там написано. "Вложи".

Ничего опасного вроде бы. И все же... Я осторожно коснулась холодного серебра, и ничего не случилось. Но ничего и не должно случиться, пока кольцо не окажется на пальце. Оно было в этом плане требовательно.

— Нужно надеть его, Мерредит, — сказал Дойл. Я почти приучила их звать меня просто Мерри. И вот — начинается возвращение к придворному этикету. Терпеть его не могу.

— Да знаю я, Дойл.

— Тогда не стоит раздумывать. Нам еще до приземления нужно знать, чего ждать от кольца. Полицейское оцепление оттеснит толпу, но репортеры с камерами все равно будут ловить любую оплошность. Если что-то случится, то пусть сейчас, пока мы одни. — Он повернулся ко мне, отпустив при этом один подлокотник. Я могла представить, чего ему это стоило. — Надень его, Мерри, пожалуйста.

Я кивнула и вынула кольцо из коробочки. Оно потеплело в руке, но и только. Задержав дыхание, я подумала, помолиться мне перед тем, как его надеть, или не стоит. В последние сутки молитвы заканчивались очень уж неожиданно.

Я надела кольцо на палец. Оно мне было велико, но тут же вспыхнула первая искорка магии, и кольцо стало точно моего размера. Мелкое бытовое волшебство. Я посмотрела на мужчин:

— Никакой разницы не чувствую.

— Ты перестала его носить, потому что во время секса нас от него будто током шарахало, — напомнил Рис. — На расстоянии оно никогда не проявляло особой активности.

— На моем пальце — да.

Рис усмехнулся:

— Может, попробуешь коснуться им чьей-нибудь голой кожи и посмотреть, что получится?

— Верный совет, — сказал Дойл.

Рис пожал плечами:

— Я это предложил, я и буду первым подопытным кроликом, если никто не против.

Он шагнул вперед, но вмешался Холод:

— Я против.

Рис в нерешительности посмотрел на меня, потом на Дойла и опять пожал плечами:

— Тогда прошу. Все равно нам надо будет испытать кольцо на нескольких добровольцах — для контроля.

— Согласен, — сказал Холод. — Но сперва я.

Спорить никто не стал, хотя по лицу Галена ясно было видно, что поспорить он хотел бы. И все же не стал, и я отметила, как повзрослел Гален: он вел себя разумней Холода.

Холод подошел ко мне и вперился взглядом в кольцо у меня на пальце. Потом протянул ко мне руку, и я подняла свою ему навстречу. Его ладонь накрыла мою, пальцы скользнули по кольцу.

Словно огромная невидимая рука погладила меня спереди — будто на мне ничего не было надето, только магия ласкала голую кожу. Холод рухнул на колени, глаза распахнулись и губы полуоткрылись — то ли от желания, то ли от его внезапности. Он крепче сжал мне руку, сильнее надавив на кольцо, и магия откликнулась второй волной желания, сильнее первой. Она прокатилась по мне сверху донизу, заставила выгнуться на сиденье, вырвала крик у меня из губ. Все тело свело, и рука дернулась в руке Холода, разорвав его контакт с кольцом.

Холод почти свалился на пол, едва уместившись плечами в пространстве между сиденьями. Он дышал с трудом, и мое состояние было немногим лучше.

— У Мерри только что был оргазм, — сказал Рис. — Небольшой, но настоящий. А у тебя, Холод?

Страж качнул головой, словно не в силах был говорить. Потом все же выдохнул:

— Почти.

— Магия кольца и раньше помрачала рассудок, — отметил Дойл, — но все же не настолько.

— Так дело в Холоде? — Тон у Галена был спокойный, но тревога все равно чувствовалась.

Рис усмехнулся, перелез через ряд сидений и вклинился между сиденьем и моими ногами.

— Кажется, Холоду самому на ноги не встать.

— Помогите ему подняться, — велел Дойл.

Никка шагнул вперед, но крылья так ему мешали, что он вернулся на место. Гален помог Холоду сесть в кресло. Проход освободился, и Рис встал рядом со мной на одно колено.

— Чтобы падать было пониже, — ухмыльнулся он.

— Да тебе всегда не слишком высоко, — прокомментировал Гален.

Рис скорчил ему рожу, но на подначку не клюнул.

— Тебе просто завидно, что следующий — я.

Гален попытался придумать остроуту, но потом просто шагнул прочь со словами:

— Факт, завидно.

Рис тронул меня за плечо, отвлекая от созерцания мрачного лица Галена.

— Предпочитаю, чтобы девушка во время секса хотя бы смотрела на меня.

Я выразительно на него поглядела:

— Ты ж знаешь, Рис, мужчина в сексе получает ровно столько внимания, сколько заслуживает его искусностью.

— Ах! — воскликнул он, хватаясь за сердце. — Убила напрочь.

Но единственный трехцветный глаз у него светился не только смехом.

— Был бы я уверен, что не рискую зубами, я бы тебе руку поцеловал, а не погладил.

Я невольно расхохоталась, и тут его рука накрыла мою лежащую на колене ладонь. Смех оборвался вместе с дыханием, и на один выпавший из времени миг не осталось ничего, кроме потока ощущений — словно одна чувственная вспышка рождала другую, и еще одну, и еще... Пока кто-то не крикнул: "Дыши же, Мерри!", я не понимала, что я не дышу.

Дыхание вернулось с болезненным всхлипом, и глаза распахнулись. Только тогда я поняла, что успела их закрыть.

Рис практически свалился на сиденье напротив меня, на лице блуждала пьяная улыбка.

— А-ах, это было круто.

— Дело не в Холоде, — заключил Никка.

— Верно. — Дойл этому не слишком обрадовался, и я не очень понимала почему. —

Гален, попробуй ты.

Кто-то попытался возражать, но Дойл не стал слушать:

— Нам надо знать, может, это реакция на тех, кто обрел божественность. А может, кольцо на всех так реагирует. Если на всех, Мерри нельзя будет дотрагиваться кольцом до стражей в аэропорту Сент-Луиса перед полицией и репортерами.

— Объясни-ка мне еще раз, почему в Сент-Луисе нас встречает людская полиция, — попросил Рис. Взгляд у него еще был затуманен, но голос звучал уже почти нормально.

— Одна бульварная газетка напечатала снимок, где мы все бежим в дом Мэви с пистолетами, но не слишком одетые. Посла при дворах не убедили заверения королевы, что это было просто недоразумение, а не новое покушение на принцессу. Мое мнение, как и мнение королевы: правители Сент-Луиса не хотят, чтобы их обвинили в беспечном отношении к безопасности принцессы. Если что-то случится, они хотят сказать, что сделали все от них зависящее.

Правители Сент-Луиса. Порой я надолго забывала, как стары они все — Дойл и прочие. А потом кто-то выдавал что-то в таком вот роде, и становилось ясно, что их словарь и образ мыслей формировались задолго до появления Конгресса или мэров с президентами.

— Слова королевы уже не всегда сходят у людей за правду, — продолжал Дойл. — Посол был крайне недоволен, когда ему не предъявили принца Кела. Он не верит, что принц в отъезде.

Таблоиды первыми начали строить догадки, почему принц Кел, завсегда славных местечек Сент-Луиса и Чикаго, вдруг решил посидеть дома. Где принц на самом деле? Почему он исчез именно сейчас, когда в страну фейри вернулась принцесса Мередит? Последнее обстоятельство было точно подмечено, но мы все равно не могли дать никаких объяснений. Сказать правду — что принца подвергли полугодовой пытке взамен смертной казни — нельзя было ни людской прессе, ни даже политикам.

Помимо прочих преступлений, Кел основал в Калифорнии культ поклонения себе как богу. Наверное, думал, что его не разоблачат — слишком далеко это от дома. К несчастью для него, именно в Лос-Анджелесе я устроилась работать в детективное агентство. Если бы Кел об этом знал, он перенес бы свои делишки в другое место, а меня постарался бы убить как можно скорее. В одном из пунктов договора, подписанного с нами администрацией Томаса Джефферсона, значилось, что если кто-то из сидхе на земле Соединенных Штатов заставит людей почитать себя как бога — нас всех изгонят из этой страны. Любого другого сидхе казнили бы за одно это преступление. Но Кел, кроме того, дал колдуну-человеку способность магически обольщать, магически насиловать женщин-фейри. Пусть чаще всего доля крови фейри у них была небольшой, все равно — нельзя давать людям силу фейри, зная заранее, что она будет обращена против фейри же. Так не делается. А еще Кел высасывал из тех женщин магическую энергию. Часть украденной энергии он отдавал своим почитателям, но львиную долю оставлял себе. Магический вампиризм у нас считается преступлением. И карается очень неприятной смертью. Единственное исключение — это дуэль. На дуэли или на войне разрешено делать все, что не нарушает кодекса чести, причем у многих фейри этот кодекс довольно своеобразный. Словом, Кел заслужил смертную казнь, но он был единственный сын королевы, наследник ее трона наравне со мной. Мало кто из придворных

узнал, как далеко зашел Кел в своей измене. Считается, что он наказан за покушение на мою жизнь. А вот и нет. Не настолько королева меня любит.

Так что вместо смертной казни его подвергли действию того магического средства, которое он выдал людям. Афродизиака, от которого все тело скручивает желанием, от которого на стены лезешь в жажде прикосновений, в жажде траха. Я его на себе испытала, так что говорю со знанием дела. Кела намазали Слезами Бранвэйн, одним из последних наших могущественных зелий, и приковали в темнице наедине с его жаждой. Для кого угодно это жуткое испытание. Но ему не сделали ничего, что он сам не делал бы с другими, — разве что срок побольше. Полгода в темнице — это очень долго. Три месяца он там уже провел, и еще три месяца оставалось. При дворе заключали пари о том, выдержит ли его рассудок. А еще о том, кто из нас раньше убьет другого.

— Если люди нам не верят, мы ничего не сможем поделаться, — сказал Холод.

— Верно, но мы хотя бы можем давать меньше пищи для сплетен. — Дойл повернул голову к Галену: — Коснись кольца, посмотрим, что будет.

Гален шагнул в проход между сиденьями. Глаза у него горели, от его взгляда меня бросило в жар.

Он встал на колени у моего кресла и взял мою ладонь в обе свои, не дотронувшись до кольца. Низко наклонившись, он шепнул мне почти в губы:

— Хочу, чтобы кольцо отозвалось на мое прикосновение. Хочу, чтобы оно запело во мне, чтобы нас обоих бросило на колени.

Наши губы и наши руки сомкнулись одновременно.

Кольцо вспыхнуло огнем, напрягло все у меня внизу, зацепило губы — словно я попыталась поцеловать что-то наэлектризованное. У Галена губы были нежные и нетерпеливые, но как он ни старался покрепче сжать кольцо, того почти невыносимого накала страсти, как с Холодом и Рисом, не возникло. Кольцо просто окатывало нас все новыми волнами электрического пульса. Я не слишком люблю ощущения от электрического тока и потому разорвала поцелуй и попыталась отнять руку у Галена. Он меня не отпустил.

— Пусти, Гачен, мне больно.

Он выпустил мою руку медленно, нехотя.

Я села прямее, глубоко и часто дыша, выкарабкиваясь из остатков магии.

— Правда очень больно было.

— Ты просто не любишь электричества, — сказал Рис.

— Очень даже люблю — в лампах, в компьютере, только не у меня на коже, пожалуйста.

— Фу, какая ты скучная.

Я сердито на него посмотрела, но тут же повернулась к Галену, стоявшему возле меня с расстроенным видом. Вид легко объяснялся тем, что кольцо не подействовало на него так, как на Риса с Холодом, но может, дело было не только в этом.

— А ты? — осторожно спросила я. — Ты тоже электричество любишь?

Он несколько растерялся, но ответил:

— Никогда им не пользовался, кроме как в бытовых приборах.

— Тебе понравились ощущения от кольца?

— Да.

Я сделала мысленную пометку. Пусть мне самой не нравится электрический ток как элемент сексуальной игры, но если кому-то из мужчин нравится — можно над этим

подумать. Вполне могу подключать к ним электродики, на здоровье, только бы мне самой не приходилось это испытывать, разве что силу разряда проверить. Никогда не цепляй к другому устройство, которое не проверил на себе, — правило такое. Пусть сам ты им пользоваться потом не будешь, но знать, что чувствует тот, кого ты к нему подключаешь, — необходимо.

— Похоже, сила кольца выросла во всех отношениях, — заметил Дойл.

Я кивнула.

— Не помню, чтобы оно раньше выбрасывало столько энергии.

— Но оно не подействовало на нас так, как на Холода и Риса, — сказал Гален так же уныло, как выглядел. Что бы ни чувствовал Гален, это всегда было видно. Просто написано было — в глазах, на лице. Хотя время от времени ему уже удавалось скрывать свои чувства. Мне было и радостно это видеть, и горько сознавать необходимость такой скрытности. Слишком опасно держать при себе Галена, когда у него по глазам можно все мысли прочесть. Ему необходимо было научиться контролировать проявление эмоций, но наблюдала я этот процесс без удовольствия. Мы словно отнимали у Галена часть того беззаботного веселья, которое и делало его Галеном.

Я тронула его за подбородок левой рукой, без кольца. Королева всегда носила кольцо на левой руке, и я поначалу тоже по привычке надела его на левую руку — но выяснила, что кольцу больше нравится на правой. Так что на правой оно и будет. Я не спорю с магическими артефактами, если без этого можно обойтись.

Я приложила ладонь к щеке Галена, и он глянул на меня грустными зелеными глазами.

— И Рис, и Холод обрели божественность. Наверное, поэтому с ними было сильнее.

— Очень хотел бы поспорить, — сказал Рис, — но не могу. Думаю, Мерри права.

— Ты точно так думаешь? — спросил Гален, совсем как ребенок, который верит, что все сказанное вслух — правда.

Я погладила его по щеке, от теплой мягкости висков до закругления подбородка.

— Не просто думаю, Гален, уверена.

— И я уверен, — сказал Дойл. — Так что если Мерри не будет задерживать руку в руках стражей, особых проблем не возникнет. При Неблагом Дворе все знают, что кольцо снова ожило на руке Мерри. Хотя вряд ли представляют, насколько ожило.

— Оно прибавляло в силе еще до возвращения чаши, — напомнила я.

Дойл кивнул.

— Потому мы и положили его в ящик, чтобы не мешало заниматься любовью.

Рис соорудил обиженную гримасу:

— А мне так это нравилось!

Не убирая руки со щеки Галена, я повернулась к Рису:

— Хочешь, я тебя привяжу и повожу электродами по коже?

Рис дернулся, будто я его ударила. Одна эта мысль заставила его вздрогнуть всем телом. И мне сразу захотелось воплотить ее в жизнь. Захотелось доставить ему это удовольствие.

— Это было "да", тут не ошибешься, — сказала я.

— О да, — выдохнул он.

Гален уже хихикал. Рис нахмурился:

— Что такого смешного, ты, зелень?

Гален залился смехом так, что не сразу сумел выговорить:

— Ты же бог смерти...

— Ну так что? — спросил Рис.

Гален уселся на пол в узком проходе, поджав колени, но все же повернулся к Рису:

— Я представил, как тебя подключают к розетке, словно чудовище Франкенштейна.

Рис попытался рассердиться, но не смог. Он улыбнулся уголками губ, потом улыбка стала шире, еще шире — и он рассмеялся вместе с Галеном.

— А что это за чудовище Франкенштейна? — спросил Холод.

Тут они залились еще сильнее, заразив всех, кто знал, в чем фишка. Серьезными остались только Дойл с Холодом. Все остальные за время жизни в Калифорнии успели приобщиться к радостям телевидения. Даже Китто смеялся под своим пледом в хвосте салона. Не знаю, то ли шутка и правда была хороша, то ли пришлось кстати, а может, просто надо было разрядить напряжение. Скорее последнее, потому что, когда пилот объявил, что через пятнадцать минут мы приземляемся, она вдруг перестала казаться такой смешной.

Полчаса спустя шутка не смешила вовсе. Впрочем, когда перед тобой маячит пресс-конференция с вопросами, на которые нельзя ответить правду, — мало что может рассмешить по-настоящему.

На летном поле нас взяли в кольцо полицейские города Сент-Луис — в количестве, которого мне раньше видеть не приходилось. Кольцо стражей вокруг меня, кольцо полицейских вокруг стражей... Я себе казалась крохотным цветочком за огромным забором. В другой раз надену каблуки повыше.

Мы вошли в зал для встречающих частные рейсы и соединились с еще одной группой стражей. Я из новеньких хорошо знала только Баринтуса. Заметила его, когда полицейские на секунду расступились: он мелькнул между черной спиной Дойла и коричнево-кожаной Галена. Холод шел за мной следом, в подметавшей пол шубе из серебристых лис. Я ему намекнула, что ради этой шубы погибло слишком много зверей, но он ответил, что носит ее лет пятьдесят, а тогда на владельцев меховых пальто так косо не смотрели. А еще он потрогал мой длинный кожаный плащ и заметил:

— Может, не будешь упрекать меня, когда на самой надето полкоровы?

— Но я ем говядину, так что носить кожу — это просто экономично, используется все животное целиком. Ты же лис не ешь.

Лицо у него приобрело непонятное выражение.

— Ты даже не представляешь, что мне случилось есть.

Что на это сказать, я не придумала. Кроме того, как только мы вышли из самолета, январская стужа ударила в лицо будто молотком. Перелет из Лос-Анджелеса в Сент-Луис посреди зимы вызвал почти физическую тоску, я даже споткнулась на трапе. Холод, потеющий в своей аморальной шубе, успел меня подхватить. Мех всегда теплей, чем кожа, даже если на подкладке. И все же я укуталась поплотнее в плащ, натянула кожаные перчатки и проследовала по трапу, а Холод держал меня за локоть голой рукой. Он отпустил меня, когда я ступила на твердую землю, и мои телохранители тут же рассыпались в кольцо. Шалфей и Никка прикрывали тыл. Много помощи от Никки при внезапном нападении ждать не приходилось — во-первых, огромные крылья мешали ему двигаться, он к ним не привык, и во-вторых, он кутался в плед. Сидхе не могут замерзнуть насмерть, но нередко чувствительны к холоду. Никка олицетворял весеннюю энергию, холод он переносил с трудом. Крылья у него за спиной обвисли, как побитые морозом цветы.

Рис выругался вполголоса:

— Надо было прикупить пальто потеплее.

— А я тебе что говорил? — хмыкнул Гален, хотя сам наверняка мерз в кожаной куртке.

В такую чертову стужу нужно носить что-то, прикрывающее ноги и зад.

Из нас, не обзаведшихся шубами, теплее всех было Китто — в парке небесно-голубого цвета, не особенно красивой, зато теплой.

В зале прилета было достаточно тепло, чтобы у меня запотели очки. Я их сняла и разглядела в толпе мерцающие волосы Баринтуса. Они не так блестели, как у Холода — мало кто из сидхе мог таким похвастаться, — но в своем роде были просто уникальны.

Волосы у него были как океанские волны. Умопомрачительная бирюза Средиземного моря, насыщенная синева Тихого океана, синевато-серый цвет моря перед штормом,

переходящий в иссиня-черный — цвет глубоких холодных вод, где течение ворочается тяжело и мощно, как огромные твари из океанских глубин. Цвета лились и перемешивались с каждым поворотом головы, от любой игры света, так что волосы вообще не воспринимались как волосы. И все же это были именно волосы, они спадали плащом до самых пят, во весь его семифутовый рост. Только присмотревшись хорошенько, я увидела, что Баринтус одет в длинное кожаное пальто ярко-голубого цвета, как скорлупа яиц дрозда. Мягкая кожа сливалась по тону с волосами. Страж пошел к нам навстречу, улыбаясь и протягивая руки.

Когда-то он был морским божеством и все еще оставался одним из самых могущественных сидхе, поскольку потерял, кажется, меньше других. Лучший друг и главный советник моего отца. Они с Галеном чаще всех навещали нас, когда мы с отцом покинули двор — мне тогда исполнилось шесть лет. Уехали мы потому, что в этом солидном возрасте я все еще не проявила никаких магических талантов — неслыханная вещь среди сидхе, даже полукровок. Моя тетушка-королева попыталась утопить меня, как топят породистых щенков, не соответствующих стандартам породы. И тогда отец собрал меня и свиту и отправился жить к людям. Тетю Андаис крайне удивило, что он покинул волшебную страну из-за такого мелкого недоразумения. Мелкое недоразумение — именно так она и выразилась.

Синие, с вертикальными щелочками зрачков глаза Баринтуса согрелись искренним теплом, когда он меня увидел. Многие рады были меня видеть — кто из политических соображений, кто из эротических, разные были причины, — но только немногие радовались мне как другу. Он — один из немногих. Он был другом моему отцу, а теперь мне, и я уверена, станет другом моим детям, если они у меня будут.

— Рад снова видеть тебя, Мередит. — Он потянулся взять меня за руки, как обычно делал на публике, но его оттер другой страж, будто между прочим попытался меня обнять, но не тут-то было: Баринтус отдернул его за плечо. Дойл вдвинулся между нами, прикрывая меня, а я шагнула назад так резко, что налетела на Холода. мех защекотал мне щеку, руки сомкнулись у меня на плечах — Холод был готов передвинуть меня себе за спину, подальше от слишком предприимчивого стража.

Упомянутый страж ростом был примерно на дюйм-два пониже Дойла, то есть до шести футов он все же не дорос. Первое, что бросилось мне в глаза, — это его шуба, а я редко первым делом замечаю в стражах-сидхе их одежду. Шуба стража была сшита из чередующихся широких полос черного и белого меха норки. Противно, когда ради шубы убивают, зверей, но трага меха, чтобы правильно подобрать полосы, — от такого становится просто грустно. Однако шуба очень подходила к цвету его волос, связанных в перекинутый через плечо хвост до колена. В волосах тоже чередовались полосы — черные, бледно-серые, темно-серые и белые, все пряди одинаковой толщины, так что никто не подумал бы, что он просто так седеет. Нет, либо он очень искусно выкрасил волосы, либо не был человеком. А вот темно-серые глаза, хоть и потемнее обычных, все же могли бы встретиться на человеческом лице.

— Что, и приобнять ее нельзя? — спросил он не слишком трезвым голосом.

— Ты пьян, Аблойк! — с отвращением сказал Баринтус, так стискивая плечо этого типа, что пальцы целиком скрылись в полосатом мехе.

— Просто радуюсь жизни, — кривовато ухмыльнулся Аблойк.

— Как он сюда попал? — спросил Дойл, и в низком голосе послышалось приглушенное рычание.

— Королева пожелала послать навстречу принцессе шестерых стражей. Двоих я выбрал сам, но еще трое здесь по ее выбору.

— Но почему *этом*? — Дойл подчеркнул последнее слово.

— В чем дело? — спросил представитель полицейской охраны. Я бы назвала его высоким, только вот стоял он бок о бок с Баринтусом, а рядом с морским богом мало кто покажется высоким. Седые волосы мужчины пострижены были очень коротко и строго, и лицо казалось слишком голым и напряженным. Удачная стрижка могла бы смягчить резкие черты, но взгляд и поза ясно давали понять, что прическа — последнее, о чем он думает.

Из-за спины полицейского выглянула Мэдлин Фелпс, пресс-атташе Неблагого Двора.

— Не беспокойтесь, майор, все в полном порядке.

Она улыбнулась, продемонстрировав очень белые и очень ровные зубы, а также темно-вишневую, чуть ли не фиолетовую помаду. Губы были накрашены в тон костюму — короткой юбке в складку и приталенному двубортному пиджаку. Наверное, фиолетовый — цвет сезона. Мэдлин такие вещи из виду не упускала. Стрижка у нее была новая — везде очень коротко, но на висках и на затылке оставлены длинные пряди. Волосы ее задевали воротник фиолетового пиджака, хоть короче, чем она, пострижен был только майор. Когда она с улыбкой повернулась к полицейскому, в волосах блеснул фиолетовый блик — вряд ли она покрасилась стойкой краской, но оттеночным шампунем наверняка воспользовалась. На тонком лице — искусный макияж, и хоть она и повыше меня на пару дюймов, для чистокровной смертной она выглядела слишком хрупкой.

— А я бы сказал, что у вас затруднения.

Мне стало интересно, почему это безопасность мне обеспечивает настолько высокопоставленный полицейский. Не скрывает ли от нас королева столько же, сколько мы утаиваем от нее? Глядя на обеспокоенное лицо майора, я подумала: "Вполне возможно".

Мэдлин, улыбаясь по-прежнему, старалась его отвлечь, даже положила руку ему на локоть — но взгляд майора не потеплел. Больше того, он смотрел на руку Мэдлин, пока та ее не убрала.

— Знаете поговорку про утку? — спросил он очень серьезно.

Улыбку Мэдлин на миг сменило удивление, но она тут же улыбнулась опять и покачала головой:

— Извините, не припомню.

— Если что-то выглядит как утка, крикает, как утка, и переваливается, как утка, то это и есть утка.

Мэдлин снова изобразила удивление, но слишком доверять этому выражению не стоило. Она спекулировала на своей хрупкости и миловидности, и только в редкие моменты удавалось понять, насколько она на самом деле деловая, расчетливая и умная.

Мне никогда не нравились женщины, скрывающие ум. Я считаю, что они этим вредят всем другим женщинам.

— Майор хочет сказать, что если что-то выглядит затруднением, звучит как затруднение и ведет себя как затруднение, то это затруднение, — сказала я.

Майор, у которого на беджике значилось "Уолтерс", посмотрел на меня холодными серыми глазами. Впрочем, обычной коповской непроницаемости во взгляде не было — что-то его здорово злило. Но что? Глаза чуточку смягчились: то ли ему понравилось, что я прервала танцы вокруг вежливости, то ли злился он не на меня.

— Принцесса Мередит, я майор Уолтерс, и я отвечаю за вашу безопасность, пока вы не

проследуете на земли сидхе.

— Но, майор, — вмешалась Мэдлин, — вы делите полномочия с капитаном Баринтусом, именно таково условие королевы.

— Двух начальников быть не должно, — отрезал майор, — если не хотите завалить дело.

Он глянул на Аблойка, потом на Баринтуса — во взгляде отразилось откровенное недовольство тем, как последний распустил своих людей. Чего не знал майор и чего никто из нас никогда не признал бы при чужих — это что во всех неурядицах обычно виноваты были королева Андаис или ее сыночек. А поскольку принц Кел все еще был надежно заперт, то вина лежала целиком на королеве.

Даже вообразить не могу, по каким резонам она послала Аблойка туда, где будет полно журналистов. Эйб страдал всеми зависимостями, какие существуют, — алкоголь, табак, наркотики... Он не разбирал. Когда-то давно он был виднейшим куртизаном Благого Двора, распутником и соблазнителем. Благие его изгнали — он выбрал себе женщину не по чину, — а Андаис поставила ему условие, чтобы принять к Двору Неблагому. Вступить в ее гвардию. А значит, Эйб мгновенно перешел от крайне насыщенной любовной жизни к полному воздержанию. Он принялся пить, а когда изобрели наркотики покруче — пристрастился к ним. К несчастью для него, сидхе практически не способны испытать полное воздействие алкоголя или наркотиков. Можно напиться, но не вырубиться. Не удается достичь точки, когда душевную боль сменяет блаженное забытьё. Все, чего добился Эйб, — он опустился и приобрел привычку едва ли не ко всем наркотикам. Мой отец ко мне его не подпускал, а тетка презирала, считала слабаком. Так что она столетиями держала это недоразумение подальше от глаз, на мелких поручениях. Зачем же теперь посылать его сюда, на публичное мероприятие? Это казалось глупо. Не то чтобы Андаис всегда поступала очень умно, но к формированию общественного мнения она подходила как идеальная королева. Пьяный страж производит плохое впечатление. Доверить пьяному стражу жизнь принцессы, наследницы трона, — не просто произведет дурное впечатление, это беспечность и халатность, а беспечной Андаис не была никогда.

— Я заслужил право здесь находиться, Мрак. Можешь поверить, — сказал Эйб. Ухмылка исчезла, а темно-серые глаза вдруг стали очень трезвыми.

— Как это — заслужил? — спросил Уолтерс.

Ни мне, ни другим стражам спрашивать не было нужды. Заслужил — значит сделал что-то ненавистное для него, но приятное для королевы. Чаще всего связанное с сексом или болью, или и с тем, и с другим. Стражи не рассказывали об унижениях, которым их подвергала королева. В старой поговорке говорится, что к желанной цели поползешь по битому стеклу. С королевой поговорка могла осуществиться буквально. Что сделает человек, чтобы положить конец векам воздержания? И чего не сделает?..

Наверное, что-то на наших лицах отразилось, потому что Уолтерс помрачнел еще больше:

— Что вы от меня скрываете?

Баринтус и Дойл ответили ему непроницаемыми взглядами, отработанными за века дворцовых интриг. Я отвернулась к Холоду, пряча лицо от майора. У меня кончились запасы непроницаемости.

Холод обнял меня за плечи и распахнул шубу, чтобы я скользнула под нее. Наверное, многие решили бы, что он пользуется моментом привлечь меня поближе, но я знала — так

ему проще достать пистолет или нож, если понадобится. Обнять меня было приятно, но долг у стражей на первом месте.

Я несколько не обижалась — как-никак это мою жизнь они защищают.

— Насколько мне известно, майор, — ответил Баринтус, — мы не скрываем от вас ничего, что могло бы повлиять на эффективность вашей работы.

Уолтерс едва ли не улыбнулся.

— Вы не отрицаете, что скрываете от меня информацию? Скрываете от полиции?

— Зачем же отрицать? Вы слишком умны, чтобы думать, что мы расскажем вам абсолютно все, что знаем.

Майор посмотрел на Баринтуса уже добрее:

— Спасибо, что предупредили. Так вам присутствие этого Эйба не нравится?

— Не могу спорить.

— Так почему же он здесь?

Мэдлин попыталась вмешаться:

— Майор, нам давно пора готовиться к пресс-конференции.

Майор ее будто не слышал:

— Почему он здесь?

Баринтус моргнул, быстро мелькнуло третье веко — прозрачная пленка, помогавшая ему держать глаза открытыми под водой. На суше движение третьего века выдавало его беспокойство.

— Вы же слышали, что Аблойка назначила королева, а не я.

— Но почему она послала сюда пьяного?

— Протестую, — заявил Аблойк, качнувшись в направлении майора.

Уолтерс повел носом:

— Выхлоп смертельный.

— Всего лишь доброе шотландское виски, — сказал Аблойк.

Баринтус схватил его за плечи.

— Нам нужно кое-что обсудить приватно, майор Уолтерс. Уолтерс сухо кивнул и отозвал своих людей в сторону.

Двоих он попытался оставить, но Баринтус попросил забрать и их:

— Поставьте их на обе двери — снаружи, если хотите, — только чтобы они не пытались подслушать.

— За дверями они вас не услышат, если вы орать не станете.

Баринтус улыбнулся:

— Постараемся не орать.

Уолтерс махнул своим копам, и Дойл сказал им вдогонку:

— Придержите дверь для миз Фелпс, пожалуйста.

Мэдлин взглянула на него большими глазами, удивленно приоткрыв ротик. Разыгрывала удивление, слишком быстро она среагировала.

— Ну, Дойл... — Она положила ухоженную ручку на его кожаный локоть. — Мне же нужно подать вас на пресс-конференции в самом лучшем виде!

Он посмотрел на нее почти так же, как Уолтерс недавно, разве что еще выразительней. Она сняла руку и отступила на шаг. На секунду выглянула настоящая Мэдлин: упорная и безжалостная. Свой козырь она выложила с заострившимся от злости лицом:

— Королева дала мне приказ проследить, чтобы на пресс-конференции вы все

выглядели восхитительно. Когда она спросит, почему я этого не сделала, я могу сослаться, что вы пошли против ее приказа?

Больше чем другие смертные, имевшие дело с двором, она знала, на что способна королева, — и знанием умело пользовалась.

Я повернулась в руках Холода, выглянув из меха:

— Мы не идем против приказов королевы.

Она взглянула на меня едва ли не презрительно. Мэдлин уже семь лет пользовалась расположением королевы. Семь лет в лучах абсолютной власти, которую имела королева над существами, способными одним щелчком свернуть Мэдлин шею. Под защитой Андаис она чувствовала себя в полной безопасности. И в общем, правомерно. До некоторых границ. Пора напомнить ей, где проходят границы.

— Это очень ответственная пресс-конференция, Мередит. — Она даже не трудилась называть мой титул, когда нас не слышали другие смертные. Взгляд ее перебежал с любимой потертой куртки Галена на куцую черную курточку Дойла и наконец на слепяще-яркую парку Китто. Губы поджалась — едва заметно. — Не вся одежда годится, прически не вполне в порядке, и макияжа на вас, Мередит, безусловно, недостаточно, если предстоит фотосессия. Косметика и одежда у меня с собой. — Она направилась к двери — за упомянутыми аксессуарами, видимо.

— Нет, — сказала я.

Она оглянулась с такой надменной миной — любому сидхе на зависть.

— Я могу связаться с королевой по сотовому телефону, но я уверяю вас, Мередит, что выполняю ее приказ. — И она правда вытащила телефон из внутреннего кармана — крошечную игрушку. Он нисколько не портил вид блейзера.

— Твои действия сейчас противоречат ее приказу, — сказала я. Я знала, что кажусь слишком маленькой, почти ребенком, выглядывая из пушистого меха. Но сейчас, с Мэдлин или ей подобными, меня это не волновало — чуть ли не впервые в жизни. Нет нужды демонстрировать силу. Здесь и малого хватит.

Она помедлила в нерешительности:

— Не может быть.

— Разве тетя велела нам заняться нарядами, едва мы войдем в помещение с мороза? Это ее точный приказ?

Она прищурила искусно подведенные и накрашенные глаза.

— До подробностей не доходило. — Голос был неуверенный, но деловые интонации тут же вернулись. — Но после конференции вам нужно будет еще раз переодеться к банкету. Время назначено, и королева не любит ждать.

Она нажала на кнопку и поднесла телефон к уху.

Я шагнула вперед из уютного Холодова тепла и прошептала ей в свободное ухо:

— Я наследница трона, Мэдлин, а ты ведешь себя со мной вызывающе. Я бы на твоём месте задумалась о своем поведении, если б хотела сохранить работу.

Я расслышала из трубки голос секретаря своей тетушки, но не его слова.

— Прости, ошиблась кнопкой, — прошептала Мэдлин. — Да, они прибыли. Определенные сложности есть, но мы со всем справимся. Да-да, прекрасно.

Она убрала телефон и попятилась от меня точно так же, как пятились люди от Андаис или Кела. Испуганно попятилась.

— Я подожду за дверью. — Она облизнула губы, взглянула на меня искоса. Не такой уж

она прожженный политик. Кое-кто из тех, кто прежде пытался меня убить, теперь улыбались мне в лицо и поддакивали, представляясь лучшими друзьями. Мэдлин до таких высот двуличия не дотягивала, что изменило к лучшему мое мнение о ней.

У дверей она задержалась:

— Но поторопитесь, пожалуйста. У нас действительно очень напряженный график, а королева сказала — цитирую, — что приготовила наряды на сегодняшний вечер для всех. Она хочет, чтобы к пиршеству все переоделись.

И она вышла, не оглянувшись, словно не хотела, чтобы я видела выражение ее глаз.

Когда дверь за ней плотно закрылась, Гален спросил:

— Что это ты ей сказала?

Я пожалала плечами и опять прижалась к Холоду.

— Напомнила, что как наследница трона я имею определенный вес в решении кадровых вопросов.

Гален качнул головой:

— Она даже побледнела. Всего лишь от угрозы увольнения?

— От угрозы изгнания из волшебной страны, Гален.

— Но она же не одержима эльфами, — непонимающе нахмурился он.

— Не до зависимости, и все же ее реакция ясно сказала, как она дорожит своим особым положением среди нас. Она не хочет потерять возможность касаться плоти сидхе, даже если это лишь случайные касания.

— Ты думаешь, это так важно знать?

— Это значит, что у нас есть рычаг давления на Мэдлин, которого раньше не было. Вот так все просто.

— Совсем не просто, — сказал он.

Я посмотрела в его честные глаза — он почти страдал, осознавая, что я его опережаю, превосхожу в чем-то. Может, мне никогда не пригодится информация о том, что Мэдлин достаточно дорожит работой, чтобы угодить мне, а может, и пригодится. Каждый клочок информации — о чьей-то мельчайшей слабости или преимуществе, о доброте, о жестокости, о тщеславии — мог оказаться жизненно важным клочком. Я научилась ценить любое проявление симпатии или лояльности, даже если они вызваны были всего лишь желанием угодить всем возможным хозяевам. Мэдлин не станет хуже относиться к Келу, когда его освободят, но теперь она будет относиться к нам одинаково, а это уже кое-что.

— Умница, — с улыбкой сказал Баринтус. — Но в одном Мэдлин права: времени у нас маловато.

Он подозвал другого стража. Высокого, худощавого и на вид загорелого до красивого бронзового оттенка, только это был не загар. Кэрроу всегда походил на обожженного солнцем егеря, даже каштановые волосы у него казались выгоревшими на солнце до рыжины, как у человека, постоянно бывающего на свежем воздухе. Стрижка у него была простая и короткая, и он совсем по-человечески выглядел, если не смотреть в глаза. А глаза были зелено-карие — нет, не зеленовато-карие, никаких блеклых цветов. Зелень в них была как лес под ласковым ветром — то вспыхнет сияющими изумрудами, то потемнеет почти до черноты.

Мне нередко приходилось спрашивать у сидхе, какого рода божествами они являются, но, как и Баринтус, Кэрроу был виден сразу. Передо мной стоял один из великих охотников.

Я с радостью ответила на его улыбку. Когда-то мой отец доверил ему обучить меня повадкам зверей и птиц. А когда я поступила в колледж на биологический факультет, Кэрроу посещал со мной кое-какие занятия. Ему было интересно, не продвинулась ли наука дальше со времени, когда он проверял свои знания в последний раз. В большинстве случаев все осталось на прежнем уровне, но микробиология, паразитология и введение в генетику его зачаровали. Только он один из сидхе спрашивал меня, стала бы я работать по специальности, если б не была принцессой. Всех остальных это не занимало — точнее, они не могли представить вещи занимательней, чем политика двора. Если ты можешь быть принцессой, неужто тебе захочется чего-то другого?

Кэрроу попытался встать на колени, но я поймала его за руку и притянула к себе.

Он рассмеялся легко и свободно и крепко меня обнял.

— Мне странно было услышать, что ты стала сыщиком в большом городе. — Он чуточку отодвинулся, чтобы взглянуть мне в лицо. — Я думал, ты забереешь куда-нибудь в глушь изучать животных, ну или в зоопарк устроишься работать, на худой конец.

— Чтобы заниматься такими исследованиями, надо получить хотя бы степень магистра, да и в зоопарках ее обычно требуют.

— Но почему сыщиком-то?

Я пожала плечами.

— Я подумала, что королева первым делом проверит места, где пригодится мой диплом. В агентстве я даже не сказала никому, что у меня он есть.

— Простите, что прерываю встречу старых друзей, — проговорил новый голос, — но кольцо на Кэрроу среагировало или нет?

Я повернулась на голос и обнаружила лицо, которому была не слишком рада.

— Здравствуй, Амагеон, — сказала я, не сумев скрыть неудовольствия даже в такой короткой фразе.

— О, принцесса, не трудись — я точно так же тебе не рад, как и ты мне. — Он качнул головой, и зимнее солнце блеснуло золотом и медью на его рыжих волосах. Короткие локоны запрыгали по плечам, когда он пошел ко мне.

— Тогда зачем ты приехал?

— Королева мне приказала, — сказал он так, словно это все объясняло.

— Почему? — спросила я, так как это не объясняло ничего.

Он грациозно вышагивал в кожаном, сшитом на заказ пальто. Торс оно обтягивало как перчатка, но развевалось вокруг ног, словно мантия. Черная кожа делала ярче цвет его волос, они горели медью. И, как всегда, я почувствовала головокружение, увидев вблизи его глаза. Радужки у него были похожи на цветок с разноцветными лепестками — красный, синий, желтый, зеленый.

— На тебя приятно глянуть, Аматеон. Сказать обратное — значит соврать.

Красивое лицо расплылось в надменной усмешке.

— Но не по хорошу мил, а по милу хорош... И насколько я знаю, ты ходишь в друзьях у Кела. Не думаю, что он обрадуется, узнав, что ты меня охраняешь, не говоря уж о чем другом.

Дойл шагнул вперед — ровно настолько, чтобы не дать Аматеону подойти вплотную. Холод подвинулся вперед с другой стороны, на маловероятный случай, если Аматеону удастся обойти Дойла. Но Аматеон их двоих будто не замечал, все его внимание было направлено на меня.

— Принц Кел пока не правит Неблагим Двором. Королева объяснила мне это очень доступно.

Усмешка при этих словах пропала вместе со значительной долей надменности. Мне стало любопытно, как именно Андаис сделала для него свою точку зрения столь ослепительно ясной. Я не сомневалась, что она выбрала весьма болезненный способ, но на этот раз мне не было жаль пострадавшего. Мелко с моей стороны, но Аматеон был одним из тех, кто испортил мне детство.

— Хорошо, что ты это помнишь, — заметил Дойл.

Аматеон бросил на него взгляд, но тут же опять повернулся ко мне.

— Поверь, принцесса, будь на то моя воля, меня бы здесь не было.

— Ну так уходи, — сказала я.

Он качнул головой, разметав кудри по обтянутым кожей плечам. В последнюю нашу встречу волосы доходили ему до колен. Сидхе частенько гордятся, что их волосы никогда не знали ножниц, а всем другим расам фейри просто запрещается отращивать волосы до пят.

Я смерила его взглядом:

— А ты недавно постригся.

— Как и ты, — парировал он, но помрачнел.

— Я пожертвовала прической, чтобы во мне не узнали сидхе. А почему постригся ты?

— Ты прекрасно знаешь, — сказал он, стараясь сохранить на лице надменное спокойствие.

— Нет, не знаю.

Злость пробилась сквозь надменную маску, сорвала ее прочь, и в лепестковых глазах вспыхнуло что-то очень похожее на бешенство. Руки вцепились в короткие кудри.

— Я отказался сюда ехать. Я отказался перейти к тебе. Королева напомнила мне, что отказывать ей в чем угодно — не слишком умно.

С видимым и болезненным усилием он заставил себя успокоиться.

— Почему ей так важно дать тебе шанс оказаться у меня в постели?

Он покачал головой. Ощущение слишком коротких волос его, видимо, раздражало — он провел руками по густым кудрям и снова встряхнул головой.

— Не знаю. Это правда. Я задал ей вопрос и получил ответ, что знать мне не

обязательно. А нужно просто делать, что велют.

Злость перешла в мрачность, и под ней проступил давно сдерживаемый страх.

Он посмотрел на меня — без злости, он казался просто усталым и смирившимся с поражением.

— И вот я здесь и должен коснуться кольца, как велела королева. Если оно не ответит на мое прикосновение, то я волен оставить службу у тебя, как только мы благополучно доставим тебя ко двору. Если же оно отзовется... — Он потупился, и кудри закрыли лицо. Он тут же вскинул голову, руками отбросил волосы назад. — Мне нужно коснуться кольца. Я должен узнать. Выбора у меня нет, и у тебя его нет тоже.

Голос у него был такой несчастный, что мне показалось, что не так уж он плох. Не то чтобы я захотела пустить его в свою постель, но мне всегда было сложно ненавидеть кого-то, в ком я замечала что-то человеческое. Андаис считала это моей слабостью, отец — достоинством. А я сама еще не решила, что это.

Не сводя глаз с Аматеона, Дойл спросил:

— Ты позволишь ему прикоснуться к кольцу?

Холод опять придвинулся ко мне, шуба облачком окутала меня.

— Это ничего не значит и ничего нам не стоит, — ответила я. — Я хочу поговорить об Аматеоне с королевой, а до того лучше бы выполнять все, что она велит.

— Она не позволит нам этим ограничиться, принцесса. — Рука Аматеона потянулась к волосам, и он прервал жест с видимым усилием. — Если кольцо меня узнает, она заставит нас переспать.

Мне ужасно хотелось опять спросить почему, но вряд ли он знал о соображениях Андаис больше, чем я.

— Об этом подумаем после. — Я шагнула вперед и тронула Дойла за руку: — Пропусти его.

Дойл глянул на меня так, словно хотел возразить, но промолчал и отступил в сторону. Зато Холод не отступил. Так и остался стоять, всем телом прижимаясь ко мне.

— Холод, — позвала я. — Нам нужно побольше места.

Страж покосился на меня, глянул на Аматеона, потом сделал шаг в сторону с самым надменным видом, на какой был способен. Ни ему, ни Дойлу Аматеон не нравился. Может, у них были личные счеты, а может, как и мне, им не нравилось, что рядом со мной будет находиться кто-то из людей Кела.

— Холод, — повторила я, — так кольцо может среагировать на тебя, а не на Аматеона. Отодвинься подальше, сомнений не должно оставаться.

— Я отступлю на шаг, не больше. Слишком долго он был псом Кела.

Аматеон поглядел ему в глаза:

— Принцесса под магической защитой королевы. Стоит мне поднять на нее руку, и мне конец — королева заставит меня молить о смерти много раньше, чем смилостивится и позволит мне умереть. — Взгляд у него стал затравленным. — Нет, Холод, к нежным ласкам королевы я не вернусь, даже если такой ценой мог бы не дать получеловеческому ублюдку сесть на трон.

— Как мило, — сказала я.

Аматеон вздохнул.

— Тебе известны мои чувства на этот счет, принцесса Мередит. На твой счет и насчет твоих притязаний на трон. Разве ты поверила бы, заяви я сейчас, что ты будешь идеальной

королевой и я тебя обожаю?

Я только головой покачала.

— Королева... показала мне, что убеждения не так мне дороги, как собственные плоть и кровь.

На миг он скривился, словно вот-вот расплчется. Он справился с собой, но в глазах бушевали эмоции. Что же с ним сделала Андаис?!

— Тебе надо было подчиниться сразу, как сделал я.

Ага, еще один страж, без лицемерия которого я вполне могла обойтись. Онилвин. Он был симпатичен, но лицо грубоватое, как будто неотполированное — по людским меркам красавец, по меркам сидхе — всего лишь не урод. В плечах он был широк, мускулист; с первого же взгляда на одетую в длинную шубу фигуру можно было понять, насколько он физически силен. Плечи и грудь такие мощные, что он казался ниже остальных стражей, хотя был с ними вровень. Густые волнистые волосы он связывал в хвост. Волосы такого темно-зеленого цвета, что в рассеянном свете отливали черным. А глаза травянисто-зеленые с золотыми искорками, пляшущими вокруг зрачка. Кожа — бледно-зеленая, но не почти белая, как у Галена, нет — она была вполне зеленая, хоть и светлого оттенка. У Кэрроу — коричневая, а у Онилвина — зеленая. Бывает.

— Ты согласишься на что угодно, только в спасти свою шкуру, — буркнул Аматеон.

— Конечно, соглашусь, — сказал Онилвин, плывя к нам. Никогда не понимала, как такому шкафу удастся так плавно скользить, но он всегда так ходил. — Как и любой, у кого есть мозги.

Аматеон повернулся к нему:

— Почему ты встал на сторону Кела? Ты решил, что он станет королем? А какая тебе разница?

Онилвин пожал мощными плечами.

— Я выбрал Кела, потому что ему симпатизирую, а он симпатизирует мне. Он пообещал мне немало в случае своей победы.

— Обещает он много, — сказал Аматеон, — но я не ради обещаний его поддерживаю.

— А ради чего? — поинтересовался Дойл.

— Кел — последний истинный принц, оставшийся у сидхе. Единственный наследник династии, что правит нами почти три тысячи лет. В день, когда на трон сядет помесь брауни, людей и благих, мы кончимся как народ. Станем не лучше вырожденцев, оставшихся в Европе, — ответил Аматеон, не отводя взгляда от Онилвина.

Онилвин улыбнулся так язвительно, что смотреть было трудно.

— Но ты стоишь здесь, приверженец чистой неблагодной крови. Здесь! — Он шагнул к Аматеону, не сводя с него полного жестокого удовлетворения взгляда. — И должен переспать с полукровкой. Зная, что если она забеременеет от тебя, то ты сам, лично, подсадишь ее на трон. Какая замечательная, тонкая, всеобъемлющая ирония!

— А тебе это нравится... — хрипло проговорил Аматеон.

Онилвин кивнул:

— Если кольцо оживет под нашими руками, с воздержанием будет покончено.

— Только лишь с ней, — поправил Аматеон.

— Что с того? Она женщина, и женщина-сидхе. Это дар, а не проклятие.

— Она не сидхе!

— Ох, Аматеон, пора тебе взрослеть. Такое простодушие добром не кончится. —

Онилвин впервые взглянул на меня. — Позволь мне коснуться кольца, принцесса.

— А если не позволю?

Онилвин улыбнулся лишь чуточку менее приятно, чем он улыбался Аматеону.

— Королева знала, что тебе это не понравится... Что я не понравлюсь. Позволь мне припомнить точные слова...

— Я их помню, — мрачно сказал Аматеон. — Она меня заставила повторять их вслух, пока она... — Он резко оборвал фразу, словно едва не проговорился.

— Ну так передай же поскорее принцессе послание королевы, — попросил Онилвин.

Аматеон закрыл глаза, словно читал вырезанное в память:

— "Я отобрала этих двоих со всем тщанием. Если кольцо не отзовется им, пусть так, но если отзовется — споров я не потерплю. Трахни их". — Он открыл глаза. Лицо побледнело, словно цитата дорого ему стоила. — Я не хочу прикасаться к этому кольцу, но против приказа королевы я не пойду.

— *Больше* не пойдешь, хочешь ты сказать, — поправил Онилвин и взглянул на меня: — Позволишь мне прикоснуться?

Я глянула на Дойла, он кивнул:

— Полагаю, придется, Мередит.

Холод подался вперед.

— Холод, — сказал Дойл с ясно различимым предостережением.

Холод ответил ему полным отчаяния взглядом.

— И мы не сможем ее оградить?

— Нет, — ответил Дойл. — Против приказа королевы мы бессильны.

Я тронула Холода за руку:

— Ничего страшного.

Он покачал головой:

— Ох, нет.

— Не виню тебя, Холод, — сказал Онилвин. — Мне тоже не хотелось бы делиться. — Он обвел взглядом других моих стражей. — Но вам-то приходится?

Он надул губы, но в глазах читалась издевка.

— И так слишком маленький кусочек, а тут еще мы являемся с претензиями.

— Ох, Онилвин, ради Богини, брось это представление. — Последний из новых стражей так тихо стоял в углу, что я его и не заметила. Но с Усной это было делом обычным. В толпе его не замечали, и только когда он заговаривал, вдруг становилось ясно, что он все время был на виду. Глаза его видели, вот только мозг забывал вам об этом сказать. Такая у него была разновидность гламора, причем она действовала и на сидхе — на меня по крайней мере.

Ни Дойл, ни Холод, ни Рис не проявили удивления, но Гален заметил:

— Лучше в ты так не делал. Чертовски нервирует.

— Прости, зеленый человечек. Буду охотиться на тебя — постараюсь шуметь погромче.

Сказано это было с улыбкой. Гален широко ухмыльнулся:

— Всем кошкам надо привязать колокольчики.

Усна оттолкнулся от стены и от кресла, на краешке которого примостился. Он редко сидел в кресле. Присаживался, сворачивался, разваливался, но не сидел. Усна скользнул к нам как ветерок, как тень, как создание скорее из эфира, чем из плоти. Среди мужчин, знаменитых своей грацией, Усна посрамлял всех. Смотреть, как он танцует на собраниях

сидхе, можно было часами — все равно что смотреть на цветы или весеннюю листву под легким ветерком. Цветы всегда безыскусно прекрасны, дерево в полном цвету не знает о своей красоте — и все же красиво. Вот таким же был Усна. Да, были и красивее его — Холод, к примеру. У Риса и Галена изящнее были губы; рот Усны был широковат, а губы тонковаты, на мой вкус. И нос у него был коротковат. Глаза большие и блестящие, но трудноопределимого оттенка серого, ни темные, как у Аблойка, ни светлые, как у Холода. Просто... серые. Тело тонкое почти до женственности, а волосы упорно не хотели отрастать ниже бедер, что бы он ни делал.

Правда, цвет у волос был самый необычный. Пятна медно-рыжего, блестяще-черного и снежно-белого — не волосы, а лоскутное одеяло. Нет, конечно, на лоскутное одеяло волосы не походили, скорее на шерсть кошек-калико. Мать Усны забеременела от сидхе, женатого на другой. Обманутая жена заявила, что внешность должна отражать душу, и превратила ее в кошку. Волшебная кошка родила ребенка, Усну. Когда он вырос в мужчину, что было уже очень давно, он вернул матери ее истинный облик, отомстил проклявшей ее сидхе за них обоих и зажил счастливо. Точнее, зажил бы, если бы за убийство той женщины его не выгнали из Благого Двора. На его несчастье, злополучная колдунья оказалась на тот момент любовницей короля. Так-то.

Но Усна вроде бы не особо расстраивался. Мать его по-прежнему принадлежала к сияющему двору, но никто не мешал им встречаться, беседовать и устраивать пикники в лесу. От встреч внутри холмов неблагих мать отказалась, а при Благом Дворе косо смотрели на визиты неблагих — но поля и леса всегда были к их услугам, и им хватало.

Усна влился в образовавшийся возле меня кружок и спросил:

— Можно, я потрогаю колечко?

Мне оставалось только сказать:

— Да.

Грациозным, почти изысканным движением пальцы Усны легли поверх моих — но тут он помедлил в нерешительности, глянув мне в глаза своими — ни темными, ни светлыми, просто совершенно серыми глазами. Глазами, которые не должны были привлекать внимание, но в них сияла его личность — и не форма и не цвет останавливали взгляд, а сила, сущность Усны. Будь глаза еще и красивыми соответственно, это было бы просто нечестно. У него и так обаяния хоть отбавляй.

— Давай покороче с заигрываниями, — бросил Онилвин. — Мы тоже ждем.

Усна глянул в его сторону, и чувственный жар в серых глазах мгновенно преобразился в ярость. Перемена произошла так легко, словно вождение и бешенство помещались в голове Усны совсем рядышком. Мне бы стоило при виде этого опомниться, а у меня наоборот — все внизу напряглось, я даже застонала чуть слышно.

Усна повернулся на звук, и в глазах засверкало чувство, объединяющее ярость и секс, — голод. Не знаю, чего он хотел в этот момент: убить и слопать Онилвина или трахнуть меня. Вины Усны в том нет, но временами он думал скорее как зверь, чем как более или менее человеческое существо. Вот и сейчас так же.

И именно в этот миг он дотронулся до кольца.

Оно рванулось к жизни перехватывающей дыхание, тянущей кожу вспышкой энергии, исторгшей крик наслаждения у Усны и едва не бросившей меня на колени. Я покачнулась, и он меня машинально подхватил, разорвав контакт с кольцом. Мы держали друг друга в объятиях, заново учась дышать. Он рассмеялся низким радостным смешком, как будто был очень доволен и мной, и собой.

— Реакция не была такой сильной, когда кольцо впервые оказалось на твоей руке, — отметил Баринтус. — Тогда оно просто окатывало теплом.

— Оно становится сильнее, — сказал Дойл.

— Моя очередь, — произнес Аблойк почти трезвым голосом, хотя при этом едва заметно покачнулся.

Усна развернул меня, как в танце, и изящное па поставило меня дальше от Аблойка. Только получив подтверждающий кивок от Баринтуса, Усна повернул меня в сторону нового претендента.

Аблойк протянул ко мне руку — достаточно твердую, как и голос, но вмещался Рис:

— Отойди сперва, Усна. А то еще примем твою фертильность за фертильность Аблойка.

Усна кивнул и закружил меня под неслышную музыку, подводя к Аблойку, словно и впрямь в танце. Аблойк попытался поймать мою руку и промахнулся — для танцев он был слишком пьян. Как и для многого другого.

Я остановилась на расстоянии вытянутой руки. Подходить ближе мне не хотелось по нескольким причинам: во-первых, от него разило, как из бочки с виски, а во-вторых, мало ли что с ним произойдет, когда он коснется кольца. Не хочу повалиться вместе с ним на пол, если он меня утянет.

Он неуклюже сграбастал мою руку, словно у него в глазах двоилось, и трудно было разобрать, которая из двух моя. Но проблемы со зрением ничему не помешали — стоило ему коснуться кольца, и оно мгновенно ожило. Волна жара промчалась по мне и бросила

Аблойка на колени. Я удержалась на ногах только потому, что ждала чего-то такого.

Я без труда высвободила руку, потому что магия завершила то, что начало виски. Подняться он не смог — так и остался стоять на коленях в своей невозможно полосатой норковой шубе.

— Королева не злилась, когда он явился пьяным? — спросил Дойл.

— Злилась, — сказал Баринтус.

— В драке он только мешать будет.

— Верно.

Они оба уставились на коленопреклоненного стража, и на лицах было написано, что они хотят с ним сделать. Если бы не приказ королевы, он отправился бы домой с позором, а не пошел на пресс-конференцию. Но увы, это было не в нашей воле.

Онилвин обошел Аблойка, как обходят кучу мусора на улице. Он молча протянул ко мне руку, и я не сделала попытки уклониться. Ничего не поделаешь, его прислала королева. Кроме того, потрогать кольцо еще не значит залезть ко мне в постель. Я надеялась переубедить королеву насчет Аблойка и Онилвина. Хотя бы одного из троих ею присланных мне придется принять, и как ни странно, лучшим из них оказался Аматеон. От чего я задумалась о критериях, по которым она подбирала мне стражей. Если я найду слова, чтобы вопрос звучал не слишком оскорбительно, я ее спрошу. Я подала руку Онилвину, и когда его пальцы задели кольцо, меня пронзила вспышка энергии — наслаждением острым до настоящей боли. Онилвин буквально отпрыгнул.

— Больно. На самом деле больно, — выговорил он.

Я потерла рукой живот, хотя потереть хотелось ниже, не живот у меня болел словно открытая рана.

— Никогда так больно не было. Ни при первом прикосновении, ни вообще.

Глаза у Онилвина выпучились как у испуганной лошади, сплошные белки.

— Почему оно так?..

— Видимо, оно на каждого реагирует по-своему. — Баринтус повернулся к Дойлу. — Это тоже новое свойство?

Дойл кивнул.

Онилвин попятился от меня, сжимая руку другой рукой. Я подумала, только ли пальцы у него болят, или он тоже подавляет желание зажать другое место?

— Кэрроу, — позвал Баринтус и махнул ему вперед.

Кэрроу не медлил и подошел ко мне все с той же улыбкой, знакомой чуть не с рождения. Как и Гален, он не держал камень за пазухой, вот только в отличие от Галена на лице у него отражалась только добродушная ирония. Улыбка у него была заменой надменности Холода или непроницаемости Дойла.

— Можно? — спросил он.

— Конечно. — Я протянула ему руку, и он ее взял.

Рука Кэрроу скользнула по кольцу — и ничего не произошло. Только ощущение его теплой руки — и все. Кольцо между нашими пальцами осталось холодным и мертвым.

Всего на миг разочарование проглянуло сквозь улыбку, разочарование такое острое, что глаза Кэрроу потемнели почти до черноты, словно в них сгустилась ночь. Но он собрался, прикрыл глаза длинными ресницами и, поклонившись, поцелован мне руку. Он шагнул назад как ни в чем не бывало, но я могла представить, чего стоила ему эта видимая легкость.

Все головы повернулись к Аматеону — оставался только он. Смотреть на него было

больно, настолько внутренний раздрай искажил красивые черты. Ясно было одно: он не хотел трогать кольцо. Не хотел знать. У него были желания, как у всякого мужчины, и единственный путь из ловушки, в которую загнала своих стражей королева, лежал перед ним. Но Онилвин отлично все выразил: для Аматеона утолить свой голод со мной, воплощавшей, по его представлениям, всю глубину падения сидхе, было едва ли не хуже, чем насильственное воздержание.

— Что ж, по своей воле мы бы такого не сделали, Аматеон. Но будем играть по правилам. — Я пошла к нему, и лицо у него заострилось от ужаса. Как будто ему хотелось сбежать, а бежать было некуда. Королева везде бы его нашла. Королева Воздуха и Тьмы, она нашла бы его везде, где хоть на минуту сгущается ночь. В конце концов она находит всех.

Я остановилась на расстоянии вытянутой руки, боясь сделать еще шаг. Меня самую пугал страх на лице Аматеона, в его сгорбленных плечах. Словно само мое присутствие оказалось для него пыткой.

— Я не стала бы тебя заставлять, но не мы решаем.

— Решаем не мы, — выдавил он сквозь стиснутые зубы.

Я покачала головой:

— Да, не ты и не я.

Он собирался у меня на глазах. Страх и внутренний разлад он запрятал куда-то вглубь — и вот его лицо снова стало спокойным и надменно красивым. Последнее, с чем он справился, — это со сжатыми в кулаки руками. Он распрямил пальцы один за другим, по одному суставу, как будто для этого требовалось жуткое усилие. Может, и требовалось. Я думаю иногда, что справиться с собой — самое трудное дело во вселенной.

Он перевел дыхание, и голос у него почти не дрожал:

— Я готов.

Я протянула ему руку словно для поцелуя. Он помедлил всего мгновение, взял мою руку, и как только пальцы коснулись металла, магия теплым ветром ударила в нас.

Аматеон отдернулся, словно его обожгло. Глаза испуганно раскрылись — но ведь ему не было больно. Ему было так же приятно, как и мне, что угодно поставлю.

— Кольцо удовлетворено, — подытожил Баринтус. — Пора позвать эту женщину, пусть она нами займется. Королева требует, чтобы мы выглядели безупречно.

— Что с ним будем делать? — Дойл кивнул в сторону Аблойка, так и стоявшего на коленях со счастливой, хоть и кривоватой ухмылкой.

— Поставим подальше от принцессы. А, мы же привезли плащи для крылатых. — Он поглядел, как Шалфей и Никка выпутываются из своих пледов, а Усна подает им плащи. — Очень хотелось бы услышать, как вы станете докладывать об этом королеве.

— А что, королева запретила тебе нас расспрашивать? — спросил Дойл.

— Нет, но объявила, что о подобных событиях следует сообщать ей первой. — Уголок губ у Баринтуса дернулся, словно он пытался сдержать улыбку. — Королева Андаис подозревает, что мы от нее что-то скрываем.

— Мы — это кто? — спросила я.

— Весь двор, по-видимому, — сказал он, и прозрачное веко опять мигнуло. При дворе что-то произошло — или происходило, — что здорово тревожило Баринтуса.

Мне хотелось узнать, в чем дело, но спросить я не решалась. Спрашивать при Онилвине и Аматеоне — все равно что при Келе. Что бы мы ни сказали, все станет известно приверженцам Кела. Черт побери, Онилвин и Аматеон и были его приверженцами. С какой

стать королева шлет их в мою постель? Есть у нее разумные основания или просто ее специфическое безумие вышло на новый уровень? Я не знала и не могла спросить при ее собственных и Келовых шпионах. Ни тем, ни другим нельзя было слышать, как я обвиняю королеву в безумии. Все это и так знают, но вслух говорить нельзя. Никто и не говорил. Разве что в узком, очень узком кругу.

Я обвела взглядом новых и прежних своих людей. Шалфей завернулся в золотистый шерстяной плащ и казался теперь словно выплавленным из густого меда. Крылья за спиной горели цветным витражом. Шалфей моим не был. Сидхе он теперь или нет, все равно он привязан к королеве Нисевин, а Нисевин мне не друг. Союзник, пока я ей угождаю, но не друг.

Аматеон прятал от меня глаза. Онилвин взглянул на миг, но тут же испуганно отвел взгляд в сторону. Укус кольца ему не доставил удовольствия, и мне тоже, если начистоту. Усна помогал Никке надеть роскошный красно-фиолетовый плащ, закалывая серебряной застежкой с опалом. Он не видел, что я на него смотрю, — слишком увлеченно острил на тему Никиных крыльев. Кэрроу словно отделился от прочих, он с нами не останется. Королева не даст бесполезному стражу околачиваться возле меня.

Если бы заговоздка была только в Шалфее, мы бы велели ему выйти из комнаты — но Андаис присылала мне все новых и новых людей, не вызывающих у меня доверия, и рано или поздно мы наткнемся на такого, кто не станет покорно выходить за дверь, когда нам захочется строить заговоры. Может, в том и была ее задумка. Она уже пробовала приставить ко мне шпиона, открыто объявив о его функции. Но он попробовал меня убить вместо того, чтобы шпионить, и Андаис никого не подобрала на освободившееся в результате место. Может, дело в этом. Я посмотрела на трех стражей, которых Баринтусу не хотелось ко мне вести, и подумала — да, дело в этом. Они ее шпионы. Один из них или все трое. Она послала троих, чтобы хоть один прошел испытание кольцом. Вот ее рассмешит, что тест прошли все.

Полчаса спустя мы выстроились на подиуме перед тремя микрофонами. Мэдлин вполне пришла в себя и с легкостью с нами управлялась — хоть среди нас были чуть ли не самые могущественные создания на земле. Ну, если бы величие подавляло или тем более пугало Мэдлин, она бы не проработала семь лет с королевой Андаис. Дойл и Баринтус даже напомнили ей, что время у нас ограничено. Она поменяла любимую потрепанную куртку Галена на искусно сшитый пиджак. Парку Китто пришлось засунуть подальше — этого я ожидала, но я не подумала, что джинсы и рубашка-поло тоже окажутся не к месту. На наше несчастье, плечи у Китто были широковаты для подростковой одежды, а одежда на взрослых мужчин была ему длинна — так что в Лос-Анджелесе мы ничего подходящего ему не нашли. Надо полагать, королева ожидала чего-то такого, так как прислала шелковую рубашку жемчужного цвета с длинными рукавами, подходящую к черным брюкам, которые нам все же удалось отыскать. Но присланный ею черный пиджак не подошел — оказался широк в плечах и рукава слишком длинны. Мэдлин пришлось согласиться, что водной рубашке Китто выглядит лучше, чем в пиджаке. Все остальные, как она нехотя признала, смотрелись хорошо. Хотя на самом деле никто из мужчин не смотрелся просто "хорошо". Потрясающе, грандиозно, великолепно — но не "хорошо".

Мне самой нужна была юбка покороче. Мэдлин такую привезла — в мелкую складочку, едва прикрывающую зад. При моем пристрастии к чулкам это означало, что я буду сверкать кружевным верхом чулок при каждом движении. А если не поостерегусь, поднимаясь на подиум, то покажу и гораздо больше. Я порадовалась, что белье у меня без завлекательных дырочек или кружевных вставок. Максимум, что смогут увидеть счастливики, — это плотный черный шелк. Разумеется, к новой юбке мне нужны были другие туфли. Мэдлин их привезла — лаковые, на четырехдюймовой шпильке. Ходить на таких каблуках я умею, но я вытребовала у нее обещание, что смогу переобуться, прежде чем выйти на снег. В шпильках по снегу гулять можно, только если хотите переломать ноги.

Я стояла на подиуме у стены между Холодом и Дойлом. Прочие стражи выстроились по бокам от нас. Слегка похоже на то, как выстраивают приговоренных к расстрелу — хотя полукруг полицейских перед подиумом вроде бы гарантировал, что до расстрела не дойдет. В душе я была уверена — если только королева не скрывает от нас что-то важное, — что полиция нужна для того, чтобы репортеры не ломались на сцену. А может, я просто побаивалась такой толпы журналистов. Что-то близкое к клаустрофобии, словно люди отбирали у меня воздух.

Я участвовала в пресс-конференциях сколько себя помню, но после смерти отца и всеобщей шумихи по поводу его убийства мне не бывало так легко с репортерами, как прежде. В самые горькие минуты моей жизни они лезли ко мне с вопросами: "Что вы сейчас чувствуете, принцесса?" Обожаемого мною отца убили неведомые мерзавцы. Что, черт бы их всех побрал, я могла чувствовать? Но королева ни разу не дала мне сказать это вслух. Только не правду. Нет, королева Андаис, только что потерявшая брата, заставила меня встречаться с журналистами и вести себя по-королевски. Вряд ли когда-то еще я так ненавидела свое королевское происхождение. Если вы из королевской семьи, вам не дадут тихо оплакать свою потерю. Ваше горе растиражируют в телевизионных новостях, в ежедневных газетах, в глянцевах журналах. Куда бы я ни взглянула — везде были портреты моего отца. Куда бы ни

повернулась — снимки его мертвого тела. В Европе напечатали даже те фотографии, которые не решились опубликовать в Америке, — кровь с них почти текла. Мой высокий, сильный отец, превращенный в кровавое месиво. Волосы черным плащом разметались по траве, а все остальное неузнаваемо.

Наверное, я всхлипнула, потому что Дойл тронул меня за руку. Он прошептал, нагнувшись ко мне:

— Что с тобой?

Я качнула головой, показывая, что все в порядке, облизнула внезапно пересохшие под помадой губы и опять качнула головой.

— Просто припомнила еще одну такую же людную пресс-конференцию.

Он сделал то, чего никогда не делал на публике, он, Мрак королевы: он меня обнял. Одной рукой, правда, чтобы не потерять возможность выхватить оружие. Я прижалась к кожаной куртке и теплому сильному телу Дойла под ней. На фотовспышки я не реагировала, стараясь не думать о том, что завтра же этот снимок обойдет все существующие газеты и журналы. Мне нужно было, чтобы меня обняли, и я прижалась к Дойлу и постаралась отогнать горе. Мне предстоит говорить о поиске мужа, принца, будущего короля. Это радостное событие, и королева ждет от нас улыбок.

Мэдлин приняла первый вопрос, пока я еще стояла в обнимку с Дойлом. Разумеется, задали его мне.

Дойл еще раз меня приобнял, и я скользнула вперед на моих четырехдюймовых каблуках. Вопрос был уже знакомый. Вряд ли сегодня будет много новых вопросов.

— Вы уже выбрали мужа, принцесса Мередит?

— Нет, — ответила я.

Поднялся другой репортер:

— Тогда в чем цель вашего визита на родину? Что вы хотите нам объявить?

Королева меня проинструктировала заранее.

— Мой дядя, Король Света и Иллюзий, дает бал в мою честь.

— Вы берете с собой своих стражей?

Вопрос коварный. Если я скажу "да", напишут, что без телохранителей я не чувствую себя в безопасности при Благом Дворе. Что, по существу, верно, но всем это знать не обязательно.

— Мои стражи везде следуют за мной... — Я сделала паузу, и Мэдлин шепнула мне на ухо: "Стив". — Стив, — повторила я. — В конце концов, там будут танцы, так не оставлять же мне лучших моих партнеров сидеть дома и считать ворон?

Смешки, улыбки — и дальше, дальше.

Женщина-репортер:

— Королева Андаис объявила, что сегодня будет бал в вашу честь при вашем дворе. А когда начнется ваш визит к Благому Двору?

— Он планируется через две ночи от сей. — "Планируется" я сказала на случай, если что-то стрясется и визит покажется нам слишком опасным. "Две ночи от сей" — потому что прессе нравится, когда мы употребляем непривычные или архаичные обороты — или то, что они такими оборотами считают. Я принцесса эльфов, и некоторые люди чувствуют разочарование, когда я говорю как средняя американка. Так что иногда я пытаюсь говорить так, как этого ждут от эльфов. Из стражей у большинства сохранился хотя бы намек на прежнее произношение. Только я говорю как девчонка со Среднего Запада. Ну, еще Гален.

— Не собираются ли двory примириться?

— Насколько мне известно, мы не находимся в состоянии войны — разве что вы в курсе чего-то новенького, Мори. — На этот раз я припомнила имя репортера сама. Улыбнуться, головку чуть склонить к плечу, показать им, как я юна, — если хочу показаться юной. Моя замена глазам олененка Бэмби: "Только посмотрите, какая я безобидная и милая, не обижайте меня!"

Моя игра заслужила одобрителный смех и новые вспышки, едва меня не ослепившие. На следующий вопрос я отвечала сквозь круги перед глазами. Я бы надела темные очки, если б тетушка нарочно не предупредила этого не делать. Темные очки вызывают подозрение. Нам нельзя казаться подозрительными. Впрочем, стражам она очки разрешила — едва ли не впервые на моей памяти. Что показывало, как она встревожена — сильнее встревожена, чем в нашу последнюю встречу. И никто из нас причин ее тревоги не знал.

Надо сказать, стражи в темных очках напоминали мальчиков из подпевки. "Мерри и ее веселые парни"^[4]. Так нас прозвали журналисты. Не самое оригинальное название для рок-группы, но бывают и похуже.

— Кто из ваших стражей лучший в постели?

Женщина спросила. Я встряхнула головой, так что волосы разлетелись в стороны и блеснули изумруды сережек.

— Ну... — Мэдлин шепнула мне ее имя. — ...Стефани леди берегут честь джентльменов.

— Но ты не леди! — крикнул кто-то из задних рядов. Я узнала голос. Все затихли, и следующий возглас прозвучал очень ясно: — Обычная эльфийская шляха. Королевское происхождение ничего не меняет.

Я наклонилась к микрофону и сказала низким волнующим голосом:

— Барри, ты ревнуешь!

Несколько полицейских уже пробивались к задним рядам. Барри Дженкинс всегда входил в список нежелательных лиц. У меня со времени гибели моего отца имелся судебный ордер, запрещающий ему ко мне приближаться. Он сделал самые удачные — самые кошмарные из всех — снимки тела моего отца и меня, рыдающей над телом. Суд признал, что Барри систематически нарушал права несовершеннолетней — мои права. Он не имел права получать выгоду, эксплуатируя несовершеннолетнего ребенка. А значит, все фотографии, которые он не успел еще продать, стали для него бесполезны. Продавать их ему запретили. А деньги, полученные за уже опубликованные снимки и статьи, он должен был пожертвовать благотворительным организациям. Он уже рассчитывал на Пулитцеровскую премию — а тут такой облом. Это, а еще небольшой инцидент на заброшенной дороге, где я совершила свою месть, он не мог мне простить.

Впрочем, он тоже отомстил — в какой-то степени. Именно он стоял за решением моего бывшего жениха Гриффина продать таблоидам кое-какие интимные фотографии. Я уже не была несовершеннолетней, а Гриффин пришел к нему сам, так что Барри даже не понадобилось приближаться ко мне на пятьдесят пресловутых футов, чтобы написать свой пасквиль.

Моя тетя, Королева Воздуха и Тьмы, объявила Гриффину смертный приговор. Не за нанесенное мне оскорбление, а за то, что он выдал смертным наши внутренние тайны. Это непозволительно. Насколько я в курсе, его до сих пор ищут. Если б за ним послали Дойла, думаю, он был бы уже мертв, но у Мрака королевы нашлись занятия поинтереснее мести.

Королеве важнее, чтобы я была жива и забеременела, чем наказать Гриффина. Черт возьми, это и мне важнее.

Мне не нужна смерть Гриффина. Она никак не исправит того, что он натворил. Ничего не изменит. Не изменит, что он был моим женихом семь лет и обманывал меня со всеми, с кем мог. Мы три года не виделись перед тем, как он продал меня прессе. Он, кажется, воображал, будто хорош настолько, что я все ему прощу. Но его заблуждения меня не волновали. Так что он вернулся на службу королеве — и к celibату, поскольку я его отвергла. Если не со мной, то он ни с кем теперь спать не мог. Эта мысль доставляла мне удовольствие — мне нравились и месть, и просто ирония событий. На следующий день в таблоидах появились наши снимки и его интервью с Дженкинсом.

Полицейские у двери не дали Дженкинсу сбежать, так что ему осталось только дожидаться, пока его возьмут под ручки другие копы.

— Что, Мередит, правда глаза колет?

— Судебное предписание запрещает вам, Дженкинс, находиться от меня ближе чем в пятидесяти футах. В этом помещении столько не наберется.

Он так шумел, что майор Уолтерс послал еще троих на помощь. Думаю, он скорее боялся, что репортеры полезут к Дженкинсу и он в свалке поломаст какое-нибудь ценное оборудование, чем действительно считал его угрозой для моей или чьей-нибудь еще жизни.

Оставшиеся полицейские старались закрыть разрывы в цепочке, но их было маловато. Если бы журналисты ринулись к нам сейчас, нам бы пришел конец, но они слишком заинтересовались устроенной Дженкинсом сценой. Скандал наверняка завтра появится в ленте новостей. Ничего интереснее этой свалки пока не произошло, и если мы не дадим им материала посвежее, они займутся Дженкинсом и нашей старой распрей.

Дойл и Холод одновременно шагнули прикрыть меня. Дойл даже притянул меня за руку поближе к стене, поближе к прочим стражам. Я качнула головой и прошептала:

— Не хочу, чтобы газеты опять мусолили убийство моего отца. Во второй раз мне этого не вынести.

Даже сквозь темные очки было видно его недоумение.

— Они опять все вытащат, Дойл. Чтобы объяснить подоплеку истории с Дженкинсом.

Холод тронул Дойла за плечо:

— Может, она права.

Дойл отрицательно мотнул головой:

— Твоя безопасность важнее всего.

— Безопасность бывает разная, — заметил Холод. Никаких капризных нот, которые стали мне уже ненавистны. Холод вел себя как положено взрослому, и я так этому обрадовалась, что обняла его за талию. Это было так замечательно — держаться за него. Я и не думала, что настолько устала и встревожена.

— Так что мы должны делать? — уже мягче спросил Дойл.

Кожу мне закололо, как в присутствии сильного волшебства. Мы все трое огляделись, и прочие сидхе сделали то же самое. Чары, но чьи и зачем?

Полицейский из оцепления пошатнулся, словно споткнулся на ровном месте. Он медленно повернулся к нам — я видела, как изумленно раскрылись его глаза.

Холод развернулся, подставив ему спину, и принялся выталкивать меня прочь со сцены. Я это после увидела на снимках, но в тот момент я ничего не видела, кроме рубашки Холода, ничего не чувствовала, только как он хватает меня в охапку, бросается бежать. За нами

взорвался выстрел и сразу же второй — звуки почти слились. Холод бросился на пол. Я чувствовала, как он увлекает меня вниз, а видела только его белую сорочку и разлетевшиеся полы серого пиджака. Пороховая гарь обжигала легкие.

Звуков не было. Грохот выстрелов так близко от меня, в маленьком помещении с отличной акустикой лишил меня слуха, я надеялась — временно. Рядом оказались ноги — Галена, подумала я за миг до того, как на меня лег дополнительный вес. Он бросился на Холода сверху, образуя на мне живой щит. Еще новая тяжесть, и еще, и я не видела, кто там, даже догадаться не могла.

Первый звук, который дал мне знать, что я не совсем оглохла, был стук Холодова сердца прямо у меня над ухом. Потом звуки стали возвращаться — обрывками, как порванная видеолента. Крики. И еще крики. Вопли и визг.

Что происходило, я узнала только потом, по видеосъемке, по фотографиям. Ленту крутили по всем новостным каналам. Полицейский целится Холоду в спину, пытается убить меня и будто не видит Дойла на расстоянии вытянутой руки с пистолетом, практически уткнувшимся ему в грудь. Другие полицейские с оружием на изготовку растерянно оглядываются по сторонам и никак не могут понять, что опасность исходит от одного из своих. Один целится в Дойла. Заколдованный полисмен успел выстрелить, когда стоявший рядом с ним наконец сообразил, в чем дело, и стукнул его по плечу. Но Дойл выстрелил раньше, чем первая пуля пролетела мимо, пробив стену за нами. Копы повалили своего околдованного собрата наземь, не заметив, что он уже ранен. И еще крупный план Риса и Никки за спиной у Дойла, в одной руке пистолеты, в другой — мечи, а потом картинка Баринтуса с остальными стражами в живой стенке вокруг меня.

Пока все это происходило, я лежала, придавленная бело-серым Холодом, а слух постепенно возвращался, и слышала я большей частью вопли. Что-то теплое капнуло мне на лоб, что-то тяжелее и гуще, чем пот. Повернуть голову и посмотреть я не могла, но вторая капля нагнала первую и покатилась по лицу — и я различила сладковато-металлический запах крови.

Я попыталась столкнуть с себя Холода, узнать, тяжело ли он ранен, — но это было все равно что пытаться сдвинуть с места гору. Мне только и удалось проговорить:

— Ты ранен, Холод!

Если он и услышал, то не обратил внимания. На меня никто не обращал внимания. Как будто мое участие в происходящем не имело значения. Это меня пытались убить, но сейчас на первом плане были стражи и полицейские, но не я.

Я слышала, как орет майор Уолтерс: "Тащите ее прочь!" Крик подхватили, словно боевой клич. "Уводите, уводите ее!" — орали мужчины, так много мужских голосов, и все орали.

Груз на мне уменьшился, я снова увидела свет. Возгласы: "Господи, она ранена!" Крик опять подхватили: "Она ранена, принцесса ранена!" Мои фотографии с текущей по лицу кровью тоже еще появятся в печати, но кровь была не моя. Впрочем, в тот момент только я это знала.

Китто стоял на коленях возле меня — я поняла, что он тоже лежал в груди заслонявших меня тел. Баринтус протянул мне руку: "Малышка Мерри..." Он уже сто лет меня так не называл. Я взяла его за руку, а Гален пытался осмотреть плечо Холода, и Холод его отпихивал. Мне даже не взбрело на ум, что Баринтус сегодня еще не касался кольца.

Он наткнулся на кольцо, когда поднимал меня на ноги, — и в шоке застыл посреди

движения. Стражи, которых он привел, принялись высматривать новый источник угрозы, они почувствовали порыв магии. Мои прежние стражи тоже почувствовали, но поняли, что это не новое покушение. Я слышала, как Холод воскликнул: "Да спасет нас Консорт!", а Рис высказался короче: "Мля". И все исчезло во всполохе магии.

Вода была теплая, теплая как кровь. Баринтус помогал мне плыть в этой воде. Почти невидимые на суше перепонки между пальцами теперь развернулись, одной сильной рукой он греб, второй прижимал меня к себе. Мы оба были наги, но я не сразу это заметила — такая теплая была вода. Как раз температуры тела. Я чувствовала, как движутся его ноги, удерживая нас на плаву посреди необозримого водного пространства, синего, как его волосы, и зеленого, как его волосы, и серого, как его волосы. Волосы струились у него по плечам и уходили в воду, и каждая прядь словно превращалась в струю воды и цветным ручейком уплывала прочь, и я не могла уже различить, где кончались его волосы и начиналась вода, и только его тело оставалось мне твердой опорой. И одна часть его тела становилась все более твердой, пока мы терлись боками в теплой-теплой воде.

— Мерри, — позвал он. — Что ты наделала?

Я открыла рот, но вылетело совсем не то, что я собиралась сказать:

— Я несю тебе океан, Мананнан Мак Лир, приди ко мне и возьми его.

Он закрыл мне рот ладонями, и несколько мгновений только его сильные ноги удерживали нас на плаву.

— Не называй меня так, ибо я не он. Я им не был долгие годы. — Он глядел потрясенно, словно слышать это имя причиняло ему страдания.

Я смутно понимала, что не одна теперь в своем теле, что не вполне владею собой. Эта мысль должна была меня напугать, но не напугала. Овладевшая мной сила так утешала, несла такое чувство безопасности... Словно меня закутали в спокойствие.

— Приди испей из меня, прижми к губам.

Мое тело оплелось вокруг него, обернуло нас обоих теплой водой. Я словно ждала, что он попытается меня оттолкнуть, — и предотвратила попытку. Теперь он не мог высвободиться. Мои тонкие руки стали нежными цепями, ноги вокруг его пояса отвердели, словно корни горы. Я чувствовала странную уверенность, что теперь он не смог бы меня сбросить. Отвергнуть мог, но не отбросить прочь. Мой вес вынудил его перевернуться на спину, одна лишь голова выступала из спокойных вод.

Глаза у него распахнулись испуганно, сверкнули белки.

— Ты не Мерри.

— Я Мерри, — сказала я, чувствуя, что говорю правду.

— Но не только Мерри. — Руками и ногами он бороздил воду, и тело его вжималось в меня так, как никогда прежде нам не случалось.

— Нет, не только.

— Дану, — шепнул он, словно волны прошелестели по далекому берегу.

Я обхватила его руками за шею и скользнула вверх, пока не коснулась губами его губ, а он не нашел вход в мое тело. Его прикосновение слегка привело меня в чувство, немного отогнало умиротворяющую силу — как раз достаточно, чтобы я пришла в себя.

— Баринтус... — выговорила я.

— Ты согласна, Мерри? Бог и Богиня хотят добра, но они не прочь использовать людей против их воли — а я больше не верю, будто цель оправдывает средства.

Я подняла голову и окинула его взглядом. Он лежал на воде подо мной, волосы плыли

вокруг ореолом синевы, бирюзы, зелени, а лицо сияло посреди этого буйства плывущих красок. Нас окружала лишь вода — она текла, двигалась, перемещалась, покачивалась крохотными волнами. Только его тело и было твердым и постоянным в безбрежном движении воды. Но я не цеплялась за него, я его оседлала, а он меня держал, и никакого страха не было — ни в нем, ни во мне. Им владело то же спокойствие, какое я ощущала в себе. Океан называют коварным, но море качало нас, а я смотрела в голубые глаза Баринтуса, чувствовала, как твердо он прижимается ко мне, упруго и длинно, и всего одного короткого движения бедер достаточно, чтобы вовсе уничтожить разделяющее нас расстояние, — и я видела одну только нежность у него в глазах. Он отказался бы от всего, все бы уступил, все отдал — стоило мне прошептать "нет".

Я наклонилась к самому его лицу, так что даже вздох мог оказаться поцелуем, и сказала:

— Пей из моих губ.

Я коснулась его губ губами и выговорила прямо в губы, словно воровала слова у него изо рта и отдавала обратно:

— Дай мне почувствовать твою силу во мне.

Он чуть отстранился, чтобы сказать:

— Будет не все, что могло бы, ведь ты смертная и можешь утонуть.

И с последним этим предупреждением его губы потянулись к моим, и он вонзился в мое тело. Сила рванулась у меня изо рта и пролилась в него, пока он вонзался в меня, — и магия словно лилась из меня и в то же время в меня вливалась. Мы замкнули круг губ и тел, магии отдаваемой и принимаемой, жизни и каждодневной маленькой смерти, его силы — державшей нас на воде, моей слабости — тянувшей вниз. Словно противоборствовали два заклинания, одно поднимавшее нас, другое — тянувшее на дно. Посреди жизни — смерть, посреди веселья — угроза, посреди океана — земля. Сама земля взывала ко мне, за сотни метров под нами. Земля ворочалась под одеялом морей, и я ее чувствовала. Я чувствовала, как перемещается земля, как переворачивается, — и словно земля прочла мои мысли, она заворочалась с боку на бок в своей постели.

Я ощутила поднимающуюся со дна волну силы, словно огромную черную тварь, плывущую быстрее и быстрее, — скользкую, темную, смертоносную тварь. Она ударила в нас, взметнув башнями океанские волны, и вскипятила само дно — так что воздух наполнился клубами пара. Вода стала не теплой, а горячей, такой горячей, что я вскрикнула и отпрянула от губ Баринтуса. Я видела его лицо, руки у себя на бедрах, чувствовала, как он бьет в меня, и не одна только его упругая длина в меня вонзалась. Словно мили и мили океанской воды стремились в меня, втекали в меня, сквозь меня, через меня, и мы взлетели в воздух на гребне вертикальной волны — водяной колонны, сверкавшей как хрусталь, жидким огнем разбрасывавшей капли плавающего камня. Я поняла теперь, почему он просил моего разрешения: ведь я не богиня, я просто Мерри, я не могла выдержать все, что он мне предлагал. Я закричала от наслаждения в оргазме — и от страха, что конца ему не будет.

Поверх грохота кипящих волн я услышала его голос: "Довольно".

Я лежала на подиуме, и полубессознательный Баринтус лежал на мне сверху. Мы беспомощно моргали друг другу в лицо, и моя растерянность отражалась у него в глазах. Я понимала, где я, и знала, что произошло, но переход был слишком резкий.

Мой Дойл и другие мои стражи стояли вокруг нас, к нам лицом, сцепившись

вытянутыми руками — они создали магический круг. Я различала силу круга, так поспешно ими образованного, чтобы не выдать происходящего внутри. Стражи, пришедшие с Баринтусом, в удивлении смотрели на нас, полицейские все орали: "Уведите ее прочь!" Прошли секунды, не больше.

Баринтус поднялся на колени и взял меня за руку — не ту, что с кольцом, — чтобы помочь сесть.

Это послужило сигналом остальным, они одновременно разомкнули руки. Круг распался, и вода хлынула наружу — небольшое наводнение, затопившее подиум, и первые ряды кресел, и всех полицейских. Брюки Холода из светло-серых мгновенно стали темными, шелковый плащ Риса превратился в тряпку. И только двое в центре водяного потока остались сухими — я и Баринтус.

Майор Уолтерс подошел, вытирая воду с глаз:

— Что это еще за дела?!

Дойл попытался что-то сказать, но Уолтерс отмахнулся:

— К черту все, убирайтесь отсюда, пока еще чего не стряслось.

И поскольку все только переглядывались ошарашенно, но никто не двигался с места, майор наклонился прямо к лицу Дойла и проорал голосом, сделавшим бы честь любому громиле-сержанту:

— Бегом!

И мы побежали.

Я споткнулась на бегу, Гален подхватил меня на руки и втащил в средний из ожидавших лимузинов. Назавтра появятся фотографии: я с окровавленным лицом, очень маленькая и хрупкая на руках у Галена. А значит, какой-то храбрый придурок-репортер, вместо того чтобы забраться куда подальше, когда на сцену вышли пистолеты и колдовство, помчался за нами в расчете на новые снимки. Ну, Пулитцеровскую премию не заработаешь, сидя в тепле и уюте.

Только в машине, на коленях у Галена, среди набившихся в лимузин стражей, я сообразила, что это не личный экипаж моей тетушки. Просто обычный длинный лимузин. Даже просторней, чем Черная Карета, но далеко не такой жуткий.

Дверца захлопнулась, кто-то дважды шлепнул по крыше, и мы поехали. Дойл прошелся у всех по ногам и заставил Галена подвинуться, чтобы сесть рядом с нами, у второй дверцы. С ним никто не спорил. Рис и Китто уселись наискосок от нас, Баринтус — на откидном сиденье лицом к нам. Рядом с его сиденьем оставался довольно широкий проход для тех, кто захочет воспользоваться местами в следующем ряду — в глубине машины. Лимузин не просто так называют длинным, он длинный и есть.

Шалфей и Никка устроились на еще двух откидных сиденьях возле прохода, чтобы было где разместить крылья. Поодаль по-турецки уселся Усна. Он пытался выжать воду из пятнистых волос, на лице написано омерзение. Может, ко всей ситуации, а может, он просто не любил мокнуть.

До меня дошло, что штаны у Галена тоже мокрые, и трусики у меня уже пропитываются водой. Я вскочила на ноги и встала почти в полный рост — вот преимущество быть недоростком.

— Ты меня вымочил!

— Все здесь мокрые, кроме тебя и Баринтуса, — пробурчал Усна.

Гален поймал меня за руку, потрогал лицо — там, где подсыхала и уже липла к пальцам кровь.

— Твоя здесь тоже есть?

— Нет.

— Я видел кровь на плече у Холода уже после того, как вы вымокли, — сказал Баринтус. — Должно быть, свежую, раз она не смылась водой.

— Я тоже заметил. — Дойл наклонился вперед через Галена, лицо в свете потолочной лампы блестело от воды. — Ты сильно ранен?

Холод качнул головой:

— Нет.

Я прикоснулась к темному пятну у него на левом плече:

— Сними пиджак.

Он отвел мою руку.

— Рана не серьезная.

— Я хочу сама убедиться.

Он посмотрел на меня потемневшими глазами, темнее, чем я когда-либо видела, как грозовые тучи. Он был зол, но вряд ли он злился на меня, скорее на все сразу.

— Пожалуйста, Холод...

Он сдернул пиджак слишком резко и поморщился от боли. Темными грозовыми глазами посмотрел на Дойла:

— Непростительно, что мы дали выстрелить этому смертному.

Я забралась на сиденье Холода, чтобы разглядеть рану.

— Рубашка мешает.

Он ухватил рукав и оторвал его по шву.

— Если бы я выстрелил первым, полицейские могли заявить, что он и не собирался стрелять.

— То есть ты нарочно дал ему выстрелить? — Холод не верил своим ушам.

Удивился не он один. Мне объяснение тоже показалось странным. Наверное, я слишком сильно сжала руку Холода, он зашипел сквозь зубы. Я пробормотала "Прости" и занялась раной. Пуля прошла навывлет. Рана казалась чистой, и кровотечение уже замедлилось, почти прекратилось.

— Пулями нас не убьешь, а Мерри ты надежно прикрыл. Ее он не достал бы.

— И ты дал ему подстрелить Холода, — заключила я. Вот теперь у меня кожа похолодела. словно страх наконец меня догнал. Будто дожидался, пока я окажусь в относительной безопасности.

Дойл секунду подумал и кивнул:

— Да, я позволил ему один раз выстрелить прицельно.

— Пуля прошла навывлет через мое плечо и засела в стене, Дойл! Если бы он взял чуть ниже, он бы ранил Мерри.

Дойл нахмурился:

— Теперь мне и самому мои соображения кажутся неубедительными.

Баринтус наклонился и провел рукой вдоль тела Дойла. Выпрямившись, он потер пальцами, словно потрогал что-то неприятное.

— Чары безволия. Почти незаметные, но липнут к тебе как паутина.

Дойл кивнул:

— Теперь чувствую.

Он прикрыл глаза на миг, и я ощутила вспышку магии — он сжег остатки чар. Медленно, неровно выдохнув, он открыл глаза.

— Мало кто может со мной такое сделать.

— Как там плечо Холода? — спросил Баринтус.

— Я не целитель, но рана кажется чистой.

— Целителя среди нас нет, — вздохнул Баринтус, — и этот недосмотр в другой раз может стоить кому-нибудь жизни. Я попрошу королеву приставить к тебе целителя.

Лимузин повернул за угол, и я едва не упала.

— Сядь, — сказал Гален. — Если боишься промокнуть, сядь на колени Баринтусу.

— Неудачный совет, — возразил Баринтус с какой-то совершенно новой для меня интонацией.

— Почему? — не понял Гален.

Баринтус развел полы кожаного плаща: в паху на его светло-голубых брюках красовалось темное пятно.

— Не могу сказать, что я совершенно сух.

Настало неловкое молчание, но Гален всегда найдет что сказать:

— Это то, что я думаю?

Баринтус запахнул плащ.

— Да.

— Что ты скажешь королеве? — спросил Дойл.

Я опустилась на колени между креслом Баринтуса и подлокотником сиденья, занятого Китто и Рисом.

— Королева ни в чем не сможет его обвинить.

— Королева может сделать все, что ей заблагорассудится, — сказал Баринтус.

— Подожди, она ведь послала мне стражей как потенциальных любовников, так?

Ко мне повернулись серьезные лица.

— Ну вот мы и занялись сексом. Слегка метафизическим, но разве не ее слова, что все, на кого среагирует кольцо, все, кого она ко мне пошлет, получают право на секс?

Напряжение ушло осязаемо, как вода, что капала с волос им на лица. Волосы у всех липли к головам, даже кудри Риса и Галена. Чтобы распрямить кудри, воды нужно немало. Мокрые пятна на одежде виднелись у всех, кто носил не черное. Сколько же воды выплеснулось с последней волной магии?

— Так я теперь один из твоих мужчин? — почти забавляясь, спросил Баринтус.

— Если это спасет тебя от смертного приговора — конечно.

— Только по этой причине? — Он слишком серьезно на меня смотрел. Я отвела взгляд.

Я думала о Баринтусе как об отцовском друге, о советнике — о ком-то вроде дядюшки. Кольцо признало его несколько месяцев назад, но даже тогда я не могла представить Баринтуса в роли любовника. И он на эту тему не заговаривал.

— Королева разгневадается по-королевски, — заметил Усна. — Она с тобой неделями обсуждала, кого из стражей отправить к принцессе, кого узнает кольцо.

Он бросил попытки просушить волосы и принялся расстегивать пуговицы на рубашке, хотя, по логике, сперва ему следовало бы снять наплечную кобуру.

— Как это ты сумел не сказать ей, что кольцо тебя узнало?

— А откуда тебе известно, что я не впервые к нему прикоснулся?

Усна глянул на него саркастически:

— Ой, Баринтус... Королева послала тебя с другими стражами испытать кольцо еще в первый визит принцессы ко двору. Ты о результате промолчал, и все решили, что кольцо тебя не признало. — Усна выпутался из плечевого ремня, бросив его болтаться на поясе, и отодрал от себя мокрую рубашку. Рыжие и черные пятна, как всем стало видно, шли у него и по телу. — Но сегодня кольцо тебя узнало без всяких сомнений.

— Я никому не лгал, — сказал Баринтус.

— Конечно, мы же никогда не лжем, — усмехнулся Усна. — Зато недоговариваем столько, что честнее было бы просто соврать.

Он бросил рубашку на пол и взялся расстегивать ремень.

— Ты серьезно собираешься раздеться прямо здесь? — спросила я.

— Я мокрый насквозь, принцесса. Разденусь — высохну быстрее. Одежда дольше сохнет, чем моя шкура.

— Кольцо и вправду сверкнуло для меня, когда Мередит вернулась ко двору, но я подумал, что буду полезней ей, если останусь ее союзником при дворе. Как ни грустно, я до сих пор так думаю.

— Королева не оставит тебе выбора, — хмыкнул Усна. — Разве что предложит вместо постели принцессы посетить Зал Смертности. Это всегда пожалуйста.

Я посмотрела на Баринтуса. Мне хотелось спросить, объявит ли он свое истинное имя двору или хотя бы королеве. Но спросить, не упоминая о других тайнах, я не могла. А это была его тайна, не моя.

Если он и разгадал мой взгляд, то не подал виду.

— Когда я коснулся кольца впервые, ничего подобного сегодняшнему не было. Совершенно ничего.

— Кольцо приобретает силу, — сказал Дойл.

— Возможно, сейчас дело не в нем, — заметил Рис.

Мы повернулись к нему.

Он распахнул насквозь мокрый плащ и достал чашу. Мы, знавшие о ее возвращении, были потрясены. Состояние Баринтуса, который ничего не знал, даже потрясением не назовешь.

— Где ты ее взял? — сумел он наконец прошептать.

— Подобрал на подиуме, когда она покатилась. Ее прикрыло полой твоего плаща, и думаю, под объективы она не попала. Когда Баринтус встал, я ее спрятал в руках, насколько смог.

— Мы же ее заперли в шкатулку с косметикой и завернули хорошенько! — воскликнула я.

Никка поднял шкатулку с пола:

— Я взял шкатулку с собой, как велел Дойл. До пресс-конференции ее нес кто-то другой, так что я не заметил, что она стала легче.

— Как чаша выбралась из шкатулки?

Дойл махнул рукой, и Никка открыл ящичек. Черная шелковая наволочка пустая лежала на дне. Я взяла ее, чтобы завернуть чашу и снова положить в шкатулку, но Дойл вмешался:

— Нет-нет, Мерри. Не прикоснись одновременно к ней и к кому-нибудь из нас. Мы не сумеем сейчас выстроить круг силы. И не уверен к тому же, что он подействует внутри металлической машины и на ходу.

— Как думаешь, нам все удалось сдержать? — спросил Рис.

— Не знаю, — ответил Дойл.

— Я не о том спрашивал, — сказал Баринтус. — Не о том, откуда вы вынули ее сейчас. Я спрашивал, где вы вообще ее раздобыли?

— Она мне приснилась, а когда я проснулась, она лежала у меня под боком.

— А я думал, это держат в тайне, — протянул Шалфей.

— Баринтусу надо об этом знать, — возразил Рис, — а кошки обожают хранить секреты.

— Принцесса и Мрак тоже так думают? — спросил Шалфей.

Мы с Дойлом переглянулись и дружно кивнули:

— Да.

Усна тем временем успел освободиться от одежды. Он пополз к нам на четвереньках: кобура хлопала по голому плечу, а ножны с мечом он волок в руке, и все это ему странно шло. Правое плечо и половина руки выше локтя у него были черные, а спина, насколько я помнила, рыже-черная. Рыжее пятно красовалось на правом бедре и еще одно — на левой икре.

Обращался он ко всем, но смотрел только на меня.

— Что приснилось, говорите? — Непринужденно-любопытный голос никак не

соотносился с эмоциями во взгляде.

— Это, — показал Рис.

Когда до Усны дошло, что именно держит Рис, он вскочил на колени и длинно и замысловато выругался по-гэльски.

— Чаша, та самая чаша?!

— Видимо, да, — сказал Баринтус.

Усна оказался практически рядом со мной, когда встал на колени. Может, я слишком долго живу среди людей, но мне показалось странно, что он голый стоит так близко и не возбужден. В глубине души это меня даже задело. Ребячество? Наверное. Но мне до жути захотелось взять его в руку и заставить вспомнить о себе. Наверное, я даже шевельнулась, потому что Баринтус тронул меня за плечо, не дав закончить движение.

— Тебе кажется, что ты должна до него дотронуться?

Я задумалась.

— Что-то в этом роде.

— Не нужно, пока чаша так близко. Как напомнил Дойл, мы на дороге, в автомобиле. Той воды, что вылилась на пресс-конференции, хватило бы, чтобы затопить этот салон.

Я выпрямилась и села на пятки. Поза не очень удобная с этими каблуками. Лаковая кожа гнется хуже, чем обычная.

— Ты прав, — сказала я и отползла подальше от Усны и от чаши. Остановилась, только наткнувшись на мокрые ноги Галена и собравшуюся под сиденьем лужу. В луже я и осталась. Белье, чулки и юбка у меня черные. Сидеть в воде не слишком приятно, но никто не заметит, что я промокла. Мне сейчас важнее было убраться подальше от чаши. Длинный лимузин или не длинный, а сбегать в нем особенно некуда.

— А что случится, если принцесса до меня дотронется? — поинтересовался Усна.

— Может быть, ничего, — ответил Баринтус, — а может, многое.

Он повернулся к Дойлу:

— Чаша всегда поступала по собственному разумению. Это не изменилось?

Дойл качнул головой:

— Напротив, еще усилилось.

— Помоги нам Консорт, — прошептал Баринтус.

Из интеркома донесся голос шофера:

— Мост перекрыт и везде полицейские мигалки.

Дойл нажал кнопку:

— Что там случилось?

Пауза, потом опять голос водителя:

— Река залила мост. Такой высокой воды я не видел с наводнения девяносто четвертого года. Странно, дождей-то не было.

В повисшем молчании мы смотрели друг на друга.

— Похоже, нам не удалось полностью сдержать выброс энергии от возвращения Баринтусу божественности, — заключил Дойл.

Я припомнила землетрясение, последовавшее за инициацией Китто. И подумала по аналогии:

— А в Калифорнии после нашего отъезда землетрясений не было?

Баринтус покачал головой.

— Я смотрел сводку погоды, узнавал, не задержат ли ваш рейс. Землетрясений не

было. — Он вдруг задумался. — Был сильный ураган, едва ли не торнадо, что для тех мест нехарактерно, но далеко от аэропорта.

Все, кто был в курсе, переглянулись.

— Что такое? — спросил Баринтус.

— Когда я инициировала Китто, позже ночью случилось землетрясение.

— А при чем тут этот ураган?

— Крылья у Никки появились как раз когда... — Я мотнула головой. — Шалфей, покажись.

Шалфей повернулся к Баринтусу и во все глаза глядящему Усне. Эльф ухмылялся, довольный как черт. Потом приподнял очки и посмотрел на них трехцветными глазами.

Усна зашипел вслух.

— Богиня, он сидхе!

Баринтус взял Шалфея за подбородок, повернул к свету его новые глаза.

— Он сидхе не был ни одной каплей крови. — Он отпустил Шалфея и уставился на меня. — Это ты сотворила?

Я кивнула.

— Как?

— Во время секса.

Баринтус нахмурился.

— Ты сказала, что крылья у Никки появились тогда же.

— Ага, — кивнула я.

Он задумался на секунду.

— Ты занималась сексом с ними одновременно.

Фейри не видят ничего странного в сексе с несколькими партнерами, с его стороны было бестактно заострять на этом внимание.

— И что с того? — пришел мне на защиту Дойл.

— Королева убеждена, что Мерри нужно быть с несколькими любовниками одновременно, чтобы зачать.

— Почему? — спросила я.

Он пожал плечами.

— Не знаю наверняка, но ее намерения на этот счет вполне отчетливы.

По тому, как он построил фразу, становилось ясно, что в других отношениях намерения королевы туманны.

— Я уже не раз бывала с несколькими любовниками одновременно.

— С кем?

Рис ответил, на миг отвлекшись от упаковывания чаши обратно в шкатулку:

— Со мной и с Никкой.

Никка закрыл крышку шкатулки и тщательно проверил замок, хотя все мы, наверное, знали, что не в замке дело.

— Королева захвачена мыслью, что Мередит должна иметь несколько любовников за раз. Если она узнает, что это не принесло плода... — Он покачал головой и взглянул на меня. — Королева в последнее время стала спокойнее, Мередит, но как будто упорнее и целеустремленней. Выработав план действий, она от него уже не отклоняется, даже если подсунуть ей какого-нибудь красавчика или повод для пытки. Она словно потеряла интерес к прежним увлечениям.

Мне всегда казалось, что как раз увлечение моей тети пытками и сексом не дает нормально иметь с ней дело. Но из слов Баринтуса выходило другое.

— Хочешь сказать, что ты сексом и болью все эти годы нарочно ее отвлекал?

Он кивнул.

— Все равно что дать ребенку леденец. Он хватает конфетку и забывает обиды. Но в последние несколько недель, сколько кровавых конфеток ей ни предложи, она не сворачивала с пути. Возьмет угощение, насладится и возвращается точно в ту же точку, с которой ты хотел ее увести. — Баринтус нахмурился. — С одной стороны, приятно было видеть, что она начала думать головой, а не другим местом. И в то же время мы привыкли уже иметь дело с другим местом. Ее голову отвлечь не так легко.

— Но если она думает головой, а не чем еще, то почему она так зациклилась на идее группового секса с моим участием?

— Кажется, она решила, что для тебя это единственный способ забеременеть. И еще она все время подбирает тебе божеств растительности и земледелия. Два этих пункта для нее равно важны.

— А ты не знаешь почему? — спросил Дойл.

Баринтус покачал головой.

— Предпосылка явно была. Она пыталась Конри, и пыталась его лично.

— Но я думала, что его осудили на пытку за покушение на меня. Разве не так?

— Это он уже отбыл и с тех пор ни в чем не провинился. Он как будто понимал не больше нас, когда она его взяла. Потом она выставила его изломанное тело в парадном зале и заставила всех пройти и посмотреть, во что он превратился, но во рту у него торчал кляп и говорить он не мог. А сейчас он лежит запертый в темнице, и навещает его только Ффлур, королевская целительница.

— Конри — один из самых преданных сторонников Кела среди стражей, — сказал Дойл.

Баринтус кивнул:

— Верно, и слышал бы ты, какой поднялся переполох среди людей Кела, откровенно выражавших мысли о том, что Мерри недостойна трона. Они просто пресмыкались, пытаясь снова завоевать расположение королевы.

— Она пыталась одного Конри? — спросила я.

— Пока да, но союзники Кела все перепуганы.

— Ты отметил, что Конри не дали говорить, — сказал Дойл. — Ты думаешь, он что-то королеве рассказал? Что-то, что она хочет сохранить в тайне?

— Да, — кивнул Баринтус.

— Можешь предположить, что это?

— Именно после пытки Конри королева обрела идею свести Мередит с несколькими мужчинами за раз, причем желательно с богами растительности и земледелия. — Он пожал плечами. — Теперь вы знаете то же, что и я. Если вам это о чем-то говорит, очень хотелось бы услышать.

Дойл качнул головой.

— Мне надо подумать.

— Мы все подумаем, — поправил Рис.

Все согласно кивнули.

Водитель сказал в интерком:

— Машины только что начали пропускать. Река вернулась в русло. Чудеса какие-то. Кто-то нервно хихикнул.

— Ну, могло быть хуже, — сказала я.

Все уставились на меня.

— Мы едва не заставили разлиться все ручьи и реки в Сент-Луисе, — сказал Дойл. — Что может быть хуже?

— Когда-то на месте Сент-Луиса находилось громадное внутреннее море. Миллион лет назад плюс-минус пару тысячелетий, — тихо пояснила я.

Тишина в машине вдруг стала тяжелей и плотнее, наполненная общим ужасом.

— Китто вызвал землетрясение. Никка и Шалфей — ураган, — задумчиво сказал Гален. — Как-то мне не кажется, что возвращение Баринтусу божественного статуса могло бы затопить полконтинента.

Я теперь точно могла сказать, кто из нас знал, что Баринтус — это Мананнан Мак Лир. По быстро брошенному и тут же отведенному взгляду. Гален не знал. Зато я знала, и от мысли, что мы подняли такую силу без ритуального защитного круга, мне стало зябко. Впрочем, может, повлияла еще и холодная лужа у меня под задом.

От парковки до входа в холмы идти было долго и холодно. Снег был мне по колени, и я, несчастная смертная, не прошла бы по нему в мини-юбке и на четырехдюймовых шпильках. Или ноги переломала бы, или обморозилась. Так что меня нужно было нести, а только Баринтус не промок насквозь. У всех остальных одежда застыла на ледяном ветру, и те, кто не был магически защищен от холода, дрожмя дрожали.

Баринтус нес меня с легкостью. С его ростом он и не замечал сугробов, в которых я бы увязла напрочь. Я всегда помнила, что он на два фута выше меня, но сейчас, прижатая к его широченной груди, как никогда прочувствовала его физическую мощь.

Чувство это было и приятно, и беспокойно. Свернувшись у него в руках калачиком, я чувствовала себя совершенным ребенком. Когда я и правда была ребенком, он не раз носил меня на руках, но недавние воспоминания не давали мне теперь испытывать к нему дочерние чувства. Прижимаясь к его сильному телу, я не чувствовала смущения, но и спокойствия тоже не было.

Я выглянула из уютного гнезда, которое он сотворил для меня из своего плаща. Непонятно было, не мерзнет ли он без плаща. Он смотрел прямо перед собой, а на меня не обращал внимания, словно и правда нес ребенка. Может, он и считал меня ребенком. Может, случившееся на пресс-конференции не слишком поменяло его отношение ко мне. Магия для него значила много, но что до остального — как знать, может, я так и осталась для него только дочерью старого друга. Он всегда был мне настоящим дядей — он, а не кровные родственники.

Если бы кто угодно — или почти кто угодно — из стражей только что пережил бы со мной столь интимный момент и тут же перестал замечать, я бы что-нибудь предприняла, чтобы напомнить ему о своем существовании. Но это был не кто угодно, а Баринтус, и приставать к нему казалось мне недостойно ни его, ни меня.

Наверное, я вздохнула сильнее, чем собиралась, потому что изо рта у меня вырвалось облачко пара.

— Ты не замерзла, принцесса?

Как только он спросил, я поняла, что вообще-то должна мерзнуть. Ноги у меня были практически голые, да и свеху не слишком много надето.

— Нет, мне тепло, только почему? — Обращение тоже меня удивило. — Ты назвал меня "принцесса". Ты никогда не называл меня по титулу.

Он посмотрел на меня, прозрачное веко мигнуло и снова спряталось.

— Тебе не нравится, что тебе тепло?

— Это уход от ответа, а не ответ, друг мой.

Баринтус коротко хохотнул, что сходило у него за смех. Он так крепко прижимал меня к груди, что этот звук отдался у меня по всему телу, лаская в местах, где только магия могла меня касаться.

Я вздрогнула от неожиданной ласки.

— Прошу прощения, принцесса. Я уже очень давно не ощущал такой силы. Уйдет немало времени, пока я снова научусь владеть ею как прежде.

— Ты не даешь мне мерзнуть.

— Да, — подтвердил он. — Ты не чувствуешь?

Мысленные щиты, которые я носила день и ночь, охраняли меня, не давали погрузиться в мир чудес и волшебства. Многие фейри просто живут в сырой магии, одевающей все сущее, но мне еще ребенком это казалось слишком пугающим, сводило с ума. Отец научил меня ставить барьер от шума повседневной магии. Но чары, творимые у меня над головой, я не могла не ощутить. Даже сквозь щиты.

Я не стала убирать щиты — слишком уж близко мы подошли к границе волшебной страны. Не знаю, то ли дело в смертной крови, то ли просто я слабовата в магии, но без щитов воздействие волшебной страны мне трудно было выносить. Впрочем, если бы дело было в этом, то смертные вообще не смогли бы долго жить среди нас. Мэдлин Фелпс, к примеру, не имеет ни магических, ни парапсихических талантов. Как же она живет? Как удается ей не сойти с ума под пение ситхена?

Я высунула из-за щитов тоненький магический щуп. Некоторым сидхе пришлось бы сбрасывать щиты полностью, но им зато не нужна была бы такая плотная защита. Что-то теряем, что-то находим — так всегда.

Теперь я чувствовала покров магии Баринтуса над нашими головами словно невидимую тяжесть. Мы двигались в ореоле его магии. "На ощупь" эта магия казалась теплой и как будто жидкой. Я закрыла глаза и попыталась мысленно увидеть его щиты. Возник образ воды и волн — бирюзовых и притягательных, теплых как кровь волн у дальних берегов, где не знают зимы.

Я могла бы добиться сходного эффекта, призвав солнечное тепло или память о теплых телах под одеялом, но удерживать чары на ходу мне было бы нелегко. Стоя на месте, такие щиты я создавала без труда, но при движении возникали сложности.

— Какая теплая вода, — заметила я.

— Да, — сказал он, не глядя на меня.

Гален догнал нас и пошел рядом, дрожа в мокрой одежде. Короткие волосы звенели льдинками, а на щеке красовался свежий порез. Замерзшие прядки как раз доставали до щеки.

— А если я тебе на спину запрыгну, ты и меня согреешь?

— Сидхе неподвластны холоду, — бросил Баринтус.

— Не надо обобщений, — сказал Гален, стуча зубами.

Никка брел с другой стороны от нас и тоже дрожал.

— Я никогда еще так не мерз. — Плотно сжатые крылья подернулись инеем и походили на заснеженный витраж.

— Это из-за крыльев, — крикнул откуда-то сзади Шалфей. Эльфа нес на спине Рис, на вид совершенно не страдавший от холода. Но Шалфей весь скукожился, и я удивилась, почему Рис не поможет ему справиться с холодом, как Баринтус помог мне. — Мы, бабочки, для снежных зим не приспособлены.

— Я сидхе, — возразил Никка.

— Да и я теперь вроде бы, только у меня вот-вот яйца отвалятся.

Гален расхохотался и чуть не упал.

Дойл крикнул, обернувшись к нашей маленькой компании:

— Заканчивайте болтовню. Быстрее доберемся до холма — быстрее согреемся.

— Почему это ты не мерзнешь? — спросил Гален.

Ответил ему Аматеон, шагавший справа у края дороги. Он весь дрожал, а заиндевевшие подстриженные пряди резали ему щеки каждый раз, когда ветер задувал их на лицо.

— Мрак не мерзнет.

— Холоду тоже холодно не бывает, — крикнул Онилвин с левого фланга. Он тоже трясся, но у него хотя бы волосы были достаточно длинные, чтобы держаться в причёске и не ранить лицо.

При имени Холода я невольно глянула назад — он шел последним. Не потому, что не мог идти быстрее — мог, конечно же, холод был ему нипочем, но Дойл приказал ему охранять тыл. Одно покушение на мою жизнь уже состоялось, нельзя было рисковать.

Одного из своих мужчин я недосчиталась. Пришлось приподняться, чтобы разглядеть Китто, ковыляющего в хвосте процессии. Наверное, я попросила бы ему помочь, но тут Холод выудил его из сугроба и усадил себе на плечи. Без всякой просьбы, без единого намека.

Китто не сказал "Спасибо": они с Холодом оба стары, а старейшие среди нас высказанную вслух благодарность считают оскорблением. Современные любезности принимаются без проблем только теми, кто младше трехсот лет. А значит, только мы с Галеном могли бы обрадоваться, услышав "спасибо". Все прочие были староваты.

Я вернулась в теплое гнездо из магии и рук Баринтуса.

— Так почему я вдруг стала для тебя "принцесса", Баринтус? Ты с самого моего детства звал меня Мередит или малышка Мерри.

— Ты уже не ребенок. — Он упорно смотрел вперед, словно на пути следовало ждать неприятностей. И вряд ли он опасался сугробов.

— Ты хочешь установить между нами дистанцию?

— Нет. — После секундной паузы на губах у него появилась улыбка. — Ну, может быть, но я не это имел в виду.

— Тогда в чем же дело?

Он посмотрел на меня, и прозрачное веко опять мигнуло.

— Ты принцесса и наследница трона. У меня слишком много врагов, чтобы мне позволили остаться в твоей постели.

— Но когда узнают, что к тебе вернулась сила бога...

— Ох нет, Мередит. Если только об этом узнают, меня постараются убить раньше, чем сила вернется ко мне полностью.

Я хотела сказать: "Они не посмеют", но вовремя поняла свою глупость.

— Очень было опасно оставаться при дворе и обеспечивать поддержку моих притязаний на трон?

Он опять отвел глаза:

— Не очень.

— Баринтус, — сказала я с укором, — только правду.

— Я не лгу, принцесса. Не очень — правдивый ответ.

— И полный?

Он невольно улыбнулся:

— Нет.

— А полный ответ ты мне дашь?

— Нет.

— Но почему?

— Потому что не хочу, чтобы ты волновалась, когда снова уедешь.

— Всех других, кого узнало кольцо, тетя отправила в Лос-Анджелес со мной.

— Ты же слышала, как меня называют за спиной?

— Делатель королей, — сказала я.

— Теперь чаще — делатель королев. — Он качнул головой, и порыв ветра плащом взметнул синие волосы. — Уже тысячу лет все подозревают меня в тайном влиянии на трон. И ты думаешь, никто не возразит, когда я стану твоим консортом, а в перспективе — королем? — Он опять покачал головой. — Нет, Мередит, даже королева это осознает. Потому она и не послала меня с тобой в Лос-Анджелес. У меня слишком много силы и слишком много врагов, чтобы подпустить меня так близко к трону.

— А если я от тебя забеременею?

Он уставился в пустоту.

— У нас уже все было, Мередит. Большого королева нам не позволит.

— В машине ты говорил по-другому, ты не возразил Усне.

— Там было слишком много ушей, и не все принадлежали друзьям.

— Баринтус...

Он предостерегающе качнул головой. Я оглянулась: Аматеон и Онилвин оказались ближе к нам, чем прежде. Может, достаточно близко, чтобы слышать наш разговор. Я практически была уверена, что они шпионят для Андаис, вопрос был только, для кого еще они шпионят? Верит ли сама Андаис, что все тайны они откроют ей одной? Нет, вряд ли она рассчитывает на их преданность — только на страх. А что все сидхе боятся ее больше кого бы то ни было, Андаис могла не сомневаться.

И все же кто-то попытался меня убить. Отважился вызвать гнев королевы. То ли ее стали меньше бояться, то ли нельзя править одним страхом. Меня ее власть Королевы Воздуха и Тьмы пугала до чертиков, но я никогда не верила, что одного только страха хватит, чтобы править сидхе. Мой отец, правда, тоже так считал, и его мягкосердечие привело его к гибели. Если я все же доживу до восшествия на престол, я не смогу стать такой, как Андаис, — духа не хватит. Но и вести себя как отец я не могу — сидхе и так считают меня слабой. Если я буду относиться к другим с пониманием, как отец, — это станет моим концом. А если нельзя править ни страхом, ни любовью, то что остается? Ответа у меня не было. А когда в зимнем сумраке перед нами выросли холмы волшебной страны, я подумала, что не там искала ответа. Два слова всплыли у меня в голове, словно кто-то их шепнул: "безжалостно" и "справедливо".

Можно ли быть одновременно справедливой и безжалостной? Разве безжалостность не несправедлива? Я всегда считала так, и этому учил меня отец, но может быть, есть какой-то средний путь? А если есть, смогу ли я его нащупать? И хватит ли у меня силы, хватит ли поддержки двора, чтобы идти по этому пути? Вот на этот вопрос ответа у меня не было точно. Потому что весь мой опыт в политике говорил, что никто не знает своей истинной силы, не знает, насколько верны друзья и сильны союзники, — пока не дойдет до дела, а тогда остается только победить или проиграть, выжить или умереть.

Ситхен казался всего лишь заснеженным холмом, и таким он и был — если не знать, как пройти внутрь. Но конечно, как и все в стране фейри, ситхен был не совсем таким, каким казался.

Чтобы войти в ситхен, нужно было, во-первых, найти дверь, а во-вторых, суметь ее открыть. Если ситхен находился в игривом настроении, дверь постоянно перемещалась. Можно было часами за ней гоняться по периметру холма. А может, он только со мной так забавлялся, потому что стоило Кэрроу положить руку на снег, и послышалась мелодия. Ее не удавалось запомнить, и даже не понять было, то ли это пение, то ли звучание музыкального инструмента, — и все же мелодия была прекрасна. Она заменяла дверной звонок, хотя не столько сообщала хозяевам о вашем прибытии, сколько давала знать вам, что вы отыскиали дверь. Если музыки не слышно — значит не в том месте вы ее ищете. Кэрроу послал требуемый магический импульс, и дверь возникла из ниоткуда. Точнее, проем — потому что двери как таковой не было. Просто отверстие, достаточно большое, чтобы мы вошли по четверо в ряд. Дверь как будто всегда знала, как широко нужно раскрыться — чтобы танк проехал или чтобы бабочка пролетела.

Сумерки сгустились почти до полной темноты, и бледный свет из двери показался ярче, чем на самом деле. Баринтус внес меня под свет. Мы оказались в коридоре из серого камня, достаточно широком, чтобы упомянутый танк спокойно продолжал движение по крайней мере до первого поворота. Ширина коридора не менялась в отличие от размера двери. Это было одно из немногих постоянных мест в ситхене — все прочее менялось по капризу ситхена или королевы. Словно каменный игрушечный домик, где можно хоть целые этажи переставлять с места на место. Трудно было угадать, куда тебя выведет знакомая дверь. Это то раздражало, то восхищало, а чаще и то, и другое сразу.

Вход закрылся, как только шедший последним Холод переступил порог. Остался только серый камень стены — дверь изнутри было найти не проще, чем снаружи. Белый свет лился ниоткуда и отовсюду, ровнее, чем свет факелов, но мягче электрического. Я когда-то спросила, что это за свет, и мне ответили — свет ситхена. На мое возмущенное: "Но это же не объяснение!" я услышала: "Больше знать и не нужно". Порочная логика во всей ее неприглядности, но наверное, другого ответа попросту не было. Вряд ли кто-то из еще живущих помнит, откуда взялся этот свет.

— Так и понесешь принцессу прямо к королеве, Баринтус?

Мечи вылетели из ножен с тихим металлическим шипением — так шипят капли дождя, падая на раскаленную землю. Пистолет появляется из кобуры много тише. И пистолеты, и мечи направились на звук голоса, а часть, на всякий случай, — в обратную сторону, к невидимой теперь двери. Мы с Баринтусом мгновенно оказались в центре отлично защищенного круга.

Говоривший улыбался. Стоящий рядом с ним — нет. Улыбка Иви была откровенно издевательская. Впрочем, чаще всего издевался он над самим собой. Он был высок, не ниже Дойла и Холода, но тонок как тростинка и изящен, как танцующие на ветру тростниковые стебли. Я бы предпочла, чтобы плечи у него были пошире, но из-за худобы он казался еще выше и еще изящней. Тонкие прямые волосы доходили ему до пят. Волосы составляли самую примечательную черту его внешности: зеленые, скорее даже темно-зеленые, и будто

прочерченные белыми прожилками. Только когда Иви подходил поближе, становилось видно, что на волосах будто нарисованы листья плюща ^[5]. Иви шагнул к нам, и листья словно взметнулись под ветром и улеглись опять, когда напарник схватил его за руку и дернул назад. Иви, наверное, так и полез бы на все эти клинки и пистолеты с улыбкой на губах и злой иронией в глазах. Когда-то я считала его легкомысленным, но постепенно я научилась видеть его печаль, начала понимать, что не легкомыслие это было, а отчаяние. Что бы ни соблазнило его вступить в ряды Воронов королевы, вряд ли сделка оправдала его ожидания.

Удержавшая его рука принадлежала Готорну. Его черные густые локоны спадали ниже колен, роскошную массу волос удерживал серебряный обруч. Свет играл зеленью в черных локонах, когда он поворачивал голову. С широких плеч до самых ног Готорн был укутан плащом цвета сосновой хвои — густо-зеленого роскошного цвета, — заколотым у плеча серебряной фибулой.

— В чем дело, Мрак? — спросил он. — Мы ничем вам не угрожали.

— Что вам здесь нужно? — спросил Дойл в ответ.

— Королева послала нас навстречу принцессе.

— Почему только двоих?

Готорн моргнул, и даже на таком расстоянии мне был виден странный розовый оттенок внутреннего кольца его радужек. Темно-розовый, зеленый и красный — такими были цвета его глаз.

— А почему должно быть больше? Что случилось?

— Они еще не знают, — тихо сказал Баринтус.

— Сколько вы здесь уже простояли на карауле? — спросил Дойл. Поза у него, впрочем, уже стала менее напряженной, ствол пистолета опустился к полу.

— Целую вечность, — сказал Иви, помахивая полой светло-зеленого плаща словно в танце.

Готорн кивнул:

— Часа два или больше. Время в ситхене течет по-разному.

Дойл спрятал пистолет, и словно по сигналу клинки вернулись в ножны и пистолеты в кобуры, и все встали "вольно" — или настолько "вольно", насколько у них получилось.

— Повторяю вопрос, Мрак: что случилось? — Но объяснять не пришлось, потому что стражи чуть расступились по ходу разговора, и Готорн увидел меня. Я и забыла, что на лице у меня кровь. Что-то я стерла о чью-то мокрую одежду, но не все. Все можно смыть только с мылом. — Да спасут нас Господь и Госпожа, она ранена!

— Это не ее кровь, — успокоил Дойл.

— А чья?

— Моя, — сказал Холод, выступая из толпы стражей, и опять, как по сигналу, все двинулись по коридору навстречу двоим ожидавшим.

Иви спросил, забыв ухмыльнуться:

— Что же случилось?

Дойл коротко описал им покушение, не упомянув о Баринтусе и кольце.

Иви качал головой:

— Кто же посмел? Принцесса Мередит несет знак королевы. Поднять на нее руку — значит отдаться на милость королевы. Из Воронов я таких смельчаков не знаю.

В словах не было ни следа обычного для Иви ехидства. Словно известие о покушении на меня так его перепугало, что все шуточки вылетели из головы.

Трехцветные глаза Готорна широко раскрылись.

— И правда, кто посмел?

Баринтус все так же держал меня на руках, но ни снег, ни мороз мне уже не грозили. Я тронула его за плечо:

— Я пойду сама.

Он посмотрел на меня так, словно позабыл, что я сижу у него на руках. Может, и правда забыл. Он согнулся почти вдвое, чтобы осторожно поставить меня на пол. Я одернула юбку, пригладила руками и пожалела, что складки позади не привести в порядок без утюга. Оставалось надеяться, что известие о том, что меня едва не убили, отвлечет королеву от несовершенства моего наряда. Только с Андаис никогда не угадаешь — временами она бушевала по поводу мелочей, если не могла ничего сделать с настоящими неприятностями.

Иви опустился передо мной на колени, и плащ завернулся, обнажив плечо, бедро и бок. Под плащом он был голый.

— Принцесса Мередит, королева Андаис шлет тебе приветствия. Мы — ее дар тебе. — В голосе снова слышалась издевка.

Готорн тоже встал на колени, и то, как тщательно он придерживал плащ, заставило меня подумать, надето ли на нем хоть немного больше, чем на Иви?

— Мы — ее дар тебе, буде кольцо нас признает, — дополнил Готорн тоном, ясно говорившим — он был бы зол, если бы посмел злиться.

— С этим наверняка можно подождать, — сказал Онилвин. — Если королева еще не знает о случившемся, ей нужно как можно скорее доложить.

Ответил ему Усна:

— Если ты так торопишься сообщить королеве дурные новости — вперед! Лично я не хотел бы первым ей все рассказать.

Усна так и не соизволил одеться, ножны с мечом он нес в руке.

Королева славилась обыкновением винить вестника в дурных вестях.

Онилвин слегка спал с лица.

— В этом есть резон.

— В твоих словах тоже, — возразил Баринтус. — Королеве нужно сообщить. Не пойму, как вышло, что никто с ней еще не связался.

— Три часа назад она еще ничего не знала, — сказал Готорн.

— Если бы знала, она прислала бы людей побольше, — заметил Дойл, и все признали его правоту.

— Она развлекается, — сказал Иви полным самоиронии голосом; у него вечно каждое слово будто имело двойной смысл, — и заявила, что отвлечется единственно ради прибытия принцессы.

— Но, конечно, ради такого известия следовало прервать ее забавы, — сказал Баринтус.

Готорн посмотрел на него косо:

— Ты один из нас, лорд Баринтус, но к тебе она относится не так, как к другим. Она уважает твою силу. Нам, прочим, не так повезло. Если мы прервем ее забаву, мы займем место ее игрушки. — Он отвел взгляд и вздрогнул. — Я бы не стал ей мешать известием о покушении на принцессу.

— А если бы оно удалось — ей все же сказали бы? — поинтересовалась я тоном, больше подходящим для Иви.

— Ты забрала к себе всех, у кого хватит сил дразнить зверя в его логове, принцесса, —

сказал Готорн.

— Мрак, Холод, Баринтус — все учительские любимчики у тебя, — продолжил Иви.

— Мистраль остался, — сказал Дойл.

Готорн качнул головой:

— Он ее боится, Мрак, как и мы все.

— В последнее время с ней говорить стало легче, — сказал Баринтус.

— Для тебя — возможно, лорд Баринтус, — не согласился Готорн.

— Дайте нам закончить, — сказал Иви. — А потом можете бросить жребий, кто из вас пойдет к королеве с такими новостями.

— Можно подумать, ты жребий бросать не будешь, — хмыкнул Рис.

— Мы не будем, — сказал Иви.

— Готорн, объясни, — потребовал Дойл.

— Мы подарены принцессе, если кольцо нас признает.

— Это ты уже говорил, — сказал Рис.

Дойл сердито на него глянул, и Рис пожал плечами:

— Говорил же.

— А если кольцо вас признает?.. — спросил Холод.

— То мы должны предложить принцессе разделить с нами постель. — Готорн упорно не отводил глаз от Дойла, словно меня тут вообще не было.

Иви хмыкнул, будто стараясь сдержать смех.

— И что смешного? — глянул на него Дойл.

— Королева выразилась иначе.

— Я точно передал смысл ее слов, — заявил Готорн тоном оскорбленного достоинства.

Иви расхохотался.

— Так что же сказала королева, Иви? — устало спросил Дойл, словно слышать он не хотел, но понимал, что выбора нет.

— Если кольцо вас признает... — тут он так точно симитировал голос королевы, что у меня волосы на затылке дыбом встали, — ...то трахните Мередит прямо на месте. Если она заартачится, уведите в ее комнаты или к себе. Плевать, лишь бы дело было сделано.

— Ну, — протянул Гален. — Это уж...

— Не слишком романтично даже для королевы, — закончил Рис.

— Н-да. — Гален был несколько шокирован.

— А я слово имею? — спросила я.

Готорн склонился так низко, что едва не задел лбом каменный пол:

— Прости меня, принцесса.

— Готорн тебе вот чего не сказал, — пояснил Иви. — Он спросил, что нам делать, если принцесса Мередит не пожелает отправляться с нами в постель, едва переступив порог.

Он подражал интонациям Готорна.

— И что ответила моя тетя?

Иви усмехнулся мне в лицо, и темно-зеленые глаза вспыхнули непонятной мне злой радостью.

Ответил Готорн, не поднимая головы, голосом таким же несчастным, насколько тон Иви был ироничным:

— "Вы неблагие сидхе или кто? Убедите ее".

Иви смотрел на меня с той же мрачной усмешкой:

— Он спросил, а если мы ее не убедим? — Он опять так точно воспроизвел голос королевы, что у меня мурашки побежали. — "Убедите, или возьмите так, или передайте, что я сказала, и пусть это ее убедит. Если Мередит откажется от предлагаемого ей удовольствия, может, она предпочтет взамен страдания? Потому что мы, неблагие, щедры что на одно, что на другое. Напомните ей об этом, если ее чувства слишком тонки для траха".

— Я бы сделал все что мог, только бы что-то изменить, — сказал Готорн, падая на полничком.

Я повернулась от насмешливой улыбочки Иви к Баринтусу:

— Ты, кажется, сказал, что в последнее время с ней стало полегче?

— Так и есть... было, — поправился он и имел совесть смутиться.

— Ну же, принцесса, — поторопил Иви. — Протяни нам прелестную ручку, и посмотрим, что будет. Если кольцо нас не признает, мы все вздохнем свободно.

— Он прав, — сказал Дойл. — Пусть коснутся кольца, и если оно останется холодным, пойдем к королеве с докладом.

— А если не останется? — спросил Холод.

— Будем трахаться прямо у стенки, — хихикнул Иви.

— Через мой труп, — заявил Гален.

— Ну, если пожелаешь, — не унимался Иви.

— Мальчики... — позвала я.

Гален повернулся ко мне, Иви по-прежнему смотрел на Галена.

— Никто здесь никого не убьет, пока я не прикажу.

Тут Иви соизволил повернуться ко мне, в злости появился оттенок удивления:

— Что это значит?

— Это значит, что если ты меня достанешь, Иви, то у меня под рукой полдюжины лучших воинов, какие были за всю историю сидхе, и если я мило попрошу, они нарежут тебя на кусочки.

— Ах, но этим ты нарушишь повеление королевы.

Я чуть-чуть нагнулась — поближе к его лицу, — чувствуя, как расплзается на губах мерзкая ухмылка.

— Нет-нет. В момент смерти частенько случается оргазм. Королева велела не показываться ей на глаза, пока твоё семя не попадет мне на тело. Она ведь не уточняла, каким образом это должно произойти?

Злорадство исчезло в никуда, и издевка поблекла под моим взглядом — в зеленых глазах остался один страх. Не то чтобы мне доставил большое удовольствие его испуг, но какую-то компенсацию я точно получила.

Он облизнул внезапно пересохшие губы.

— Ты точно родня своей тетки.

— Да, Иви, да, и лучше не забывай об этом. — Я наклонилась к самым его губам. — Никогда. — Я нежно поцеловала его в губы, и он вздрогнул всем телом.

Я потянулась рукой к его лицу, но Баринтус перехватил мое запястье и отвел в сторону.

— Возможно, королеве следует узнать обо всем случившемся прежде, чем мы снова воспользуемся кольцом.

Мы все переглянулись. Готорн спросил:

— Что еще стряслось?

— Скажем так, кольцо прибавило в силе, — объяснил Баринтус. — Я не знаю теперь,

что случится, если принцесса дотронется им до кого бы то ни было.

Иви мрачно рассмеялся.

— Вижу, что случилось с тобой, лорд Баринтус! — Он смотрел на пах Баринтуса с отчетливым темным пятном на штанах.

Аблойк протолкался вперед и присел на колени рядом с Иви. Я еще не видела у него такой твердой походки — холод его протрезвил, наверное.

— Я промок, замерз до костей и протрезвел. Ни одно, ни другое, ни третье мне не нравится. Давайте вы все заткнетесь и пойдём к королеве. — Он обвел нас взглядом. — Когда она услышит про наводнение, она предпочтет обеспечить принцессе должную защиту, прежде чем опять испытывать кольцо.

— Наводнение? — переспросил Готорн.

— Разлились все окрестные реки и речушки, — кивнул Аблойк.

Готорн посмотрел на Баринтуса.

— Вы утверждаете, что прикосновение лорда Баринтуса к кольцу затопило всю округу?

Доил с Баринтусом в один голос сказали:

— Видимо, да.

Гален и Рис, тоже в унисон, сказали:

— Ага.

Усна, злой и голый, растолкал всех:

— Пошли к королеве. Мне нужно согреться наконец.

— Рискнешь жизнью ради комфорта? — спросил Холод.

Усна ответил широкой ухмылкой.

— А ради чего еще стоит сейчас рисковать жизнью? Ты разве не слышал, Убийственный Холод, что времена легенд и волшебства прошли? Времена, когда было за что сражаться. — С последними словами он взглянул на Баринтуса, потом серые глаза скользнули ко мне и задержались надолго. Взгляд этот не был ни голодным, ни сексуальным, ничего такого, что я ждала бы от Усны. Взгляд был задумчивый. Полный догадок, чертовски близко находящихся к правде.

Но один только миг — и все прошло, в глазах светилась только добрая усмешка. Он шлепнул Аблойка по плечу:

— Ну, пошли подразним королеву в ее логове беззакония.

Аблойк поднялся, нахмурился.

— Ты понесешь ей такие вести, зная, на что она способна?

— Она разозлится из-за покушения и на ком-нибудь злость сорвет, но остальное... — Усна обнял его за плечи. — Другие новости ей понравятся.

Он подтолкнул Аблойка вперед, и все потянулись за ними. Усна оглянулся на меня через плечо:

— На твоём месте, принцесса, я бы опасался, что она запрет тебя в магическом круге, как зверя в клетке, и станет посылать нас одного за другим, чтобы узнать, скольким ты сможешь вернуть... — Он приложил к губам рукоять меча, как прикладывают палец, говоря: "Ш-ш". — А, это тоже прибережем для ушей королевы.

Усна скользнул вперед, прижимая к себе Аблойка за талию, и его пятнистая спина нам всем указывала путь.

В покои моей тетушки вели черные двери — единственные черные двери во всем ситхене. Сделанные из блестящего, невероятно черного камня, выше самого высокого из стражей и шире того танка, что мог бы проехать по входному коридору.

Двери выглядели как обычно — весьма зловеще, а вот двое мужчин на страже у дверей обычными не казались. Во-первых, стражи редко оставались по эту сторону дверей. Королеве нравились зрители, особенно когда зрители не могли превратиться в участников, как бы им того ни хотелось. Иногда стражи ждали снаружи окончания аудиенции, чтобы потом проводить визитеров, — но я почему-то была уверена, что сейчас дело в другом. Считайте это догадкой, но я поклялась бы, что стражи здесь по мою душу. Что дало мне повод так думать? Да то, что они были голые, если не считать сапог до колен и кожаных перевязей для мечей и кинжалов.

— Мотив прослеживается, — заметил Рис.

Я согласилась. Они не только были еще менее одеты, чем Готорн и Иви, но оба были к тому же божествами растительности. Адайр по-прежнему носил свое истинное имя: "адайр" означает "дубовая роща". Кожа у него была золотистая, как пробивающийся сквозь листья солнечный свет, — такая кожа у нас называется "поцелованная солнцем" и у благих встречается чаще, чем у неблагих. Каштановые волосы, раньше доходившие до пят, оказались коротко острижены, короче, чем у Аматеона, почти на полфута. Кто-то так его обкорнал, что и не догадаться было, какая красота еще недавно обрамляла золотистое тело.

Аматеон сказал, будто отвечая на мой вопрос:

— Не я один отказался, принцесса. Она начала свой... урок с Адайра.

Глаза у Адайра были тремя кольцами желтого и золотого, словно на солнце глядишь. Эти глаза смотрели на нас без всякого выражения. Когда-то Адайра изгнали из Благого Двора за слишком нелюбезные высказывания о короле, и он предпочел Неблагой Двор изгнанию из волшебной страны. Но обычаи темного двора он душой так и не принял. Он жил среди нас, стараясь оставаться невидимкой.

Я проговорила тихонько:

— Я знаю, почему ты не хотел оказаться в моей постели, но с Адайром мы не ссорились.

— Он хочет оставаться в стороне, принцесса. Не ввязываться в этот спор.

— Нейтральна в этом мире только Швейцария.

— Он это уяснил.

Второго стража одевал плащ светло-золотистых волос. Завеса волос открывала серовато-белую кожу, не лунно-белую, как у меня, а мягкого пепельного оттенка. Глубоко посаженные глаза мерцали с узкого лица — глаза цвета темной зелени со светло-зеленой звездочкой у зрачка, как в звездчатом самоцвете. Губы у него были самые яркие, самые сочные, самые красивые, какие можно найти при обоих дворах — на мой вкус. Форме и цвету его губ позавидовала бы любая женщина, только самая яркая и алая помада могла дать похожий оттенок. Его звали Бриак, хотя сам он предпочитал зваться Бри. Бриак — всего лишь вариант имени Брайан, никаких указаний на растения или земледелие в нем нет. Я знала, что Бри — кто-то из богов растительности, хотя бы в прошлом, но имя никаких его тайн не выдавало.

Бри улыбнулся, когда мы подошли ближе, — невероятно красными губами, отвлекающими от самоцветов-глаз, от занавеса волос, даже от длинной его наготы. Его тело среагировало на мой взгляд, словно одного моего появления хватило, чтобы его возбудить.

Тело Адайра осталось так же немо, как и его глаза. Повезло ему, что я — не моя тетушка, потому что она нередко расценивала отсутствие невольной реакции как личное оскорбление. Я так не посчитала. Потеря волос как минимум глубоко ранила гордость Адайра; и не знаю, через что еще заставила его пройти моя тетушка, чтобы он пожелал встать здесь в таком виде, ожидая меня. Точно могу сказать, что он был зол. Злость и смущение — не такие уж хорошие афродизиаки. Тетушка никогда этого толком не осознавала.

Бри по-птичьи склонил голову к плечу, улыбка померкла.

— Вы не выполнили свою обязанность при принцессе?

— Принцессу пытались убить, — сказал Дойл.

Улыбка пропала совсем.

— Кровь...

— А ты думал, откуда она взялась? — холодно спросила я.

Он пожал плечами и улыбнулся, извиняясь.

— Чужая кровь на лице королевы обычно значит, что она прекрасно провела время. Виноват, я то же подумал о тебе.

Он поклонился — волосы плащом свесились вперед — и снова выпрямился, улыбаясь, с совершенно мужским огоньком в глазах. Огонек этот ясно говорил, что по крайней мере Бри выполнение обязанностей доставит удовольствие, несмотря на все побочные неприятности.

Адайр стоял столбом, лицо как у истукана. Он даже не взглянул в мою сторону.

— Нам нужно сообщить королеве о покушении. — Дойл потянулся к ручке двери.

Адайр первым преградил ему путь, но Бри тут же последовал его примеру, их руки скрестились перед дверями.

— У нас очень точный приказ, — сказал Адайр, пытаюсь придать голосу ту же невыразительность, что и лицу. Ему не удалось, в короткой фразе слышна была бритвенно-острая ярость. Настолько острая, что по коридору лучом метнулась магия, обжигая нам кожу. Он очень, очень старался справиться с собой.

Я потеряла руку в месте, где меня обожгла его магия, и прокляла в душе свою тетушку. Она добилась, что Адайр подчинится ее приказу и ляжет ко мне в постель, — но добилась и того, что ни один из нас не получит от этого удовольствия.

— И каков этот приказ? — спросил Дойл голосом ниже обычного — его звук будто полз по позвоночнику, нацеливаясь на жизненно важные органы.

Ему ответил Бри — умиротворяющим, спокойно-разумным тоном. Я его понимала — совсем не хотела бы оказаться между Дойлом и Адайром, когда опускаются забрала.

— Если кольцо признает и Готорна, и Иви, они должны безотлагательно предложить свои услуги принцессе. Если кольцо кого-то из них не признает, то один из нас должен заступить место отвергнутого. — Бри улыбнулся Дойлу, стремясь понизить уровень напряжения. Впустую.

— Уйди с дороги, Бри. Нам много нужно рассказать королеве, и сведения наши не только опасны, но и не предназначены для чужих ушей. Не стоит обсуждать их в коридоре.

Бри и правда отступил, но Адайр — нет. Я почему-то была уверена, что он не отступит.

— Королева страстно желала убедиться, что я выполню ее приказания. Я сделаю, как

она велела, и выполню ее... распоряжения до последней буквы. Я не дам ей нового повода меня наказать. — Его злость вроде поутихла, нас не жалило огнем, но Дойл передернулся, как конь от укуса слепня. Может, весь жалящий гнев достался на этот раз ему одному.

— Капитан стражи я, а не ты, Адайр.

— Рад твоему возвращению, капитан, — почетное звание прозвучало у него насмешкой, — но королева стоит чуточку повыше тебя. Она наша госпожа, а не ты. Она очень, очень хорошо мне это объяснила.

Мужчины едва не нос к носу теперь стояли, слишком близко, чертовски близко — близко к драке.

— Ты отказываешься выполнить мой прямой приказ?

— Я отказываюсь не выполнить приказ королевы.

— Последний раз спрашиваю, ты уйдешь с нашего пути?

— Нет, Мрак, не уйду.

По коридору дохнула магия. Первый жаркий вздох, как напряжение мышц перед ударом. Я была уверена в Дойле. Он Мрак королевы, он победит. Но казалось страшно глупо тратить время и силы на ссоры между собой, когда есть настоящий враг. Я еще не знала, кто этот враг, но меня уже попытались убить. Нам стоило приберечь силы на него, а не тратить в беспцельных сварах.

— Успокойся, Дойл, — сказала я тихо, но отчетливо.

Магия сгустилась, словно сам воздух задержал дыхание.

— Я сказала, успокойся, Мрак! — это было уже совсем не тихо.

Нарастающая энергия затрепетала, помедлила. Но Дойл не отвел взгляд от своего противника, только прорычал:

— Он стоит у нас на пути, а нам нужно видеть королеву.

— Мы и увидим, — сказала я, проталкиваясь вперед мимо стражей. Посмотрев на Усну и Аблойка, я спросила: — Вы не отказываетесь от своих слов, вы доложите королеве все, что ей нужно доложить?

— Я совсем забыл, как мерзко быть трезвым, скорей бы от этого состояния избавиться. Я скажу королеве, что видел, от своих слов я не отказываюсь. — Он попытался даже поклониться, но не сумел — похоже, из-за приступа головной боли.

— Усна?

Он улыбнулся в любимой манере — с видом слопавшего канарейку кота — и сказал:

— Разумеется, принцесса, мое слово верное.

— Я никого не пропущу, пока мы не выполним все указания королевы, — отрезал Адайр.

— Ты вправду думаешь, что сможешь сопротивляться мощи стольких Воронов? — спросил Баринтус, не приближаясь, впрочем, к дверям. Наверное, он опасался последствий, если применит свою магию. Я опасалась точно.

Я шагнула из-за спины Холода и успела разглядеть упрямое лицо Адайра, прежде чем Холод снова загородил мне обзор.

— Ты слишком близко подошла, Мередит, — сказал он.

— Нет еще, Холод.

Он нахмурился.

— Не для того я спасал тебя от убийцы-человека, чтобы сейчас тебя ранили собственные стражи.

— Ничего со мной не случится. Сейчас по крайней мере.

Серые глаза посмотрели удивленно, Холод нахмурился сильнее:

— Не понимаю.

Времени объяснять не было. Воздух опять пропитался магией. Я бросила взгляд на Адайра — кожа у него начала светиться.

— Меня не человек пытался убить, Холод. — Я повысила голос, чтобы все услышали. — Человек был под воздействием магии сидхе. Магии сидхе, наложившего заклятие на Дойла, чтобы помешать ему меня защитить. Только сидхе сумел бы заколдовать самого Мрака.

Бри подал как раз ту реплику, которой я ждала:

— Кто же смог зачаровать Мрака, кроме разве самой королевы?

— Есть такие, кто смог бы, но никто из тех, кто стоял тогда со мной рядом. — Дойл рычал, глядя на неярко светящегося Адайра: — Это был кто-то достаточно могущественный, чтобы наслать чары издали и так, что никто из нас не заметил их вовремя.

— Я тебе не верю, — сказал Адайр.

— Да сложут мои кости слуга, если я лгу! — ответил Дойл все с тем же угрожающим рычанием. Словно настоящее собачье рычание, слишком низкий звук для человеческого горла.

Сияние Адайра слегка померкло по краям, лицо теперь светилось изнутри, будто подсвеченное свечой.

— Пусть даже я вам поверю и соглашусь, что принцесса должна немедленно повидать королеву, все равно я окажусь на милости королевы, если позволю вам пройти невозбранно. — Он потянулся потрогать волосы, но отдернул руку — словно сопротивлялся желанию снова и снова трогать почти обритую голову. — Я уже испытал милость королевы и не хочу повторения.

— Пусти меня, Холод.

Холод подчинился, пусть и нехотя. Я тронула Дойла за руку:

— В третий и последний раз повторяю, Дойл, — успокойся.

Он глянул на меня черными глазами, потом вздохнул так глубоко, что содрогнулся всем телом, как только что проснувшийся пес, и сделал маленький шагок в сторону:

— Как велит принцесса.

Голос у него все еще звучал ниже обычного, и наверное, только я расслышала в его рычании вопросительную нотку.

Но он достаточно доверял мне, чтобы сделать, как я сказала. Достаточно доверял, чтобы уступить мне место возле Адайра.

Я посмотрела на Адайра, не сумев скрыть мгновенное сожаление, когда разглядела вблизи обкромсанные волосы.

Адайр от меня отвернулся — наверное, принял мое сожаление за жалость к себе.

— Я разрешу тебе коснуться кольца, Адайр, как того хочет королева.

Желто-золотой взгляд метнулся ко мне, но голову Адайр так и не повернул.

— Кольцо не узнало Готорна и Иви?

Я не ответила на вопрос, а значит, не соврала. Я смотрела в глаза Адайра, думая об их красоте. Внутреннее кольцо радужки золотое, как расплавленный металл; следующее бледно-желтое, как солнечный свет, а наружное, самое широкое, — почти оранжево-желтое, как лепестки ноготков. Все свое восхищение этим чудом я вложила во взгляд, и Адайр повернулся ко мне, и глаза у него потеплели, только гнев тут же вспыхнул в них опять.

— Думаешь победить соблазном там, где Дойл не справился магией?

— Я полагала, нам обоим предстоит соблазнить друг друга. Разве не этого хочет королева?

Адайр ошеломленно нахмурился. Не потому, что был тугодумом, — скорее просто не привык, чтобы с ним сразу соглашались.

— Я... да. Королева хочет, чтобы ты разделила постель с двумя из нас четверых до того, как придешь к ней.

— Так не нужно ли тогда, чтобы кольцо узнало хотя бы двоих из вас? — Я говорила нарочито спокойным тоном, но шагнула к Адайру — так близко, что любой ветерок качнул бы нас друг к другу. Я чувствовала близость его тела — не самую плоть, а пульсирующую его энергию, ощущение тепла в миллиметрах от кожи. Сквозь одежду, сквозь щиты — его и мои — я чувствовала трепет магии. У меня даже дыхание перехватило — чему я очень удивилась. Чтобы сидхе так на меня подействовал, ему надо было, как правило, намеренно применить свою власть. Но тут я вспомнила, что божества растительности очень часто являлись и богами плодородия. Я могла похвастаться — если здесь есть чем хвастаться — пятью разными богами плодородия в собственной родословной, но еще ни разу мне не довелось спать с сидхе, которому когда-то поклонялись как богу плодородия.

Тело Адайра среагировало на силу, что дрожала между нами, — хоть он закрыл глаза, сдерживаясь из-за всех сил. Но сила была... ну, как стихия. Среди неблагих очень немного насчитывалось божеств плодородия — действующих или павших, все равно. Плодородие — это прерогатива Благого Двора. Мой отец, принц Эссус, составлял исключение, но даже он воплощал не столько плодородную силу любви и секса, сколько жатвы и урожая.

Я сумела набрать воздуха и заговорить, хоть и вышел у меня только шепот:

— Когда придет наш час, позаботься, чтобы мы не сровняли все вокруг с землей.

Голос Дойла прозвучал из-за спины, сладкий и тягучий как патока:

— Что ты намерена делать?

— Что захочет Адайр.

Адайр посмотрел на меня, и в глазах его была боль, но боль, рожденная желанием. Он хотел высвободить натянутую между нами силу, отпустить, дать ей пролиться между нами, на нас. Он тоже многие годы не чувствовал рядом чужой магии, так полно соответствовавшей его собственной.

Я не была такой дурой, чтобы думать, будто вожеление в его глазах вспыхнуло при виде моей красоты. Дело было в силе, что трепетала и пульсировала меж нами как третье сердце. Когда я оказывалась рядом с Адайром раньше, я ничего подобного не чувствовала — ну, может, один короткий спазм. Сейчас изменилось немного — два, может, три обстоятельства. Первое — он стоял голый, а он был из тех стражей, что не любили ходить голыми и не заигрывали с дамами. Кажется, он, как прежде Дойл с Холодом, считал, что без перспективы разрядки затевать игру не стоит. Я страстно хотела преодолеть последний оставшийся между нами дюйм и почти боялась это сделать. Магия уже была так сильна! Что же будет, когда я притронусь к его коже, всем телом погружусь в эту силу и в ту силу, что таится в его мышцах?

Я уперлась руками в скользкий черный камень двери по обе стороны от его талии. Но даже касание холодного камня не могло охладить растущую магию. Тело Адайра не могло уже не реагировать на меня.

Я подняла глаза, пока не встретилась взглядом с Адайром. У любого другого с

трехцветными глазами в такие моменты каждый цвет по отдельности загорался ярче, но у Адайра под действием льющейся изнутри магии все цвета слились воедино — в золотистый солнечный свет. словно два маленьких безупречных солнышка вспыхнули на его лице.

Только со второй попытки он выговорил:

— Принцесса...

Магия дышала и переливалась между нами, словно две наши силы были струями воздуха — холодной и горячей, — грозящими бурей, если они встретятся. Я прочнее оперлась на каменную дверь и медленно-медленно склонилась к этому теплу.

Я словно купалась в силе и страшно жалела, что на мне слишком много надето, что я не могу ощутить его всей кожей. Но остановиться я не могла — даже на то, чтобы сбросить одежду. Не могла пожертвовать даже дюймом близости к этому трепещущему жару. За долю секунды до того, как мы соприкоснулись бы, Адайр прошептал:

— Кольцо...

Наши тела соединились, и магия ударила в нас обоих, вырвав из нас вопль, разметав наши щиты и почти лишив способности думать. По всему коридору побежали тени. Кожа у меня сияла как луна в самую яркую ночь; Адайр светился, словно солнце, горевшее в его глазах, полилось сквозь кожу. Не то чтобы он казался сгустком света — нет, как будто свет струился прямо у него под кожей, пламя, покрытое пленкой воды.

Но пламя это не жгло, только согревало. Тем теплом, что спасает зимней ночью. Теплом, что возвращает к жизни поля после долгих морозов. Теплом, что наполняет тело желанием и прогоняет все прочие мысли.

Только это оправдание и было у меня, когда я забыла, что еще не дотрагивалась до него кольцом. Все, что уже случилось, произошло без участия кольца.

Я погладила его по бокам, и кольцо коснулось кожи — только едва коснулось, — и тут же мир покачнулся вокруг нас, словно сам воздух задержал дыхание. Адайр стал заваливаться назад. Он успел схватиться рукой за мою талию, а в другой, когда он упал спиной на стену, уже был обнаженный меч.

Мы полустояли-полупривалились к стене каменного алькова. Адайр передвинул меня за спину, загородив меня от входа в альков высоким телом. Я споткнулась о какую-то выбоину и упала на ветки сухого деревца, занимавшего внутренность алькова. Сияние нашей кожи не потускнело и отбрасывало тени на крошащийся камень стен и забитое каменным мусором углубление, в котором я стояла. Я узнала альков — он находился несколькими этажами ниже, очень далеко от покоев тетушки.

— Не пугайтесь, — прозвучал голос Дойла. — Это не покушение.

— А что тогда? — спросил Адайр.

Дойлу не слишком удалось развеять его опасения.

— Двери в королевские покои перетекли по камню, будто по воде, — объяснил Баринтус, — и за вашими спинами появился альков.

— Вы же помните, что ситхен иногда перестраивается, — сказал Дойл.

— Но не так быстро, — возразил Адайр.

Теперь, когда я знала, что непосредственной опасности нет, я решила осторожно выбраться из высохшего бассейна. Когда-то здесь бил источник. По рассказам, над источником росла яблоня. Со стороны она казалась маленькой и как будто привязанной к каменной стене, как к шпалере, — но когда ты склонялся к источнику напиться или совершить жертвоприношение, яблоня словно вырастала у тебя над головой, а за ней

угадывались сочные луга. Когда-то под землей располагались целые миры, населенные фейри. В полых холмах скрывались от смертных глаз иные солнца, и луны, и луга, и озера, и пруды. Но все это исчезло задолго до моего рождения. Я видела немало залов с засохшими деревьями и мертвой травой, и все это покрывала вековая пыль.

Я потрогала дерево — его крона распласталась по стене, отстоявшей от меня не больше чем на полметра. Деревце казалось совершенно мертвым на ощупь, но ломкие листья еще сохранились кое-где на ветках, а ствол был слишком мощным для яблони чуть выше моего роста.

Я едва помещалась в нише, обеими ногами стоя на кромке засыпанного галькой бассейна. Адайр спиной перекрыл почти весь проем, только над головой оставался небольшой просвет. Баринтус в эту арку не прошел бы.

Свет Адайра начал меркнуть, постепенно сменяясь красным, словно где-то в районе его ягодиц садилось солнце. Мое белое сияние тоже тускнело, но у меня свет просто слабел и гас. У Адайра же тело окрасилось багрянцем, точно как закатное небо.

Адайр шагнул наружу — всего только шаг сделал. Я все еще могла потрогать его пониже спины. И стоило мне это сделать, как под кожей у него полыхнул ярко-красный свет, Адайр сдавленно вскрикнул. Едва ощутимое прикосновение будто сбило его с ног, он схватился за стену.

Когда он обернулся ко мне, глаза у него снова были трехцветными, ярче, чем поначалу, но уже не похожими на маленькие солнышки. Он с трудом выдавил:

— Что ты сейчас со мной сделала?

Я ощущала его магию на кончиках пальцев, там, где они коснулись его кожи. Чувствовала ее, тяжелую и густую, словно яблоневого сока — но на вид на руке не осталось ничего, только ощущение густой жидкости. Я не знала, что я ему сделала, так что мне было ответить?

Я потянулась уже к Адайру вернуть ему магию, но что-то меня остановило — вдруг стало ясно, что надо делать. Я подошла к высохшему источнику и встала перед ним на колени. Рядом в ворохе сухой листвы лежал треснувший деревянный кубок. Растрескался от старости и от того, что им перестали пользоваться.

— Мередит, нам пора к королеве, — позвал Баринтус.

— Подожди немного, Баринтус, — сказал Дойл.

— Ты открыла дверь, когда я отвлекся, — заявил Адайр. — Ты меня нарочно обманула!

Я взяла треснувший кубок — обеими руками, потому что ручек у него не было, а держать его одной рукой мне было неловко, руки слишком маленькие, — и поднесла его к камню, откуда когда-то била вода. Почему-то я точно знала, где был источник, знала, хоть никогда и не видела. Я дотронулась кубком до камня чуть-чуть ниже отверстия.

— Отсюда не набрать воды, принцесса, — сказал Адайр.

Не обращая на него внимания, я прижала кубок к камню и послала скопившуюся в пальцах силу в темную щель, размазала по трещине, будто невидимое масло — густое, жирное. Тут же я сообразила, что размазывать полагалось иную жидкость, менее метафизическую, но годилась и эта — она тоже была частью существа Адайра. Частью его силы, его мужества. Мужской энергии, которая должна коснуться отверстия в скале, как отверстия женщины. Мужское и женское, чтобы зародилась жизнь.

Я призвала свою силу, кожа у меня заблестала серебряным и белым сиянием, и как только моя магия коснулась магии Адайра там, где она легла на камень, из щели брызнула

вода, полилась в треснутый кубок.

Кто-то сказал:

— Королева идет!

Адайр схватил меня за руку:

— Ты меня обманула!

Он вздернул меня на ноги, повернул лицом к себе — и вода выплеснулась из кубка ему в удивленное лицо, на голую грудь, потекла по телу чистыми светящимися струйками. Он отпустил меня, глаза широко распахнулись.

Кубок у меня в руках оказался вырезан из светлого дерева и отполирован до блеска. Дерево покрывали изображения плодов и цветов, и из дивного переплетения лоз и листьев выглядывали мужские лица. Там был не один зеленый бог, а множество — как в детской картинке-загадке. Другую сторону кубка украшало изображение женщины, волосы плащом струились у нее по телу. Рядом с ней бежала собака, а по другую сторону стояло дерево, все в плодах. Она улыбалась мне с резного кубка — мудрой, понимающей улыбкой, как будто она знала все, что только хотела я знать.

Дойл проговорил неуверенно:

— Королева ждет нас в своих покоях, Мередит. Ты готова?

Я снова опустилась на колени и увидела, что вода, чистая и свежая, льется уже в бассейн. Ворох листвы, годами скопившийся мусор делись куда-то. Бассейн оказался круглым углублением, выложенным гладкой речной галькой. Я погрузила кубок в воду, и она забулькала веселее, словно стремясь поскорее наполнить сосуд. Только когда вода потекла через край, прохладными пальчиками пробежала по рукам — только тогда я встала.

Я стояла, держа наполненный под самый край кубок, вода выплескивалась мне на руки, затекала под рукава жакета. Вода была полна силы, тихой, гудящей силы. Внутренним зрением я видела сияние силы в воде, и деревянный кубок светился у меня в голове белой звездой.

— Кому назначен этот кубок? — спросил Дойл.

— Той, кто нуждается в исцелении, хоть сама о том не ведает. — В голосе моем отдавалось сияние, исходившее от кубка.

— Я спрашиваю еще раз, для кого этот кубок?

Я ему не ответила, потому что он сам знал ответ. Все вокруг знали. Кубок предназначался Королеве Воздуха и Тьмы. Он ее очистит, исцелит, изменит. Я знала, что кубок — для нее, но станет ли она из него пить — не знала.

Андаис стояла посреди спальни, вся из лунного света и тьмы. Белая кожа королевы светилась, будто внутри ее тела взошла полная луна, разливая вокруг мягкое сияние. Волосы — как водопад чернее ночи; только когда я смотрела краешком глаза, в них вспыхивали светлые звездочки, а когда смотрела прямо — сплошная мерцающая чернота, непроницаемая для любого света, сердце самой глубокой, самой пустынной бездны. Та пустынная темнота, в которой нет ни тепла, ни жизни.

Три серых кольца ее глаз сияли, но приглушенно, словно не собственным, а отраженным светом. Как будто серые грозовые тучи, освещенные дальней зарницей. Широкое наружное кольцо было свинцового цвета небес, готовых вот-вот пролить свой гнев на землю, на всех нас.

Один взгляд ей в глаза заставил меня застыть на пороге. Магия Андаис светилась в них дыханием рока в ожидании жертв, и мне захотелось тут же повернуться и сбежать. Я хранила еще прикосновение оживившей источник магии, магии, которую мы с Адайром пробудили одним прикосновением. Но эти яркие, животворящие чары подернулись пеплом, стоило мне увидеть обезумевшие от силы глаза Андаис. В них и следа разума не осталось.

Я застыла, едва перешагнув порог, — боялась двинуться, боялась привлечь ее внимание. Вся моя новая сила, самоосознание, новооткрытая радость и любовь — все куда-то делось, я снова была ребенком. Испуганным кроликом, съжившимся в траве в надежде, что лиса меня не заметит. Я болезненно сглотнула — страх меня почти душил. Но лиса сейчас не на меня охотилась.

На маленьком подиуме в конце спальни, том, что обычно был занавешен от взгляда, стоял Эймон. Высокий и светлокожий, только черные волосы до пят укрывали его тело. Эймон разделял привычку двора к наготe. Я уже видела его нагим и увижу снова — если он переживет эту ночь. Нет, не красота Эймона заставила чаще биться мое сердце. И даже не орудия пытки, что висели на стене у него за спиной, будто нарочно развешанные — как в коллаже. Все дело было в словах королевы — и в его ответе ей.

— Ты мне препятствуешь, Эймон, мой консорт? — Голос Андаис был спокоен, слишком спокоен. Он не вязался ни с чем в этой спальне и с выражением лица королевы не вязался тоже.

— Нет, не препятствую, любовь моя, моя королева, но прошу. Ты убьешь его, если не остановишься.

Голос из-за спины Эймона взмолился:

— Нет-нет, не останавливайся!

— Он не хочет, чтобы я остановилась, — сказала Андаис и небрежно взмахнула рукой с кнутом. Кнут терялся на фоне ее черного длинного платья — пока она не взмахнула рукой, я его и не видела. Словно хорошо замаскированная змея: ее не видно, пока не нападет. Кнут глухо зашелестел по полу, когда королева шевельнула им вперед-назад. Рассеянный жест, от которого у меня волосы на затылке дыбом поднялись.

— Ты говорила, что ценишь его за то, что он долго выносит боль. Убьешь его сейчас — и ты не поиграешь с ним больше, моя королева.

Я поняла, что Эймон стоит перед стенной нишей, мне не видно было то место, где к стене крепились цепи. Кто бы там ни был прикован, он был ниже ростом, чем Эймон с его

шестью футами, и его можно было забить кнутом до смерти. Фейри хоть голову отруби — он зажмет ее под мышкой и бросится на врага. Фейри не так-то легко убить или покалечить. Кого же нужно было так защищать? Ради кого мог рискнуть собой Эймон? Мне никто не приходил на ум.

В спальне были и другие стражи. Все голые. Одежда, доспехи, оружие грудой громоздились в ногах кровати, как будто Андаис разлеглась на мехах и шелках и велела стражам раздеться. Может, так и было. Вид дюжины коленапреклоненных сидхе — головы долу, распущенные волосы покрывают наготу разноцветными плащами — одновременно доставлял удовольствие и тревожил.

Что произошло? Что случилось с тех пор, как Баринтус с пятью стражами уехал из холма встречать меня? Баринтус сказал, что она становится вменяемой, — но это зрелище было хуже всего, что мне приходилось видеть.

Я боялась сказать даже слово, издать малейший звук, только бы ее гнев не обратился на меня. И не я одна не могла решить, что делать, потому что Доил — на шаг впереди и чуть сбоку от меня — застыл так же неподвижно, как все. Андаис взглянула на нас, когда мы только появились в дверях, но стоило нам остановиться, и она снова повернулась к Эймону. Никто из нас, похоже, не хотел разделить с ним тяжесть ее внимания.

Она выбросила руку с кнутом назад, попав на пустое пространство между стоящими на коленях мужчинами. Создавалось впечатление, что кнут уже не в первый раз за вечер змеился там по полу. Не в первый, не в десятый и не в двадцатый. Стражи замерли без движения, словно прекрасные статуи в странном саду, когда кнут пополз обратно. Королева послала кнут вперед всей рукой, плечом, спиной, всем телом. Так, как отвешивают мощную оплеуху. В последний миг она изогнула запястье, заставив кнут щелкнуть.

Щелчок был скорей похож на раскат грома, и по горькому опыту я знала, что на том месте, куда кнут сейчас попадет, этот звук кажется еще громче, просто парализует — все равно что стоишь на рельсах перед летящим на тебя поездом и не можешь сойти с места. Не потому не можешь, что не хочешь, а потому, что прикован.

Эймон прикован не был, но не ушел. Он остался на месте, защищая сильным высоким телом того, кто был прикован у него за спиной. Пастуший кнут ударил его прямо в грудь, оглушительно щелкнув, — звук удара по живой плоти почти не был слышен за этим щелчком. Была бы плеть поменьше, послышался бы мясистый шлепок. Но это был самый большой кнут королевы, похожий на черную анаконду, такой длинный и толстый, что легко мог отнять жизнь. Я этого кнута боялась — я ведь смертная, а у Эймона, хоть и вспух рубец, даже кровь не пошла. У меня пошла бы.

Мне нравилась жесткая игра, но не такая, как любила королева. Андаис перехлестывала через край, и очень далеко перехлестывала. Она заходила туда, куда не хотело идти мое тело, и даже пожелай я туда пойти, оно бы не выдержало. Теперь я поняла, кто был прикован за спиной у Эймона. Не кто конкретно, а вообще. При дворе жили сколько-то людей. Не так, как пресс-атташе Мэдлин Фелпс, не по работе. Их выбрали сотни лет назад и увели в волшебную страну — кто-то сам захотел к нам уйти, кто-то нет. Но сейчас все они оставались здесь добровольно, потому что стоило им шагнуть за пределы холмов, и они мгновенно состарились бы и умерли. Люди-пленники свято нам доверяли. Кто-то из них был взят в услужение, но в большинстве случаев они чем-то привлекли сидхе. Кого-то похитили за красоту или музыкальный дар, а Иезекииль, к примеру, приглянулся королеве искусством палача. Их сочли достаточно ценными, чтобы украсть из смертного мира. Сейчас такое

запрещено законом, но когда-то мы сами устанавливали себе законы — и оба двора это себе позволяли. Но по какой бы причине людей ни похитили, считалось преступлением, нарушением договора отнимать у них жизнь. Им обещали вечную жизнь и молодость, так что их можно было мучить, но не убивать. Нельзя было отнимать у них то самое, ради чего они и ушли в волшебную страну.

Едва я поняла, что прикован там человек, как догадалась, и кто это. Ее нынешний смертный любовник — Тайлер. В последний раз, когда я его видела, у него была стрижка под скейтера, белокурые волосы и настоящий загар. Он едва-едва достиг возраста, когда закон позволял такие штуки. По слухам, он был мазохист. Но если ему нравилось то, что с ним вытворяла королева, он не мазохист был, а самоубийца.

Огромный черный кнут прошелестел обратно по каменному полу. Андаис размахнулась им меж безмолвных и бездвижных стражей, и кнут опять с ревом прорезал воздух, молнией упав на тело Эймона. Страж пошатнулся от силы удара, но на коже опять остался всего лишь вспухший рубец.

Королева глухо зарычала от разочарования и выпустила кнут из рук. Он упал на пол, вдруг лишившись жизни, словно сброшенная змеиная кожа.

Андаис подняла белую руку с тщательно накрашенными ногтями и махнула в сторону Эймона. Он покачнулся и невольно схватился за стену ниши — или он упал бы прямо на того, кого хотел защитить. Пальцы у него побелели от усилия, с которым он старался удержаться от падения. Магия королевы затопила комнату, похожая на предгрозовую духоту, когда воздух такой плотный, что его едва вдыхаешь. Давление росло и росло, пока не стало больно дышать, грудь у меня едва преодолевала тяжесть магии королевы. Стоило Андаис захотеть — и она сгустила бы воздух так, что все задохнулись бы, по крайней мере я задохнулась бы. Сидхе так не убьешь.

Андаис резко сжала руку в кулак, и руки у Эймона задрожали в попытке выстоять наперекор ее силе. Он выдавил сквозь стиснутые зубы:

— Не надо, моя королева!

Пальцы у него поехали по стене, он терял опору, и тогда он вонзил пальцы прямо в камень с силой, когда-то позволившей сидхе завоевать чуть не всю Европу. Камень крошился у него под пальцами, но ему удалось пробить дыры, за которые можно было держаться. Дыры немедленно наполнились кровью, кровавые струйки потекли по стене. Он изранил все пальцы, но удержался.

Мне каждый вдох давался таким усилием, словно на груди лежал огромный груз. Я не могла хоть раз вдохнуть нормально. Кубок выпал у меня из рук, и я осталась на ногах только потому, что Гален меня подхватил. Никогда еще я не испытывала на себе магию королевы такой силы. Никогда.

Она медленно пошла к Эймону, посылая перед собой волну магии, словно толкая огромной невидимой рукой. Я знала по опыту, что эта магия тем сильнее, чем ближе к тебе находится королева.

Эймон задрожал всем телом, кровь потекла быстрее, собираясь в красные ручейки, стекая в кровавые лужицы. От усилия, с которым он противостоял магии, сердце у него бешено забилося, перегоняя кровь, выталкивая ее из пальцев.

У меня перед глазами поплыли серо-белые звездочки. Кто-то схватил меня за руку — я не видела кто. Коленки у меня подогнулись, мрак застлал глаза, и я повисла на руках у стражей. Воздух стал твердым, я не могла им дышать.

В глазах чуть посветлело, и я судорожно вдохнула и тут же зашлась в приступе кашля, едва не переломившем меня надвое; упала бы, если б меня не держали. Когда кашель прошел, вокруг опять посветлело, и воздух прохладой обдувал лицо. Я дышала. Гален обеими руками держал меня за правый локоть, Адайр за левый и еще за талию, а ноги мои пытались вспомнить, как стоять на земле.

Я решила, что королева куда-то ушла, но ошиблась. Она стояла вплотную к Эймону, всю свою магию направив только на него. Она собирала магию все более узким пучком, пока все помещение от нее не очистилось.

Эймон еще держался за стену. Рот у него широко открылся, но не для глотка воздуха, глотать воздух — это все же дышать, а я сомневаюсь, что ему это удалось бы. Королева могла обрушить на противника сотни атмосфер, она сам воздух превращала в оружие. Я всегда знала, что ее все боятся, но пока я не увидела ее силу в действии, я не понимала, что не одной только безжалостностью она тысячелетиями удерживала власть. Я смотрела в глаза стражей, величайших воинов сидхе, — и видела страх в их глазах.

Они ее боялись. Боялись по-настоящему.

Андаис расхохоталась — диким, пугающим смехом, предвестником страданий и смерти.

Пока я была без чувств, она вынула клинок. И теперь она приставила его к груди Эймона и резанула, словно по кусту, росшему у нее на дороге. Я ждала фонтана крови, но воздух настолько сгустился, что кровь не брызнула — она едва сочилась, так что Андаис успела нанести десяток ран, пока первая начала кровоточить.

— Да поможет нам Мать, — совершенно безжизненным голосом проговорил Дойл. Он стоял почти прямо передо мной. Это он заслонил меня от королевы, когда она пошла к Эймону. Дойл вздохнул и оглянулся на стражей с непонятным мне выражением в глазах.

Рис вздохнул в ответ:

— Терпеть это не могу.

— Как и все мы, — откликнулся Холод с другой стороны от меня.

Я оказалась способна заговорить:

— Что вы хотите сделать?

Дойл качнул головой:

— Времени нет объяснять.

Его черные глаза смотрели уже не на меня, а на Эймона и королеву. Грудь и живот Эймона разрисовала кровь, сочившаяся из множества мелких порезов. На груди открытыми ртами зияли глубокие раны. На боку рана была так глубока, что сквозь кровь белым блестели ребра.

— Нет времени, — повторил Дойл и бросился к королеве.

Холод шагнул за ним, и Рис тоже, взглянув на меня на прощание:

— Это только выглядит так страшно. Ты помни, на нас все заживает.

У меня вдруг быстро забилося сердце. Что они хотят сделать? Я шагнула вперед, но Гален с Адайром удержали меня за руки. Только что их поддержка была мне нужна и вдруг стала ловушкой. Они не давали мне упасть, но и пойти мне не давали.

— Пусти меня, Гален!

— Нет, Мерри, нельзя. — Он говорил, не глядя на меня, глаза у него были прикованы к Эймону. Высокий красавец Эймон на глазах превращался в грудку мяса. — С ними ничего не случится.

Тон у него был совсем не такой уверенный, как слова. Я повернулась к Адайру:

— Пусти меня.

Адайр покачал головой:

— Нет, принцесса. Ты не должна вмешиваться, я не отпущу.

— Конечно, не отпустишь, — заметил Бри, шагая мимо нас в вихре золотистых волос. — Так тебе не придется идти нам на помощь.

— На помощь в чем? — спросила я, переводя взгляд с тревожного, захваченного происходящим лица Галена на Адайра, не решавшегося ни встретиться мой взгляд, ни посмотреть на королеву, на куски нарезающую Эймона.

Дойл уже был на расстоянии вытянутой руки от королевы. Его бас разнесся по залу:

— Мы вернулись, моя королева.

Она его словно не услышала, весь мир сошелся для нее на окровавленном клинке в ладони и на теле, которое она резала.

— Моя королева! — Дойл положил черную ладонь на белое плечо — чуть выше места, докуда белую кожу запятнала кровь.

Она повернулась к нему так быстро, что глаз едва успел уловить движение. Клинок блеснул серебром, из руки Дойла дугой плеснула кровь.

Я выкрикнула его имя, не успев подумать. Королева изумленно оглядела спальню, пытаюсь меня найти, но Дойл загородил ей обзор, и она опять его ударила. И еще раз — прежде чем Рис вышел вперед. Я не слышала, что он ей сказал, но цели он достиг. Она ударила его. У него всего лишь плечи чуть согнулись от боли, он не вскрикнул — но дернулся назад, пытаюсь уйти от удара. Ей это не понравилось. Она попыталась ударить Риса, бешено размахнувшись, но перед ней вдруг очутился Аматеон. Она пропорола ему руку от плеча до запястья. Он пошатнулся и повернулся, пытаюсь прикрыть руку, — она всадила нож ему в спину, и он упал на колени. Глаза у него широко открылись от боли, и еще что-то в них было: смирение.

— Добро пожаловать в мир стражей, принцесса, — сказал Адайр. — Вот так нам удастся оставаться в живых. Такого никто не видел, кроме королевы и ее Воронов. Ты в избранном кругу.

Сарказм и горечь его слов резали воздух будто клинком.

Негромкий звук привлек мое внимание к стражам, заполнившим помещение массой обнаженной кожи и шелковых волос. Волос цвета свежего сена, цвета дубовых листьев, цвета стрекозиных крыльев на солнце, цвета пурпурной пасхальной травки; кожи, которая блестела на свету белым металлом, мерцала и искрилась золотой пылью, кожи, будто разрисованной под мех лучшим из мастеров татуировки, кожи красной как пламя и розовой, как жевательная резинка. Даже лишенные одежды и оружия, они все равно все были разные, все — неповторимые. Они были неблагие сидхе, раздеть их не значило что-то у них отнять.

Я не знала, кто издал тот звук, но одна пара глаз глядела на меня в упор сквозь водопад серых волос — не седых, как у стариков, а серых, как тучи перед дождем. Глаза под этими длинными рассыпавшимися волосами были неуловимого зеленого цвета, такого желто-зеленого, почти золотистого — таким кажется мир за миг до того, как сила небес с ревом обрушится на голову. Глаза цвета мира за миг до того, как он утонет в грозе. Потому что передо мной был он — Мистраль, повелитель ветров, буреносец. Глаза у него были изменчивы, как погода, и неуловимый зеленый цвет означал, что он в ярости. Мне говорили, что когда-то давно небо темнело, когда глаза Мистраля приобретали такой цвет.

Он встретился со мной глазами и не отвел взгляда. Всем лицом он сказал мне, что я всего лишь какая-то никчемная принцесска, что я стою здесь в безопасности, под защитой, когда они истекают кровью. А может, моя нечистая совесть мне это все подсказала. Отец воспитал меня в уверенности, что не только король властвует над своим народом, но и народ имеет власть над королем — потому что король должен заботиться о народе. Я намерена стать королевой, властвовать над жизнью и смертью этих людей — но сейчас я прячусь в углу. И перепугана так, что едва могу думать. Хватка Галена и Адайра уже не оскорбляла меня, а дарила надежду. Я хотела, чтобы они меня держали. Хотела иметь оправдание бездействию. Я пряталась за спиной у того самого народа, который должна была защищать. Взгляд Мистраля подействовал на меня как удар. Он стоял на коленях на полу там, где велела стоять ему королева — наверное, угрозой, что если он двинется с места, то и его прикуют к стене. Обычная ее угроза. Я как-то стояла здесь же на коленях, пока не упала в обморок. В конце концов, я всего лишь смертная, я не способна сутками стоять на коленях. Они способны. И стояли, если ей того хотелось.

До меня по-прежнему доносились звуки с того конца спальни, но я уставилась на Мистраля, словно только он и существовал в этом мире, — потому что стоит мне отвернуться, и мне придется смотреть на то, что там делается. Я не хотела туда смотреть. Я не могла уже видеть этот ужас. Только от звуков мне было никуда не деться, как бы я ни старалась.

Вздохи, стоны, звук рвущейся ткани и этот влажный, хлюпающий звук, с которым плоть расходится под лезвием. Такой звук получается только при глубоком ударе, задевающим самые важные, жизненно важные органы. И еще — шипение, словно открыли садовый кран. На этот звук я все же обернулась. Медленно обернулась, как в кошмаре.

Гален попытался загородить мне вид, но он тоже как будто в замедленной съемке двигался. Я увидела изумленно распахнутые глаза Онилвина. Кровь хлестала у него из горла, заливая все вокруг алым дождем. Я успела разглядеть бледный промельк позвоночного столба, когда широкие плечи Галена наконец перекрыли мне обзор.

Я перевела взгляд на него, на страдальческие зеленые глаза. Хрипло прошептала:

— Отойди, Гален, мне надо видеть.

Он помотал головой в спутанных кудряшках, они высохли как попало, когда растаял лед.

— Не надо тебе это видеть.

— Если я здесь принцесса, уйди. А если не принцесса, то что, во имя всего живого и растущего, мы здесь делаем?

На него подействовало. Он шагнул в сторону, и я увидела, что сделала королева со своими Воронами, со своими стражами — и с моими тоже.

Андаис рубила ножом Холода. Сизо-серая рубашка у него почернела от крови. Падая, он повернулся — концы длинных серебристых волос пропитались кровью и прилипли к телу. Страж упал на четвереньки, пряча голову. Королева занесла нож обеими руками, метя в сердце, но Дойл успел перехватить и отбросить ее руки в сторону от подставленной спины Холода — привлекая ее убийственное внимание к себе. На темной одежде и коже Дойла разглядеть кровь было сложно, но на боку у него сквозь кровь белели кости — там, где она едва не добралась до его сердца.

Я шепнула едва слышно:

— Дойл...

Андаис переключилась на него, и он закрылся руками. Кровь лилась из новых и новых порезов, а она все старалась достать до костей, найти место для смертельного удара. Словно он оскорблял ее, не давая всадить клинок себе в печень. Даже в безумии она помнила, что сопротивляться ей не должны. Нельзя сопротивляться королеве и остаться в живых. Что ж, убить его она вряд ли смогла бы, но на колени встать вынудила — градом бешеных ударов. Нож стал сплошь красным, рукоятка скользила от крови, и Андаис пришлось перехватить ее для нового удара. Она словно всю свою силу собрала, чтобы всадить нож Дойлу в грудь. Он закрылся руками, и тогда она бросилась на него черной молнией, вихрем алого и черного, и — ударила ножом в лицо.

Удар был так силен, что развернул Дойла почти на сто восемьдесят градусов, и я увидела его лицо, раскрытое от глазницы до подбородка. Убить его этим ножом она не могла, зато изувечить — вполне.

И тут что-то во мне перевернулось. Я все еще трусила, так трусила, что страх гнилью и металлом оседал на языке, но говорят, страх порождает ненависть. Иногда и ярость — сама знаю. Маленький, скорченный зародыш страха рос во мне — и вдруг обнаружил, что обзавелся крыльями, зубами и когтями. Он стал ненавистью — не к Андаис, а к ужасающей бессмысленности происходящего. Так нельзя. Даже если б я не любила этих мужчин — все равно так нельзя.

Рис метнулся наперехват, новый удар выбил фонтан крови у него из плеча — но тут Андаис словно надоело играть в игры. Ей противостояли лучшие воины, какие есть у сидхе, но она двигалась словно летала: Рис не успевал реагировать, и Дойл не успевал. Я поняла, что с самого начала все было для стражей не совсем игрой — она просто дралась лучше их. Она — Королева Воздуха и Тьмы, темная богиня битвы.

Но если Вороны не могут выстоять против нее, то что могу я? Все они быстрее, сильнее, тренированней, чем я. Под руками нет никакого оружия, что могло бы мне помочь — разве что помочь себя убить. Но я не в состоянии была стоять и смотреть. Гнев перерос в силу, и кожа у меня засветилась против моей воли. Ага, сила. Для Андаис моя сила — ничто.

Гален с Адайром уставились на меня. Гален покачал головой:

— Ты ничем не поможешь, Мерри. — Он сжал мне руку почти до боли. — Они не погибнут.

— Нет, — с горечью сказал Адайр. — На нас все заживет, как заживало раньше.

— Так скверно еще не было, — сказал новый голос. Мистраль говорил тихо, но в голосе рокотал отдаленный гром, и у меня кожа покрылась мурашками и еще отчего-то засветилась

ярче. Станные, затягивающе глубокие глаза встретились с моими, и он повторил: — Она никогда так на нас не набрасывалась. Что-то не так.

Я посмотрела на своих стражников:

— Это правда?

— Они выживут, — сказал Гален, но без всякой уверенности.

— Мистраль прав. — Адайр не в силах был смотреть на эту бойню. На повернутом ко мне лице отражались страдание и стыд. Воронов воспитывали в уверенности, что не подставить грудь под удар за своего вождя — худшее из преступлений. Но за верность надо платить — тем, чтобы быть достойным верности. У нас монархия не всегда была наследственной, на самом деле мы эту идею позаимствовали у людей, а когда-то нами правили лучшие из нас, и на их происхождение не смотрели — лишь бы они были сидхе.

Мистраль отвернулся от меня, словно прочитав по лицу все мои колебания, и прошептал:

— Помоги нам Мать, потому что больше помочь некому.

Кровь сверху донизу покрыла голые руки Андаис, при каждом взмахе с них сыпались кровавые капли. Не кровь жертв — ее собственная кровь. У нее кровь текла из множества мелких порезов на руках, на груди, на шее. Королева Воздуха и Тьмы в боевом исступлении ранила собственную плоть. Она сделала ложный выпад Рису в грудь — почти тем же движением, что и с Дойлом. Рука ее взметнулась дугой, и я уже знала, что будет дальше, — но никак не могла предотвратить. Слово видишь последний роковой удар и не в силах ему помешать.

Я закричала: "Рис!", и лезвие вошло ему в глаз, в единственный его глаз. Она всадила нож ему в лицо, явно желая вырезать последний голубой глаз из этой плоти. Аматеон пытался ее отвлечь, но она его будто не видела. Ничего она не видела, только кровавый ужас, в который превращала лицо Риса, ничего не слышала — только вопль, который ей удалось все же вырвать из его горла.

Моя сила сошла ко мне, словно невидимый кинжал лег в левую ладонь. Рука крови, вторая моя рука власти. Раньше мне всякий раз было больно ее применять — так больно, что в глазах мутилось, а сейчас — нет. Она пришла сейчас тихо, неожиданно и с большей силой, чем когда-либо. До этой минуты я своими руками власти пользовалась, но отвергала их душой. Я была слишком человеком, мне хотелось обладать какой-нибудь симпатиченькой магией, а не одними из самых жутких наших способностей. Но желание это было глупым и детским, и теперь оно ушло. Для меня наступил сейчас миг полной ясности — как будто проникаешь в самое сердце вещей.

Мне не надо было вспоминать вкус и запах крови — вся комната была ею пропитана. Слово кто-то уронил на пол поднос с рубленным мясом, и все по нему прошлись. Вкус сырого мяса, а не одной только крови, я чувствовала корнем языка.

Баринтус бросился к Рису, прикрыл его широкой спиной, а королева вопила и кромсала спину Баринтуса ножом. Рис запрокинул голову — на месте здорового глаза осталось кровавое месиво. И он кричал — бессловесный, безнадежный вопль.

Я перевела взгляд на ранки на плечах Андаис и, не пытаясь высвободиться из рук Адайра и Галена, подумала: "Теки, кровь".

Кровь закапала, струйками потекла у нее по рукам, но, кажется, никто еще не заметил, что у королевы идет кровь, она сама точно не заметила. Ее слишком захватила горячка боя. Убить ее я не надеялась, она была воистину бессмертна. Надеюсь я только отвлечь ее,

ослабить. У меня не было сил и дальше смотреть на все это сложа руки. Я заставила ее терять кровь, а она даже не заметила. Она била ножом в Баринтуса, словно хотела пробить дыру насквозь. Словно надеялась пролезть в дыру и вытащить оттуда Риса.

Глупо было надеяться ее отвлечь. Мелкая потеря крови не остановит ее, богиню битвы. Слова отца всплыли в памяти: "Если когда-нибудь ты решишь выступить против моей сестры, убей ее, Мерредит. Убей или забудь даже думать о том, чтобы поднять на нее руку".

Я вытянула левую руку ладонью вперед и выпустила магию на свободу, словно птицу в небеса. Это было так здорово — выпустить ее, дать ей свободу, бросить попытки казаться не тем, что я есть. Вот эта кровь — это тоже я. Кровь хлынула у Андаис по плечам, и хоть сама она по-прежнему оставалась бесчувственной, кое-кто из мужчин это заметил.

Адайр уже отпустил меня, шагнул назад. Наверное, не хотел оказаться поблизости, когда Андаис очнется от горячки боя. Не хотел, чтобы его сочли как-то к этому причастным.

— Нет, нет, Мерри! — Гален тянул меня за правую руку, хотел захватить и левую. "Теки, кровь", — подумала я. Он отскочил прочь — на ладони у него появился тонкий порез, словно я его бритвой ударила. Глаза у него распахнулись от страха. Меня он боялся или за меня — не знаю.

Кровь алыми струями лилась по рукам королевы, а она все резала и резала спину Баринтуса. Я направила на нее мысль, как на Галена: "Теки, кровь", и царапина у нее на груди разошлась, словно по ней полоснули невидимым ножом. Андаис не закончила очередной удар, остановилась, не понимая.

Я смотрела на ее изящную белую шею: там была крошечная капелька крови, едва заметная точка, но я почему-то видела ее через всю комнату, как под лупой. Я ее видела невероятно ясно, чувствовала запах крови под тонкой этой кожей. Я сложила руку в кулак и представила, что должно сделаться с этой крошечной ранкой. На белом горле вдруг прорезался еще один рот — красная огромная рана. Я думала, Андаис закричит, но она просто не смогла. Кровь хлынула фонтаном, и она забыла про Баринтуса, про Риса, про все на свете — она уставилась на меня своими трехцветными глазами, и в них мелькнула мысль. Воздух вокруг меня сгустился, как в грозу.

— Истекай кровью! — заорала я.

Кровь полилась потоком, словно ее выплескивал гигантский насос. Была бы Андаис человеком, она бы свалилась и умерла, но она не была человеком. Она вытянула ко мне руку.

Гален бросился вперед, между мной и ею, и упал на колени, схватившись руками за горло: он беспомощно открывал рот, но из него не доносилось ни звука. У меня времени не было ни испугаться, ни подумать, что она с ним сделала. Он пожертвовал собой, чтобы я могла ее убить: в этот миг я забыла, что она моя королева, что она сидхе, все забыла, просто хотела ее остановить. Мертвая она остановится.

Из моих губ вылетело шипение, словно нож вытаскивали из ножен. Я только одно слово сказала:

— Кровь!

Сила рванулась от меня вперед, скользящим ударом прошла по стражам на всем пути — словно невидимое лезвие резануло опять им по ранам, извлекая новую кровь.

Королева видела приближение чар, распознала угрозу. Она сжала кулак, и воздух вдруг отвердел, я не могла вдохнуть — ребра не поднимались. Я повалилась на пол, но успела увидеть, как мои чары ударили по ней, успела увидеть, как льется кровь у нее изо рта, из носа, из ушей, из глаз. Я упала на колени рядом с бьющимся в корчах Галеном, но сквозь

туман перед глазами, сквозь танцующие белые искры я увидела, как оседает на колени Андаис. Она смотрела на меня обведенными кровью глазами и, кажется, говорила что-то, но я уже не слышала. В ушах звенел беззвучный вопль моего несчастного тела, жаждущего хоть глотка воздуха. Я упала — на живот. Даже умирая, я хотела видеть ее смерть.

Андаис рухнула сломанной куклой, ничком, лицом в пол. Не попыталась подставить руки. Просто свалилась, и кровь растекалась из-под нее алой лужей, все шире и шире.

Глаза застлало мраком, и я забилась на полу, придавленная ее магией, пытаюсь вдохнуть — и не в силах сделать вдох. Я лежала, задавленная ее последним ударом, и хоть мое тело паниковало за меня, скребя по полу в попытке вдохнуть, я страха не чувствовала. Последней моей мыслью перед тем, как все поглотил мрак, было: "Ну и хорошо. Раз она их больше не тронет, хорошо". Потом мое тело перестало сражаться, и ничего больше не было — только тьма и отсутствие боли.

Я стояла на высоком холме и смотрела вокруг. До самого горизонта, смешиваясь с его голубой туманной далью, простиралась роскошная зелень, настоящий изумрудный океан. Целый восхитительный миг я стояла одна на вершине огромного холма, а потом почувствовала, что кто-то здесь есть. Я не слышала ни звука, ни движения, просто знала, что если оглянусь, то за спиной у меня кто-то будет стоять. Я думала увидеть Богиню, но ошиблась. В лучах яркого солнца стоял мужчина. На нем был плащ, тенью скрывавший его лицо и прятавший очертания фигуры, развеваясь под легким ветерком. То мне казалось, что незнакомец широкоплеч, то что скорее тонок. Словно тело под плащом менялось прямо у меня на глазах.

Ветер отбрасывал назад мои волосы и раздувал колоколом его плащ. Ветер принес мне запах поля и леса. Незнакомец пахнул первозданной дикостью леса и свежевспаханным полем, но, кроме этих густых ароматов, был еще один, который невозможно описать. От него пахло — за неимением других слов — мужчиной. Но это слово мало что передает. Так пахнет шея мужчины в разгар любви и страсти — дивный аромат, от которого сжимается грудь и переполняется сердце. Если бы парфюмеры сумели разлить его по флакончикам, они бы озолотились, потому что от него пахло любовью.

Он протянул ко мне руку, и я пошла к нему. Рука его менялась ежесекундно, как и тело — цвет кожи, форма и величина ладони, — словно проплывая множество вариантов. Рука, взявшая мою ладонь, оказалась темной, как у Дойла, но лицо под капюшоном Дойлу не принадлежало. Я различала в нем черты всех моих мужчин. Все, кто познал мое тело, отражались и проплывали в лице Бога, но руки, притянувшие меня, были самые настоящие, крепкие руки. Он прижал меня к себе, плащ одел нас обоих и затрепетал крыльями на ветру. Я положила голову ему на грудь, обвила талию руками, и мне стало так спокойно, словно мне больше ничего не страшно. Я словно обрела дом — тот дом, каким его все представляют, но каким он никогда не бывает. Мирный, счастливый — именно то, что нужно, все, чего ты хотел. Минута полного спокойствия. Абсолютное счастье. И казалось, что так может продолжаться вечно.

И стоило мне сформулировать эту мысль, как я поняла, что и правда может. Я могу остаться здесь, в руках Бога, или уйти туда, где царят мир и счастье. Счастье ждало меня, и я могла к нему уйти, но я вспомнила о Дойле и о Холоде, о Галене, Никке, Китто, Рисе... О Богиня, Рис!.. Неужели королева ослепила его? Спокойствие ударило о мое горе и разлетелось вдребезги.

Руки обнимали меня все так же крепко, грудь была так же надежна, и сердце его билось уверенно, наполняя меня все той же радостью. Он не изменился, изменилась я. Если я умру, что станет с моими стражами? Андаис не умерла, она умереть не может, и ее гнев, когда она придет в себя, будет просто ужасен.

Я пыталась удержать радостное спокойствие, я цеплялась за него, как ребенок цепляется за родителей, когда боится оставаться в темноте, — но я ведь не ребенок. Я принцесса Мередит Ник-Эссус, обладательница рук плоти и крови, и я еще не могла уйти к вечному миру. Мне нельзя оставить моих людей на милость королевы.

Я чуть отстранилась взглянуть в лицо Богу, но увидеть его так и не смогла. Кто-то говорит, что у Бога лица нет, кто-то — что у него лицо твоей самой большой любви, кто-то

— что у него лицо того, кто тебе больше всех нужен. Не знаю, только для меня тогда его лицо было все из улыбки и теней. Он меня поцеловал, и губы его пахли медом и яблоками. В голове у меня прозвучал голос, в котором смешались рокошущий бас Дойла и звонкий смех Галена: "Поделись этим с ними".

Я очнулась, ловя воздух ртом, грудь была как в огне. Я попыталась сесть, но от боли тут же упала обратно, вся скорчилась — и больно стало так, что я заорала бы, только воздуху для крика не было.

Надо мной склонилось лицо Китто. Он прошептал:

— Мать господня...

У него вся нижняя половина тела была в крови, и на верхней тоже крови хватало. Я не помнила, чтобы королева добралась до него. Хотела спросить, но даже дышать было так больно, что заговорить я не решилась. С каждым вдохом в меня будто кинжалы впивались с обеих сторон. Так больно, что подмывало опять скорчиться, но я знала, что от этого станет еще больней, и потому осталась лежать неподвижно, только руками проскребла по полу.

Пол был мокрый — от крови, я знала. Но я не понимала, почему кровь так близко от меня. Китто словно прочитал мои мысли, он наклонился и сказал:

— Я затащил тебя в кровь сидхе. Рука крови может питаться кровью.

Он наклонился очень низко, потому что вокруг было слишком шумно. Много мужских голосов. Я выхватывала только обрывки фраз:

— Здесь лежит Мортал Дред... Она нас всех убьет... безумие...

Китто наклонился еще ниже:

— Ты меня слышишь, Мерри?

Мне удалось прошептать едва различимо:

— Да.

О чем шел спор, мне было не понять, но что Китто говорил о крови — я, кажется, поняла. Он затащил меня в лужу крови, надеясь вылечить. Может, мне и правда от этого стало лучше, но что-то со мной было очень не так. Дышать было больно, а двигаться — невыносимо больно. Бог вернул меня к жизни, но не исцелил. Как только я это подумала, я ощутила его поцелуй на губах. Губы покалывало, словно мы разъединились только что. Пахло яблоками, а на губах остался вкус меда, когда я их облизнула.

Гален подполз ко мне и приподнялся на руках, чтобы взглянуть мне в лицо. Он улыбнулся, хотя в глазах застыла тень страдания. Я помнила, как бился он в судорогах, приняв на себя первый удар магии Андаис. Мне она все ребра раздавила; наверное, и ему тоже. Я попыталась поднять к нему руку и обнаружила, что кричать я уже умею. Мой крик оборвал спор лучше всякого выстрела. Как только вопль смолк, в комнате повисло такое тяжелое молчание, какого я в жизни не слышала. Китто хотел оттолкнуть Галена, но я переборола боль и сумела приподнять руку так, чтобы Гален ее взял. Легкое это прикосновение пролилось по мне будто бальзамом. Я смогла ровнее лечь на полу. Смогла вспомнить, как нужно дышать, хоть и очень осторожно из-за боли.

Губы покалывало, и казалось, будто я вгрызаюсь в яблоко. Похрустывающая дынная сладость таяла на языке. Яблоки в меду. Да, именно этот вкус наполнил мне рот. В голове эхом прозвучало: "Поделись с ними".

— Поцелуй меня, — попросила я.

На лице Галена отразилось страдание. Он решил, что я прошу прощальный поцелуй. Я надеялась, что он ошибается.

Он тихо стонал, подползая ближе ко мне. Я знала, что сломанные кости впиваются ему в плоть при малейшем движении, и все же он не колебался ни секунды. Он прополз последние разделяющие нас дюймы и склонился ко мне. Губы коснулись моих губ невероятно нежно, но вылетевший из моих губ вздох не пахнул уже яблоками и медом. У Галена был вкус душистых трав. Вкус росы со слабым запахом базилика. Вкус базилика — теплый, густой, яркий. Несорванного базилика, подставившего солнцу листья в капельках росы.

Он оторвался от меня и прошептал:

— Ты пахнешь яблоками.

Я улыбнулась в ответ:

— А ты — свежими травами.

Он засмеялся, и лицо у него напряглось как от боли, но он тут же сказал с удивлением:

— Мне не больно.

Гален напрягся из-за одного ожидания боли. Он глубоко вдохнул, раз и другой:

— Не больно!

Улыбка Галена подарила мне целый мир, когда он сказал: "Я здоров!" В голосе у него звучали и уверенность, и вопрос.

Холод встал на колени рядом с нами, прижимая руку к животу. Я подумала сперва, что он оберегает раненую руку, но разглядела, как выпирают из-под пальцев красные бугры. Андаис распорол ему живот. Мне удалось шепнуть:

— Холод...

Гален подвинулся освободить ему место. Холод тронул мои губы кончиками пальцев:

— Побереги силы.

На губах снова ощущался вкус яблока, словно я только что укусила сочный плод, вымоченный в тягучем золотистом меду. Напоминаний неземного голоса мне уже не требовалось.

Холод отнял руку от моих губ, медленно, словно ему не хотелось разрывать прикосновение.

— Поцелуй меня, — шепнула я.

Серебряная слезинка скатилась у него из глаза, но он наклонился ко мне. Двигался он медленно, преодолевая боль, и не удержался от стога. Наконец он сумел лечь рядом, одной рукой по-прежнему зажимая выпущенные королевским ножом внутренности, а другой глядя меня по волосам. На лице у него было столько чувств, что если я когда-то и сомневалась в его любви, то теперь все сомнения исчезли. По этому взгляду все было ясно.

Он поцеловал меня, нежно, словно прикосновение снежинки, тающей на языке. Как если бы зима обрела вкус. Не просто морозный воздух, не просто выпавший снег — а как будто я лизала гладкую холодную льдинку, как будто снег наполнил мне рот и таял на языке, как сладчайшая из сосулук. Холод таял у меня на языке, а когда он прервал поцелуй, наше дыхание паром повисло в воздухе. Я почувствовала, что могу дышать, самая острая боль отступила.

Холод сел на полу и отнял руку от живота. Жуткого красного бугра не было. Он провел рукой по животу и уставился на меня широко раскрытыми от потрясения глазами.

Доyle опустился на колени рядом с Холодом, отвел одежду, потрогал гладкую белую кожу. Только когда он повернулся ко мне, я увидела, во что превратила Андаис половину его лица. Щека была срезана вплоть до самых губ и свисала вниз. Рана, которую придется

зашивать даже сидхе, или щека заживет как вздувается ей, а не вам.

Я потянулась к нему — поделиться силой Бога, но он отодвинулся и подозвал кого-то из-за спины. Я попыталась привстать и взять его за руку, и меня прострелило болью — я опять упала на спину, дыхание сбилось. Мне стало легче, но до выздоровления было еще очень далеко, не то что Галену и Холоду.

Двое стражей подтащили к нам Риса. Он безвольно висел у них на руках, а вид его лица заставил меня вскрикнуть — не от ужаса, но от горя. Андаис не вырезала ему глаз, как когда-то давно гоблины, она его пробила. Ничего не осталось от прекрасной синевы в текущих по лицу Риса крови и прозрачной жидкости. Глазницу окружала глубокая рваная рана, обнажившая и надбровную дугу, и скуловую кость. Как будто Андаис хотела срезать кожу вокруг глаза. Шрам на месте второго глаза Риса был мне привычен, был просто особенностью Риса, я любила каждый его дюйм, но это... Это был его конец. Рис был полностью, безнадежно слеп. Королева постаралась, чтобы он не смог залечить эту рану, — ни возможностей его тела, ни остававшейся у нас магии не хватило бы.

Я смотрела на лицо Риса и чувствовала такую злость, какую редко мне случалось чувствовать. Злость к глупости произошедшего. Так глупо, так бессмысленно! Я не задавалась вопросом, зачем это ей, потому что ответа не было. На вопрос "почему" ответ был только "потому", то есть никакого ответа.

Я поняла теперь, почему отодвинулся Дойл, почему велел принести Риса. Никогда раньше я не исцеляла поцелуем. Если дар этот ненадолго, Рису помощь нужна больше. Дойл и со шрамом останется Дойлом. Но увечье, нанесенное Рису, его разрушало — или превращало в кого-то другого.

Целехонькие стражи Андаис стояли у него по бокам, и на миг я разозлилась, что они ничего не сделали, чтобы не допустить этот ужас.

Они помогли Рису встать на колени, но когда его рука коснулась моей, он отдернулся.

— Не трогай меня, Мерри, не смотри!

Но Китто, так и стоявший на коленях в луже остывающей крови, объяснил ему:

— Она вернулась из Летней страны и принесла с собой птичий поцелуй.

Рис повернул к нему слепое лицо:

— Не верю.

Я о птичьем поцелуе слышала впервые в жизни, но вопросы решила оставить на потом.

— Наклонись, Рис, и я докажу.

Дойл отодвинул не наших стражей, Риса ко мне подвели он и Холод. Лицо Риса покрывала кровь, но я не смутилась и не попыталась ее стереть. Кровь — это тоже был Рис. Губы у него были соленые от крови. Он прижался ко мне губами, но не поцеловал. Мне пришлось надавить ему на затылок, и я ахнула от боли.

Он отдернулся — точнее, попытался; руки Дойла и Холода удержали его на месте.

— Она тоже ранена, — сказал Холод, — ей больно было поднять к тебе руку. Она не из-за твоего вида ахнула.

Холод сказал явно то, что нужно, Рис прекратил попытки отодвинуться.

— Она сильно ранена?

— Поцелуй меня, Рис, и мне будет лучше.

И он наклонился ко мне, не заставляя делать лишних движений. Он поцеловал меня, когда наши губы встретились, и похоже, было необходимо, чтобы мы оба желали этого поцелуя, потому что теперь на меня нахлынул запах дома. Так, как будто у дома есть один

запах, в котором перемешаны ароматы свежего хлеба, чистого белья, дымка из камина, и смех, и еще запах густой похлебки, булькающей на огне. Никаким конкретным кушаньем от Риса не пахло, но губы у него хранили напоминание обо всем добром и хорошем, что дарит чувство спокойствия, сытости, счастья.

Я неосторожно подняла руки обнять его, но вызванная движением боль ослабела и растворилась от ощущения его тела. Он все же отстранился, а я цеплялась за него, желая удержать этот вкус. Я открыла глаза.

Рис моргал здоровым глазом. Три круга — ярко-голубой, бледно-голубой и васильковый — снова смотрели на меня. Я засмеялась и заплакала одновременно, глядя на него в онемелом восторге.

— Благодарение Богине, — прошептал он так тихо, что вряд ли кто-то еще его услышал.

— Благодарение Консарту, — шепнула я в ответ, тоже ему одному.

Он улыбнулся, и у меня внутри что-то отпустило, ушло напряжение, о котором я и сама не знала. Если Рис может так улыбаться — все будет хорошо.

Рис поднялся, и я взяла за руку Дойла. Я хотела, чтобы следующим был он, потому что не знала, сколько еще со мной останется благословение. Он помотал головой, и я открыла рот запротестовать, но появился Мистраль с Онилвином на руках. Я знала, что Мистралье недолюбливал Онилвина, но сейчас стражей объединяло что-то выше обычной дружбы или вражды. Голова Онилвина висела под странным углом, державшие ее мышцы были перерезаны. В глубине жуткой раны на месте горла виднелся позвоночник, одежду спереди залила кровь, окрасив в сине-фиолетовый цвет. Кожа цвета пшеничных ростков побледнела до болезненной зелени, и только широко раскрытые золотисто-зеленые глаза еще жили у него на лице. Андаис так распорола ему горло, что воздух шипел и булькал в разорванной трахее. Если б он был человеком, все дыхательные пути были бы нарушены, но он человеком не был, а потому дышал и жил, но сможет ли он залечить такую страшную рану — зависело от того, сколько еще осталось у него магической силы. В давние времена нас благословили сами боги, мы, как святые, могли прирастить даже отрубленную голову, но было это слишком давно. Теперь не все сумеют залечить такую рану.

Была реальная возможность, что Онилвин протянет еще сколько-то дней, но все-таки умрет. Мне не слишком хотелось тратить на него благословение Бога, но у меня не хватило сердца от него отвернуться. Все же он был из моих людей. И рисковал собой, чтобы спасти остальных.

Я встретила взглядом с Дойлом и выпустила его руку. Медленно, нехотя... Но он был прав. Его рана не смертельна, он ее залечит. А вот Онилвин — не обязательно.

Мистраль осторожно опустился на колени на залитый кровью пол и попытался уложить Онилвина рядом со мной. Но кровь попала ему в трахею, и он закашлялся, мучительно пытаясь прочистить горло с помощью одних только мышц живота и груди. Жуткий мокрый кашель сотряс его, потом из шеи вылетел кровавый сгусток, и он смог вдохнуть — чуть-чуть глотнуть воздуха. Видно, он боялся, что в горло снова попадет кровь.

Да поможет нам Богиня...

— Наверное, на спине ему неудобно, — сказал Мистраль. Он пытался говорить спокойно, но не смог. Он злился, и я не могла его винить.

— Подожди. — Я попыталась сесть, но от боли у меня перехватило дыхание, и я упала назад на кровавый пол. Я подождала, пока боль поутихнет, и сказала: — Китто, помоги мне приподняться.

Китто вопросительно посмотрел на Дойла и, получив утвердительный кивок, потянулся ко мне, но Гален его опередил.

— Давай я, Китто. Она меня вылечила, я ей помогу.

Китто кивнул и дал ему место.

Гален осторожно уложил меня головой и плечами себе на колени. Больно не было... ну, было, но не слишком.

— Еще повыше, — попросила я.

Он сделал, как я просила, и даже на Дойла не взглянул. Я почти уже села, полностью опираясь на Галена, когда появилась боль, будто ножом резанули — но теперь нож был довольно тупой, я могла это вынести.

— Все, вот так.

Гален подо мной застыл неподвижно.

— Погодите! — Голос был женский, так что должен был принадлежать королеве — но совсем не был похож на ее голос. — Погодите, — повторил голос, и в этом слове звучало страдание.

После того, что она сделала со стражами, со мной, вряд ли кто-то из нас обязан был к ней прислушиваться, и все же мы послушались. Нам надо было ее проклинать, а мы не сказали ни слова. Мы замерли, дожидаясь, пока она проползет через всю комнату.

Мистраль шагнул назад — как раз так, чтобы мне стало видно. По полу шла широкая красная полоса, словно там тащили кого-то истекающего кровью. Кровавая дорожка кончалась у ног королевы. Она сидела, привалившись к стене. На колени себе она взгромоздила Эймона, и я никогда раньше не замечала, какой он большой, а может, это она теперь казалась маленькой по контрасту с широкоплечим стражем. Рост у нее был не маленький, и сама она всегда была такой внушительной, что занимала больше пространства, чем положено, — но сейчас она сидела с Эймоном на коленях, сжимая рукой голую окровавленную ногу Тайлера, и казалась маленькой.

Но сама она вылечилась. Рана на горле у нее была почти такая же, как у Онилвина, — но страж лежал едва дыша, а у нее на белой шее виднелся только разрез шириной в ладонь, и он затягивался прямо на глазах. Не то чтобы это было сразу заметно, нет, скорее как наблюдать за распускающимся бутоном. Знаешь, что вот он открывается, но глазом уследить не можешь. Она была наша королева, а значит, сила сидхе проявлялась в ней ярче, чем в любом из нас.

Я взглянула на Онилвина, гигантской сломанной куклой поникшего на руках у Мистраля, и опять на королеву с почти зажившим горлом. И мне стало жарко от гнева. Если Адайр сказал правду, она столетиями издевалась над своими стражами. Как она может так мало ценить такой дар?

— Погодите, — повторила она, и я заметила у нее на глазах то, чего никак не ожидала увидеть. Слезы. Королева плакала! — Вылечи сначала Эймона. И Тайлера.

Мы все на нее уставились. Я вообще-то думала, она попросит вылечить себя. Королева не раздает магию, она ее накапливает. Таранис, король Благого Двора, вел себя точно так же. Словно оба они боялись, что магия в один ужасный день кончится, а править без нее нельзя.

Я хотела уже сказать "Нет", но Аматеон успел раньше:

— Да, ваше величество. — Голос у него был усталый, и, кажется, в нем звучало горе. Он дотащился до места на полпути между двумя группами — королевой с ее пострадавшими

любовниками и мной с моими. Если приглядеться, то Онилвин и Мистраль вообще-то моими любовниками не были, но почему-то очень ясно чувствовалось, что все на моей стороне комнаты находятся в оппозиции к королеве.

Аматеон придерживал раненную королевой руку. Плащ на спине у него пропитался кровью и лип к телу, как вторая кожа.

— Поднесите принцессу, — сказал он.

— Ее нельзя передвигать, — ответил Гален.

— Мы должны повиноваться королеве, — сказал Аматеон. — Принесите принцессу.

Наверное, он слишком измучился, чтобы хорошо управлять лицом, потому что в лепестковых глазах горел ясный, глубокий гнев. Но после шоу, только что устроенного королевой, не один только страх лишиться остатков своих прекрасных волос подсказывал ему повиноваться ей без рассуждений.

— Мерри слишком больно двигаться, — повторил Гален.

— Можно поднести Эймона к принцессе. — Голос Холода не выражал никаких эмоций, на лице застыла надменная маска.

— Нет, — сказала королева.

Гален склонился ко мне.

— Ни за что, — прошептал он.

Рис посмотрел на королеву новообретенным взглядом:

— Мерри нужен целитель, прежде чем двигаться с места.

— Знаю, — сказала королева с первыми нотками злости в голосе. Преподобное высунуло уродливую голову.

Гален нагнулся еще, перекрыв мне вид:

— Я не дам ей опять причинить тебе зло.

Он слишком низко наклонился, чтобы я видела его глаза. Мне пришлось удовлетвориться гладкостью его щеки, водопадом волос.

— Не делай глупостей, Гален, пожалуйста.

— Могу ли я чем-то помочь, моя королева? — Это сказал Мистраль.

Гален выпрямился, и мне опять стало видно. Королева, почти былинка рядом с Эймоном, стояла и держала его на руках. Даже раненная, она запросто его несла, хотя он весил раза в два больше нее. Роста и длины рук ей хватало. Она была сидхе, а значит, могла выжать на руках небольшую легковушку. Но застыли мы, уставившись на нее, потому что она вообще пожелала его нести.

Она сказала, ни на кого не глядя:

— Возьмите Тайлера, только осторожно, и принесите его.

Андаис несла ко мне Эймона и плакала. Был бы это кто угодно другой, я бы сказала, что она горюет.

Она опустила на колени, покачнувшись, и выдавила улыбку:

— Ты меня порезала, племянница, и очень неплохо порезала.

Я сочла это комплиментом, как и следовало.

— Спасибо.

Она прижимала Эймона к груди.

— Вылечи его для меня, Мередит.

Тело Эймона сплошь покрывали колотые раны, грудь была похожа на сырую отбивную. Сердце, должно быть, десяток раз пробито — но он был сидхе, и бедное его сердце билось

даже пробитое. На груди у него сантиметра целой кожи не осталось, он словно в кровавую рубаху был завернут.

Она вздохнула, едва ли не всхлипнула.

— Я пила вино с Нулин, а потом она ушла, а я сошла с ума.

Я с трудом удержала спокойствие, потому что Нулин входила в число стражниц Кела. Обвинить члена гвардии Кела в отравлении — все равно что обвинить самого принца. Они шагу не ступали без его приказа из страха наказания. Если Андаис называть садисткой, то для Кела надо выдумывать новое слово. Ни одна из стражниц не рискнула бы вызвать его неудовольствие. Никто из них не посмел бы дать королеве яд без согласия Кела — или хотя бы уверенности, что оно получено. Неужели он смог отдать приказ прямо из темницы?

Дойл медленно выговорил раненым ртом:

— Я не чую яда.

— Твой нос на многое способен, Мрак, — с намеком сказала Андаис.

Он наклонился к ее лицу — медленно, преодолевая боль, — и понюхал воздух в дюйме над кожей.

— Колдовство, — прошептал он. Очень осторожно он лизнул ее в щеку, но ему стало больно, похоже. Он отдернулся. — Кровожадность.

Она кивнула.

— Если чары были в вине, почему Нулин нет здесь — искромсанной или кромсающей? — спросил Ааматеон.

— Она воплощение весны и света. В ней нет кровожадности, к которой можно воззвать, — ответила Андаис. Королева посмотрела на меня, и трижды серые глаза были полны печали, на которую я не считала ее способной. — Они все рассчитали. Очень умно.

Она сказала "они". Заполнила ли она логический разрыв до Кела? Или, как всегда, нашла способ его оправдать?

— Я веками не испытывала такого упоения боем. Это так хорошо было! С каждой раной, с каждым ударом жажда крови росла. Я совсем забыла, как потрясающе прекрасно убивать — без особой цели, не ради сведений, не ради устрашения, просто из любви к убийству. Тот, кто навел чары, отлично меня знал. — Андаис протянула ко мне окровавленную руку: — Исцели моих Воронов, а я уничтожу Нулин.

— Только Нулин... — протянула я.

— Я уничтожу ту, кто на меня покусилась. — Голос у нее был тверд, но в глазах читалась тревога. Она знала, на что я намекаю. — Исцели моих Воронов, Мередит.

Она тронула меня за руку, и прикосновение отдалось по мне эхом. Магия, помещенная в меня Богом, зазвенела огромным колоколом. Андаис это явно ощутила, потому что уставилась на меня большими глазами.

— Что это? — прошептал Гален.

— Зов Бога, — выговорил Дойл искромсанными губами.

Голос сказал мне: "От головы и доброе, и злое". И я поняла или решила, что поняла. Неблагие перестали рожать детей, потому что Андаис не могла их рожать. Наша магия слабела потому, что слабела магия Андаис. Она наша королева, наша голова.

Я взглянула в ее потрясенное лицо и сказала то, что приходилось говорить:

— Иди в мои объятия, тетя.

Она наклонилась ко мне почти нехотя, словно так же была захвачена магией, как и я. Она была мне тетей, сестрой моего отца, и знала меня с самого рождения, но за все эти годы

ни разу не поцеловала.

Губы ее были словно нежный плод, сочный и спелый под тонкой кожицей. Аромат спелых слив переполнил мои чувства, словно я впитывала его прямо из воздуха или пила с ее губ. Я прижалась к ней ртом и открыла его, словно чтобы укусить спелый плод ее губ.

Ее сладость перемешалась с магией, пробудила ее, и магия жаром поднялась во мне и полилась по коже обжигающими искрами. Жар растаял в медовой сладости губ, и мне казалось, будто летнее солнце ласкает плотную, сияющую кожицу слив, обременивших ветки деревьев. Летний зной льнул к нашей коже, напитывал мир одуряющим ароматом плодов, таких спелых, таких тяжелых, что шелковистая кожица вот-вот готова лопнуть, готова выставить мясистую сладость под ласку солнца и сонное гудение пчел, — плодов в пору совершенной зрелости, миг абсолютного совершенства. Еще минута — и они посыплются с веток, минутой раньше — и они не будут сладчайшими плодами, когда-либо попадавшими в смертный рот.

Я очнулась в ту же секунду. Открыла глаза и увидела Андаис — будто серебряный сон. Она сияла так ярко, что по всей комнате разбежались тени. И я поняла, что тени бегут не только от нее. Моя кожа и раньше сияла порой как полная луна, но такого я никогда еще не видела. Словно из меня лился ярчайший свет магниевой вспышки. Пламя настолько чистое и яркое, что можно ослепнуть, если задержать на нем взгляд.

Мы с Андаис были как двойная звезда — белая и серебряная, обе ослепительно яркие. Но мне сияние смотреть не мешало, не жгло мне глаза. Ее лицо словно плыло в свете, глаза закрыты. Мне пришлось чуть податься назад, чтобы увидеть ее губы, словно вырезанные из граната и оправленные в холодный серебряный огонь.

Она моргнула и открыла глаза — медленно, словно просыпаясь. Серый вихрь тут же рванулся из них наружу, будто дыхание дракона — мягкое и вязкое, как туман. В тумане пряталось что-то — что-то, чего я не хотела видеть. У меня волосы на теле встали дыбом от близости полускрытых образов, кожа пошла мурашками от этих уплывающих теней. Горло сдавило страхом, и я вдруг поняла, что мы обе стоим на коленях. Больше никого я не видела сквозь туман ее глаз. Я держала ее в объятиях, и ее глаза источали туман в двойное сияние нашей магии.

Туман пахнул влагой и дождем, но сквозь него я все равно различала запах плодов — зрелых, ждущих. Готовых предложить свою сладость в тот дивный миг, когда мир затаив дыхание ждет руки, что коснется этой совершенной женщины, этого несравненного дара, и воздаст должное ее красоте. Я понимала теперь, что мной правит Бог, что это его мысли. Не сквозь заполнявшую меня силу Бога она была прекрасна. Волосы как вороново крыло, глаза — туман и тени, кожа из звездного света и сияния луны, губы — как кровь из глубины сердца. Ее красота ужасала, она хватала за живое и вызывала боль в сердце. И еще я понимала, что, будь моя магия иной, на ветках того дерева висели бы другие плоды, и я была счастлива, что во мне течет и благая кровь.

Бог овладел моей волей, и я снова вернулась в миг, когда даже вздох может все испортить и позволено только одно. Почтить предложенный дар.

Я поцеловала гранатовые губы, обнаружив, что мои собственные похожи сейчас на темно-алые рубины. Словно две драгоценности слились воедино. Руки мои взяли ее лицо — ее косточки были такие нежные и хрупкие под моими пальцами. У меня руки меньше, чем у Андаис, я это помнила, но сейчас они были достаточно велики, чтобы нежно обнять ее лицо. Я стала в этот миг солнцем — всем, что только есть в мире мужского, самым лучшим, что

вкладывается в слово "мужчина", Летним Королем, Хозяином Леса во всей его высокой доблести. Я поцеловала ее так, как нужно целовать, нежно и твердо, сжимая в ладонях больших, чем мои, обнимая с силой большей, чем ее собственная, и оттого только нежнее и заботливей. Я целовала ее так, словно она может разбиться от прикосновения. А потом она прижалась плотней, ее магия полилась мне в губы, и поцелуй стал совсем не таким осторожным, более уверенным. И на зов ее губ, на приглашение нетерпеливых ее рук у меня на теле магия Леса рванулась в нее, пронзила ее. Она оторвалась от меня и вскрикнула.

Наши силы пролились друг в друга, и несколько сияющих секунд серебряный и белый свет смешивались, пока не стали одним огнем. Передо мной сияло не ее лицо. Это лицо было юное, с копной каштановых волос и смеющимися глазами — только оно тут же сменилось рыжеволосым и зеленоглазым, а потом с волосами белыми как хлопок и почти такой же белой кожей. Женщина за женщиной скользили у меня перед глазами, и я чувствовала, что меняю и сама. Выше ростом, ниже, шире в плечах, с бородой, темноволосый, белокожий, темнокожий. Я была множеством мужчин, всеми мужчинами, вообще не была мужчиной. Я была Летним Королем и существовала всегда. И женщина передо мной была моя невеста и всегда была ею. Вечный танец.

Первым напоминанием об этом мире, а не о том, стала боль в коленках. Я стояла на каменном полу. Второе, что я поняла, — меня обнимает женщина, гладит по волосам. Она прижимала меня так крепко, что я чувствовала у груди ее груди, поменьше моих.

Андаис улыбалась мне. Она казалась моложе, хоть я и понимала, что дело не в возрасте. Глаза у нее ярко горели, и вишневые губы улыбались мне сверху, потому что на коленях она все равно была выше, чем я.

— Ты теперь здорова? — спросила она.

Как только она спросила, я поняла, что совсем забыла о боли, — но я все же набрала воздуху проверить и почувствовала себя... отлично. Нет, даже еще лучше.

— Да, — сказала я.

Улыбка ее растянулась чуть не до ушей. Андаис не улыбается так широко.

— Погляди, что натворила наша магия. — Она махнула рукой вокруг. Онилвин стоял на коленях со слегка затуманенным взором, но горло у него было совершенно целое. Эймон сидел, и в груди у него не было никаких ран. Дойл повернул ко мне прекрасное лицо и уважительно кивнул, скорее даже поклонился.

— Они все здоровы.

Тайлер, человек, которого она едва не убила, смеялся и плакал, стоя рядом с Мистралем. Наверное, он за всех сказал, когда произнес сквозь истерический смех:

— Это было невероятно, просто потрясающе. Словно быть светом.

Я снова посмотрела на Андаис. В глазах у нее появилось расчетливое, внушающее тревогу выражение, и еще что-то непонятное было. Новое. До меня дошло, что она так и держит меня в объятиях. Я попыталась отодвинуться, но она не пустила. Мною больше не владел Бог. Мне нечего было ей противопоставить — ни в физической, ни в какой иной силе.

Она улыбнулась мне так, как прежде улыбались только любовники, и у меня мурашки по спине побежали от этой улыбки.

— Была бы ты мужчиной, я бы тебя за это допустила в свою постель.

Я не знала, что на это сказать, но отвечать было нужно.

— Благодарю за комплимент, тетя Андаис.

Она склонила голову набок, как ястреб, выслеживающий мышку.

— Могла бы и не напоминать о наших родственных связях, это тебя все равно не спасет.

Как это в обычае у богов, мы нередко женимся на родственниках или трахаемся с ними.

Тут она засмеялась, и смех звучал много приятней, чем я когда-либо у нее слышала, — просто обычная ирония.

— Ну и вид у тебя! — И она рассмеялась снова и отпустила меня.

Она встала и выпрямилась, и даже от этого простого движения у меня кожу закололо магией.

— Мне настолько лучше!

Она посмотрела на меня и подала мне руку. Я взяла ее и поднялась на ноги. Она держала мою руку обеими своими и очень серьезно на меня глядела.

— Пойдем, Мередит, пойдем и убьем изменницу, попытавшуюся околдовать королеву. Дойл говорит, что нам надо найти и убийцу, покушавшегося на тебя.

Я задумалась, сколько же я пробыла без сознания. А вслух сказала только:

— Как пожелает моя королева.

Она вдруг грубо притянула меня к себе, заломив мне руку за спину.

— Я благодарна тебе, Мередит, очень благодарна за этот магический дар, но не ошибись. Если мне покажется, что я смогу вернуть эту магию, взяв тебя в постель, я так и сделаю. Если я решу, что смогу возродить магию двора, послав тебя в объятия к кому угодно, — я тебя пошлю. Ты все понимаешь?

Я сглотнула и сделала глубокий вдох, прежде чем ответить:

— Да, тетя Андаис.

— Тогда поцелуй свою тетушку.

И что мне было делать? Я прикоснулась губами к ее губам, а она продела руку мне под локоть и потрепала меня по руке, словно мы были лучшими подружками.

— Идем, Мередит, прикончим наших врагов.

Я бы с гораздо большей радостью проводила ее в тронный зал, если бы мы шли порознь. Она меня всю дорогу поглаживала — не как любовника, а скорее как собачку. Существо, которое приятно гладить, и "нет" оно никогда не скажет.

Ушли мы не дальше источника. Он струился и лепетал среди камней. Королева упала перед ним на колени.

— Здесь воды не было почти триста лет... — Она подняла к нам голову. — Как и откуда она взялась?

Стражи повернулись ко мне. Их взгляды сказали больше, чем любые слова.

— Твоя работа? — спросила она с недобрый оттенком в голосе. Похоже, мы уже не подруги.

Эймон, после чудесного исцеления державшийся поблизости от Андаис, положил руку ей на плечо. Я думала, она скинет руку, но ошиблась. Она ссутулилась под его прикосновением, даже голову склонила. Когда она выпрямилась, лицо у нее светилось самой нежной улыбкой, какую мне случалось видеть.

Она повторила вопрос тоном, соответствовавшим улыбке, и смотрела при этом на Эймона.

— Это ты вернула источник к жизни, племянница?

Вопрос был сложнее, чем ей казалось. Если ответить просто "да", я припишу себе чужую заслугу.

— Мы с Адайром, тетя.

Ко мне она повернулась далеко не с таким умиленным видом.

— Ты и правда, видно, запоминающаяся штучка. Один быстрый трах — и он уже рискует за тебя жизнью.

Меня все ее высказывание удивило, но особенно последние слова.

— Если он меня и трахнул, то по твоему приказу, тетя. К нему неприменимо наказание за нарушение целибата. Стражам всегда разрешалось трахаться, если королева того желала.

Лицо ее слегка смягчилось, приняв непонятное мне выражение, как будто задумчивое. Мне припомнились слова Баринтуса — что голову ей труднее замутить, чем пах.

— Ты не видела его подвиг, что ли?

Я уставилась на нее, с трудом удерживая спокойствие:

— Я не знаю, что ты имеешь в виду, тетя.

— Когда ты меня ранила, часть моего ответного удара принял на себя Гален, а вторым на пути встал Адайр. — Сказано это было с недовольством. — Как я и говорю, ты, должно быть, трахаешься будто куртизанка. Чертовы божества плодородия всегда слишком много о себе мнят.

Я не могла высчитать, успокоит ее или разозлит еще больше, скажи я, что у нас с Адайром секса не было. Так что я промолчала. Адайр и прочие очевидцы, должно быть, подумали то же самое — никто не сказал ни слова.

Эймон нежно пожал ей плечо. Она потрепала его по руке, но велела:

— Иди сюда, Адайр.

Стражи расступились, Адайр вышел вперед и встал рядом со мной. Он отважился коротко на меня взглянуть, потом упал перед королевой на одно колено и склонил голову, пряча от Андаис лицо. Правильно сделал — я успела заметить злость у него в глазах. Ему надо научиться управлять лицом получше, или он ни при одном дворе долго не протянет.

Я смотрела на него у своих ног — золотистое совершенство, не считая остриженных

волос. Он бессмертен, а когда-то и вовсе был богом и всем этим рискнул ради меня. Королева обещала, что все Вороны, которые побывают в моей постели, перейдут ко мне. Будут моими стражами, а не ее. Так что формально она ничего не могла с ним сделать, раз уж она считала, что у нас с ним был секс. Разумеется, то же относилось к Дойлу, Галену, Рису, Холоду, Никке и, хоть она того и не знала, к Баринтусу. Но ее обещание не сохранило моих стражей в безопасности. На самом деле, безумие там, чары или еще что — но то, что она причинила им вред, означало, что она преступила клятву. Я обещала не дать моих стражей в обиду и выполнила обещание, едва не умерев при этом. Она обещание нарушила. Она стала клятвopреступницей. За такое сидхе изгоняли из волшебной страны. Вот только единственной особой, способной потребовать от королевы такой честности, была она сама.

— Гален с Адайром приняли удары, направленные на принцессу. Стражи принцессы встали на защиту Эймона и Тайлера. — На лице ее отразилось страдание, она потянулась к руке Эймона у себя на плече. — Я благодарна людям Мерри за то, что они спасли дорогих моему сердцу. Но ни один из Воронов не встал на пути у Мерри. Ни один мой страж не попытался мне помочь, когда она вступила в битву со мной, а ведь она не объявляла дуэли. Только формальная дуэль освободила бы моих стражей от обязанности меня защищать.

Мистраль упал на колени перед королевой, хотя чуть дальше, чем она могла бы достать рукой или ногой. Не то чтобы ему это помогло, если дела обернутся худо.

— Ты приказала нам встать на колени и не сходить с места под страхом присоединиться на стене к твоему человеку. — Он взглянул на нее со смесью злости и вызова. — Никто из нас не рискнет вызвать твой гнев.

— Это еще не все, Мистраль. Это я бы простила. Но я слышала, как вы сговаривались меня убить. Взять мой собственный меч Мортал Дред и убить меня, пока я слаба. Я слышала разговоры изменников!

Я припомнила долетевшие до меня обрывки того разговора. Эта нить могла завести нас в нежелательную сторону. Но как ее отвлечь? В тревожное молчание упал бас Дойла:

— Не стоит ли нам разобраться с настоящей изменницей Нулин, прежде чем наказывать кого-то за пустые разговоры?

— Я решаю, с кем и когда разбираться! — отрезала она.

Эймон опустился на колени, и даже в такой позе он казался больше нее. Я раньше не замечала, как он широк в плечах, как внушителен физически. Он прошептал ей что-то на ухо. Андаис качнула головой:

— Нет, Эймон. Если они не хотят меня защищать, если предпочитают видеть меня мертвой — значит они могут встать на сторону врага. Нам придется сражаться на двух фронтах. Нельзя оставлять врага у себя в тылу.

— Но ведь лучше сражаться на одном фронте? — спросила я.

Она озадаченно на меня посмотрела. Не знаю, то ли чары так на нее подействовали, то ли еще что, но она была сама на себя не похожа.

— Конечно, лучше на одном, — сказала она наконец. — Потому-то и надо сперва уничтожить измену у себя за спиной.

— Чары были рассчитаны на то, чтобы ты убила собственных телохранителей, — объяснила я, как непонятливому ребенку. — Если ты их теперь казнишь, ты сделаешь как раз то, чего добивались твои враги.

Она нахмурилась.

— В твоих словах есть резон. Но нельзя спускать с рук разговоры об убийстве королевы.

— А какое наказание полагается у нас клятвопреступникам? — спросила я.

— Клятвопреступникам?

— Да.

— Смерть или изгнание, — сказала она твердым тоном, но в глазах появилась неуверенность. То ли она заметила ловушку, то ли у нее на уме еще что-то было.

— Ты поклялась мне, что все, получившие доступ к моему телу, станут моими стражами, телохранителями принцессы. Они не будут больше Воронами королевы.

— Я помню, — нахмурилась она.

— И еще ты пообещала мне, что им не смогут причинить вред без моего согласия, как нельзя причинить без твоего позволения вред твоим стражам.

Она сильнее нахмурилась:

— Я тебе это пообещала?

— Да, тетя Андаис.

Она посмотрела на журчащий ручей.

— Эймон, ты помнишь, чтобы я это обещала?

Эймон посмотрел на меня, и по глазам я поняла, что он готов солгать.

— Да, моя королева.

Эймон не слышал, как Андаис дала мне обещание, его тогда с нами не было. Он солгал ради меня. Нет, не ради меня, ради нас всех.

Андаис вздохнула.

— Обещание королевы нерушимо. — Она выпрямилась и посмотрела на меня. — Я преступила клятву, принцесса Мередит. Но я еще королева, и мы столкнулись с дилеммой.

— Поскольку обещание дано было мне, то и преступление совершено против меня.

— А значит, ты можешь его простить. Но я догадываюсь, что не бесплатно. — Она смотрела на меня настороженно и предостерегающе. Предостережение мне не удавалось разгадать. Она боялась, что я попрошу что-то такое, чего ей очень не хотелось делать.

— Я кровь от твоей крови, тетя Андаис. Разве может быть иначе?

— Так какую же плату ты просишь, племянница?

— Плату за каждого из моих людей, кому ты нанесла раны.

— То есть цену крови, — уточнила она.

— Я вправе ее просить.

Лицо у нее стало таким настороженным и непроницаемым, как мне еще не случалось видеть.

— И чьей крови ты требуешь?

— Цену крови можно заплатить другой монетой, — сказала я.

В глазах у нее мелькнуло облегчение, и она кивнула:

— Проси.

— Прощения всем стражам, говорившим о твоём мече. Позволить всем нам вооружиться, прежде чем пойти в тронный зал. И выступить перед всем двором единой командой, пока не найдем и не казним виновных.

Она кивнула.

— Согласна.

Стражи облачились снова в свои доспехи: у некоторых броня была похожа на звериные шкуры или хитиновые панцири насекомых, а у других — более привычного вида металлические доспехи имели цвет, какого не бывает у стали, вышедшей из людских горнов.

Королева подошла к стене и дотронулась до камня. Часть стены исчезла, открыв застланное мраком отверстие. Королева сунула руку в этот мрак и вытащила короткий меч с рукояткой из трех резных воронов, которые клювами сжимали рубин размером с мой кулак. Распростертые серебряные крылья образовывали гарду. Имя мечу было Мортал Дред — Смертный Ужас, и это была одна из последних великих реликвий Неблагого Двора. Этот великий меч мог принести сидхе истинную смерть. Смертельная рана, нанесенная этим клинком, для всех была смертельна. И еще он мог проткнуть кожу любого фейри, из какой бы субстанции ни состояла его плоть и какие бы защитные чары он ни применял.

Андаис повернулась ко мне с этим мечом, а я не испугалась — чтобы убить меня, в такой магии не было нужды. Она полюбовалась клинком, лоя им свет.

— Я все еще не в себе, Мередит. Мой разум полудоурманен действием чар. Я веками не позволяла себе так отдаться бою. Только с врагами можно позволить себе такое.

Она подняла голову: в глазах у нее была печаль. Тяжкое знание. Она знала, что ни одна из стражниц Кела не сделала бы такой шаг без его ведома, без его согласия. Конечно, он не передал из своей темницы: "Убейте мою мать", нет, скорее что-то вроде: "Неужели никто не избавит меня от этой жуткой женщины?" Чтобы он с чистой совестью мог отпереться, если дойдет до разбирательств. Чтобы сказать, что подчиненные всерьез приняли сказанное в сердцах. Но это была бы только игра словами, полуправда, ложь умолчанием. Взгляд королевы говорил, что полуправду она терпеть уже не в силах.

— Я опасалась за рассудок моего сына, Мередит, — сказала она едва ли не виновато. — Я разрешила одной из его стражниц посетить его и утолить вызванную Слезами Бранвэйн жажду, пока он не сошел с ума.

Я просто смотрела на нее, и на лице у меня ничего не отражалось — потому что я не могла понять, что же я чувствую от такого известия.

— Тыпустила к нему стражницу утолить его жажду и спасти его рассудок, и в тот же самый день другая его стражница подсунула тебе заклинание, заставлявшее тебя перебить самых надежных твоих защитников...

В глазах у нее застыл испуг.

— Он мой сын.

— Знаю, — сказала я.

— Мой единственный ребенок.

— Понимаю, — кивнула я.

— Нет, не понимаешь. И не поймешь, пока у тебя не будет своих детей. А до того тебе лишь кажется, что ты сочувствуешь, мерещится, что понимаешь, мнится, что веришь.

— Ты права. У меня нет детей, и я не понимаю.

Она подняла Мортал Дред к свету: казалось, она видит на гладкой поверхности что-то недоступное мне.

— Я еще не в здравом уме. Я чувствую в себе безумие, чувствую, какой могу стать. Чувство это мне знакомо, но теперь я засомневалась, насколько моей была моя жажда крови. Уж не помогали ли ей проявиться... И может быть, годами.

Я не знала, что на это сказать, так что молчала. Молчание лучше всего, когда все сказанное может прийти слишком некстати.

— Я уничтожу Нулин и того, кто организовал покушение на тебя, племянница, тоже.

— А если это один и тот же преступник?

Она бросила на меня косой взгляд:

— А что это меняет?

— Ты объявила, что, если хоть один из людей Кела попытается убить меня, пока он в заключении, его жизнь кончена.

Она закрыла глаза и приложила ко лбу холодный клинок.

— Не проси у меня жизнь моего единственного ребенка, Мередит.

— Я не просила.

Она сверкнула на меня знаменитым гневным взглядом.

— Не просила?

— Я лишь напомнила королеве ее слова.

— Никогда я тебя не любила, племянница, но и не ненавидела. Я тебя возненавижу, если ты вынудишь меня убить Кела.

— Не я подталкиваю твою руку, королева Андаис, только он сам.

— Они могли действовать без его ведома.

По глазам было видно, что она сама этому не верит. Она уже не так была безумна, чтобы верить.

Андаис взглянула мне в глаза, и что-то мелькнуло в трехцветных радужках, где каждое серое кольцо обведено было черным, словно она нарочно их подрисовала, подчеркивая и оттеняя цвета.

— Я очень далек от мысли защищать Кела, — сказал Гален, — но всем отлично известно, что любая попытка убить Мерри, пока Кел в темнице, подписывает ему смертный приговор.

— Если будет доказано, что виновны его люди, — уточнил Мистраль.

— Но разве вы не понимаете: Нулин — его стражница. Если Нулин навела чары, значит, Кел ей это поручил... Но что, если он не поручал?

— Продолжай, — сказала Андаис.

— Нулин вроде меня, с политикой у нее сложности. Коварство не по ней. Что она сказала, когда принесла вино?

— Что она знает, это одно из моих любимых, и надеется, что его нежный вкус напомнит мне, каким нежным бывает мой сын. — Андаис нахмурилась. — Слова и впрямь звучат так, словно были ей подсказаны.

Она покачала головой:

— Я Королева Воздуха и Тьмы, я не боюсь покушений. Может быть, высокомерие сделало меня беспечной. — Говорила она медленно и неуверенно.

— Королеве часто приносят дары, — заметил Мистраль. — В надежде заслужить милость.

— В потоке даров легко не заметить один особый, — сказал Дойл.

— Надо узнать, где Нулин взяла вино, — предложил Гален.

Андаис кивнула:

— Да, да, узнаем. — Что-то мне не понравилось в ее тоне. Нотка ненависти. Ненависти слепа к правде, особенно если правда не слишком устраивает. — Моего Мрака сюда! — скомандовала королева.

Дойл выступил вперед, но остался рядом со мной.

— По твоим словам, я теперь Мрак принцессы.

Она отмахнулась от его слов.

— Зови хозяином кого хочешь, Мрак. Мне только нужно знать, сможешь ли ты

проследить эти чары до их создателя.

— От тебя не смогу, но бутылка ведь осталась? Чары слишком мощные, чтобы растаять без следа, не оставить отпечаток, практически подпись их создателя. Если я получу возможность обнюхать подозреваемых, попробовать их пот — да, я смогу назвать имя.

— Тогда действуй, — сказала Андаис и поглядела на меня со словами: — Куда бы ни повел след, мы пойдем по нему, и кара будет неотвратима.

Я просто боялась поверить, что она имеет в виду именно то, на что я надеялась.

— Услышано и засвидетельствовано, — провозгласил Баринтус.

Королева на него и не взглянула, она смотрела только на меня:

— Ну вот, Мередит, еще одна клятва мне на голову.

— Что мне сказать на это, тетя?

Она тяжело вздохнула. Взгляд ушел в сторону от моего лица, она уставилась на голую стену — видно, никому не хотела показывать выражение своих глаз.

— Что бы ты сделала на моем месте, племянница?

Я открыла рот, закрыла его и подумала. А что бы я сделала?

— Послала бы за слуа.

Она повернулась ко мне, взгляд был очень жесткий, она словно пыталась увидеть меня насквозь.

— Зачем?

— Слуа — самые жуткие из неблагих. Их боятся даже сидхе, а сидхе мало кого боятся. Если слуа вместе с Воронами встанут у тебя за спиной, никто не решится напасть открыто.

— Ты думаешь, кто-то осмелится напасть на меня, на нас... — она обвела рукой стоящих рядом стражей, — в открытую?!

— Если бы чары сделали свое дело, тетя, если бы ты убила всех своих стражей и больше некого было бы убивать, то куда бы ты пошла? Что бы ты сделала?

— Нашла бы других жертв, все равно кого.

— И в конце концов оказалась бы в пиршественном зале среди сидхе, не все из которых стали бы молча ждать, пока ты их зарежешь, — сказала я.

— Они попытались бы понять, что со мной произошло, — возразила она.

— Не думаю. Ты слишком давно терроризируешь весь двор. Твое сегодняшнее поведение не слишком отличается от того, что мне приходилось видеть.

— Как правило, резню я устраивала намеренно. Враги должны меня бояться.

— Хладнокровное убийство и убийство в горячке безумия выглядят очень похоже, если смотреть со стороны жертвы.

— Я что, настолько тиран, что весь двор поверил бы, будто я на такое способна?

Тишина повисла такая густая, что все могли бы в нее завернуться. И задохнуться в ней, потому что никто не смог бы ответить на вопрос так, чтобы не соврать или чтобы не разозлить Андаис.

Она горько рассмеялась.

— Ваше молчание — уже ответ. — Она потерла лоб, словно голова разболелась. — Хорошо, когда враги тебя боятся.

— Но не когда боятся друзья, — тихо сказала я.

Она посмотрела на меня.

— Ох, племянница, разве ты не знаешь еще, что у правителя друзей не бывает? Есть враги и союзники, а друзей нет.

— У моего отца друзья были.

— Да, и скорее всего потому-то он и был убит.

Я подавила мгновенную вспышку гнева. Гнев для меня — непозволительная роскошь.

— Если бы сегодня здесь не оказалось меня с моей рукой крови — яд бы не вытек из тебя с кровью и ты бы тоже умерла.

— Осторожней, Мередит!

— Я всю жизнь была осторожна, но если сегодня мы не будем дерзки — враги убьют нас обеих. Может, и Кела планируют убить этой ночью. Казнить за твое убийство или за мое. И открыть путь к трону для новой династии.

— На такое ни у кого глупости не хватит.

— При дворе не знают, что я обладаю рукой крови. Если бы не прихоть магии, все получилось бы точно так, как они рассчитывали.

— Ладно, позовешь слуга, что дальше?

— Если я буду на твоем месте или на своем?

— Не важно, в любом случае? — Она опять пристально, изучающе на меня смотрела.

— Стоит связаться с царем гоблинов Курагом и предупредить его, пусть возьмет с собой больше гоблинов, чем ему обычно разрешают приводить в наш ситхен.

— Думаешь, он встанет на твою сторону против всех неблагих сидхе?

— Если б у него был выбор — не встал бы, наверное. Но выбора у него нет. Он поклялся мне в союзе и не сможет преступить клятву. Или гоблины его убьют.

Она кивнула.

— Да, но через три месяца он уже не будет тебе союзником.

— Через четыре вообще-то.

— Союз у вас на полгода, и три месяца уже прошло, — напомнила она.

— Да, но Китто стал сидхе, а за каждого превращенного в сидхе полукровку-гоблина я получаю месяц союза с Курагом.

— Ты с ними со всеми будешь трахаться? — Вопрос был задан чисто деловым тоном, она просто не догадывалась, что сформулировать можно бы иначе.

— Есть и другие способы инициации.

— Ты не выступишь в рукопашной с гоблином, Мередит.

— Кураг разрешил нам помогать принцессе в инициации его людей, — сказал Дойл. Он тронул меня за руку, и у любого другого я сочла бы этот жест нервным. Но это был Мрак королевы. Дойл не нервничает.

— Вряд ли кто-то согласится драться с тобой или с Холодом. Выбирать станут тех стражей Мередит, кого будут надеяться победить. Гоблины попытаются убить твоих людей. — Андаис повернулась ко мне: — Как ты надеешься этого избежать?

— Рыцарей стану выбирать я. У гоблинов права выбора поединщика не будет, — ответила я.

— И ты выберешь Мрака или Холода?

— Наверное.

— С ними большинство откажется драться. Так что повторяю вопрос: ты намерена переспать со всеми гоблинами, кто выстроится в очередь в надежде попробовать твое сияющее мясо?

— Я сделаю, как пообещала.

Королева расхохоталась.

— Даже я не падала так низко, чтобы спать с гоблинами. Не думала, что у тебя хватит на это духу.

— Тебе понравился бы секс с гоблинами. Они любят играть жестко.

Она посмотрела мне за спину. Я поняла, что она глядит на Китто, который старался одновременно и держаться ко мне поближе, и не быть незаметным, насколько это возможно.

— Для моего представления о жесткой игре он больно уж хрупок.

Китто передвинулся подальше мне за спину, отгородившись еще Дойлом и Галеном. Я чуть шагнула вперед — только чтобы привлечь ее внимание к себе.

— Когда приходится заранее обговаривать, что любовник не должен откусывать у тебя кусочки мяса, — думаю, это достаточно жестко.

Она опять посмотрела мне за спину на краешек лица, который Китто оставил на виду. И вдруг прыгнула вперед и крикнула: "Бу-у!" Китто забился за меня, а потом попятился в толпу прочих стражей, только бы оказаться подальше от королевы.

Андаис расхохоталась:

— Сама свирепость!

— Не стоит его недооценивать, — сказала я.

— Я позову слуа. А ты — гоблинов. — Она склонила голову набок, как углядевшая червяка птица. — Слуа я призову с любого расстояния, я их королева, но вот как ты будешь звать гоблинов?

— Сперва попробую зеркало.

— А если не выйдет?

— Воспользуюсь магией клинка и крови.

— Древний способ.

— Но действенный.

Она кивнула и на миг прикрыла глаза.

— Слуа придут на мой зов. Я позволяю тебе воспользоваться моим зеркалом, чтобы привлечь внимание Курага.

— Ты, кажется, сомневаешься, что мне это удастся.

— Он не прост... для гоблина. Не факт, что он захочет встречать в дрязги знати Неблагого Двора.

— Гоблины — пехота наших войск. Кураг может изображать безразличие к спорам сидхе между собой, но пока он принадлежит к Неблагому Двору, никуда ему от наших дрязг не деться.

— Он так не думает, — заметила Андаис.

— Оставь Курага мне, — попросила я.

— Ты кажешься весьма уверенной. Помнишь, что спать тебе с ним нельзя? У него жена есть.

— Иногда обещание ценится сильнее, чем его исполнение.

— Ты не имеешь права предлагать ему то, что запрещается нашими законами.

— Курагу наши законы отлично известны, не сомневайся. Он забывает их, только когда ему это выгодно. Он знает, что я ему предлагаю не секс.

— А что же?

— Пусть поможет мне отмыться.

Королева нахмурилась:

— Не понимаю.

И она правда не понимала. Потому что если Кураг законы сидхе знал, то о нашей королеве и законах гоблинов нельзя было сказать того же. Это я знала, что гоблины превыше всего на свете ценят телесные соки. Плоть, кровь, секс — в совмещении этого для гоблинов скрывался идеал. Я намеревалась предложить гоблинам два компонента из трех, а главное — ощущение, хоть и не вкус, плоти сидхе. Я бы сказала, что предложу гоблинам все три компонента, но я была не так глупа. Гоблинское представление о плоти — это кусок мяса в желудке или в банке на полочке.

Придворные сплетни уже меня похоронили. Кое у кого при дворе был доступ к телевидению, а там весь вечер крутили сюжет о пресс-конференции. Стрельба, раненый полицейский и напоследок Гален со мной на руках, по лицу у меня бежит кровь. Людские СМИ сообщили только, что меня усадили в лимузин и что сообщений обо мне из больниц не поступало. Нам некогда было с кем-то связываться, так что даже наш карманный пресс-агент Мэдлин Фелпс не знала, что ей говорить. Стражи нас встретили прямо у двери и сразу отвели к королеве. Больше никто нас не видел. Никто даже не знал, что мы вообще прибыли.

Королева и ее стражи смыли кровь и переоделись к пиру. Она войдет в зал как ни в чем не бывало в окружении своей свиты. Займет трон. Эймон сядет на трон консорта. Трон принца и его сторона возвышения останутся пустыми, как всегда с тех пор, как я уехала, а Кела бросили в темницу.

Дойл войдет в зал с королевой, но не останется при ней. Он встанет на страже у двери и получит возможность обнюхать всех входящих придворных. Он будет искать магию, отравившую вино. Займи он прежнее место за тронном королевы, это вызвало бы вопросы, но вряд ли кого-то удивит его желание вернуться на прежнюю службу — вернуться в волшебную страну из ссылки. И никто не удивится, что Андаис в отместку наказывает его, удалив от своей царственной особы.

Ни королева, ни ее свита отвечать на вопросы не будут. Собственно, предполагается, что она вообще не откроет рта. Будет игнорировать все и всех, пока кто-то не наберется смелости подойти к трону и попросить разрешения заговорить. Это будет знаком для меня, и я войду в дверь со своей свитой, по-прежнему покрытая кровью с ног до головы. Не своей кровью — что лучше всего прочего докажет, что я достойная наследница Андаис. Кто-то из моих мужчин отмоется, другие останутся как есть — зависит от того, захотят ли они участвовать в представлении.

Нас оставили ждать в передней у больших дверей в тронный зал. Тишину нарушал только шелест, словно огромная змея ползала по потолку и стенам, — но исходил он не от рептилии. Комнату заполнили вьющиеся розы. Они сохли столетиями, пока не превратились в голые утыканные шипами стебли, но моя магия и моя кровь пробудили их. Сейчас, несколько месяцев спустя, стен было не различить за густой зеленью листвы и свежими побегам. Повсюду цвели огромные алые цветы, их аромат перенасытил воздух, мы словно в море духов стояли. Розы двигались в полумраке комнаты, и слышен был звук трущихся друг о друга стеблей и листьев. Шевелящаяся масса мяла цветы, и на нас сыпался дождь алых лепестков. Я помнила, что шипы — те, что повыше, у потолка, — размером были с хороший кинжал. Эти розы никто не посчитал бы обыкновенными. Они служили последним барьером на пути врага. Правда, теперь, когда большинство прежних врагов с радостью здесь привечали, розы стали скорее символом, чем настоящей угрозой.

Наше намерение найти Нулин и узнать, откуда она взяла вино, окончилось крахом. Слуа ее нашли, но вопросы задавать было некому. Голову ее все еще искали. Ее смерть говорила либо об аккуратности нашего убийцы, либо о том, что он, она или они знали уже, что королеву убить не удалось. И то, и другое никак не влияло на наши планы, но заставляло задуматься.

Шалфей стоял у меня за спиной сразу после Риса и Холода. Мы уже представили его

королеве Нисевин в новой этой форме, с трехцветными глазами. Она пришла в бешенство, узнав, что он не станет уже прежним, но превращение эльфа в сидхе ее заинтересовало. Настолько, что она согласилась нам помогать. Феи-крошки — идеальные шпионы, всепроникающие и незаметные. Сидхе обращали на них не больше внимания, чем на настоящих насекомых. Их не считали при дворе силой, а потому допускали куда угодно. Нисевин разослала своих людей по всему двору. Они наострили уши и вернутся с докладами — мне и Андаис.

Царь Кураг со своей многорукой королевой под боком ждал вместе с нами. Он со своими гоблинами войдет в зал в составе моей свиты. Потом он займет свой трон в конце зала, ближе всего к дверям и дальше всего от трона королевы, но войдем мы вместе, и несколько воинов будут сопровождать меня до самого трона.

При личной встрече Ясень и Падуб оказались одновременно и более похожи на сидхе, и менее. Красивые и надменные не менее любого придворного, с безупречной золотистой кожей, они подошли бы обоим дворам сидхе; но глаза — сияюще-зеленые и огненно-красные соответственно — были у них чисто гоблинские, огромные, удлинённые, занимавшие на лице больше места, чем положено человеку или сидхе. Такие глаза обеспечивали гоблинам отличное ночное зрение, но выдавали их чуждость. Физически оба гоблина были лучше развиты, чем сидхе; мышц под чудесной кожей словно было больше, чем надо. Я бы поспорила, что они сильнее чистокровных сидхе.

Ясень был просто счастлив присоединиться к нашей демонстрации единства. Падуб сопротивлялся. Он считал ниже своего достоинства сидеть у ног женщины, особенно женщины-сидхе. Мне пришлось выдать ему небольшой аванс: он слизнул с меня немного крови и больше не протестовал. Оба брата достаточно были гоблинами, чтобы оценить покрывавшую меня кровь сидхе. Сегодня мне это было на руку; в перспективе, где мне светило оказаться с ними в одной постели, — слегка нервировало. Но не стоит заглядывать вперед, на сегодня у нас и так проблем хватает.

Шалфей сказал:

— Королева Нисевин сообщает, что знатный сидхе преклонил колено перед тронном королевы Андаис. — Он перевел дыхание, потом воскликнул: — Пора!

Баринтус и Гален распахнули двери, и на нас пролился поток света из ярко освещенного зала. Мы не теряли времени. Я шла чуть впереди Риса и Холода, потом шли Никка с Шалфеем, и дальше так же парами выстроились остальные стражи вплоть до Баринтуса и Галена, за которыми шли уже гоблины.

Дойл стоял у двери, как и задумано, и мы ему даже не кивнули, словно были на него злы. Все шло по плану.

Ахи и охи, бурный шепот, даже приглушенный вскрик встретили мое появление. Мне показалось на секунду, что герольд у двери меня не узнал. На лице у меня одни глаза не были перемазаны кровью, даже ресницы от нее слиплись. Меня всю жизнь считали незначительной персоной и уж точно не ждали от меня никакой опасности. И надо признать, что моему самолюбию здорово польстил этот миг, когда все вокруг глазели на меня со страхом, удивлением и тревогой. Что случилось? Что пошло иначе? Что значит это все? Здесь за столами сидели лучшие интриганы в мире, а сейчас все их планы пошли прахом только потому, что я вошла в тронный зал, с ног до головы покрытая кровью.

Королева Андаис сидела на троне; белая кожа, начисто отмытая от крови, сияла свежестью. Черное платье обнажало руки и плечи, в волосах мерцали алмазы, своим

блеском скрывая металл короны. Алмазная нитка обвивала шею и сбегала на грудь королевы, словно застывшая посреди движения петля лассо или змея. Алмазы были единственным цветовым штрихом на простом черном платье и столь же черных длинных перчатках, обтягивавших руки. Впрочем, "цветовым" — неверное слово, драгоценные камни овеществленным светом обвивали шею и голову, их сияющий ореол струился по телу.

Мистраль в полной броне стоял за спинкой трона, чуть сбоку, опершись на копьё. Назначение Мистраля капитаном меня не удивило, а вот выбор заместителя — напротив. Штиля полностью скрывали доспехи, из-под шлема видна была только длинная светло-каштановая коса. Его звали Штилем, тишьё, — за то, что он никогда не говорил вслух, только шептал на ухо королеве или Дойлу. Как он будет командовать, если он не говорит вслух?

Тайлер, совершенно голый, если не считать сверкающего ошейника, свернулся у ног королевы на конце драгоценного поводка. На троне чуть поменьше и пониже королевского, троне консорта, сидел Эймон. Он был во всем черном за исключением серебряного обруча на лбу.

Мы прошли мимо пустующего стола и трона, предназначенных для слуга — слуга расположились за спиной у королевы. Ночные летуны, похожие на гибрид огромных летучих мышей, жутких осьминогов и переселившихся на сушу морских скатов, распластались на стенах за тронном, ряд за рядом, словно шевелящийся занавес из черных тел. Существа, у которых щупалец было больше, чем прочей плоти, встали сразу за тронном. Две карги, Черная Агнес и Сегна Золотая, закутанные в плащи, стояли наготове у трона, возвышаясь над головами стражей. Обычно они стояли у трона собственного царя, но сегодня Шолто занимал другое место.

Пустой трон, предназначенный для наследника и давно привычно называемый тронном принца, ждал меня. Трон, занятый Шолто, стоял на ступеньку ниже моего. Сегодня этот трон тоже стал тронном консорта — но моего консорта, а не королевы. В моем случае трон отдавался тому, с кем я проведу будущую ночь.

Шолто, царь слуга, Властитель Всего, Что Проходит Между, Властелин Теней, сидел на тронном консорта впервые в жизни. Высокий и бледный, с кожей как лунный свет, на зависть любому неблагому сидхе. Волосы у него были белые как снег, длинные и шелковистые, завязанные, как обычно, в длинный хвост. Глаза трехцветные: металлически-золотое кольцо, как у меня, янтарное кольцо и наружное тонкое — цвета осенней листвы. Лицом и телом он был не менее прекрасен, чем лучший из придворных красавцев, сидя здесь в черно-золотом камзоле и черных узких штанах, заправленных в сапожки до колена из мягчайшей черной кожи, с золотой окантовкой на отворотах. Плащ он застегнул золотой фибулой с гербом его дома.

До последнего дюйма он выглядел принцем сидхе, но я лучше многих других знала, что внешность лжет. Шолто магическим способом скрывал то, что находилось у него под одеждой. Почти весь его живот вплоть до паха покрывали щупальца. Без гламора они бы выпячивались даже сквозь роскошную ткань камзола, а современную одежду без магического вмешательства носить было просто невозможно. Мать у него была благая сидхе, отец — ночной летун.

Как царь слуга Шолто мог заполучить себе в постель любую женщину из числа своих подданных. Но при дворе Андаис с ним не спал никто — потому что он входил в ее стражу. Спать с ним могла только сама королева, но сомневаюсь, что ей даже мысль такая

приходила в голову. Она звала его "моя искаженная тварь", а временами просто "моя тварь". Шолто терпеть не мог это прозвище, но королеве Андаис не возражают, даже если ты царь другого двора. Если бы Шолто удовлетворялся женщинами-подданными, мне нечего было бы ему предложить, но ему было их мало. Он хотел прикосновения кожи сидхе. Так что мы ударили по рукам, и если не сегодня, то завтра я выясню, способна ли я пережить наличие у партнера некоторых телесных излишеств. Я надеялась, что способна, потому что нравится мне или нет, а за сегодняшние услуги мне придется с ним переспать.

Сбоку от возвышения ждал Афагду. Когда мы открыли дверь, именно он стоял на коленях перед тронном. Он тоже был в черном, как и большинство придворных. У любого двора в обычае выбирать те цвета, которые предпочитает монарх, а черное было фирменным стилем Андаис на протяжении веков. Волосы Афагду были такие черные, что терялись на фоне плаща, а борода такая густая, что трехцветные глаза будто плыли над ней посреди всей этой черноты. Его голос пронесся по залу, перекрывая шепотки и вздохи:

— Это все твоя кровь, принцесса Мередит?

Я его будто не услышала, направляясь к возвышению. Остановившись прямо перед королевой, я поклонилась — но склонила только голову.

— Владычица Андаис, Королева Воздуха и Тьмы, я пришла к тебе, покрытая кровью друзей и врагов.

— Раздели наше общество, Мередит, Принцесса Плоти и Крови.

Титул был встречен новыми вздохами. Дойл хотел приберечь тайну моей новой руки власти, чтобы при случае удивить врагов, но Андаис решила по-своему. Она хотела, чтобы двор меня боялся, как боялся ее. Переубедить ее не удалось, а власть принадлежала ей.

Шолто встал, спустился на две ступени, улыбнулся и подал мне руку. Ладонь у него была влажная. Чего это боялся царь слуг?

Я улыбнулась ему и подумала, радуется или пугает улыбка кровавой маски, в которую превратилось мое лицо?

Он провел меня к трону, усадил меня и вернулся на свой трон. Мои спутники расположились вокруг. Китто уселся у моих ног, и не хватало только драгоценного ошейника, чтобы передразнить Тайлера у ног королевы. Рис и Холод встали по обе стороны трона. Те, кто побывал в моей постели, разместились у самого трона. Баринтус отнес себя к этой категории, я не возражала. Королева была этим удивлена и заинтригована, но поднимать вопрос не стала, отложила на потом. Прочие мои и ее люди распределились по залу. Андаис хотела, чтобы все поняли: стражи здесь — не наша охрана, а угроза придворным.

Вельможам рассыпавшиеся по залу стражи не понравились. Им вообще все не нравилось. Афагду вернулся к своему трону на левой стороне зала, улыбаясь легко и непринужденно. Он не входил в число приспешников Кела, не был и сторонником королевы. Он руководствовался своим умом и требовал того же от лордов своего дома.

Вперед вышли двое Красных Колпаков. Если гоблины были пехотой неблагих, то Красные Колпаки — их ударной силой, выше, сильнее, злобнее, чем сами гоблины. Один из этих двоих ростом был футов восемь, второй — едва ли не десять. Даже для фейри почти великаны. Невольно ждешь, что создания такие огромные и мускулистые будут двигаться не изящней быка, только эти двое двигались как кошки на охоте — с неуловимой фацией. Один был желтый, как старая бумага, второй — пыльно-серый. Глаза — огромные красные овалы, они словно глядели на мир сквозь лужицы крови.

На головах у них красовались круглые колпаки, давшие имя их народу, но у высокого шапочка была не просто куском красной ткани. С колпака на лицо лились струйки крови, стекая на плечи шириной в мой рост. Кровь лилась едва ли не по проторенным руслам, но до пола не доходила — словно его тело впитывало ее обратно. Хотя на одежде оставались темные следы... Может, это ткань впитывала кровь?

Я бы поспорила, что шапка у этого типа первоначально была из чистой белой шерсти. Когда-то всем Красным Колпакам приходилось макать шапки в кровь, чтобы придать им алый цвет. Кровь высыхала, и тогда нужно было начинать новую битву, чтобы омочить колпак в крови врагов. Этот обычай сделал Красных Колпаков самыми устрашающими воинами среди нас, их было очень трудно разбить из-за такой кровожадности.

Серый великан то ли освежил свою шапку в крови непосредственно перед пиром, то ли обладал редчайшей способностью поддерживать свежесть и ток крови. В давние времена, когда Красные Колпаки были самостоятельным народом, а не частью империи гоблинов, его за это могли бы выбрать вождем.

Тот, что поменьше, не возражал, когда высокий протолкался вперед и первым преклонил колено. На коленях он был так же высок, как я — сидя на троне на ступеньку выше него. И правда высокий мальчик.

Голос его загрохотал камнепадом, звук такой низкий, что мне захотелось сглотнуть, прочистить уши.

— Я Джонти. Царь гоблинов Кураг велел мне охранять твою белую плоть. Гоблины чтят союз между принцессой Мередит и Курагом, царем гоблинов.

Закончив речь, он наклонился ближе ко мне. Лицо у него шириной было с мою грудную клетку. Я достаточно общалась с такими гигантами, чтобы не испугаться, но когда он широко оскалился, сверкнув острейшими клыками, мне потребовалось определенное присутствие духа, чтобы протянуть руку к этому жуткому рту.

— Я, принцесса Мередит, Владычица Плоти и Крови, приветствую тебя, Джонти, и воздаю честь гоблинам, делясь с ними пролитой мною кровью.

Он не тронул меня руками, для нашей демонстрации единства в этом не было необходимости. Он просто притронулся почти безгубым ртом к моей коже и лизнул руку кончиком языка. Язык был жесткий как наждак, словно язык огромной кошки. Как только грубая поверхность заскребла по засохшей крови, в левой ладони у меня забился пульс. Случалось, рука крови у меня болела, так болела, что я орала в голос, но такой пульсации я раньше не ощущала.

Гоблин не оторвался от моей ладони, но поднял глаза. Взгляд получился странно интимным: так смотрит мужчина, когда ласкает языком много более скрытые части женского тела. Рука стала горячей и мокрой, жар пробежал по ней и затопил меня горячей волной, так что я даже ахнула. Волна оставила меня мокрой — мокрой от крови, словно я только что в нее окунулась. Кровь потекла с волос мне на лицо. Я подняла руку смахнуть ее с глаз, но второй Красный Колпак был уже тут как тут. Он лизнул мне лоб, утробно зарывчав. Я почти ждала, что Джонти его отпихнет, но великан остался стоять на коленях, глядя на меня все с тем же намеком.

Из-за их спин прозвучал приказ:

— Прочь от нее, Конгар!

Красный Колпак сцапал мою поднятую руку своими лапищами и облизал. Трогать меня руками — это было оскорбление. У гоблинов это считалось сексуальным жестом. Гиганта

тут же схватили за плечи и отшвырнули прочь. Ясень с Падубом швырнули типа много крупнее себя так, что он прокатился по всему полу до самых дверей.

— Он потерял самообладание, Кураг, — сказал Падуб. — Не стоит ему оставаться рядом с сидхе.

Рычащий бас Курага раскатился по залу:

— Верно. — Он махнул рукой, и два других Красных Колпака вышли поднять собрата с пола. Но Конгар успел подняться сам. По лицу у него текла кровь. Я сперва подумала, что ему рассадили лоб Ясень с Падубом, а потом увидела, что кровь течет из шапки. По шапке вымазанной засохшей кровью, теперь лилась такая же свежая кровь, как и по мне.

Он поднял руку потрогать кровь, облизнул пальцы и посмотрел на меня, словно на хороший кусок мяса. Один из подошедших к нему братьев потянулся к шапке, но Конгар его оттолкнул. Он позволил двоим Колпакам проводить себя к прочим гоблинам, но не дал им потрогать кровь.

— Хватит с тебя, Джонти, — сказал Ясень.

Джонти опять одарил меня интимным взглядом и поднялся с колен. Облизнув перемазанный кровью рот, он встал за моим тронем среди стражей. Я слышана, как он пробормотал по пути Ясеню: "Кровь королевы".

Ясень был одет в зеленое под цвет глаз, и это шло к его светлым волосам и золотистой коже. Он опустился на колени у моей правой руки, и будь у него волосы подлиннее, вполне сошел бы за сидхе. Падуб встал на колени слева от меня. Красная одежда подчеркивала цвет его глаз, и когда он склонился над моей рукой, злобно сверкнув глазами, они страшно напомнили мне алые глазищи Красных Колпаков. Я подумала, уж не из их ли народа был его отец.

Прикосновение губ Ясеня к ладони заставило меня взглянуть на него. Он слизывал кровь длинными уверенными движениями языка. Падуб делал то же самое с другой рукой. Языки у них были мягкие и необычно нежные. Они одновременно взяли мои руки в обе ладони, словно долго разучивали это движение с хореографом. Я попыталась отнять руки, и оба синхронно прижали их к подлокотникам трона. От ощущений у меня дыхание пресеклось, глаза сами закрылись. Когда я открыла глаза, в них затекла кровь, и я попыталась протереть их руками, но братья мне не позволили. Они прижали мне руки сильнее и поднялись словно две тени, так что к лицу моему прикоснулись одновременно. Они лизали меня прямо над веками, пили стекающую со лба кровь, словно я — блюдо с остатками соуса, слишком вкусного, чтобы отправлять его в мойку.

Они облизали мне глаза, нажимая чуть слишком сильно, и мне это не очень понравилось. Я порадовалась, что поставила условие насчет ран. Им разрешалось слизать кровь, но не кусаться. Новую кровь они не имели права пустить, пока мы не заключим другой сделки. Чувствуя, как они в два языка облизывают мне лицо, я сомневалась, что стану торопиться с новой сделкой. Было в них что-то беспокоящее — будоражащее нервы, но не только в приятном смысле.

Они отстранились немного, и я смогла моргнуть и открыть глаза. Они склонялись надо мной с таким выражением... Сексуальное возбуждение там тоже было, но был и голод, который не столько относился к сексу, сколько к еде. Может, они и больше походили на сидхе, чем Китто, но эти взгляды снова напомнили мне, что внешности верить не стоит.

Я ждала, что королева что-нибудь скажет или что кто-то из вельмож заговорит с ней, пока я делюсь кровью с гоблинами, и немного повернула голову в ее сторону. Она следила за

нами голодными, жадными глазами, и мне было ясно, что вождедеет она не ко мне, а к гоблинам. Они двигались, словно тело и тень, так синхронно, что нельзя было не заглядеться. Королева Андаис не привыкла заглядываться на мужчин, не предполагая возможности так или иначе свой интерес реализовать. Но если королева и отведаст гоблинов, это будет втайне, как обычно поступали сидхе по отношению к гоблинам, слуга и так далее. Хороши для темной ночи, но не при свете дня. Из-за такого вот отношения сидхе Ясеня и Падуба так привлекло мое столь публичное предложение.

Я понимала, почему больше никто шоу не прервал. Если королева получала удовольствие, вмешаться можно было только на свой страх и риск. Если ей портили забаву, она вполне могла потребовать от виновника предложить что-то не менее интересное.

Над головой у меня кто-то задвигался, и я подняла глаза — надо мной облаком кружились феи-крошки, будто стая громадных бабочек. Я знала, что им нужно. При Неблагом Дворе мало кто откажется от глотка крови. Но феи-крошки в отличие от гоблинов правил почти не знали. Я посмотрела на голодные личики и поняла, что могу дать им сейчас то, что обещала королеве Нисевин в будущем. Свежую кровь, кровь сидхе, королевскую кровь. Она меня всю покрывала.

— Господа гоблины, — позвала я, — мне нужно позаботиться и о других союзниках.

Они посмотрели на меня так, словно не хотели уступать свой трофей. Рис и Холод шагнули вперед.

— Нет, — сказала я стражам. — Не вмешивайтесь, пока не станет нужно.

Я посмотрела гоблинам в глаза, и они слегка поклонились — головы склонили — и оба заняли условленные места у моих ног. Именно эта часть соглашения особенно возмутила Падуба, но теперь, с перемазанными кровью ртом и руками, он вроде бы забыл обо всем. Оба гоблина принялись облизываться, как только уселись на ступеньках, точно как коты, слизывающие с усов сметану.

Я подняла руки в воздух, словно подзывая птиц.

— Крошки-феи, возьмите кровь у меня с кожи, только, чур, не кусаться!

Кто-то из эльфов зашипел, крошечное кукольное личико сложилось в жуткую гримасу — но всего на миг. В следующую секунду черные кукольные глазенки стали такими же милыми и безобидными, как маленькое тело и красочные крылья. Я знала, что без присмотра они с радостью съели бы у меня все мясо с костей. Но за ними следили, а для меня на карте стояло слишком много, чтобы трустить.

Они казались очень хрупкими, но на самом деле были тяжелей и мясистей, чем насекомые, которым подражали. По ощущению напоминали скорее крошечных мартышек с изящными крылышками, цепкими ручками и ножками, которые скользили в крови. Язычки лакали кровь, щекотали мне кожу. Кто-то грызнул меня острыми как иголки зубами, и я едва не дернулась. Я сказала им тихо, но отчетливо:

— Только ту кровь, что на коже, можно вам пить, малыши.

Малышка-фея откачнулась вперед на пряди моих окровавленных волос, будто на лиане, и повисла у меня перед глазами. Белое платьице было заляпано кровью, точеное личико перемазано ею же. Голосок зазвенел колокольчиком:

— Мы помним, что нам велела королева. Мы знаем правила.

Она осталась у меня на виду, ухватилась ручонками за волосы и покаталась по ним, как пес по коврику, с ног до головы вымазав алым свою бледную красоту.

На затылке у меня в волосах копошилась еще одна фигурка размером с Барби. Я не

видела, какого пола была та крошка, но особого значения это не имело. Никто из них не думал о сексе, только о еде. О еде и магии, потому что кровь сидхе — это магия. Мы делаем вид, будто это не так, будто в крови нет ничего магического, но это ложь. Сегодня я предпочитала правду.

Меня совсем скрыло одеяло из медленно машущих крыльев, когда из толпы знати послышался голос:

— Королева Андаис, если зрелище это для нас, то не может ли принцесса выйти на середину зала, чтобы мы насладились им в полной мере?

Голос был мужской и вежливо-иронический, с чуть растянутыми гласными. Маэлгвин всегда говорил, будто над кем-то иронизируя. Чаще всего над собой.

— Зрелище еще будет, повелитель волков, — ответила Андаис, — но не это.

— Если оно должно превзойти то, что мы уже видели, я замираю в предвкушении.

Я повернулась посмотреть на него. Феи все быстрее и нетерпеливей махали крыльями, крылья так и мелькали перед лицом. Меня словно обдували множество ветерков сразу, щекоча и пощипывая кожу. Если бы я не боялась, что меня покусают, ощущение было бы даже приятным.

Маэлгвин сидел на своем троне так же прямо, как и все, но казалось, что он сидит развалясь. Вид у него был снисходительный, мы его как будто забавляли. Словно он мог в любой момент встать и увести своих людей заниматься делом посерьезнее, чем какой-то там пир. Сидящие за его столом одеты были как большинство присутствующих — в костюмы от античных до века этак семнадцатого, хотя большинство затормозились примерно в четырнадцатом веке, или в одежду от современных кутюрье вперемежку с костюмами а-ля Адам и Ева. Отличие дома Маэлговина было в том, что почти на каждом надета была еще звериная шкура. У Маэлговина лицо выглядывало из остроухого капюшона, имитирующего волчью морду, серо-белый волчий мех одевал плечи. Под шкурой виден был мускулистый обнаженный торс, нижнюю часть тела скрывал стол. У других над лицами красовались кабаньи и медвежьи головы. Женщина-куница, женщина-лиса, потом еще те, кто носил плащи из перьев или хотя бы отдельные пучки перьев в волосах. Но ни для кого из сидевших за этим столом шкуры и перья не были модным аксессуаром. Их носили потому, что прежде в них заключалась магия или как намек на еще существующие способности. Маэлговина звали повелителем волков, потому что он до сих пор мог превращаться в огромного мохнатого волка. Большинство оборотней, правда, потеряли способность менять людскую форму на животную, как Дойл.

Не все оборотни принадлежали к дому Маэлговина, но все, кто звал его господином, в свое время могли превращаться в то или иное животное. Некоторые и сейчас еще могли — но немногие. Еще одна почти утраченная магическая способность.

При этой мысли я невольно взглянула на Дойла. Он так и стоял у двери. Удалось ли ему вынюхать убийцу? Узнал ли он, чья магия едва не уничтожила Андаис и ее стражей? Очень хотелось, чтобы он подошел ко мне и рассказал, но нам приходилось играть свои роли. Мы заставили придворных думать, что он решил вернуться к Андаис и наказан за недолгую измену — поставлен на пост у двери, далеко от трона. Чем дальше от трона, тем дальше от милости монарха, а значит — плохо. Это был единственный способ поставить его у двери на пути всех входящих так, чтобы не вызвать подозрений. Но сколько же еще нам притворяться? Когда королева его позовет?

Я старалась не дергаться от прикосновений крыльев, ручек и ножек. Мне хотелось

смахнуть с себя фей и подозвать Дойла. Хотелось со всем покончить. Но Андаис всегда предпочитала растянуть месть. Я принадлежала к типу "убить-их-всех-и-дело-с-концом", Андаис любила поиграть с жертвой.

Маленькая белая фея, теперь красная с головы до ног, наклонилась к самому моему лицу и прозвенела колокольчиком:

— Почему ты так замерла, принцесса? Еще боишься, что укусим? — Она засмеялась, и с ней засмеялись почти все: кто-то звонко, как колокольчик, кто-то шипя, как змея, а кто-то очень похоже на людей, и это был самый странный звук. Они взлетели смеющимся облачком, сплошь разноцветные крылья и окровавленные тельца, какая-то помесь стервятников с бабочками.

По залу разнесся голос Андаис — тон не форсированный, как у актеров, а совершенно обычный, словно ей не надо было прилагать никаких усилий, чтобы ее голос донесся до самых дальних углов.

— А что бы ты дал, Маэлгвин, за возвращение твоему дому утраченных способностей?

— О чем ты говоришь, о королева? — переспросил он прежним чуть насмешливым тоном, но глаза посмотрели внимательней.

Она отыскала взглядом Дойла и скомандовала:

— Покажи ему, о чем я говорю, Мрак.

Нервы у королевы явно покрепче моих. Я бы велела Дойлу бежать и выложить мне все новости, высказать обвинение, а она вместо этого превращала его проход по залу в цирковое представление. А может, она просто больше была фейри, чем я. Фейри редко бывают практичны. Они будут шутить и забавляться даже на пути к виселице. У фейри это в природе — а у меня нет. Мне хотелось наорать на нее и заставить заниматься делом. Но я прикусила язык и оставила ее вести события так, как она пожелает. Только пожалела, что рассказала ей о возвращении способностей к моим стражам. Не знала в она о Дойле, и хотя бы этот спектакль подождал бы.

Дойл покинул пост и скользнул к центру зала, но не перекинулся. Просто шел под взглядами придворных, сперва сопровождаемый молчанием, потом усиливающимся шепотом и смешками. Когда Дойл наконец подошел к трону, королева готова была рычать от злости.

Он опустился на колени перед ее троном, не моим — верное решение, это был ее двор.

Маэлгвин сказал:

— Я полагал, что мои сородичи не теряли способности прогуляться по тронному залу, моя королева.

Он не рассмеялся вслух, но был чертовски к этому близок.

— Прошу разрешения передать на время мое оружие в надежные руки, — сказал Дойл.

— Зачем мне давать тебе какие-то разрешения, Мрак? Ты меня уже подвел.

— Многие из утерянных в прежние годы магических предметов исчезли именно во время метаморфоза.

Он расстегнул ремень, на котором крепились и его парные кинжалы, и меч с черной рукоятью. Кинжалы назывались Зиг и Заг. Раньше они носили другие имена, но я их ни разу не слышала. Кинжалы поражали без промаха любую мишень, в которую были брошены. Меч звался Черное Безумие — Байнидх Ду. Стоило любой руке, кроме руки Дойла, попытаться им завладеть, и вор навсегда лишался разума. Во всяком случае, легенда была такая. Я только один раз видела меч в бою — против Безымянного. Все возможности меча в одной

той схватке я увидеть не могла. Дойл вытащил ремень из петель наплечной кобуры с ее совсем не магическим содержимым — современным пистолетом. Пистолет он не тронул, и кобура слегка болталась теперь без удерживавшего ее ремня.

Он положил ремень с оружием себе на колени.

— В Западных землях перемена меня настигла, когда я был безоружен. Все, что было на мне, исчезло и не вернулось вместе с человеческой формой. Я не могу рисковать этими клинками.

Говорил он тихо, и его слышали только те, кто стоял близко к трону.

Гнев королевы от слов Дойла утих.

— Мудро, как всегда, мой Мрак. Делай, как считаешь нужным.

Он встал и поднялся по ступеням, держа в руках ремень с его драгоценным грузом. А потом сделал то, чего на моей памяти не делал никогда: поцеловал Андаис в щеку — и я со своего места заметила, как он шепчет ей на ухо. Андаис ответила только понимающей улыбкой. Впечатление было такое, словно Дойл шепнул ей что-то скабрзное.

Потом он подошел и точно так же поцеловал меня. У меня только секунда была решить, что мне изобразить на лице — актриса из меня куда хуже, чем из тетушки. Ну, если справиться с лицом не удастся, придется отворачиваться.

Дойл шепнул мне на ухо:

— Чарами пахнет от Нерис.

Я уткнулась лицом ему в шею. Втянула носом его запах, тепло его кожи — и так скрыла, насколько я потрясена. Любые имена я ожидала услышать, но только не это.

Ее звали просто "Нерис" — имя это означает "господин" или "госпожа". Она возглавляла отдельный дом, но потеряла так много магии, что отказалась от подлинного имени и приняла новое, которое скорее было титулом, чем именем. В политику она обычно не совалась. Она и ее дом были едва ли не самыми нейтральными из всех шестнадцати домов Неблагого Двора. Им не нравился Кел, и никто им не нравился. Они выполняли свой долг перед королевой, но и только. Они были замкнуты и осторожны и достаточно сильны, чтобы их не трогали. Нападение на королеву было грубым и быстрым — совершенно не в стиле Нерис! Обвини ее кто-то другой, я бы вряд ли поверила, но в Дойле сомневаться не приходилось. Но я была рада, что могу зарыться лицом ему в шею, потому что не выдать изумления я бы не смогла.

Он это, видимо, понял, потому что остался в поклоне, пока я не тронула его тихонько за плечо, давая знать, что лицо у меня приняло должный вид. На Нерис и ее людей я смотреть не стану, чтобы не выдать им все раньше времени.

Дойл выпрямился и спросил одними темными глазами, смогу ли я справиться. Я едва заметно кивнула и улыбнулась. Мы с Дойлом любовники, но моей улыбке далеко было до похотливой улыбочки Андаис. Дойл положил оружие мне на колени, разрушая миф о своем возвращении к Андаис. Впрочем, не думаю, чтобы кто-то из стражей, кроме разве что Эймона, отдал бы королеве свое драгоценное оружие. Некоторым из них она годами не разрешала воспользоваться даже крохами их собственной магии. Оружие они ей не дали бы, опасаясь не получить его обратно. Дойл своим жестом показал две вещи: во-первых, кому он здесь доверяет, а во-вторых, что он знает: я умею не только брать, но и отдавать.

Он вынул пистолет из кобуры и протянул его Холоду.

— Пистолет хороший, — объяснил он.

Холод даже улыбнулся.

— И новый здесь достать трудновато, — добавил Рис.

Дойл кивнул.

Я успела подумать, удастся ли Дойлу ожидаемый спектакль, но тут он отошел на самый дальний край возвышения, взял разбег и прыжком метнулся в воздух. На миг стража застлал черный туман, тут же свернувшийся в клубок, — и вот Дойл уже парил над головами придворных на огромных орлиных крыльях, таких же черных, как была его кожа.

Удивленные и восхищенные вздохи встретили это зрелище. Черный орел описал круг, вылетел к центру зала и понесся вниз, но не успели черные кривые когти коснуться пола, как крылья расплылись туманом, и в мрамор ударили и прошли между столами уже копыта. Огромный черный жеребец дошел до стола Маэлгвина и посмотрел на повелителя волков черными глазами Дойла. Потом то ли опять поднялся туман, то ли в туман превратилась сама лошадь, но из черных клубов возник громадный мастифф, которого мне уже приходилось видеть. Огромный пес пыхтел в лицо Маэлгвину. Даже сидя, он был выше стола и свободно заглядывал лорду в глаза.

Повелитель волков склонил голову — что-то среднее между уважительным кивком и поклоном. Наверное, пса это удовлетворило, потому что он направился к трону. Огромные лапы оттолкнулись от ступеньки и прыгнули ко мне. Пес сел у подлокотника моего трона, и я не думая потянулась погладить его мягкую шерсть.

Взметнулся туман — на ощупь такой же холодный, как и на запах, словно идешь по лесу в дождь. Руку мне закололо магией, когда тело Дойла стало расти и меняться. Не было никакого болезненного перемещения костей и плоти, как тогда в Калифорнии. Даже оставшаяся в тумане рука чувствовала превращение как что-то легкое и воздушное, словно пузырьки бежали вдоль кожи или электрические разрядики. Дойл просто возник возле моего трона в человеческой форме, сидя на коленях, нагой, укрытый водопадом черных волос. Моя рука так и гладила его человеческую щеку, как секундой раньше — собачью шерсть.

Я хотела сделать ему комплимент, но боялась дать всем понять, что еще не видела такого легкого превращения.

— Изумительно, — сказал Маэлгвин, и в голосе не было и следа иронии. — Не помню, чтобы ты был прежде птицей.

— Не был, — подтвердил Дойл.

— Значит, ты обрел утраченное и еще новую способность вдобавок?

Дойл кивнул. Я перебирала рукой густые пряди его волос.

— Что же вызвало это чудо? — спросил вельможа.

— Поцелуй, — ответил Дойл.

— Поцелуй, — повторил Маэлгвин. — Как это?

— Ну, поцелуй, — разъяснил Рис из-за моей спины. — Вытягиваешь губы...

— Я знаю, что такое поцелуй, — оборвал его Маэлгвин. — Я не знаю только, как он мог вызвать такую перемену в Дойле.

— Скажи ему, чей поцелуй вернул тебе магию, — велела Андаис.

— Поцелуй принцессы Мередит.

Дойл не поднимался с колен, и я по-прежнему играла густыми прядями, пробегала пальцами по теплomu затылку.

— Вы лжете!

Это сказала Минивер. Она возглавляла свой дом, высокая блондинка, на вид как благая — потому что когда-то благой и была. Царственная красotka пришла к нам и пробивалась

наверх, пока не возглавила собственный дом при темном дворе. Она предпочла власть и почет при темном дворе изгнанию в мир людей, а значит, Благой Двор никогда не примет ее обратно. Изгнание из сияющего двора будет вечным. Иногда благие принимали обратно тех, кто жил среди людей, но ушедшие к неблагим считались нечистыми.

Минивер встала с трона — сияющее создание с золотистыми косами, струящимися по сверкающему золотому платью. Золотой обруч пересекал ее лоб над безупречными дугами темных бровей и трехцветно-голубыми глазами. Она не переняла у Андаис и двора привычку к темным цветам и одевалась так, словно собиралась навестить другой двор.

— Ты что-то сказала, Минивер? — спросила Андаис. Опуская титулы, она уже наносила сияющей даме оскорбление. Предостерегала — лучше бы ей сесть и закрыть рот.

— Я сказала и повторяю снова: лжете. Не может смертная дать сидхе новую силу.

— Она принцесса сидхе. Немного больше, чем простая смертная, тебе не кажется?

Минивер качнула головой, разметав тяжелые косы.

— Она смертная, и тебе надо было утопить ее в шестилетнем возрасте, как ты и пыталась. Только привязанность к брату остановила твою руку.

Она говорила так, словно я ее не слышала, словно не сидела прямо здесь собственной персоной.

— Брат мой Эсус сказал однажды, что Мередит на троне была бы лучше, чем Кел, мой собственный сын. Я тогда ему не поверила.

— Кел хотя бы не смертный.

— Но Кел не вернул и капли потерянных нами сил. Как и я, — сказала Андаис, и в голосе у нее не было иронии или провокации. Она не играла роль.

— Ты хочешь, чтобы мы поверили, будто эта полукровка сделала то, что не под силу чистокровным сидхе? — Минивер ткнула в мою сторону, на мой вкус — слишком театрально. Жест и правда замечательно продемонстрировал ее разрезные рукава, в разрезах проглянула синяя ткань нижнего платья. Когда живешь неограниченно долго, иногда слишком много внимания уделяешь внешнему виду. — Это позорище не должно сесть на трон, королева Андаис!

Я подумала, что "позорище" — немного сильно сказано, но промолчала, потому что здесь не столько мне бросали вызов, сколько королеве.

— При этом дворе я решаю, кто сядет и кто не сядет на трон.

— Твое решение выбрать наследника только твоей крови станет гибелью для нас всех! Все мы видели, чем кончались дуэли, когда кто-то из нас обменивался кровью с этим созданием. Они становились смертными, заражаясь от ее крови!

— Смертность не чума, — спокойно сказала Андаис.

— А убивает не хуже. — Минивер оглядела придворных, и к ней повернулось немало лиц. Молчанием или кивками они показали, что одобряют, во всяком случае, последнюю ее фразу. Чистота моей крови их тоже заботила. — Если эта смертная станет королевой, мы должны будем принести ей присягу на крови. Кровную клятву, очень похожую на ту, что даем на дуэлях.

Минивер посмотрела на Андаис с выражением, очень близким к мольбе.

— Разве ты не видишь, моя королева, если мы смешаем нашу кровь с ее и свяжем себя с ее смертной участью, то потеряем свое бессмертие! Мы перестанем быть сидхе.

И тут встала Нерис со словами:

— Мы перестанем быть кем угодно.

Встали еще трое, потом еще один глава дома. Они стояли, выражая поддержку Минивер. Против меня были шесть из шестнадцати домов Неблагого Двора. Этого мы не предвидели. Точнее, я не предвидела.

Дойл под моей рукой застыл без движения, как и все мои люди — кроме гоблинов у ног и Красного Колпака за спиной. То ли они не так ценили бессмертие, как сидхе, то ли у гоблинов были свои заботы. О которых я мало что знала.

— Наследника я определяю сама, — повторила Андаис. — Разве что ты решишь вызвать меня на личный поединок, Минивер. Или Нерис, или любой из вас. Я с радостью сражусь с вами по очереди, и этот спор будет кончен.

Минивер покачала головой.

— У тебя один ответ на все, Андаис, — насилие и смерть. Потому мы и остались без детей и почти без силы, но хотя бы бессмертие мы хотим сохранить.

— Так вызови меня, Минивер. Стань королевой сама, если сумеешь.

Если бы злость Минивер могла пролететь через зал и поразить Андаис, королева скончалась бы на месте, но такой способностью Минивер не обладала. Дни, когда фейри могли убивать одним лишь гневом, остались далеко в прошлом.

Андаис взглянула на Нерис.

— А ты, Нерис, ты хочешь стать королевой? Хочешь настолько, чтобы вызвать меня на поединок? Победи меня, и ты станешь править.

Нерис стояла молча, глядя на королеву Андаис почти такими же, как у самой Андаис, трехцветно-серыми глазами. Длинные черные волосы Нерис были заплетены в сложную систему косичек, плащом укрывавшую ей спину. Платье на ней было белое, только немного черного в отделке — на вырезе, на поясе, кружева на манжетах. Она казалась холодной и собранной. Не было ярости, клокотавшей в Минивер.

— Мне и мысли не придет вызвать на дуэль Королеву Воздуха и Тьмы. Это самоубийственно.

Говорила она спокойно, но как будто зловеще. Но никакой открытой злобы, ничего похожего на прямое оскорбление.

— А напасть на меня исподтишка, убить коварно — это не самоубийственно, так? — Андаис злобно улыбнулась. — Разумеется, если тебя не поймают.

Нерис стояла, глядя на трон как ни в чем не бывало — ни намек на страх, на тревогу, ничего абсолютно. Если Андаис думала, что Нерис от страха себя выдаст, она просчиталась. Нерис собиралась потребовать от Андаис доказать ее вину. Понимала ли она, что доказательства у нас есть? Или думала, что после смерти Нулин с нее взятки гладки?

— Убийства — милое дело, пока убийца неизвестен. — Андаис оглядела цепочку стоящих вельмож. Как я подумала, чтобы не выделять Нерис из ряда. Но сегодня слишком много всего сошлось одновременно — пытаюсь добиться одного результата, получаешь другой.

Минивер начала выбираться из-за стола на свободное место. Кто-то из ее людей трогал ее за руку, она качала головой, и ее отпускали. Она встала между столами, спина прямая как штык — статуя из золота и янтаря.

— У тебя есть что сказать, Минивер? — поинтересовалась Андаис.

— Я вызываю принцессу Мередит на поединок. — Слова ее прозвучали неожиданно спокойно для той, кто только что кипела от ярости.

За ее столом послышались крики: "Нет, не надо!" Она не обратила внимания, ее благое

лицо повернуто было к трону. На меня она и не взглянула, смотрела только на Андаис. Она требовала мою жизнь — но не у меня.

— Нет, Минивер, так легко у тебя не получится. Принцесса уже пережила сегодня одно покушение. Два — это слишком.

— Я предпочла бы, чтобы мои чары удались получше. Но раз она не умерла вдали от меня, я добьюсь своего сейчас.

На лице у меня ничего не отразилось, потому что я не сразу поняла, что именно она сказала. А королеве все это, похоже, нравилось — у нее глаза заблестели.

Дойл встал и выдвинулся вперед, заслоняя меня собой. Прочие мои стражи щитом встали между мной и Минивер. Выглядывая из-за их спин, я увидела, как другие вооруженные стражи берут ее в полукольцо. Она была не ниже их ростом и нисколько не казалась хрупкой или испуганной. Она была очень уверена в себе.

— Ты признаешь перед всем двором, что пыталась убить сегодня принцессу Мередит? — спросила Андаис.

— Да, — ответила Минивер, и ее голос прозвенел по залу, очень спокойный и непринужденный, будто теперь, когда худшее уже позади, у нее отпала нужда изображать гнев.

— Уведите ее в Зал Смертности и приставьте побольше охраны.

Стражи начали смыкать кольцо, но Минивер повысила голос:

— Я сделала вызов! На него должен последовать ответ, прежде чем начнется мое наказание. Таков закон.

Я думала, стражи ее уволочут, но послышались еще голоса.

— Как ни жаль соглашаться с отъявленной преступницей, — сказал Афагду, — но леди Минивер права. Она вызвала принцессу, и на вызов следует ответить до того, как карать ее за преступление.

Гален сказал у меня из-за спины:

— То есть она попыталась убить Мередит, не смогла, и сейчас ей дают вторую попытку? Это нечестно!

— Таков наш закон. — Дойл протянул мне руку, я взяла его ладонь и прижалась щекой к его нагому бедру. Нервный жест.

— Нет, — возразила Андаис. — Юный рыцарь прав. Позволить принцессе принять вызов — это значит дать награду за попытку убить наследницу трона. Такое коварство нельзя поощрять!

— Ты не вмешивалась, когда Кел и его приближенные снова и снова вызывали принцессу на поединки, — сказала Нерис. — Ты с радостью отправляла Мередит в бой, когда за дуэлянтами стоял Кел. Все знали, что Кел хотел ее смерти. Мередит изо всех сил старалась никому не давать повода, и все же один сидхе за другим находили случай ее вызвать. Когда смертной один за другим бросают вызов бессмертные, что это, как не сговор ее убить?

Андаис тряхнула головой — не отрицая, а просто отказываясь слушать.

— Уведите Минивер!

— Никто не стоит над законом, кроме самой королевы, а принцесса еще не королева. — Это сказал один из лордов, вставших в поддержку Минивер, когда она вопила о моей смертности.

— Ты тоже выступаешь против меня, Руарк? — спросила Андаис.

— Я выступаю в защиту закона, не более.

— Раньше ты дуэлям не препятствовала, — опять напомнила Нерис.

— Эту я не допущу.

— Хочешь ли ты сказать, что Мередит слишком слаба, чтобы защитить свои претензии на трон? — спросил Афагду.

— Если так, — сказала Нерис, — то пусть она его займет, потому что стоит королеве отказаться от вызова на поединок, и она должна будет отдать корону.

Вмешался Маэлгвин — он, как и Афагду, не вставал на поддержку Минивер.

— Принцессе Мередит придется драться не сейчас, так позже, моя королева. Слишком много домов потеряли к ней веру. Она должна их веру приобрести, или королевой она не станет.

— Мы не теряли веры, — крикнула Минивер из-за стены стражей. — Нельзя потерять то, чего не имел!

Дойл сжал мне руку, а я обвила рукой его талию. Законы и раньше устраивали мне ловушки. Наверное, я лучше многих знала наш дуэльный кодекс, потому что три года назад со всем тщанием искала в нем лазейки. Только в конце концов мне пришлось сбежать, пока очередная дуэль не кончилась моей смертью. И все знали, что организатором травли был Кел. Если бы сейчас меня не пытались убить опять, я бы даже обрадовалась, что правда наконец прозвучала при всем дворе.

Я прильнула к Дойлу, вдруг поняв, что оказалась ровно в той точке, где была три года назад. Я сбежала из страха, что следующая дуэль окажется для меня последней, и вот — меня опять вызывают. Вызывает не просто сидхе, а глава дома. Есть три способа стать во главе дома. Можно наследовать власть, можно быть избранным и можно вызывать на поединки одного претендента за другим, пока не уничтожишь всех противников или пока они не признают твое превосходство и не уйдут с дороги. Кто догадается, каким путем Минивер получила власть при чужом дворе?

Минивер одной из последних благих просила принять ее ко двору. Она несколько дней осматривалась, пока не выяснила, какой дом больше всех славится магическими способностями, и принялась вызывать одного лорда за другим. После пятой дуэли они выразили ей свое уважение и принесли присягу.

Как вызванная я имела право выбрать оружие. Пока я не обрела руки власти, я выбирала ножи — или пистолеты, пока это разрешалось, — но сейчас у меня была сила, отлично подходившая для этой дуэли. Перед боем мы обе должны нанести себе порез и дать друг другу отведать свою кровь. Маленький порез — больше руке крови и не нужно. Вот только если я выберу магию, а Минивер не истечет кровью до смерти, она меня убьет.

Я проговорила, не поднимая головы от Дойлова бедра:

— У сидхе поединки никогда не называются смертными. До какой крови она хочет драться?

Дойл басом перекрыл общий шум:

— Принцесса спрашивает, до какой крови хочет драться вызывающая сторона?

Голос Минивер прозвенел непонятным триумфом и так, словно глупо было даже спрашивать:

— Дотретьей, конечно! Если б я могла потребовать драться до смерти, я бы так и сделала. Но бессмертные сидхе умереть не могут, если не заразить их смертной кровью.

Я встала, одной рукой крепко держась за талию Дойла. Мои стражи расступились

немного, чтобы я ее увидела. Стражи вокруг нее сделали то же самое, только она ни за кого не держалась. Нет, она стояла прямо и гордо, исполненная того чудовищного высокомерия, той самоуверенности, которые всегда были самой большой слабостью сидхе.

— Ты выпьешь моей крови, Минивер, и если моя кровь и вправду делает сидхе смертными, то ты рискуешь умереть.

— Я выигрываю в любом случае, Мередит. Если я убью тебя, как, я уверена, будет, ты не сядешь на трон и не заразишь двор своей смертностью. А если по нелепой случайности ты сразишь меня и я умру — то моя смерть всему двору покажет, на что они себя обрекают, если выберут тебя королевой и принесут клятву крови. Будь то смертью моей или жизнью, но если я не дам твоей смертности проклятием лечь на неблагих, я останусь довольна.

Один из лордов ее дома воскликнул:

— Леди Минивер, она теперь владеет рукой крови!

— Посмеет сразиться со мной магией — скорее погибнет. Из трех крошечных порезов она не вызовет у меня столько крови, чтобы я не успела ее убить.

Она стояла, абсолютно уверенная в себе, и если бы моя власть над кровью ограничивалась тем, что она назвала, она была бы права. Но я могла расширить эти три крошечные пореза, и кровь потечет в сотни раз быстрее. Если я продержусь сколько-то времени, победа будет за мной.

У сидхе на дуэлях секундантов нет. Если один из дерущихся выбывает из строя, поединок заканчивается. Секундант не подберет твой клинок и не отомстит за тебя. Но можно выбрать того, чей клинок сделает надрез, чтобы ты принес клятву крови.

Дойл взял у кого-то ленту перевязать волосы на затылке. Он приставил острое ножа мне к нижней губе — самый кончик острейшего ножа к нежнейшей коже. Движение было быстрое, но все равно стало больно. Когда режешь губы, всегда больно. Но капелька крови из губ — важный символ, это поцелуй, который скрепляет клятву крови.

Если бы мы дрались до первой крови, мы бы надели доспехи, вот почему первый надрез делается на лице. Чтобы его нанести, нужно только снять шлем.

Дойл взял мою руку и обнажил запястье. Все то же молниеносное движение, но боль была еще сильнее, потому что надрез здесь длиннее. Не очень глубокий, но длинный. Кровь собралась в ране и понемногу потекла по руке.

В поединках до второй крови разрешается использовать кое-какую броню. Но третья кровь доспехи запрещает. Нет другой защиты, кроме собственной кожи и обычной одежды.

Дойл приставил нож к ямке под горлом. Жалящая боль. Я не видела, как собирается в ране кровь, но почувствовала, как потекли первые теплые струйки.

Все три пореза заболели сразу, резко и остро, и это было хорошо. Я по опыту знала, что, если какой-то из них закроется до окончания ритуала, помощник Минивер возобновит разрезы. Я не хотела, чтобы это случилось. Мне даже не надо было знать, кто ей помогает, в любом случае не стоит подставлять тело под нож врага. Как-то раз я выбрала себе в помощь Галена, и ему так меня было жалко, что две раны пришлось возобновлять. Приятель Кела чуть не перерезал тогда мне запястье.

Я посмотрела в черное красивое лицо Дойла. Я так много хотела ему сказать. Хотела поцеловать на прощание — но не решилась. Мы стояли в магическом круге, нарисованном королевой на каменном полу главного зала. Круг был священным местом, и одно только прикосновение смертной крови внутри круга могло отнять бессмертие — я убедилась в этом на предыдущих дуэлях. Правда, в последний раз, когда мне удалось убить противника, я стреляла из карабина. После той дуэли их запретили. На мой взгляд, это было нечестно: оружие хоть как-то уравнивало меня с противником. Тот сидхе весил больше меня килограммов на пятьдесят, а руки и ноги у него были вдвое длиннее моих. Он великолепно владел мечом, а я — нет. Но стрелком он был никаким, как и большинство сидхе — кроме Воронов королевы. Сидхе до сих пор относились к огнестрельному оружию как к какому-то людскому фокусу.

Но сегодня огнестрельного оружия не будет. И холодного тоже. Я выбрала магию, и Минивер больше чем когда-либо была уверена в своей победе. Я надеялась, что она себя переоценит. Она была для этого достаточно благой.

Минивер стояла напротив меня в своем золотом платье, по которому уже побежала тонкая темная струйка крови из ранки на шее. Вырез платья окрасился алым. Кровь у нее была только чуть темнее губ и видна стала, лишь когда закапала на подбородок.

Я поборола желание облизнуть собственные губы: предполагается, что кровь надо отдать противнику.

— Раны удовлетворительны? — спросила королева с трона, где восседала, наблюдая за

нами.

Мы обе кивнули.

— Тогда принесите взаимные клятвы.

Голос Андаис был не совсем спокоен, выдавая подспудную тревогу и злость.

Дойл отступил в сторону, и помощник Минивер на противоположной стороне круга сделал то же самое. Мы с Минивер остались лицом к лицу, разделенные пустым пространством мраморного пола.

Секунду или две мы помедлили, потом она пошла вперед, уверенно двигаясь в своем пышном платье, будто золотое облако. Я пошла ей навстречу. Мне приходилось идти осторожней, потому что высокие каблуки не предназначены для ходьбы по выщербленным мраморным плитам. Нехорошо будет, если я вывихну ногу. Юбка у меня была кошмарно короткая, и с ног до головы все залито кровью. Нечему было развеяться или плыть, никакого сходства с облачком.

Ее длинная юбка чуть не запуталась вокруг моих почти голых ног. Она глянула на меня, словно ожидая, что я закончу сближение, но она была на голову выше меня, и мне не дотянуться было до ее губ без ее помощи.

Кровь бежала у нее по подбородку, руками Минивер уперлась в бока. Я сначала не поняла, из-за чего заминка, а потом увидела, куда она пялится. На шею, на кровь, которая там текла. Она пыталась изобразить возмущение варварским обычаем, и ей это почти удалось, но глаза... Прекрасные голубые глаза из трех кругов идеальной небесной синевы... Эти глаза жадно горели. Я вспомнила слова Андаис: тот, кто создал примешанные к вину чары, разделял ее боевое исступление, ее жажду крови. Он понимал природу магии Андаис. А как лучше понять что-либо, если не на опыте?

Минивер смотрела на рану у меня на горле как на чудесное и страшное зрелище. Она хотела крови, ран, уничтожения, что-то в этом ее привлекало. Но ее желания пугали ее саму.

Мне случилось быть жертвой увлечений Андаис. Я знала, что для нее кровь, секс и насилие перепутывались так, что нельзя было различить, где кончается одно и начинается другое.

Минивер ни разу ни словом, ни действием не дала заподозрить, что в ее силе есть что-то родственное магии королевы. Если ее обуревала та же жажда, что и Андаис, то самообладание у нее как у святой. Впрочем, святой быть легко — если всячески избегать даже возможности соблазна.

Сколько я себя помнила, Минивер всегда покидала двор, когда развлечения становились слишком кровавыми. Она говорила, что вся эта кровь претит ее благой душе. Но теперь я видела правду в ее глазах. Она убегала не от ужаса, а потому, что не верила себе. Как не верила себе сейчас.

Я знала, каково это — отрицать свою истинную природу. Я это годами делала, живя среди людей, — отрезанная от волшебной страны и от всех, кто мог бы дать мне то, чего я жажду. Я знала, каково это — наконец утолить эту жажду. Это оглушает. Среагирует ли Минивер так же?

Я шагнула к ней, сминая жесткую золотую юбку, пока не ощутила ноги и бедра противницы собственным телом. Она смотрела на кровь у меня на шее, словно ничего больше не существовало. Я прижалась к ней так, что должна была обхватить ее за талию, а то бы упала на своих каблучицах.

Тут она попятилась, всем видом изображая, как ей противно, что я ее обнимаю, —

только ей не было противно, во всяком случае, дело было не в этом. Я просто шагнула так близко, что ей стало не видно кровь.

— Ты меня много выше, Минивер. Я не смогу разделить с тобой кровь, если ты не наклонишься.

Она сморщила идеальный носик.

— Сидхе не бывают такими коротышками!

Я кивнула и поморщилась, демонстративно потрогав шею. Мне было больно, но не так уж сильно. Она жадно смотрела, как я прикасаюсь к ране, как дергаю ворот блузки. Была бы она мужчиной или любительницей женщин, я бы сказала, что она пялится на мелькнувшую белую грудь. Но я догадывалась, что все не так просто. Дело было не в белой груди — дело было в белой груди с текущей по ней свежей кровью.

Я протянула ей руку, ту, что с раной на запястье.

— Помоги же мне совершить клятву, Минивер.

Отказаться она не могла, но едва ее рука коснулась моей, едва она почувствовала липкое прикосновение крови, она отдернулась прочь. Должно быть, для нее было пыткой смотреть, как кормятся на мне сперва гоблины, потом феи-крошки...

— Если ты решишь отозвать свой вызов, я не стану возражать, — сказала я серьезно и рассудительно.

— Конечно, не станешь, я же вот-вот тебя убью.

— Ты прольешь мою кровь? — спросила я, поднимая руку, чтобы она посмотрела, как струится кровь по запястью. — Прольешь алую кровь вот на эти плиты?

На идеальном лбу появились первые капельки пота. О да, именно это она и хотела сделать. Она хотела кромсать и резать, точно как заставила хотеть Андаис. Она вложила в вино самые свои властные и самые потаенные желания. Если б я заставила ее бросить притворство позже, в разгар схватки, она бы прикончила меня. Но если это произойдет сейчас, если я заставлю ее наброситься на меня во время поцелуя — то и я смогу ударить без оглядки на церемонии. Вскрою ей белое горло от края до края, и может — только может, — мне удастся выжить.

У нее были две руки власти. Первая работала на расстоянии, и мне это очень не нравилось. Она могла выстрелить сгустком энергии с большого расстояния и одним удачным попаданием остановить сердце. Но была и вторая рука — рука когтей. Стоит Минивер приставить тонкие пальцы к моей коже, и из ухоженных ногтей будто выстрелят невидимые когти. Они взрезают плоть, как ножи, и если на пути нет металлической преграды, могут прорезать тело насквозь. Дойл и Рис такое наблюдали. Это была ее левая рука, и ее применение я могла пережить. Так что надо было, чтобы Минивер воспользовалась именно ею.

Я ее боялась, но времени на страх у меня не было. Буду трусить — умру, а что тогда станет с моими людьми? Холод сказал, что лучше умрет, чем вернется на службу к Андаис. И только я стояла между моими стражами и возвращением к королеве на милость. Мне нельзя было их бросить. Так, как сейчас, — без всякой защиты.

Мне надо выжить. Я должна выжить, а значит, Минивер должна умереть.

Я снова шагнула в грубые объятия золотой ткани и, как и раньше, почувствовав сквозь ткань ее тело, взялась руками за талию Минивер.

На этот раз она грубо притянула меня к себе, словно хотела как можно скорее покончить с формальностями.

Я подняла левую руку — ту, что со свежей раной, — как будто собираясь тронуть ее за лицо, но она схватила меня за запястье и остановила. Больно мне не было вообще-то, но я все равно застонала.

Глаза у нее чуть расширились, и она надавила сильнее.

Я поощрила ее еще одним стоном.

Я видела, как скачет жилка у нее на шее. Ей нравились мои стоны. Так нравились, что она зарылась пальцами в рану, и следующий стон был неподдельный.

Задыхаясь, я выговорила: "Ты делаешь мне больно", и я не притворялась.

Минивер рывком притянула меня к себе, заломив мне руку за спину и продолжая рыться в ране. А потом дернула руку вверх, словно хотела вырвать ее из сустава.

Я вскрикнула, и глаза у нее стали совсем бешеными. Она вцепилась другой рукой в окровавленные космы у меня на затылке. Она рычала, и я видела наяву, как она борется с собой, видела боевое безумие в ее глазах — в сантиметрах от меня. Если я рассчитала неверно, я умру, и смерть будет медленной и очень болезненной. При этой мысли страх бросился мне в лицо, загрохотал пульсом в висках. Я не пыталась его побороть, и Минивер словно его унюхала, унюхала мой страх, и ей это понравилось.

Ее губы плавали над моими, на волосок от соприкосновения, от скрепления клятвы. Она опять рванула меня за руку, и я заорала. Звук, который у нее вырвался, был похож на смех, но со смехом никак не был связан. Я такого в жизни не слышала. Если б я услышала этот звук в ночной тиши, я бы испугалась до чертиков.

Она прошептала мне прямо в губы:

— Кричи, кричи, пока я стану пить твою кровь. Кричи, и тогда это будет не больно.

Я помедлила секунду, не могла понять, что лучше — поддаться и закричать или заставить ее сперва потрудиться. Минивер решила за меня. Она прижалась губами мне ко рту, и раз я не кричала, она заставила меня это сделать.

Она дернула меня за руку опять, вырвав стон, но стон ее не устраивал. Не было никакого знака, даже касания магии — мою левую руку просто вдруг пронзили ножи, пять лезвий разом воткнулись в плоть и кости.

Я заорала, как она и добивалась, и кричала, кричала и кричала, с зажатым ею ртом, обездвиженная ее хваткой. Она пила мои вопли, как пила мою кровь, и мне пришлось защищаться.

Боль и страх стали силой. Я не подумала — истеки кровью, я подумала — умри! Горло у нее взорвалось фонтаном крови, и мы обе ею захлебнулись.

Я думала, она меня отпустит, но она не ослабила хватку. Рука прочно держала меня за волосы, и стоило Минивер призвать свою силу, мне пришел бы конец. Я сосредоточилась на ране у нее на запястье, и она попыталась вскрикнуть — с ее-то перерезанной глоткой. Рука убралась от моей головы, кисть болталась, почти отрезанная от предплечья. Голод в глазах пропал, там теперь были только шок, и ужас, и страх, который перед смертью могут испытывать только бессмертные. Страх, удивление и непонимание — когда они начинают чувствовать хватку смерти.

Она отшвырнула меня прочь, и я не успела подставить здоровую руку. Та рука, за которую она дергала, была бесполезна: она и онемела, и жутко болела одновременно. Плечо я не чувствовала и смутно понимала, что, может, это и к лучшему.

Пару секунд я лежала на полу, пытаюсь понять, смогу ли двигаться. Но она пошла на меня, пытаюсь приспособить оторванную руку на место, словно без кисти не могла

воспользоваться рукой власти. Надо было что-то делать, пока она не сообразила, что может и так обойтись.

Я уставилась на красную дыру, где раньше была ее глотка. Там влажно поблескивал позвоночник, а внизу даже ключицы были видны. И с такими ранами она еще пыталась меня убить. Она уже должна была подохнуть. Почему она не подыхает?!

Я бросила в нее свою силу. словно гигантский кулак — прямо в обнажившиеся кости на груди. Я выдавливала силу из себя, выжимала, собирала все, что есть.

Силовая вспышка подняла на мне волосы дыбом и выщербила пол прямо за моей спиной. Минивер оторвала кисть совсем и пыталась стрелять энергией из кровавой культуры — только с прицелом у нее вышла загвоздка.

Гигантский кулак долетел до ее груди, до нанесенной мною раны, и я его раскрыла. Я распрямила пальцы моей магии, и грудь Минивер взорвалась осколками костей и кровавым дождем из ошметков плоти.

Мне пришлось здоровой рукой протереть глаза, чтобы увидеть, как Минивер скребет пальцами по плитам пола, как она пытается вздохнуть без горла, без груди, без легких. Если б она была человеком, она бы давно была мертва. Если б она была смертной, она была бы мертва. Но она жила.

Откуда-то издали долетал голос королевы:

— Я объявляю сей поединок оконченным. Кто-нибудь мне возразит?

Полная тишина.

— Мередит объявляется победителем. Станет ли кто-то оспаривать решение?

Я расслышала голос, хоть и не поняла, откуда он доносится. Говорила женщина.

— Они обе повержены. Мне кажется, принцесса не в лучшем состоянии, чем Минивер.

Мне надо было подняться. Я сумела приподняться, опираясь на здоровую руку. Мир плыл перед глазами, но, опираясь на руку, я могла сидеть. Я с трудом подняла голову и увидела говорившую. Нерис.

— Теперь ты удовлетворена, Нерис? — спросила королева.

— По правилам, победитель должен покинуть круг без чужой помощи.

Мне начинала активно не нравиться Нерис. Я умудрилась встать на колени, и мир вокруг закачался. Я подождала, пока в глазах прояснится. Вряд ли я смогу встать на ноги и с еще меньшей вероятностью смогу идти. Но если не думать о гордости, то передвигаться можно и иначе. Я поползла на четвереньках. К Нерис. Я выбралась из магического круга прямо к ее столу, ухватила за край стола здоровой рукой и подтянулась.

Я посмотрела ей в глаза почти в упор и позвала:

— Дойл!

Он оказался рядом. Наверное, и раньше был неподалеку.

— Я здесь, принцесса.

— Попроси королеву рассказать двору, что сделала Нерис.

Он обратился к Андаис:

— Принцесса просит объявить всем о деяниях Нерис.

И королева это сделала.

Нерис и ее люди встали из-за стола. Сбежать они не могли, стражи стерегли единственный выход, но когда они дружно встали — я поняла, что они намерены драться, и не так, как Минивер, не по правилам. Они намеревались драться против всех.

— Феи-крошки, — сказала я.

Дойл склонился ко мне:

— Давай я тебя понесу, Мередит.

Я повторила:

— Феи-крошки!

Он так и не понял, но стайка крылатых малышей вдруг закружила над моей головой.

— Ты звала, принцесса? — прозвенел колокольчиком чей-то голосок.

— Я предлагаю вам кровь и плоть сидхе.

— Твою? — спросила фея.

— Нет. Их.

Только миг промедлило облако кровавых бабочек — а в следующий миг они упали на Нерис и ее людей. Это было так неожиданно, что феи успели урвать свой кусок плоти и крови, прежде чем сидхе принялись от них отбиваться. Одного крошечного человечка сожгли в воздухе с помощью магии.

Лицо Нерис все покрылось кровавыми ссадинами. Все ее люди стояли в крови — руки, шеи, лица, груди. Феи-крошки отлично справились с работой.

Мне даже в голову не пришло, что такой приказ нельзя было отдавать. В голову не пришло, что может не получиться. Отличная штука — шок. Мне даже больно не было, я просто не чувствовала руку. Зато силу в себе чувствовала. "Кровите", — шепнула я, и из царапин полилась кровь. Такие маленькие ранки — и так много крови.

Сжигающая вспышка ударила в нашу сторону, но на пути встал рыцарь в доспехах, и жар рассыпался искрами.

— Гоблины, — сказала я, и Красный Колпак Джонти оказался тут, и Ясень с Падубом тоже. — Позови своих братьев, Красных Колпаков.

Джонти не спорил, он возник тут же снова с толпой огромных собратьев, и они выстроились вокруг меня кольцом. Они меня защитят, пока я заставляю Нерис с ее благородными сидхе истекать кровью.

Некоторые из мятежников сломали ряды и вытащили нож против мечей стражи. Наверное, они предпочитали быть заколотыми, чем кончить как Минивер. А потом одна из дам бросилась на колени с криком: "Прости нас!"

Андаис сказала:

— Вы намеревались убить меня, вы заставили меня наброситься с ножом на стражей. Какого милосердия вы заслуживаете?

Из-под стола выползла другая женщина, и Дойл отодвинул меня подальше от ее окровавленных рук.

— Принцесса, умоляю, не губи весь наш дом! Не губи все, что мы есть!

— Нерис должна умереть. За то, что втянула вас в заговор против королевы.

Прозвучал голос Нерис, потерявший все высокомерие:

— Я заплачу одна за все, если ты пощадишь моих людей.

Андаис кивнула, и Нерис вышла из-за стола, стала там, где мы с Минивер начали схватку.

Круга не было — это была не дуэль, а казнь. Как же убить бессмертного? Окруженная стражами Минивер лежала на полу и все еще боролась за жизнь. Так как же убить бессмертного? Разорвав на куски.

Я послала к Нерис Ясеня, потому что Дойл нужен был мне рядом. Он помогал мне стоять на ногах, никому другому я не хотела это поручить. Ясень резанул ей по шее,

разрубил тело на уровне груди и живота, и я решила, что этого хватит. Нерис окружили Красные Колпаки, над головой крутились феи-крошки. Я ударила магией руки крови в эти раны, и она раскололась, будто спелый арбуз, брошенный на землю. Колпаков и фей-крошек окатило ее кровью. Но она не умерла.

Ноги меня уже не держали, и Дойл понес меня прочь. Он нес меня к королеве, а я плакала и не понимала, что плачу.

— Сделать их мертвее я не могу.

Андаис протянула мне свой меч, Мортал Дред, рукояткой вперед.

— Она не сможет с ним справиться, — сказал Дойл.

— Тогда я отдам их твоим союзникам — гоблинам и феям-крошкам. Я отдам их на съедение заживо на страх нашим врагам.

Я посмотрела ей в глаза в надежде, что она шутит, и поняла, что никакая это не шутка. Я протянула руку за мечом, и она мне его дала. Дойл понес меня обратно, меч лежал у меня на коленях.

Королева встала и объявила звенящим голосом:

— Минивер пила кровь Мередит, и все же не умерла от смертельных ран. Это опровергает мнение о том, что смертность Мередит заразна.

Ее слова были встречены молчанием. Молчание и бледные от потрясения лица. По моему, Неблагодой Двор получил сегодня больше зрелищ, чем мог переварить.

— Мередит просит меня даровать двум изменницам смерть, а не бросать их как есть. Я сказала, что она победила их и что я отдам их на съедение гоблинам и феям-крошкам. Пусть их съедят заживо и пусть их крики звенят в ушах моих врагов.

Сидхе смотрели на нее с видом детишек, которым сказали, что чудовище из-под кровати вот-вот их слопают.

— Но не я победила двух изменниц, и если принцесса подарит им истинную смерть до того, как отдать гоблинам и крошкам, то быть по сему.

Дойл вынес меня в центр зала и помедлил немного, прежде чем нести к Минивер. Рана на горле у нее начала заживать, ее понемногу заполняла плоть. Я поняла, что раны для нее оказались не смертельны. Да и оторванная рука уже наполовину приросла.

— Дойл, — сказала я, и он понял, о чем я, и подозвал моих стражей. Если Минивер исцелялась, значит, она могла представлять опасность. Глупо было бы погибнуть во время акта милосердия.

— Зачем тебе еще стражи, племянница? — крикнула Андаис.

За меня ответил Дойл:

— Она исцеляется, моя королева.

— А! Поосторожней, Мередит, а то твоя доброта доведет тебя до смерти. Жаль будет. — Сказано это было так беззаботно, словно на самом деле ее это нисколько не волновало. — Ты скоро узнаешь, племянница, что милосердие здесь не уважают.

— Я не ради уважения это делаю, — сказала я слишком тихо, она не расслышала.

— Что ты говоришь, племянница?

Я глубоко вздохнула и сказала как можно громче:

— Я это делаю не ради уважения.

— А зачем?

— Затем, что, будь я на ее месте, я бы хотела, чтобы кто-то сделал это для меня.

— Это слабость, Мередит. Неблагие не прощают слабости, здесь ее считают грехом.

— Я это делаю не ради них. Не важно, одобряют меня или осудят. Я это делаю, потому что для меня это важно. Важно не что делают другие, а что делаю я.

— Будто снова слышу своего брата. Припомни, что с ним стало, Мередит, и воспользуйся предупреждением. Очень может быть, что погиб он из-за собственного милосердия и чувства чести.

Она спустилась по ступенькам, придерживая пышные юбки, — с таким видом, словно ее ждала толпа нетерпеливых фотографов. Она всегда выступала перед двором словно на сцене.

— В таком случае странно, тетя Андаис, что тебя едва не привела к тому же концу твоя любовь к насилию и боли.

Она застыла на последней ступеньке.

— Осторожней, племянница.

Я слишком вымоталась, и шок начал проходить — рука зверски болела. Мне хотелось забиться в темный угол и вырубиться, когда к руке полностью вернется чувствительность. Первые спазмы боли обещали мне много веселья впереди.

Я посмотрела на Минивер.

— Хочешь ли ты истинной смерти? Или живой пойдешь гоблинам на забаву?

В голубых глазах сменялись мысли — добрые и злые и те, что мне совсем было не понять.

— Что они со мной сделают? — спросила она наконец.

Я прижалась к груди Дойла, мне не хотелось отвечать на вопрос. Мне хотелось, чтобы все уже было в прошлом. Я не хотела дружески болтать с той, кто сейчас умрет. Кто, собственно, уже практически мертва. В глазах у Минивер еще светилась надежда, а надежды у нее не было.

— Учитывая скорость, с которой ты исцеляешься, скорее всего они сперва займутся с тобой сексом и только потом примутся отрывать от тебя куски мяса.

Она уставилась на меня неверящими глазами. Она восстанавливалась — не только ее тело, но вера в себя. Я видела, как пробуждается в ней привычное высокомерие. Она не верила, что с ней может случиться такой кошмар. Она надеялась, что каким-то образом спасется, выживет, как выжила после моих ударов.

— Ты будешь звать смерть задолго до того, как она придет, Минивер.

— Где есть жизнь, там есть надежда, — сказала она. Под кровью кожа у нее на груди стала белой и здоровой, словно и не было там никакой раны.

Дойл приставил к ней двух стражей и отнес меня к Нерис. Она исцелялась не так быстро, потому что ее я ударила направленной, — но она исцелялась.

Я предложила ей тот же выбор, что и Минивер, и Нерис сказала: "Убей меня". Глаза ее скользнули по кольцу выжидающих Красных Колпаков, по Падубу и Ясеню. Их жадные взгляды утвердили ее в решении не попасть им в руки живой.

— Ясень! — Мне пришлось позвать его еще раз, прежде чем зеленые глаза взглянули на меня. — Возьми Красных Колпаков и пойдешь к Минивер. Покажите ей, что за судьба ее ждет, если вы живой заберете ее к себе в холм.

— Мы останемся здесь при тебе, так что к ней не прикоснемся.

Я вздохнула.

— Не надо отговорок, просто сделай, что нужно.

— Насколько убедительно мы должны выглядеть? — спросил он с зарождающейся

злостью. Я говорила с ним как с подчиненным, а это не лучший тон в обращении с воином-гоблином, особенно если вскоре тебе предстоит делить с ним постель.

Извиняться не стоило, это будет понято как слабость и только все испортит. Я сделала, что сумела: схватила его за руку — не так жестко, как хотелось, но так, как могла с будто раскалывающейся на куски головой.

— Тебе и Падубу совсем не надо быть убедительными. Вы мои, и делиться вами я не буду. Пусть убедительными будут Красные Колпаки.

Ясень улыбнулся мне свирепо и похотливо одновременно: такая улыбка возможна, если секс и резня стоят у вас в рейтинге удовольствий на одной ступеньке.

— Ты здорово разыгрываешь высокую сидхе. — Он наклонился ко мне и прошептал: — Беспомощные стоны. Ты будешь для нас тихонько постанывать, принцесса?

Я ощутила, как напрягся Дойл. То ли ему не понравилась постановка вопроса, то ли тут был какой-то подвох. Но правда есть правда.

— Тихонько постанывать, а может, и орать во всю глотку.

Ясень хохотнул — тем самым мужским смешком, какой слышишь, когда у мужчин на уме такие вещи. Это даже успокаивало — слышать такой смех. В определенные моменты мужчины — это мужчины.

— Твои крики будут самой лучшей музыкой. — Он взял мою ладонь со своего локтя и поцеловал. Потом махнул рукой, и все Красные Колпаки, кроме Джонти, пошли за ним.

Джонти посмотрел на меня.

— Мой царь приказал мне тебя охранять, не ее. Кровь этой вот меня отвлекла, и я дал тебе слишком близко подойти сейчас ктой, другой. Если б она тебя убила, я бы тебя не пережил.

Для Красного Колпака он был весьма речист, но вслух я этого не сказала: такой комплимент намекал бы, что я от Красных Колпаков речистости не ожидала вообще.

— Тебе нужно нанести смертельный удар, стоя на своих ногах, Мередит, — сказала Андаис, — или Нерис отправится к гоблинам как есть.

В глазах Нерис вспыхнул страх, она одними губами прошептала: "Нет!"

Дойл шепнул мне на ухо:

— Можешь встать?

Я прижалась к нему щекой и дала единственный ответ, какой у меня был:

— Не знаю.

Он поставил меня на пол и подождал, пока я не смогу стоять сама. Я посмотрела на грудь Нерис. С моим ростом я вполне могла не наклоняясь упереться острием меча ей в грудь — прямо над сердцем. Ноги у меня начали дрожать, но это было не страшно. Я взялась за рукоять меча здоровой рукой, глубоко вдохнула и навалилась на рукоять всем телом, направив меч в грудь и еще бьющееся сердце. Лезвие на миг уперлось в кость и тут же скользнуло куда надо. Я упала на колени рядом с Нерис, не разжав руку на рукояти.

Глаза Нерис, так похожие на глаза королевы, были широко открыты и ничего уже не видели. Я сделала для нее все, что могла.

За спиной послышались крики.

Я легла лбом на здоровую руку. Я не знала, смогу ли встать. Если королева будет настаивать, чтобы я шла к Минивер сама, я не смогу.

Гален присел рядом со мной:

— Давай с тебя каблуки снимем.

Я чуть повернула голову посмотреть на него и выдавила улыбку:

— Голова.

Он стащил с меня туфли. Только я шаталась, даже стоя на коленях. Туфли или не туфли, а идти я все равно не смогу.

— Что они с ней делают?

— Играют, — ответил Дойл.

Я подняла голову и взглянула ему в глаза.

— Играют?

Они с Галеном переглянулись, и я поняла намек.

— Отведите меня к ней.

Дойл поднял меня так осторожно, как только мог. Меч выпал у меня из руки. Он был такой тяжелый... Наверное, клиническая смерть в спальне у Андаис, а потом едва не оторванная рука взяли свое. Я ждала обморока, как ждут возможности рухнуть в кровать после трудного дня.

Гоблины перемещались так, чтобы придворным было видно, что они делают. Это был спектакль — а что за спектакль без зрителей? Кто-то из Красных Колпаков поменьше присел у груди Минивер и копошился пальцами в заживающей ране. Он гладил и пощипывал мышцы и связки, как ласкают гениталии. Тут прикоснуться, там надавить — явно был виден опыт, только пальцы не между ног у нее были. Он рылся в мясе у нее на груди. Он гладил само ее сердце — словно в надежде, что она вот-вот забьется в оргазме.

Дойл поднес меня к ее голове.

— Не надо тебе отдаваться им на забаву, Минивер.

— Уберите их от меня! Уберите!!

Я взглянула на Ясеня, и он жестом велел всем отойти. Тот, который копошился в ране, ушел с неохотой, напоследок потискав ей груди.

Минивер, задыхаясь, лежала на полу, глаза у нее потеряли всякое выражение. Она увидела Джонти, оставшегося рядом с ней, и крикнула:

— Уберите его!

— Нет, — ответил он. — Я ее охранник, и я ее охраняю. Мне твоя белая плоть не нужна.

Дойл опустил меня на пол, но ноги меня не держали. Я упала рядом с ней на колени.

Минивер будто с мольбой протянула ко мне выздоровевшую руку. Я слишком поздно поняла, что она лгала нам — лгала лицом, лгала телом. Дойл отбил ее руку в сторону, и выброс энергии прошипел мимо, ударив в стол на другом конце зала. Джонти прижал ей руку громадным коленом. Он качал головой.

— Хочешь, я вырву ей эту руку?

Я хорошенько обдумала это предложение, но все же отвергла.

— Свяжи ее, и пусть ее заберут.

— Нет, — вмешалась Андаис. — За то, что она сделала напоследок, казнь ее начнется здесь, у всех на глазах.

Королева подплыла к нам в шелесте черного шелка и остановилась над Минивер.

— До чего ж ты глупа. Как ты не поймешь: одно то, что ты жива и исцеляешься, означает, что Мередит больше не смертная! Я видела сегодня, как она умирала и как задышала опять. Ты потеряла все, что имела, ни за что.

— Врешь, — прошипела Минивер.

Андаис нагнулась и странно ласковым жестом коснулась ее лица.

— Ты жаждешь крови и насилия. Я это видела. Мы все это видели. Ты пыталась меня уничтожить с помощью этой жажды — сейчас мы так же уничтожим тебя. — Королева повернулась ко мне. — Видишь теперь, Мередит? Ты предложила ей милосердие, а она попыталась тебя убить. Нельзя показывать слабость сидхе, если хочешь ими править. — Она тронула меня за лицо почти так же, как секундой раньше Минивер. — Выучи урок, Мередит, изгони слабость из сердца — или сидхе ее из тебя вырежут. Вместе с сердцем.

Улыбка у нее была то ли задумчивая, то ли еще какая-то, я не могла понять ее смысла, а может, и не хотела.

— Ты выглядишь усталой, Мередит.

Она забрала у меня свой меч.

— Отведите принцессу в мою спальню и располагайте моей постелью, как своей собственной. Я пошлю с вами Ффлур. — На ее зов подошла сидхе с такими же, как у Минивер, золотыми волосами, но у Ффлур кожа была светло-желтая, а глаза — черные. Она была личным врачом Андаис больше лет, чем я живу.

Она присела в изящном реверансе и сказала:

— Для меня честь служить принцессе.

— Прекрасно, прекрасно, — отмахнулась королева, словно на самом деле у Ффлур никакого выбора не было.

Принесли цепи, и Минивер закричала, когда ее заковали. Цепи были из холодного железа, они не позволят проявиться ее рукам власти. Гоблины к металлам относятся спокойней, чем сидхе, — наверное, потому, что больше полагаются на силу рук, чем на магию.

— Унеси ее, Мрак. Ступайте. — Королева повернулась и пошла к своему трону.

Шолто не сразу понял, что мы уходим спать. Но когда понял, он догнал нас у дверей.

— Долг слуга — охранять королеву, но когда мы скрепим наш договор, мы будем охранять и тебя.

Он почти извинялся за то, что не помог мне больше. Для монарха Шолто был молод, младше четырехсот лет, так что держался довольно скромно.

— Я сегодня ни с кем сделок не скреплю, — сказала я.

— Это неплохо, я сам сегодня не смогу оставить королеву. — Он оглянулся на Андаис. — Слуга держат ее сторону, и многим сидящим здесь нужно это напомнить.

Он был прав. А я вдруг почувствовала себя совершенно разбитой. Я не хотела уже никакой политики, никаких игр. Руку сводило спазмами, и все тело простреливала острая, кинжальная боль. Мышцы в руке будто жили собственной жизнью, непроизвольно подергивались и сокращались. Я силилась не стонать от боли — у сидхе это тоже считалось слабостью.

Ффлур легонько потрогала несчастную руку и прищелкнула языком.

— У тебя разорваны мышцы и связки. И смещение, разумеется. Мягкие ткани заживать будут дольше, чем кости. — Она покачала головой и опять прищелкнула языком.

— Она сегодня вылечится? — спросил Ясень.

Ффлур смерила гоблина взглядом, словно не собираясь отвечать, но все же снизошла до ответа:

— Нет, не сегодня. У нее примесь человеческой крови, она исцеляется медленней.

Ясень улыбнулся мне.

— Тогда мы на сегодня тебя покинем, принцесса. Нам надо бы пойти посмотреть, что

там будет еще.

— Как вам захочется, — сказала я, мне и правда было все равно, чем они займутся. Я быстро приближалась к точке, где боль завладеет всеми моими мыслями. Вот-вот все остальное потеряет значение, и от всего мира останется одна только боль. Мне нравится немножко боли в правильных обстоятельствах, но эту боль мне в удовольствие не превратить. Будет просто зверски больно.

Мы оставили за спиной большой тронный зал и бормотание голосов: сидхе принялись за пересуды. Интересно, как скоро слухи о событиях нынешней ночи долетят до ушей Короля Света и Иллюзий. Через два дня мне придется посетить пир в мою честь при Благом Дворе. Два дня, чтобы вылечиться. Два дня, чтобы скрепить союз со слуга и гоблинами. Два дня — кажется, маловато.

Исцеляющий источник восхитил Ффлур. Она заставила меня выпить полную чашку холодной чистой воды, и боль ослабела. Целительница меня раздела и велела окунуть руку в воду. Нельзя сказать, что все сразу зажило, но мышцы прекратили дергаться, а боль из острой превратилась в тупую и ноющую. С такой болью я могла смириться, я даже заснуть могла бы.

Пока нас не было, королевскую спальню отмыли и вычистили. Не знаю, как удалось белым дамам убрать всю эту кровь, и, наверное, не хочу знать.

Гален помог мне освободиться от оставшейся одежды. Глаза у него блестели непролитыми слезами. Он нагнулся и притронулся губами к моему лбу.

— Я думал, я тебя уже потерял. — Я потянулась к нему, но он шагнул назад. — Нет, Мерри, у меня первая стража. Если ты меня обнимешь, я расплачусь, а это недостойно мужчины.

Он пытался шутить, но получалось у него не очень. Я подумала, что дело не в одной только тревоге из-за случившегося, но я была не в той форме, чтобы добиваться от него правды.

Дойл обвил меня своим нагим телом в центре громадной королевской кровати. Кровать была не двуспальная. Я для нее придумала термин "со-многими-спальная", но при королеве его не употребляла. Меня клонило в сон от питья, которое мне дала Ффлур. Она сказала, что лекарство поможет мне уснуть и ускорит заживление. Я погрузилась в первое забытье, навеянное зельем и бархатным теплом тела Дойла.

Холод поцеловал меня в лоб, и я снова открыла глаза. Как я их закрыла — не помню.

— Я помогу Галену держать стражу. Есть другой, кому нужно сейчас спать возле тебя.

В его лице не было ни обиды, ни капризов. Он выглядел, как ни глупо это звучит по отношению к многосотлетнему существу, взрослым.

Еще раз я очнулась, когда кто-то вполз на кровать, стараясь не задеть мою раненую руку. Тело было мне незнакомое. Не смогу объяснить, как именно, но я знаю своих мужчин — на ощупь, на запах, — а нового гостя я так хорошо не знала. Я открыла глаза и увидела над собой золотистое лицо Адайра.

— Королева сказала, что я твой, если ты меня хочешь. — В глазах у него дрожали неуверенность и страх. Одна Богиня знает, в каком настроении королева сейчас, после нашего представления. Я бы не хотела попасть ей под руку.

— Оставайся с нами, — прошептала я. — Конечно, оставайся.

Он повернулся ко мне спиной и свернулся в комок. Его сотрясала дрожь, и я не сразу поняла, что он плачет. Кровать задвигалась — на нее вполз Рис, лег рядом с Адайром, и Китто устроился в ногах постели, и Никка с Шалфеем тоже улеглись, осторожно примостив крылья. Мы все прикасались к Адайру, прикосновениями рук и тел давали ему понять, что он в безопасности. Так мы и заснули в общей большой куче теплых тел и обнимающих рук.

Разбудили меня сразу два обстоятельства: Адайр застонал во сне, а Дойл с другой стороны от меня притих. Я заморгала, просыпаясь, и Дойл чуть сжал руку у меня на талии, предупреждая не двигаться. Я замерла, вжавшись в Дойла, а Адайр с другого бока продолжал постанывать.

Королева стояла у изножья кровати и смотрела на нас. О чем она думала, было мне

непонятно, только явно не о чем-то хорошем.

Я погладила Адайра по голой спине, и он перестал стонать и заснул крепче. Лежащий по другую сторону от него Рис тоже не спал, как и я, — это я скорей почувствовала, чем слышала. Никка, Китто и Шалфей спали — дышали они ровно и глубоко.

Холод и Гален стояли у кровати, за спиной у королевы, словно хотели ее схватить, но не отваживались. Как защитить кого-то от самой королевы? Ответ — никак.

Она тихо, как будто не желая разбудить спящих, сказала, глядя на нас:

— Не знаю, кому завидовать больше — тебе, со всеми твоими мужчинами, или твоим мужчинам, обнявшим тебя. Я ощутила на вкус твою силу, Мередит, и скажу тебе, она очень, очень привлекательна. — Она отвернулась, хотя я и так вроде бы ничего не слышала. — Эймон меня ждет вместе со стражами, которых я выбрала на эту ночь. — Она опять глянула на меня: — Ты вдохновила меня взять сегодня в постель побольше народу.

Адайр напрягся, и я поняла, что он проснулся, хоть и не открыл глаза. Он притворялся спящим, как притворяется ребенок: главное — притворись хорошенько, и все чудовища уйдут.

Она вдруг хохотнула, и Адайр дернулся, будто звук его ударил — хоть этого и не могло быть.

Королева ушла смеясь, а нас все это как-то не очень позабавило.

Я подумала, где сейчас Баринтус, и Усна, и Аблойк, и даже Аматеон с Онилвином. Они теперь вроде бы мои, а значит, я должна их защищать. Я послала Риса узнать, где они. Немного погодя он пришел и привел их всех. Включая Готорна, Иви и Бри.

— Я спросил у королевы разрешения забрать твоих людей, и она дала выбор тем, кто с тобой еще не был. Они все решили пойти сюда. — Рис выглядел усталым, но довольным.

Баринтус оглядел кровать и покачал головой.

— Боюсь, все мы разом даже в этой кровати не поместимся.

Он не ошибся, но все же в ней поместилось больше народу, чем можно было подумать. Когда мы устроились — в такой толпе мне еще спать не приходилось, — откуда-то из ног постели донесся голос Аматеона. Думаю, он сказал за всех новых стражей:

— Спасибо, что послала за нами Риса.

— Вы теперь мои, Аматеон, в счастье и горести.

— В счастье и горести, — повторил Рис из глубины комнаты.

— Здесь не человеческий зал бракосочетаний, — буркнул Холод от дверей.

Дойл прижался ко мне плотнее, и я расслабилась в его объятиях.

— Брак может кончиться разводом, а то и просто кто-нибудь из супругов сбежит, — сказал Дойл. — Мерри к своим обязанностям относится строже.

— Так что, — спросила я темноту, — в бедности мы будем жить или в богатстве?

— Вот не знаю, — ответил Рис. — Вряд ли мне понравится бедность.

— Спокойной ночи, Рис, — сказала я. Он засмеялся.

Откуда-то ближе к двери отозвался Гален:

— В болезни и здравии, пока смерть не разлучит нас.

Слова прозвучали как обещание и как роковое предсказание одновременно.

Голос Онилвина долетел из темноты, достаточно далекий, чтобы догадаться — ему местечка в кровати не досталось.

— То есть ты связываешь свою судьбу с нами? Будешь нашей защитой и нашей судьбой?

— Защитой — да, но судьба твоя в твоих руках, Онилвин. Никто ее у тебя не отберет.

— Королева говорит, что наши судьбы в руках у нее, — сказал он тихо, как всегда говорят люди в сонной темноте.

— Нет, — ответила я, — нет. Ничьей судьбой не хочу распоряжаться. Слишком большая ответственность.

— Разве быть королевой — не значит именно это?

— Судьба моего народа зависит от меня, да, но у каждого есть свой выбор. У тебя свободная воля, Онилвин.

— Ты в это действительно веришь?

— Да, — сказала я и уткнулась лицом в затылок Адайра. От него пахло свежей древесной стружкой. Адайра никто не попросил подвинуться, и я невольно задумалась, что сделала с ним Андаис, кроме того, что обкромсала волосы.

— Абсолютный монарх, который верит в свободную волю? Разве это не против правил? — спросил Онилвин.

— Нет, — сказала я, не поднимая головы от шеи Адайра. — С моими правилами это согласуется. — Голос у меня стал протяжнее, я соскальзывала в сон.

— Кажется, мне понравятся твои правила, — проговорил Онилвин тоже сонным голосом.

— Правила — это да, — заметил Рис, — но вот домашняя работа...

— Домашняя работа! — удивился Онилвин. — Сидхе не работают по хозяйству.

— Мой дом — мои порядки, — сказала я.

Онилвин и еще несколько не заснувших стражей попытались поспорить.

— Хватит, — сказал Дойл. — Будете делать, что скажет принцесса.

— А то что? — спросил голос, который я не опознала.

— А то отправитесь обратно к нежным ласкам королевы.

Молчание в ответ было многозначительное и довольно тревожное.

— Ну, если мне придется мыть окна, секс должен быть чертовски хорош. — Кажется, это был Усна.

— Такой и есть. — А это Рис.

— Заткнись, Рис, — попросил Гален.

— Я только правду говорю.

— Хватит, — сказала я. — Я устала, и если ждут, что я завтра хоть что-то смогу делать хорошо, то мне надо выспаться.

Опять тишина и шорохи тел под простынями. И тихий вопрос Иви издалека:

— А насколько хорошо?

И ответ Риса от двери:

— Очень...

— Спокойной ночи, Рис, — сказала я. — И спокойной ночи, Иви. Спите уже.

Я почти заснула, окутанная двойным теплом Дойла и Адайра, когда услышала шепот. По голосу я поняла, что один из говорящих — Рис, а второй, как мне показалось, — Иви. Я бы на них нашипела, но сон уже накрыл меня толстым теплым одеялом. Если б я ждала, пока все замолчат, мы бы вообще не заснули. Хочется Рису травить Иви байки о сексе — и пусть травит. Только в я детали не слышала.

Последнее, что донеслось до моего слуха, — приглушенный очень мужской смешок. На следующее утро я узнала, что Рис своими эротическими сказками собрал целую толпу. Он поклялся самым торжественным образом, что не врал и не преувеличивал. Мне пришлось

ему поверить, но я пообещала самой себе, что никогда больше не дам ему засидеться допоздна, травя байки тем, кто не бывал в одной постели со мной. Если я не прослежу, он создаст мне такую репутацию, с которой не выживет никто, даже богиня плодородия. Рис сказал, что я скромничаю. А я сказала ему, что я всего лишь смертная, а как может одна смертная женщина удовлетворить запросы шестнадцати бессмертных сидхе?

Рис поглядел на меня выразительно и переспросил:

— Смертная? Ты уверена?

Честным ответом было бы "нет", но откуда узнать, что ты бессмертен? То есть я чувствую себя все так же. Должно ли бессмертие как-то ощущаться? Вроде бы должно. Но как это проверить?

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Титул верховного короля Ирландии.

Фениы — ирландские революционеры-республиканцы второй половины XIX — начала XX вв., члены тайной заговорщической организации — Ирландского революционного братства (основан в 1858 г.); действовали в Ирландии, Великобритании, среди ирландских эмигрантов в США, Канаде, странах Южной Америки. Выступали за независимую Ирландскую республику. Восстания фениев 1867 г. потерпели поражение.

Доннан (Donnan) — уменьшительная форма от гэльского корня "donn", означавшего "вождь", "предводитель", второе значение — "человек с каштановыми волосами".

Игра слов в оригинале: Merry and her Merry men, "merry" в переводе с англ. "веселый".

"Ivy" в переводе с английского — "плющ".